WARHAMMER 40,000

DAN ABNETT

RAVENOR ROGUE

A MIND WITHOUT PURPOSE WILL WALK IN DARK PLACES

Annotation

Инквизитор Рейвенор, обладатель могучей пси-силы и практически неограниченных полномочий ставит себя и свою боевую команду на опасную грань. В своей погоне за неуловимым еретиком Зигмундом Молохом, он решается нарушить прямые указания своего начальства и хуже того - собственные принципы. Рейвенор становится отступником, и в глазах своих коллег он теперь немногим лучше еретика. В поисках ответа о местонахождении Молоха, Рейвенор не гнушается обратиться за помощью к Ведьминому Дому Утохра, обладающему таинственной технологией трипортала. Это предприятие чудом не заканчивается гибелью как самого инквизитора, так и его людей. Они выжили, но то, что спасло их от когтей тиранидов за дверью трипортала, несет гибель всему человечеству...

-
- Тогда
- Сейчас
- Часть первая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
- Часть вторая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава четвериная
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая

- Часть третья
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
- Часть четвертая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая

- Глава шестнадцатая
- После
- Раньше
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Уверовать — значит обрести цель в жизни. И лишь наличие этой цели определяет сущность человека, придавая ему стойкость и решительность в делах. Вера не позволяет ему свернуть с пути истинного и даже в самые темные часы, подобно пламени свечи, озаряет его дорогу. Вера ведет его от рождения до самой смерти. Она указывает ему путь и не позволяет заплутать в беспросветных трущобах, где человека поджидает безумие. Потерять веру — значит утратить цель и лишиться ее

руководства. Для человека без веры не существует прямого пути, и ум, не имеющий цели, обречен блуждать впотьмах.

Сферы Страсти. Ч.ix. 31.

Держи друзей близко, а врагов еще ближе.

Древняя человеческая пословица.

Тогда
Планета Слиф
336.M41

Все кончено. План Ордайона разлетелся вдребезги. Теперь речь шла только о том, чтобы выжить. — Не заставляй меня стрелять, — произнес охотник за головами.

Пугающе огромный, с выбритой головой, в обтягивающем матово-черном комбинезоне, он стоял в десяти метрах от Зигмунда Молоха и целился ему прямо в затылок. Этот мужчина стоял в качестве дозорного возле ступеней, ведущих к верхним кратерам.

— Прошу вас! Не стреляйте! — закричал Молох, падая на колени в сернистую пыль.

«Локи», — тут же решил он. Об этом давал понять акцент охотника. Локи, прочесавший мир. Значит, перед Зигмундом стоял выносливый и

безжалостный убийца. Лучший из лучших.

Впрочем, в том, что его враг нанимал именно лучших из лучших, не было ничего удивительного.

Продолжая целиться в голову Молоха из огромного пистолета, охотник двинулся вперед.

Зигмунд услышал, как скрипит песок под ногами великана. «Вот именно, подойди ближе. Десять метров для меня слишком далеко. Когда ты окажешься на расстоянии вытянутой руки, мы будем в равных условиях, даже если у тебя пистолет».

— Назови себя! — скомандовал охотник за головами.

— Мое имя Сатис, — ответил Молох, понизив голос на полтора тона и подражая гнусавому говору южан Саметера. — Я летчик, сэр, простой летчик!

Он захныкал для пущего эффекта, надеясь, что куртка с нашивками Гильдии пилотов, которую он снял с трупа пять минут назад, послужит доказательством его слов.

— Вы вооружены?

— Нет, сэр, конечно же нет!

Тень охотника за головами, за спиной которого из кратера вырывались зловещие языки пламени, уже легла на Молоха. «Еще шаг, всего один шаг...»

— Нейл? — раздался женский, с сильным акцентом голос.

Молох напрягся. Оглянувшись, он увидел, как приближается второй противник. Точнее, увидел ее ноги. Кожаная броня, украшенная замысловатым орнаментом. Если прибавить к этому ее акцент, становилось ясно, что женщина была картайской мечницей. Опять-таки лучшая из лучших.

— Да убей ты его, — сказала женщина.

— Постой, — ответил охотник.

Молох услышал, как тот настраивает свой вокс.

Железо желает Шип, сердцебиение, тгла следом за сутраком. Лепестки рассеялись в изобилии. Зеленовато-голубое небо. Раковины сомкнулись, рядом с ними шепчущие собаки. Узор дельта?

Под сомнение ближних собак. Центр разбегающихся кругов на воде.

Капель. Глупые рты, — ответил охотник и снова спросил: — Узор дельта?

Узор отклонен. Серебряный узор.

Какой-то неофициальный код. Это было восхитительно. Молох быстро разгадал его принципы. У него всегда имелись способности к языкам. Его враг только что проинструктировал охотника за головами, что Молоха необходимо вначале допросить. Сам же охотник — как оказалось, его звали Нейл — склонялся к тому, что Зигмунд просто невинная жертва обстоятельств.

Узор принят.

— Посмотри мне в глаза, — произнесла женщина.

Молох с радостью бы так и поступил, но пока он оставался в роли, которая требовала изображать робость и страх. Он не стал поднимать головы и продолжил хныкать.

Мужчина рывком поднял Молоха на ноги. Охотник оказался удивительно сильным человеком. Теперь Зигмунд стоял перед ним и мечницей. Для своей породы она была весьма типична: выше ростом,

чем подавляющее большинство мужчин, почти равняясь с Астартес, но оставаясь при этом стройной. Ее волосы были завязаны в тугую косу, а тело закрывал кожаный доспех, поверх которого был накинут плащ, развевающийся на ветру, точно крылья. Каждый сантиметр ее облегающей брони и плаща украшали ритуальные петельки, узелки и бронзовые заклепки.

Прекраснее создания Молох еще не встречал, поэтому тут же решил, что обязан ее убить.

В руках женщина держала оружие, сжимая его так, будто это легкое перышко, которое может унести горный ветер. Сабля была экстраординарной длины, почти в две трети роста своей хозяйки. Синеватый блеск клинка подсказал Молоху, что его металл прошел закалку восемнадцать или девятнадцать раз, что типично для древних кузнецов Картая. Также стало ясно, что это шедевр оружейного искусства, бесценная древность и, скорее всего, псионическое изделие. Один из старейших клинков

Картая. А это означало, что и женщина, и меч объединились. Да, Зигмунд даже мог видеть, как клинок слегка подрагивает, когда она делает вдох.

— Вы летчик? — спросила она, взирая на Молоха сверху вниз.

Тот постарался сохранить испуганное выражение лица, хотя на самом деле его переполняла страсть. Он был очарован. Женщина казалась ему совершенной, словно богиня. Ему хотелось обладать ею. Хотелось услышать, как она, со своим восхитительным акцентом, прокричит его имя перед своей смертью.

Я и в самом деле летчик, — ответил Молох. Интонация и акцент. Интонация и акцент.

Для чего вас наняли?

Только для перевозки. Все оформлено легально.

— Оставь его в покое, — сказал охотник за головами. — У нас еще будет для этого время.

Нейл посмотрел наверх, туда, где из кратеров вырывались в небо языки пламени. Женщина нахмурилась.

— Ожесточающая жаждет, — произнесла она. — Этот человек не тот, кем пытается казаться.

Мечница была хороша. Она заметила что-то, а может быть, меч что-то почувствовал. Молоху очень хотелось понять это, чтобы не повторять ту же ошибку в другой раз. Акцент? Телодвижения? Но времени на то, чтобы спрашивать, у него не было. Охотник уже снова поворачивался к нему. Молох понимал: на то, чтобы перейти к действиям, у него осталась всего секунда, в крайнем случае две. И если он упустит этот шанс, ему конец. Инициативу необходимо было перехватить.

— Кто вы? — неожиданно спросил он. Охотник удивленно моргнул.

— Я должен знать, кто вы, — более настойчиво повторил Молох.

— Захлопни пасть! — сказал Нейл.

Я просто не понимаю, что происходит, — проскулил Зигмунд.

Тебе же лучше, если так, — ответил Нейл и поглядел на женщину. — Арианрод, подстрахуй меня, пока я проверю, нет ли у

него оружия.

Арианрод. Нейл. Теперь ему известны имена обоих.

Женщина кивнула и движением, которое, как абсолютно был уверен Молох, называлось «эгн ульсар», подняла меч в высокую стойку. За ее спиной снова вспыхнули кратеры.

Нейл приблизился. Когда он опустился на колени, Молох подцепил одну из тяжелых бронзовых запонок на манжете летной куртки и щелчком пальцев отправил ее в левый глаз Нейла.

Гарлон выругался, отшатываясь назад. Зигмунд прыгнул мимо него, нанося удар ботинком по икре охотника, заставляя того упасть. Женщина уже устремилась вперед, занося для удара саблю.

— Арианрод! — произнес Молох, используя командные интонации.

Она сбилась с шага. Ничего, кроме этой заминки, он от картайской мечницы добиться не мог, особенно если учесть, что ее полное клановое имя оставалось неизвестным. Но Зигмунду хватало и

этого. Малейшее промедление. Он ударил ее ребром ладони по шее, незащищенному участку между воротом брони и заплетенными в косу волосами. Мускулы на левом плече Арианрод скрутила неожиданная судорога. Когда печница отпрыгнула в изумлении назад, Молох выхватил саблю из ее рук.

Это было то же самое, что попытаться схватить за цепь служебную собаку. Сабля сопротивлялась ему. Она не хотела, чтобы он прикасался к ней. Она казалась лошадью, закусившей удила и пытающейся удрать. Молох понимал, что у него нет ни малейшей надежды на то, чтобы справиться с саблей. Вместо этого он позволил ей вырваться из рук, подобно воздушному змею, уносимому бурей.

Прямо в охотника за головами.

Нейл как раз поднялся с земли и собирался уже свернуть Молоху шею. Картайская сабля воткнулась в живот охотника раньше, чем тот сумел ее хотя бы увидеть.

Нейл издал сдавленный стон, скорее напоминающий разочарованный вздох.

Когда клинок выскользнул из его тела, крови было на удивление мало. Оружие оказалось настолько острым, что края идеально взрезанной раны тут же плотно сомкнулись.

Охотник рухнул в пыль и застыл, поджав под себя ногу и выгнув спину дугой. Молох отпустил саблю. Оружие тут же улетело, словно его метнули. Зигмунд даже не посмотрел, куда оно упало. Куда важнее было сейчас разобраться с женщиной.

Она не кричала и не чертыхалась, бросаясь к нему, для чего скорее всего ей потребовалось приложить все свои силы. Молох задумался над тем, сколько же принципов Эул Вайла Скрай он только что осквернил, вырвав из рук мечницы оружие и применив его против ее же друга. Семикратный позор, насколько Зигмунд мог оценить. Убив Арианрод, он избавил бы ее от тяжкого наказания и мучительной смерти.

Но кто-то хорошо ее натренировал. Молоху едва удалось увернуться от выпада двумя пальцами, устремившимися к нему,

точно лезвие стамески, и отвести в сторону твердую, как сталь, ладонь другой ее руки. Мечница прокрутилась на месте и ударила с разворота левой ногой — такой длинной и стройной! — и ему пришлось выгнуться назад, по-балетному вскинув руки, чтобы женщина не попала. Как только левая нога коснулась земли, Арианрод перенесла на нее весь свой вес и взмахнула в обратном направлении правой, закружившись в воздухе.

В этот раз ей почти удалось задеть Молоха мыском сапога. Зигмунд откинулся всем телом назад, прижимая подбородок к груди, а затем оттолкнулся от земли руками, приземлившись уже за спиной женщины.

Полагаясь только на интуицию, она двинула локтем назад, пытаясь сломать ему челюсть. Он остановил ее руку сложенной в чашечку правой ладонью — столкновение причинило серьезную боль — и всадил левый кулак под мышку мечницы, выставив средний палец подобно клюву.

Женщина взвыла и отпрыгнула в сторону. Молох успел изучить сложный

дизайн ее брони: скопления бронзовых заклепок, кожаные валики, узелки. Все это предназначалось для того, чтобы защищать от меча. Очень просто и очень эффективно. Когда сражаешься на мечах, последнее, чего хочется, - это получить порез, из-за которого можно истечь кровью и ослабнуть, а то и вовсе умереть. Замысловатая поверхность ее брони была способна отвести любой удар мечом, кроме самого точного.

Но кулак не был лезвием клинка. Рука не была мечом. Группа бронзовых заклепок, идеально расположенных, чтобы не позволить сабле рассечь ребра, служила отличной целью для сжатого кулака с выставленным пальцем. Они великолепно указывали, где находится средняя подмышечная линия, что позволяло нанести прямой удар по сердцу.

Арианрод попыталась развернуться к Молоху, но она была ранена, и он просто наслаждался собой. Зигмунд пнул ее под левое колено, а затем поймал падающее тело, подхватив его снизу рукой, и пробил нервный узел в области крестца. Боль

пронзила таз и ноги женщины.

Она закричала. Но, будучи в три или даже четыре раза сильнее Зигмунда, мечница сумела вырваться и откатиться в сторону. Оценив недостатки ее брони, Молох перевел свое внимание на плащ женщины. Ну кто еще, кроме дикарей, мог додуматься сражаться в таком плаще?

Он вцепился в него и потянул обеими руками, одновременно нанося удар ногой. Арианрод выгнулась назад, придушенная собственным плащом, и сапог попал ей точно в затылок.

Мечница потеряла сознание.

Искушение остаться и прикончить ее было очень сильным, но времени уже не оставалось. Слишком поздно было выдумывать по-настоящему сложную смерть. Удовольствия могли и подождать. Сейчас речь шла в первую очередь о выживании.

Молох припустил по вырезанным в камне ступеням, поднимаясь к утесу. От кратеров исходил тошнотворный запах. Стерлящие испарения образовали туман. Было жарко. Зигмунд побежал еще

быстрее, скидывая с себя чужую куртку.

Он уже делал в уме примечания и выводил умозаключения. В Когнитэ учили обдумывать поражения и ошибки сразу же, как только подобное происходило, и брать это знание на вооружение. Люди часто сдаются или пасуют перед возможной неудачей и поэтому становятся уязвимыми. Выпускник Когнитэ не позволит себе проявить слабость, если это, конечно, не будет умыслом.

Поражение необходимо признать, проанализировать и извлечь из него пользу. Поражение — только трамплин, позволяющий человеку взять разгон. Именно этому их научила госпожа Чейс. Модели оказываются неверными. Планы разрушаются. Ничто и никогда не происходит с абсолютной вероятностью. Но гибнут люди только из-за того, что позволяют себе слабость разочарования или плаксивые жалобы.

Незачем тратить силы на сожаления, им можно найти куда лучшее применение.

Разум Молоха работал с холодной

точностью. В следующий раз он спланирует все более тщательно, потому что в следующий раз сам станет руководить операцией. Выбор Ордайона в качестве лидера оказался неудачным. Молох согласился с ним только потому, что необходимо было соблюдать старшинство. Ордайон вступил в дело на двенадцать лет раньше его, а сам Молох был пока еще молодым и непроверенным специалистом. Какими бы экстраординарными ни были достижения студента - экстраординарными даже для школы, где обучались невероятно способные люди, — Молох все равно должен был дождаться своей очереди. Но ему казалось, что Чейс распределила его в команду Ордайона, чтобы проследить за действиями этого лидера.

Что ж, тот потерпел неудачу. Планы оказались разрушены, а Ордайон — убит. Как и все остальные, насколько было известно Молоху. Ему стоило вступить в игру, когда Ордайон еще только начал терять нюх. Взять хотя бы те незначительные решения, принятые в

самом начале, с которыми Зигмунд не соглашался. Тогда и надо было действовать. У него была возможность перехватить инициативу и выступить против Ордайона. А в случае необходимости и заменить его.

Именно этому он и научился. На лидера нельзя полагаться во всем. Надо быть лидером для себя самого. И, обретя главенство, нельзя рассчитывать на то, что подчиненные помогут вам исправить допущенные ошибки,— они вполне могут метить на ваше место.

В следующий раз он внесет эти корректировки.

Теперь осталось удостовериться, что этот следующий раз будет.

Он добрался до верхних уступов. Известковые скалы, желтые, словно старые кости, изгибались далеко внизу. Там, среди холмистого пейзажа, образованного нижними кратерами, он видел неясные очертания основного лагеря. Гнозис-машины оставались там, если, конечно, их еще не разрушили инквизиторы; они находились в такой

дразнящей близости и были так бесценны, хотя их память удалось загрузить только наполовину. Кратеры разговаривали значительно медленнее, чем предсказывал Ордайон. По его оценкам, после отлета с планеты и возвращения к Саруму должно было пройти всего две недели, если установить хотя бы две или три машины. Но группа проторчала на Слифе три месяца, и этого хватило агентам Трона, чтобы выследить их, зажать в угол и прихлопнуть.

Бледно-голубой воздух дрожал от жара. Кратеры периодически взрывались, выбрасывая из сердца планеты струи раскаленной плазмы. Ордайон приурочил эту операцию к периоду вулканической активности. Кратеры, как им рассказывали, в такое время становились более разговорчивыми. Теперь же казалось, что плазменные гейзеры грохочут и озаряют небеса, радуясь вершащейся бойне.

Желтый дым стекал с вершины скалы. Камни, выброшенные во время последнего извержения, с грохотом катились по склону и срывались в

расщелины. Зигмунд почувствовал запах тухлых яиц.

Он остановился рядом с огромным, похожим на яйцо валуном и достал из кармана линк.

— Вы все еще там? — спросил он.

— Кто говорит? Ордайон?

— Это Молох. Все остальные погибли. Надо сматываться, «Октобер кантри», пока они не вычислили вашу орбиту.

— Благодарю за совет.

— Даже не думайте улетать без меня, — сказал Молох.

— Конечно. — Пауза. — Во всяком случае постараемся. Ты возле транспорта?

— Нет. Включайте телепорт и настраивайте его на мой сигнал.

— Телепорт слишком ценная вещь, чтобы рисковать...

— А я слишком ценен, чтобы бросать меня здесь, ублюдки! Включайте его.

— Молох, хочу тебе напомнить, что кратеры сейчас полыхают. Их активность может сыграть злую шутку с

телепортом. Ты можешь просто изжариться, если мы попытаемся его применить.

— Вот потому-то я и забрался как можно выше, чтобы облегчить вам задачу. Я прямо на вершине скалы. Наводитесь на мой сигнал.

— Тогда пошевеливайся. Нужно выйти на открытое пространство. Быстрее!

Молох выбежал из-за валуна. Его лицо жалили солнечные лучи и обжигал жар плазменных выбросов. Волосы развевал ветер. Выставив перед собой линк, Зигмунд стал карабкаться по камням, пока не вышел к двум крупным кратерам. Он приблизился к краю одного из них. Яркие скопления плазменных цветов распускались над скалами в нескольких километрах к западу. Здесь же следующий выброс должен был произойти только спустя пять минут.

Молох посмотрел вниз. Под ногами открывалась бездна. Она вызывала ужас. Казалось, что этот невероятно глубокий туннель достигал самого сердца ада. Кратер имел сорок метров в диаметре,

его отвесные стены, уходившие на тысячи метров вглубь, покрывали черная окалина и сажа. Далеко внизу затерцал свет поднимающегося к поверхности пламени.

— Поторапливайтесь, — сказал Молох.

— Мы вычисляем координаты, — протрещал вокс.

Раскаленный серный газ вырвался из кратера, заставляя Зигмунда отпрянуть в сторону и сморщить нос. Скала загрохотала, сотрясаемая давлением, нараставшим под землей. От дальних уступов донесся гром.

— Быстрее!

— Включаем. Мы вычислили ваш сигнал. Только...

— «Октобер кантри»?

Заминка.

— Молох, нам нужно подтверждение, какой из двух биосигналов принадлежит тебе.

— Зигмунд не ответил. Он стремительно развернулся. Человек уже почти подобрался к нему вплотную. Очень незаметно, очень хитро.

— Вот только он допустил одну существенную ошибку. Он пытался взять Молоха живым.

— Зигмунд щелкнул пальцами правой руки. Это было проделано неожиданно и невероятно стремительно, хотя сам поступок и казался настолько до смешного очевидным, что просто не мог сработать. Если, конечно, не учитывать того факта, что, как и все остальное, Молох отрабатывал его до беспамятства.

— Щелчок вырвал лазерный пистолет из рук противника. Тот, казалось, был искренне удивлен тем, что его обезоружили настолько дурацким способом, хотя все равно не остался совсем беззащитным. Этот человек был псайкером, причем сильным. Молох чувствовал это. Только гексаграмматический знак, начертанный на лбу Зигмунда под самой линией волос, сдерживал силы противника.

— Молох прыгнул, вытягиваясь всем телом и подхватывая кувыркающийся лазерный пистолет, а затем перекатился по камням, готовясь выстрелить. Но

противник навалился на него сверху, вцепившись в руку с оружием и отводя ее в сторону. На мгновение они прижались друг к другу, точно любовники. Молох увидел лицо этого мужчины, будто вырезанное скульптором, с высокими скулами, с зачесанными назад и забранными в хвост длинными черными волосами, с темными миндалевидными глазами, которые делали его похожим на эльдара.

— Прилагая все свои силы, со вздувшимися жилами на шее, Молох медленно поднял руку, пытаясь сбросить с себя противника. Тот зарычал. Зигмунд напрягся еще сильнее.

— Мужчина ударил головой, ломая Зигмунду нос. Молох вздрогнул от боли, ощутил, как по губам побежала струйка крови, и непроизвольно ослабил хватку. Противник начал бить рукой Зигмунда по земле, пока пальцы не сломались, а оружие не выпало. Молох шипел от боли и ярости. Он нанес левой рукой удар по шее придавившего его человека. Это заставило мужчину сдвинуться с ног Зигмунда, но в результате Молох выронил нож.

Маленькое плоское золотое устройство со стуком покатилось по камням цвета слоновой кости.

— Зигмунд услышал, как из динамика доносится металлический голос:

— Молох? Молох?

— Оттолкнув от себя противника, он пополз за линком. Тот лежал на самом краю кратера. Из пропасти вырывались клубы газа. Земля тряслась все сильнее.

— Молох потянулся за линком, но рука, разбитая о камни, оказалась бесполезна, пальцы отказывались смыкаться. Зигмунд протянул к линку левую руку.

— Его волосы начали тлеть. Мощное псионическое давление сжигало вытатуированные защитные знаки, оставляя на их месте кровоточащие рубцы. Еще несколько секунд, и они исчезнут полностью, а он окажется совершенно беззащитен перед сознанием псайкера.

— Молох схватил линк, вскочил на ноги и заорал в динамик:

— Давай. Давай!

— Зигмунд стоял спиной к кратеру. Противник приближался. Он уже подобрал свой пистолет и теперь целился в Молоха. В этот раз путей к спасению не оставалось, промаха быть не могло. Прицел был точен, а расстояние не позволяло повторить трюк с запонкой.

— Довольно,— сказал мужчина.— Бросай линк. Я, конечно, предпочел бы взять тебя живым, но не буду настаивать.

— Молох медленно поднял руки, но не выпустил линка. Он улыбнулся противнику и покачал головой:

— Давай!

— Он сделал шаг назад, за край кратера.

— Молох успел услышать встревоженный крик противника. А затем кубарем полетел в глубины бездонной черной ямы, в удушающую жару, в ад.

— В последний раз он прокричал имя капитана, изо всех сил стараясь не выронить линк.

— Он увидел поток плазмы, несущийся ему навстречу. Бурлящее желто-зеленое пламя. Почувствовал, как сгорают его

волосы. Молох падал прямо в огонь, который поднимался, готовясь охватить его, пожрать и испепелить... Белая стена. Плазменный выброс вырвался из кратера, заставив скалы задрожать. Огонь лизнул скальную вершину. Затем адский пламень угас, и оказалось, что возле самого жерла гейзера стоит человек. Он укрыл себя конусом морозного воздуха и оставался в нем, пока вокруг бушевал огонь. У него не было ни малейшего желания обращаться в пепел. Но смерть была близка. Продолжайся извержение хоть несколько секунд дольше, и психический щит разрушился бы. Он обернулся. По направлению к нему хромала Арианрод Эсв Свейдер. На ее лице отражалась боль. Человек, стоявший возле кратера, обнял ее и поцеловал в губы.

— Что с Нейлом? — спросил он.

— Плохо дело. Не думаю, что...

Мужчина активировал свой линк:

— Коготь запрашивает Шип, цвета зимы. Утоляющий идол со всей любезностью преклоняет голову.

— Начинание.

— Уже через миг они услышали, как эхо разнесло над лощиной рев двигателей боевого катера.

— Все хорошо, они уже в пути, — сказал мужчина, обращаясь к Арианрод. — Кроме того, мы разобрались со всеми. Включая того, кто сделал это.

— Ты уверен? — спросила она.

— Гидеон Рейвенор поглядел на курящийся кратер.

— Абсолютно уверен, — сказал он.

Сейчас
Танкред, субсектор Ангелос
404.M41

— Уже нельзя не обращать на них внимание. Мне придется поговорить с ними. Я просто удалял их вежливые письма в течение полугода, а потом еще два месяца так же поступал с жесткими требованиями. Это будет утомитель но, но, если уж я собираюсь оставаться в рядах Священной Инквизиции, придется уделить им время. Слишком долго особые обстоятельства продолжаться не могут.

— Я сижу перед окном и разглядываю башни и высокие стены Бастина, главного города Танкреда. Мне не требуется окно, чтобы увидеть их. Мне достаточно чувствовать. Я лишен большей части того, чем обладает обычный человек, но в

то же самое время наделен многим другим.

— Мое сознание вдыхает запахи города. Бастин раскинулся под неподвижным желтым небом. Солнце кажется раскаленным шаром. Красный камень, красный кирпич и красные же плитки впитывают жар. Я чувствую, как лучи солнца проникают мне в самую душу. Обоняю неторопливый, сложный, феодальный характер Бастина: чернила и сталь игл граферов, шелк, воск, дым обскуры, завесы и экраны, резкие черные тени и ослепительно яркий свет. Карта города запутанна и замысловата: византийское переплетение улиц и переулков, здания громоздятся иногда в несколько уровней без какого бы то ни было видимого смысла, симметрии или расчета. Кадизский бы возненавидел это место.

— Мой разум блуждает по извилистым дорогам, минуя прохладные тени переулков, обследуя небольшие дворики и площади, где солнечный свет ложится сверкающими белыми пятнами

на каменные плиты.

— Вот торговец пощелкивает счетами в уютном полумраке своего заведения и заполняет бухгалтерскую книгу. Вот продавец продовольствия похрапывает возле печной стойки. Огонь в духовке сейчас не горит. Никто не купит горячую выпечку в жаркий полдень. Есть время отдохнуть перед вечерним оживлением торговли.

— А вот домработница возвращается из прачечной в особняк своего господина, неся на голове корзину с мокрым бельем. Ей хочется задержаться и выпить чашечку кофеина, но она боится, что солнце подсушит смятую ткань и оставит на ней складки, если она не развесит белье. Навстречу ей идут двое мальчишек с ситивулыюй на поводке. Они смеются над какой-то шуткой, которую я пытаюсь проанализировать, но понять не в состоянии.

— Вот сервитор красит дверь. Его сознание словно пустой чердак. Мимо него торопливо проходит графер, поспешающий к следующему клиенту, и коробка с

чернилами и перьями похлопывает его по бедру. Это утро, которое он провел, перерисовывая деяния, занимавшие целую плечевую лопатку, изрядно его вымотало.

— За стеной повариха крошит овощи в казан, стоящий на медленном огне. На столе рядом с ней лежат в ожидании разделки три рыбины, приобретенные ею этим утром на рынке. Они блестят, словно серебряные слитки.

— А вот и секретный сад с фиговыми деревьями, всего четыре на четыре метра, крошечный квадратик зелени, зажатый между высокими домами и окруженный стенами. Его владелец любуется им из распахнутого окна, наслаждаясь видом и тем, что никому больше не известно о существовании этого места. На плоской крыше молодой человек играет под солнцем на виоле, пока его любовник, тоже молодой парень, сидит в тени тента и разучивает собственные партитуры для этой пьесы. В прохладной, расположенной ниже уровня земли комнате женщина робко расспрашивает семейного врача о слабоумии своей тети.

— Вот девочка и мальчик впервые занимаются любовью. Вот стареющий вор просыпается и пропускает стаканчик, чтобы привести в порядок свои нервы. Вот служка Экклезиархии счищает воск с церковных подсвечников. Вот заезжий бизнесмен, опаздывающий на встречу, понимает, что ошибся поворотом, и торопливо возвращается на улицу, с которой свернул. Вот женщина, занятая вышиванием. Вот мужчина, размышляющий, как же ему объяснить это своей жене.

— А вот другой мужчина беспокоится о том, как пройдет встреча по возобновлению его трудового контракта, не понимая, что встреча не состоится, поскольку он неожиданно скончается от сердечного приступа через двадцать шесть минут.

— И где-нибудь там...

— Я увеличил радиус, охватываемый моим разумом. Сорок улиц, пятьдесят, два километра... пять. Тысячи сознаний, тысячи жизней, кажущихся единой, что-то щебечущей массой, но в то же время

раздельных, они засветились вокруг меня, словно звезды в ночном небе: одни были горячими, другие — холодными, одни — умными, другие — глупцами, одни — преуспевающими, другие — обреченными, но все они заточены в застенках из красного камня, красных кирпичей и красной черепицы, напитавшихся жаром.

— Нет только Зигмунда Молоха.

— Но я знаю: он здесь. Я не могу ощутить его привкус или запах или хотя бы уловить след его мыслей, но знаю: он здесь. Не могу сказать, откуда мне это известно. И не смогу объяснить этого посланникам Инквизиции, когда не обращать внимания на их письма будет уже невозможно. Но именно в этих местах скрывается Молох. Шесть месяцев, слабые наводки, ложные следы, и вот куда они меня привели. Я служу в Инквизиции с 332-го, а право на собственное ведение операций получил в 346-м. Я работаю уже очень долго. Во всяком случае достаточно долго, чтобы быть уверенным в том, что хорошо справляюсь со своими обязанностями. Я верю в это.

— Или же я просто обманываю себя?

— В последние недели меня со всевозрастающей частотой посещает эта неприятная мысль. Да и остальные тоже чувствуют себя не лучше. Я вижу это в их лицах. Они утомлены и раздражены моими поисками.

— Точно трейлер, втягивающий рыболовные сети, я начинаю возвращать свое сознание назад, пока его охват не сводится только к дому вокруг меня. Это добротное здание из красного кирпича, которое мы временно арендовали. Три этажа, просторный внутренний двор, окруженный стеной, и колодец.

— Я вижу Пэйшенс Кыс, своего телекинетика. Она устроилась полулежа на каменной скамейке под навесом, а на ее коленях покоится открытый фолиант пьес Клокуса, но на самом деле в нем спрятана копия одной из моих ранних работ — «Дымного Зерцала». Ей не хочется, чтобы мне стало известно, что она читала его. Она слишком стущается, чтобы признаться мне в этом. А я слишком стущаюсь, чтобы признаться в том, что

уже все знаю и что очень польщен.

— Во дворе играют Шолто Ануэрт, мой верный капитан, И его элкуонский пес файфланк. Последний кидает мячик, и коротышка бежит его ловить. Странно, разве не должно быть наоборот?

— Выглядывая во двор, Гарлон Нейл думает о том же самом. Он смеется над этой нелепицей, продолжая чистить детали автоматического пистолета, разложенные на небольшом столике. Я слышу, как он подзывает Мауд Плайтон: «Ты только посмотри на это, скорее!» — и она встает, отрываясь от тарелки салата, чтобы присоединиться к нему, дожевывая на ходу и вытирая губы. Она тоже смеется. У нее глубокий и почти непристойный смех. Мне нравится Мауд. Я очень рад, что она оставила службу в Магистратуте Юстиса Майорис, чтобы присоединиться ко мне и сотрудничать с ордосами. Я питаю на ее счет особые надежды. Она столь же осторожна, как Кара, и, подозреваю, столь же жестока, как Нейл.

— Кстати, где же Кара? Точно не в

библиотеке. Это вотчина Карла Тониуса. Он возится со своим когитатором, просеивая зерна последнего собранного мной урожая наводок. За последние несколько лет Карл серьезно изменился. Думаю, причиной тому стали события на Флинте. Жеманное ханжество исчезло. Он тверд, точно алмаз, и почти непредсказуемо целеустремлен и самоотвержен. Он стал иначе одеваться и ведет себя по-другому. Теперь он способен смотреть Кыс и Нейлу прямо в глаза, и еще вопрос, кто отведет взгляд первым. Не думаю, что пройдет слишком много времени, прежде чем дознаватель окажется готов взойти на следующую ступеньку карьерной лестницы. Я с радостью поддержу его в этом. Инквизитор Тониус. Это звание пойдет ему. Что ж, будем скучать.

— Кару Свол я нахожу в одной из спален. И тут же отвожу взгляд. Она с Белкнапом. И они наслаждаются интимной близостью. У меня нет ни права, ни желания злоупотреблять своими способностями.

— Доктор Белкнап стал полезным пополнением моей команды, хотя это и произошло довольно необычным образом. Он хороший человек, религиозный до фанатизма и при этом блестящий профессионал. Мы познакомились с ним, когда нам требовался врач, чтобы спасти Кару, а затем он остался, полагаю, потому, что влюбился в нее. Они составили отличную пару. Он делает ее счастливой. Но мне трудно одобрить его выбор: такой набожный, добрый человек может и не смириться с тем, что порой приходится делать инквизитору и его команде.

— Я беспокоюсь за Кару. С тех пор как ты покинули Дом Грусти, расположенный в Общем блоке Е Петрополиса, я чувствую в ней какую-то напряженность, чувствую, как она скрывает что-то, о чем хотела бы поговорить. Тогда она получила тяжелую травму, нам потребовался доктор, чтобы спасти ее. Мне не нравится выпытывать чужие секреты и не нравится копаться в содержимом голов моих друзей, но она что-то скрывает. Какую-то тяжелую тайну.

— Могу догадаться какую. Она хочет выйти из дела. Всякой службе когда-нибудь приходит конец. Что касается соратников инквизитора, то, как ни печально это говорить, причиной окончания контракта становится смерть, хотя существуют и другие обстоятельства: разочарование, несовместимость или, как в случае с Карой, усталость. Свол долгое время верно служила мне, а до того помогала моему наставнику Грегору Эйзенхорну. У нее не осталось никакой личной жизни, и нечего больше доказывать. Вампирский клинок Чайковой чуть не убил ее, но дал время задуматься. И тут появился Патрик Белкнап, в буквальном смысле став ее спасителем, и принес с собой надежду на совсем другую, спокойную жизнь. А она хочет жить. Хочет жить в мире, где смертельная опасность не является каждодневной нормой. Она хочет уйти со службы — ведь свой долг она давно выплатила — и обрести радости обыкновенного и удивительного мира, любви и материнства, а также, готов держать пари, ей хочется однажды стать

бабушкой.

— Я не могу ее винить. По правде говоря, и на меня порой накатывает отчаяние и меня наполняет безнадежная мечта о том же самом. Кара совершила даже больше того, что сам Император мог бы ожидать от бесперспективной акробатки с Бонавентуры. Я всей душой желаю ей счастья и радуюсь тому, что ей, хотя бы на краткий миг, удалось его обрести. К сожалению, долго оно не продлится, если ты двинешься дальше. Боюсь, что все должно произойти сейчас или никогда. Главное, чтобы она решилась. Мне очень хочется, чтобы она набралась смелости и все мне рассказала. Я не стану произносить напыщенных речей, изображать расстройство или уговаривать передумать. Она прекрасно меня знает. Я просто от всей души благословлю ее. Инквизитору редко предоставляется такая возможность.

— Но я не стану и подталкивать ее к этому. Кара слишком хороша, чтобы ее потерять. Ей придется прийти к решению самостоятельно и в свое время. Что ж,

думаю, это говорит обо мне как о властном и вздорном командире. Оправдываться не стану. Я имперский инквизитор. Грегор Эйзенхорн воспитал во мне эту властность, и мне никогда не изменить себя.

— И лишь Император ведает, как бы мне того хотелось.

— В доме находятся еще два человека.

— Я откатываю свое кресло жизнеобеспечения от окна и проплываю над комнатой. Мое бронированное вместилище темно-матовое, зловещее и обтекаемое, оно парит в воздухе, поддерживаемое постоянно вращающимся и тихо гудящим гравитационным обручем. Я не покидаю кресла с тех пор, как практически лишился тела почти семьдесят лет назад, когда под Вратами Спатиана свершилось отвратительное алхимическое преобразование триумфа в трагедию. Тогда я превратился из здорового и рослого молодого человека в оплавленную груду обгоревшей плоти, нуждающуюся в дополнительных системах,

чтобы продолжать жить. Мой модуль, конечно, не бог весть что, но я называю его своим домом.

— Не испытывая трения, я скольжу вдоль по коридору к той комнате, где спит Заэль. Это еще один из обитателей дома. Второй — Вистан Фраука, который, как обычно, сидит на стуле возле кровати Заэля. Вистан — мой тупильщик, мой неприкасаемый, человек абсолютно непроницаемый для любых псионических воздействий. Он с высокомерным выражением на лице смолит одну за другой лхо-папиросы и развлекается чтением примитивной эротики.

— Он просто восхитителен. Его высокомерие наигранно. Это я могу прочесть, невзирая даже на непроницаемость Вистана. Он заботится о Заэле с тех пор, как мальчик впал в летаргию, в кому, в транс, или как там это называется. Фраука носил его, купал, читал ему и приглядывал за ним.

— И этот же человек пообещал мне, что убьет Заэля в тот же миг, как тот пробудится. Если, конечно, мальчик

окажется именно тем, чего мы так боимся.

— Заэль Эффернети. Заэль Слит. Оборванец с нижних уровней стеков Петрополиса, беспризорник со способностями псайкера, не выявленными во время периодических прочесываний территории и проверок. Он был не просто псайкером, а «зеркалом» — очень редкий дар.

— И - надо сказать, что это очень важное «и», — потенциально Заэль был самым опасным существом в этом секторе. Существует комплекс предсказаний о том, что в нашей реальности родится демон по имени Слит, Слайт или что-то вроде того. Предполагается, что случится это из-за меня или кого-то из моих людей на Юстисе Майорис во временной промежуток между 400-м и 403-м. М41. Если верить предсказанию, то сотни, а может быть, и миллионы людей погибнут, когда Слайт вырвется на свободу. Но меня предупредили. И я принял меры. Судьбу можно изменить, пророчества —

разрушить.

— Во время нападения на Дом Грусти, отнявшего у нас Зэфа Матуина, Заэль подвергся психической атаке. Через некоторое время насевшие на него псайкеры стали выкрикивать имя Слайта. С тех пор Заэль оставался недвижим. Возможно, его разум не сумел справиться с ними. А может быть, его кома стала результатом того, что мальчик оказался слишком слаб, чтобы вместить в себе демона.

— Мы все узнаем, когда мальчик проснется. Либо он останется Заэлем, либо окажется демоном во плоти. И если именно последнее будет иметь место, то той неприкасаемый сдержит силы пробуждающегося демона. Кроме того, Вистан держит пистолет в кармане своего плаща, чтобы убить тело-носитель, пока не стало слишком поздно.

— Многие собратья по Инквизиции, включая моего достопочтенного наставника, отчитали бы меня за это. Они посчитали бы, что я слишком снисходителен. Сказали бы, что я дурак и

что нельзя рисковать. Мне стоило бы прервать жизнь Заэля прямо сейчас, пока он еще беспомощен.

— Но я решил не делать этого. Во-первых, я не могу быть уверен, что это не разбудит спящего демона.

— Во-вторых, я могу таким образом зарезать самого обычного спящего подростка. Возможно, что Заэль неодержим. Возможно, что он не Слайт. И пока остается такая надежда, я не возьму на себя его казнь.

— Делает ли это меня слабым? Излишне милосердным? Глупым? Сентиментальным? Возможно. Делает ли это меня радикалом? Да, думаю, что так и есть, хотя и не в том смысле, в котором обычно используется это слово. Я не могу и не стану подписывать Заэлю смертный приговор, оправдывая его только словами «а что, если?»; мальчик имеет право на презумпцию невиновности. И да поможет мне Трон.

— Я возношу молитвы Терре, чтобы в случае моей ошибки мне удалось остановить разрушения. Но если я прав,

возникают вопросы: где же настоящий Слайт? Прервали ли мы его рождение? Предотвратили ли исходящую от него угрозу? Сейчас 404-й, а значит, мы уже вышли из временного промежутка, отведенного пророчеством. Значит ли это, что все завершилось? Не знаю. Может быть, Слайт скрывается где-то, куда я не могу заглянуть? Как, например, Молох? И это мне тоже неизвестно.

— Приходится полагаться только на то, что у меня есть.

— Вистан поднял взгляд, когда я вплыл в комнату. Так мы поступаем каждый день. Я даю ему передохнуть от бессменной вахты.

— Все в порядке? — спрашивает он, кивком поприветствовав мое обтекаемое металлическое кресло.

— Я-то в порядке. Ты читал ему вслух?

— Сказка на ночь.

— О том, чем люди занимаются по ночам?

— Он смеется и выключает информационный планшет.

— Мальчику не важно, что именно я читаю.

— А если важно?

— Все равно это познавательно.

— Иди отдохни, — говорю ему я. — Тебе надо поспать.

— Вистан кивает и покидает комнату. Но после него остается аромат его последней папиросы.

— Я заставляю свое кресло остановиться возле кровати Заэля. Его кожа бледна, а веки темные и запавшие. Он уже давно не приходит в себя.

— Заэль, — начинаю я. — Заэль, это я, Рейвенор. Просто решил тебя проведать. Ты как?

— Ответа нет. Нет даже легчайшего признака, что он почувствовал меня. Я разговариваю с ним каждый день уже очень давно.

— На тот случай, если ты вдруг слышишь, я расскажу тебе о том, как идут наши дела. Мы победили. На Юстисе Майорис мы победили. Сражение было тяжелым, и нам пришлось заплатить высокую цену, но мы справились. Всему ви

ной, Заэль, оказался мой старый враг, Зигмунд Молох. Я уже дважды хоронил его собственными руками. Но у него есть дурная привычка воскресать. В тот раз он притворялся лор дом-губернатором субсектора и пытался воспользоваться тайной географией Петрополиса, чтобы возродить один древний язык.

— Я представляю себе, как Заэль смеется, и смущаюсь. Пытаясь пересказать случившееся, я понимаю, насколько странная получается история.

— Энунция, Заэль. Древнейший язык, дарующий говорящему на нем могущество творца, власть над Словом, способным созидать и уничтожать. Он годами пестовал свои планы. Город был только механизмом, который Молох собирался активировать. Но мы остановили его. И это хорошо. Тысячи людей погибли, но зато уцелели миллиарды. Мы не позволили ему превратиться в бога.

— Я слегка разворачиваю кресло, отключая поле, и опускаюсь на опоры. Подкованные основания опор тонут в ковре.

— Но есть и плохая новость: Молох

сбежал. Он был ранен, но остался жив и сейчас наслаждается обществом еще нескольких очень опасных людей. Ими руководит посредник культистов по имени Орфео Куллин. Он чрезвычайно опасен. Как и Молох. А вместе они...

— Заэль не шевелится и вообще не подает никаких признаков жизни. Он погружен в сон, напоминающий смерть.

— Я обязан найти их, выследить Молоха, прежде чем он сможет снова собраться с силами и продумать новый план действий. Понимаешь, именно так он и действует. Строит долгосрочные планы. Он, не задумываясь, берется за дело, где для получения результата потребуются годы, а то и десятилетия. Я хорошо изучил его. Мы уже больше семидесяти лет сражаемся друг с другом. И мне действительно хотелось бы наконец увидеть его мертвым.

— Когда-то, Заэль, существовала одна школа... академия: частная, тайная, давно закрытая. Это было около века тому назад. Управляла ею изменница Лилеан Чейс, теперь уже покойная. Ее цель

состояла в том, чтобы при помощи психоники, евгеники и философии вырастить поколение людей, готовых способствовать распространению Хаоса в субсекторе. Все ее ученики были злыми гениями, чудовищами. Эти люди, как и то, что они создавали, досаждали Инквизиции в течение многих десятилетий. Тайное общество. Смертельно опасное. И Молох был одним из дипломированных специалистов академии, одним из лучших учеников Чейс. Его изумительный интеллект был усилен экстраординарными ментальными тренировками. Зигмунд Молох, как можешь понять, один из самых разыскиваемых Инквизицией преступников. Он чудовищно злонамерен. Он выпускник Когнитэ.

— Именно поэтому я и преследую его. Того, что мы сорвали его планы на Юстисе Майорис, недостаточно. Он все еще жив, и мы обязаны разыскать его и уничтожить, прежде чем он снова сможет встать на ноги. Ни одно из моих прежних дел не было настолько серьезным. Ни

преступление Гомека, ни даже дело Кервана-Холмана на Саруме, в котором, как я уверен, тоже отметился Молох. Выследить и казнить Зигмунда Молоха — наиважнейшая задача всей моей странной жизни.

— Я окидываю взглядом лежащее перед собой тело, кажущееся таким невинным во сне.

— Заэль Слит. Или все-таки Слайт?

— Как бы то ни было, мы близки к цели. Думаю, что мы догнали его. Он здесь. Точнее, мы там же, где и он. На Танкреде. В одном переходе от твоего родного мира, Юстиса Майорис. Проблема в том, что ордосы требуют моего возвращения. Я покинул Юстис Майорис в спешке. Теперь они хотят получить от меня ответы и объяснения. И дольше ждать не собираются. Я рискую потерять свои полномочия и оказаться объявленным в розыск как отступник.

— Мне это не нравится, Заэль, но придется остановиться и отчитаться перед своим начальством. Надеюсь только, что успею найти и прикончить Молоха

раньше, чем они отнимут у меня инсигнию.

— Я помедлил.

— Что ж, вот я и рассказал о себе. А как твои дела, Заэль?

— Он не отвечает. Но другого и не стоило ожидать. Я слышу, как за моей спиной открывается дверь, и вначале думаю, что вернулся Вистан.

— Но нет. Это Карл.

— Посланники прибыли, — говорит он.

— Уже? Что ж, хорошо. Я сам спущусь к ним. Заэль продолжает спать.

— Я активирую лифтерное поле своего кресла, разворачиваюсь и следом за Карлом выкатываюсь из комнаты. Как говорят, держать ответ.

Часть первая
Вопрос братского взаимодоверия

Глава первая

Чтобы за три часа совершить восемь ритуальных убийств, требуется человек весьма особенного склада, и он, без сомнения, был именно таковым.

Каждое убийство казалось случайным, не связанным с другими и совершалось совершенно различными методами и оружием. С первой жертвой он расправился при помощи краденого ножа, имитируя нападение уличного хулигана. Вторую задушил и сделал так, чтобы все выглядело преступлением на сексуальной почве. Третий и четвертый, как полагалось впоследствии, погибли в результате пьяного спора за карточным столом, одновременно выстрелив друг в друга. Пятый отравился несвежими устрицами, что мог подтвердить любой патологоанатом. Смерть шестого и седьмого, также погибших вместе, была вызвана разрядом электрического тока, в чем, по всей видимости, оказалась виновата ветхая проводка в доме. Восьмое

убийство было обставлено как неудачная попытка ограбления.

В это время она наконец догнала его. Он как раз закончил с местным ростовщиком, подрабатывавшим скупкой краденого и владевшим домом, расположенным через дорогу от Базилики Механикус. Убийца прокрался через черный ход на кухне, нашел ростовщика в одиночестве и забил его насмерть статуэткой святого Киодруса.

Затем он забрал из сейфа ростовщика кое-какие ценные бумаги и золотые слитки, чтобы инсценировать ограбление.

Чем вы здесь занимаетесь? — спросила она, осторожно входя в мрачную комнату.

В неподвижном воздухе повис резкий металлический запах крови. Склонившись над телом, убийца посмотрел на вошедшую.

— Тем, чем следовало заняться. — Он протянул руку и стал что-то делать с окровавленным телом. — Вам нет нужды так себя вести, — добавил он.

Она целила ему в затылок из курносого «Хостек-5».

Я сама решу, что мне нужно, — ответила она.

Честно говорю, в этом нет необходимости! — снова произнес он, на сей раз применяя командный тон.

Женщина опустила оружие, но она была сильной и хорошо обученной. Она не стала убирать пистолет.

— Это безумие, — сказала она. — Вам же говорили оставаться в эксклаве. Сейчас важнее всего конспирация. Ваши прогулки грозят раскрытием. И это... это убийство...

Она запнулась, произнося это слово. Лейла Слейд не была брезгливой. Ей тоже приходилось убивать, но делалось это исключительно из профессиональной необходимости. Она никогда не пошла бы на такое только ради удовольствия или чтобы потешить свое психическое расстройство.

Убийца понимал, что она разочарована. Но это ему на самом деле было совершенно не важно, поскольку Лейла

Слейд не играла значимой роли в великом круге событий. Хотя на какое-то краткое время существовали серьезные основания для того, чтобы держать ее на своей стороне. Она была одним из его немногих друзей в этой Вселенной. Он видел отвращение на ее лице, говорившее о том, что Лейла считает, будто ее заставили быть сиделкой при каком-то социопате. Она не понимала. Он решил, что пришло время все объяснить.

Во всяком случае, ему бы не хотелось, чтобы она сейчас считала его извращенцем и кровавым маньяком.

Вы думаете, что я убиваю ради удовольствия? — спросил он.

По крайней мере так это и выглядит, — пожала плечами Лейла. — Но мне плевать на то, кто вы. Мне платят за то, чтобы я охраняла вас. И в данном случае это означает необходимость доставить вашу психованную задницу обратно в эксклав.

Он выпрямился и повернулся к ней лицом. Тело ростовщика бесформенной грудой лежало на полу, с одной ноги

свалился тапок, и большой палец был вывернут под прямым углом. Одежда измята и порвана. Молитвенная статуэтка святого Киодруса превратила лицо ростовщика в розовую кашу.

А если я не захочу возвращаться в эксклав? — спросил он.

Что ж, не уверена, что смогу вас заставить. В ваших способностях я нисколько не сомневаюсь. Но в любом случае мы причиним друг другу урон. И немалый.

Он кивнул, улыбаясь. Улыбка была искренней.

Да, полагаю, что так и будет. Мне нравится ваша честность. Мы действительно повредили бы друг другу. Так что давайте лучше не будем.

Согласна. Так что, вы возвращаетесь?

Уже скоро. Только давайте немного поговорим вначале, Лейла.

Нет. — Она подняла оружие. — Переговоры окончены. Мы возвращаемся.

Он кивнул, чуть отвернулся от нее и неожиданно прищелкнул пальцами правой

руки. Лейла вздрогнула, почувствовав, как что-то ударило ее по запястью, а затем пистолет оказался уже в его ладони.

Он нацелил оружие на нее, ожидая увидеть гнев, страх, возможно даже, бесполезную попытку снова захватить контроль над оружием. Но вместо этого она произнесла:

— Научите меня делать так же.

Они затерли все следы своего пребывания в доме ростовщика, оставив жертву валяться на полу возле открытого сейфа. Убийца терпеливо дождался, пока она влажной тряпкой сотрет с его лица и шеи капли крови. Он был одет в черное, поэтому остальное не должно быть заметно.

— Грабитель, если бы все пошло не так, как надо, устроил бы поджог, чтобы спрятать тело, — предположила она.

Он уже опрокинул плошку лампады, и невысокие голубые язычки огня заплясали на краю ковра.

В пяти улицах от дома ростовщика они зашли в небольшую закусочную и заняли столик в дальнем углу. Лейла

выбрала это место из-за плохой освещенности и возможности сидеть подальше от улицы. Она заказала кувшин цветочного настоя, засахаренные фрукты, плошку тчаль-ского риса с лимонным соком и графин местного красного вина.

— Мило, — сказал он.

— Нисколько. Мое оружие все еще у вас.

Он поднял перед ней руки, открыв ладони. Они были очень бледными и очень изящными. Слейд нахмурилась, залезла под куртку и обнаружила, что «Хостек-5» спокойно лежит в своей кобуре.

Что ж, этому вы тоже могли бы меня научить.

Как пожелаете. Но вы действительно хотите учиться?

Только некоторым трюкам. Я профессионал и стою своих денег. Мои навыки достаточно хороши, чтобы удовлетворить моего нынешнего хозяина. И он тоже учит меня кое-каким из своих умений.

Не сомневаюсь.

Но девушка любопытна и постоянно

хочет узнать что-то новенькое. От человека вроде вас...

Вроде меня? Дорогая моя Лейла, не так уж много времени утекло с тех пор, как вы охарактеризовали меня как больного на голову убийцу. Психопата.

Она пожала плечами:

— Зато обладающего навыками.

Он рассмеялся. Она являла собой стоящий материал. Когда придет время, он, может быть, даже пощадит ее. Или, во всяком случае, убьет ее милосердно.

Заказ прибыл. Официантка едва одарила их взглядом. Рядом обедала пара. Девушка, явно родом с другой планеты, высокая, с телосложением пловчихи, с короткими прямыми волосами и жестким, суровым лицом. Но кто же с ней? Ее возлюбленный? Работодатель? Это был стройный самоуверенный человек в черном костюме, с гладко выбритым и красивым, хотя и несколько асимметричным лицом.

Лейла поковырялась в рисе.

— Вы хотели поговорить.

Он налил себе немного вина.

С тех пор как мы покинули Юстис

Майорис, прошло уже шесть месяцев, — сказал он. — И все это время вы оберегали меня. Держали меня вдали от посторонних глаз в своем укрытии.

Ради вашей же безопасности.

Понимаю. И ценю это. Кроме того, если еще не говорил, я очень ценю то, сколько сил и вы, и все остальные потратили ради обеспечения этой самой моей безопасности.

Мне так не показалось. При первой же возможности вы сбежали и углубились в неведомый вам город. Совершили убийство...

— Есть такое, — кивнул он.

— Так что?

У нее не было ни малейшего желания рассказывать ему правду. Незачем ему знать, что господин приказал позволить ему сбежать, а затем проследить, чтобы все прошло как надо.

— Наш «главный» уже сходит с ума, Лея, — сказал ей тогда Орфео Куллин. — Такое ощущение, что у него земля горит под ногами, он постоянно мечется из угла в угол. Выпусти его немного погулять.

Пусть думает, что смог от нас ускользнуть. Предоставь ему возможность порезвиться пару часиков, но постоянно следи за ним и доставь обратно, прежде чем он... даже не знаю... попытается свергнуть планетарное правительство или устроить еще что-нибудь в том же духе.

Лейла Слейд рассмеялась.

— Я прослежу за ним, — пообещала она. — Если он хочет просто подышать свежим воздухом...

Молох взял пальцами щепотку риса, добавил к нему Какой-то засахаренный фрукт и отправил все вместе в рот. Тщательно прожевал и запил глотком цветочного настоя.

— Мне надо было уйти, — сказал он. — Слишком долго я оставался взаперти. Сейчас вы держите меня под замком, а до того были секретисты в Петрополисе. Все это время мне приходится жить по расписанию, составленному другими людьми. Мне необходимо было уйти, вырваться на свободу.

— Если бы вы попросили, мы,

возможно, могли бы это устроить.

Если бы это оказалось кем-то устроено, разве была бы это свобода?

Логично, — уступила она.

На Юстисе Майорис, Лейла, — распрямился он, — я был так близко к цели. Я уже практически завершил экстраординарный проект, который навсегда должен был изменить Империум. И скорее всего, уничтожить его. Но мне помешали, и я потерпел крах, а вы и ваш хозяин оказались вынуждены подхватить меня под руки и вытащить из огня, чтобы запрятать подальше. Теперь мы с вашим господином работаем над новыми планами.

Но?

Вы же знаете, кому я служу, Лейла?

Самому себе? Далеко идущим планам Когнитэ?

— Да, но что стоит за всем этим?

Она пожала плечами.

Не стану здесь произносить их имена, иначе все яства в этом заведении испортятся, а вино обратится в уксус. Я говорю о Губительных Силах.

Понятно.

Отлично. Что ж, знаете, я должен выразить благодарность. Пусть моя миссия на Юстисе Майорис и завершилась неудачей, мне удалось сохранить жизнь и продолжить свою работу. Я должен быть благодарен за это.

Орфео будет...

Мой дражайший Орфео на самом деле ничего не понимает. Уж не знаю, что он там вам понарассказывал о себе, Лейла, но он просто наемник. Проститутка. Умный, умелый, талантливый, но работает только из-за денег. А я работаю не ради денег и не ради могущества... во всяком случае не ради того, что считается могуществом в Ипе-риуме Человечества. Думаю, меня можно назвать верующим человеком большой духовной силы.

И кому тогда вы собрались выражать свою благодарность? — спросила она, делая глоток настоя.

Древним богам, которым служу. Мне необходимо было облегчить свою душу, получить благословение. За свое избавление требовалось принести жертву,

даже если бы это и грозило обнаружением. Жертва должна была почтить восьмерых, и восемь есть знак — знак восьмиконечный. Типичный фанатик, возможно, убил бы восьмерых в восьмом доме восьмой улицы в восьмом округе в восемь часов вечера, но я сторонюсь столь необдуманных поступков. Агенты Трона уже через мгновение распознали бы оккультный смысл. Даже они не настолько тупы. Вот поэтому я и совершил восемь скрытых жертвоприношений, которые будут казаться случайными и не связанными между собой.

— Но они все равно имели ритуальную цель?

Он кивнул, наполнил рот едой и запил ее вином. Лейла снова наполнила его бокал.

Нищий в переулке. Я нанес восемь резаных ран ножом, весившим восемь унций. И сделал это в восемь минут с начала часа. У горничной было восемь родинок на левом бедре, и на то, чтобы умереть от удушья, у нее ушло восемь минут. Я был очень точен. Игроки держали в руках по две восьмерки, и по ним

было произведено восемь выстрелов. И так далее. Ростовщик, также убитый в восемь минут с начала очередного часа, получил восемь сильных ударов, ни больше ни меньше, в то время как проверял учетные книги за восьмой месяц торговли. Тела я пометил необходимыми метками и рунами, но наносил их водой, которая давно уже испарилась. Это был ритуал, Лейла. Акт религиозного преклонения, но не поступок психопата.

— Теперь все понятно, — сказала она.

Он почувствовал, что ее замечание может нести сардонический оттенок, но все равно слегка улыбнулся и отпил немного настоя.

— Какая экстраординарная дотошность, — добавила Лейла, зачерпывая горсть риса. — Чтобы все спланировать до таких мелочей...

— Меня научили импровизировать. Не хочу показаться грубым, Лейла, но мое мышление значительно отличается от вашего. Мой мозг работает не так, как ваш.

— В самом деле?

— Меня от рождения приучали выжимать из своего Сознания всю возможную скорость. Меня обучали ноэтическим приемам, заострившим мой разум. И весьма заострившим. Расчеты, потребовавшие бы от нормального человека целую неделю, я способен выполнить за секунду.

— В самом деле? — повторила Лейла.

Он наслаждался высокомерием, звучавшим в ее голосе. Презрением. Она едва терпела его.

— В самом деле. Лейла, я не тешу свое самолюбие и не бахвалюсь. Именно это и делали в Когнитэ с человеческим сознанием. Для начала в нас воспитывали максимальную наблюдательность. Способность читать тайные смыслы языка тела. Способность замечать и сопоставлять. Анализировать. Предсказывать.

— Докажите.

Он поднял свой бокал и улыбнулся.

— С чего начнем? — спросил он.

— Ох, оставлю право выбора за вами.

— Сколько кнопок было на блузке

официантки?

— Шесть, — пожала плечами Лейла.

— Шесть. Правильно. Отлично. А скольких не хватало?

— Двух, — сказала она.

— Хорошая наблюдательность. Верхние две?

— Нет, верхняя и нижняя. У нее слишком широкие бедра.

— И снова в точку. Вы уверены, что не обучались в Когнитэ, Лейла?

— Все, что вам удалось доказать, — фыркнула она, — так это то, что нам обоим нравится глазеть на симпатичных девушек.

— Во что одета?

— Что?

— Во что одета?

— Блузка.

— Откуда шелк?

— Гесперус.

— Близко, но нет. Саметер. Ткань более плотная, не совсем однородная, с рюшем, что указывает на саметерское происхождение шелка. А кнопки сделаны на Гудрун.

— Уверены?

— Они были золотыми плюс клейто. Когда она наклонилась...

— Вы просто выдумываете, — отставила бокал Лейла.

— Неужели? А вот мужчина в кабинке по соседству с нами. Мы проходили мимо него. Капер, вооруженный. Где он спрятал оружие?

— Левая подмышка. Я видела выпуклость. Кроме того, штанина скрывает нож, спрятанный в ботинке.

— Вы наблюдательны.

— В этом заключается моя работа.

— А какой из его усов длиннее: правый или левый?

— Я... да какая разница?

— Короче тот, что справа, потому что он курит трубку, которую забивает обскурой, и с той стороны, куда он ее закладывает, не так быстро растут волосы. Это можно видеть по его манере обращения с лхо-папиросой. Привычный наклон и затяжки. И о чем это нам говорит?

— Его поведение непредсказуемо.

Плохие нервы. Это результат употребления обскуры.

— Теперь вы начинаете понимать.

— Но это ничего не значит, — рассмеялась она.

— Человек за окном. Он правша или левша?

— Правша. Он барабанит пальцами правой руки по поверхности стола рядом с чашкой кофеина.

— Неправильно. Он разглядывает толпу на улице, потому что ждет своего делового партнера, которого не знает в лицо. Левая его рука спрятана под столом и лежит на рукояти пистолета. «Гекатер», в ужасном состоянии. Правая рука — для отвода глаз.

— И что, мне пойти поговорить с ним, чтобы удостовериться? — покачала головой Лейла.

— Только если желаете схлопотать пулю. Бармен. Девятнадцатый нерегулярный Гудрунский полк. Ветеран Гвардии.

— Почему?

— Татуировка на его левом запястье.

«Рота Ангелов». Ветераны Девятнадцатого носят ее с тех пор, как взяли Высоты Латислава.

— И вы можете ее разглядеть?

— Отсюда? Нет. Я ее рассмотрел по пути сюда. А вы...

— Я?

— Вы уже наелись до отвала. Но обожаете рис и продолжаете налегать на него, хотя уже и не хотите.

— Это хороший рис.

— И вы не притрагивались к своему вину уже тринадцать минут. Вы продолжаете играть с бокалом, но не пьете, потому как боитесь, что опьянеете и утратите контроль над ситуацией. Но продолжаете поигрывать бокалом, чтобы не привлекать внимания к тому, что не пьете.

— Да ну, ерунда.

— Неужели? — Он посмотрел ей в глаза. — Вы сидите ко мне чуть боком, позволяя мне разглядывать левое бедро, потому что правое причиняет вам боль. Застарелая рана? Аугметика?

— Аугметика, — вздохнула она.

Молох прихлопнул ладонями:

— Вы явно хотели бы уже отправиться обратно, но боитесь понукать меня и не рискуете давить. Вам бы хотелось, чтобы эта идея исходила от меня.

— Так, послушайте...

— Вы абсолютно уверены в моей неосведомленности касательно того факта, что Орфео проинструктировал вас выпустить меня на несколько часов. Он полагает, будто я схожу с ума взаперти. Его идея заключалась в том, чтобы позволить мне погулять и дать выпустить пар.

— Будь вы неладны, Молох...

— Не надо разбрасываться проклятиями. Наслаждайтесь. Вот как вы думаете, что я могу натворить? Вот прямо здесь и сейчас?

— Не знаю.

Молох извлек из рукава крошечный пузырек и поставил его на стол рядом с плошкой риса.

— Осикольская чума во взвешенном состоянии. Я позаимствовал ее из личных

вещей Орфео. Стоит ее выпустить, и она уничтожит целый квартал этого города.

— Во имя... Нет!

— Я и не собираюсь. Это было бы бессмысленно. Но оцените последствия. За столиком слева от нас сидит банкир. Он работает на городском монетном дворе. Предупреждая ваш вопрос, скажу, что он носит соответствующий значок на жилете. Герб Гильдии банкиров и стилизованное изображение процесса чеканки. Стоит мне подбросить флакон в его кейс, и этот человек обнаружит его только тогда, когда возвратится в свой офис и откроет чемоданчик. Монетный двор окажется заражен и будет помещен в карантин на пятнадцать лет. Местная валюта потерпит крах, что повлечет за собой экономический спад во всем субсекторе. На то, чтобы оправиться от полученного удара, уйдут десятилетия. Или возьмите хотя бы того молодого человека, сидящего в приватной кабинке. Это младший сын одного из мелких баронов, сам по себе человек незначительный, но вращается в

придворных кругах.

Молох достал из кармана небольшой медицинский инжектор и положил его на стол возле склянки. Тот был наполнен прозрачной жидкостью.

— Замедляющий состав. Инертный и вязкий, усваивается в течение шести часов. Я мог бы сейчас пойти в уборную, зарядить в него чуму, а на обратном пути столкнуться с этим юношей. Через пару дней весь королевский дом этой планеты вымрет от чумы. Превосходный случай для реализации отличного хода.

— Но это просто... просто... — зашептала Лейла.

— Вот теперь вы понимаете,— сказал он.— А что скажете на это? Посмотрите на пьяницу за стойкой бара. Я мягко гипнотизировал его движениями пальцев с тех пор, как мы вошли сюда. Позвольте мне доказать свои слова.

— Молох пошевелил пальцами. Пьяный мужчина шаткой походкой направился к ним.

— Как вас зовут? — спросил Молох.

— Сайр Гарнис Говье, сэр, —

пробормотал мужчина.

— Чем занимаетесь?

— Я заместитель главного переводчика губернаторского секретариата, сэр.

— Лейла уставилась на Молоха.

— Неужели вы думали, будто я позволил вам выбрать этот бар? — улыбнулся он. — Это место известно тем, что сюда часто наведываются представители правящего класса. Я заметил Гарниса благодаря его перстню с печаткой.

— Вы про этот перстень? — спросил мужчина, так резко выставляя вперед руку, что чуть не потерял равновесие.

— Именно. Вы ведь иногда встречаетесь с самим лордом-губернатором?

— Да, сэр, конечно встречаюсь, — сказал пьяный, покатываясь.

— Значит, если бы я попросил вас удавить его преследующей встрече и развязать тем самым войну между Домами Гевот, Найтдрей и Кловис, которая охватит весь субсектор, это не

составит вам труда?

— Ни малейшего,— уверил Молоха мужчина.— Какие тут могут быть проблемы.

— Вы удавили бы лорда-губернатора?— переспросила Лейла.

— Проще простого. Как щенка. Да, тэм.

— Но я не стану вас об этом просить,— сказал Молох. — Вы можете идти, Гарнис.

— Покорно вас благодарю,— ответил мужчина и нетвердой походкой отошел от их столика.

— Молох повернулся к Лейле, взиравшей на него округлившимися глазами:

— Каждая возможность. Каждая случайность. Каждая щелочка. Вот чем учат пользоваться в Когнитэ. Смотреть, видеть, находить, использовать. За один только этот восхитительный завтрак, Лейла, я мог бы угробить весь субсектор уже три или четыре раза. Одним простым жестом...

— Он метнул что-то щелчком

большого пальца. Предмет упал возле стойки бара и разбился, по полу растеклась жидкость.

— О Святой... — начала было Лейла.

— Расслабьтесь. Это только инертный состав. Чума у меня в кармане. А теперь давайте поглядим на Инквизицию.

— На Инквизицию?

— Точнее, на штаб ордосов в этом мире.

— Но отсюда его не видно.

— О, а я вижу. Он отражается в зеркале над баром. Обратили внимание?

— Терра, я и не заметила. Молох сделал глоток вина.

— Со своего места я могу рассмотреть форт Инквизиции. Это огромная крепость. Возвышается над всем остальным городом. Вам известно, что ее воздвигли Черные Храмовники? Они уже давно оставили свой бастион, но однажды еще вернутся. А до тех пор здание будет занимать Инквизиция. Когда Храмовники вернутся, развернется настоящее побоище. Но, как бы то ни было, над крепостью

поднятые флаги. Несколько темных флагов. Что это означает?

— А разве это что-нибудь означает? Ну, флаги и флаги...

— Инквизиция даже не задумывается над тем, что кто-то может разбираться в их традициях и геральдике. Черные флаги над крепостью. На первый взгляд обычная показуха. Самое обычное устрашение. Но я провел немало времени, стараясь разобраться в том, какие они используют сигналы, и научился их различать.

— Так что же? Со своего места я и зеркало-то едва вижу.

— Сейчас все объясню. На флагах черные гербы Сикво, Билока и Квиста — символы, к которым Инквизиция относится с особенным уважением и трепетом. Они подняты в церемониальных целях. Значит, прибыли послы. Причем высокопоставленные послы. Это можно сказать хотя бы по количеству открытых орудийных портов. Прибыл кто-то очень важный.

— И что?

— А то, что Рейвенор уже здесь, чего мы и боялись, но коллеги решили остановить его. Что для нас является хорошей новостью.

Раздался неожиданный грохот падающего тела. Забегаловку наполнили встревоженные возгласы. Гарнис поскользнулся в пролившейся жидкости и размозжил себе череп об угол стойки.Он был мертв.

— Уходим, — сказал Молох.

— Они встали и направились к выходу, обходя людей, столпившихся вокруг бедняги Гарниса.

— Это уже девятый, — прошептала Лейла. — Мне показалось, что вы должны были убить только восьмерых?

— Так и есть, но я же не дурак. Это не часть ритуала. Просто девятый случай, чтобы разрушить общий узор. Ордосы тоже наблюдательны и умны. В восьми они могли бы и найти сходство, но это происшествие выбивается из ряда вон.

— Он приблизился к стоящим людям и подобрал маленький осколок стеклянной колбочки, на которую наступил Гарнис.

— Подарок, — сказал Молох. — Диодант для вашего господина.

— Уверена, что это ему понравится, — сказала Лейла Слейд, а потом добавила: — Постойте.

Зигмунд сбавил шаг, а она послюнявила палец и стерла с его лица последнюю крошечную капельку крови, упущенную ранее.

— Спасибо, — сказал он.

Они вышли в яркий полдень, и шумная толпа поглотила их.

Глава вторая

В соответствии с инструкциями, которые босс нашептал напрямую в ее сознание, Пэйшенс Кыс отворила ворота и пустила людей во двор.

Она не стала подниматься с облюбованной ею каменной скамьи. Чуть заметно кивнула, моргнула зелеными очами, и незримые буксиры телекинетической силы распахнули тяжелые деревянные створки. Они слегка проскребли по земле, поднимая небольшое облачко пыли над брусчаткой. Тихую тень двора пробороздили желтые полосы яркого солнца.

Нейл, Тониус и Плайтон вышли из дому, чтобы встретить гостей.

Лицо Нейла было непроницаемо, гладко выбритый затылок сверкал на солнце. Охотник за головами был облачен в облегающий серый комбинезон, усиленный на плечах, шее и торсе стыкующимися керамитовыми пластинами. Он остановился на верхних ступенях дома, в

тени входной арки, поправляя перчатки. Гарлон даже не пытался скрыть «Мидгард» производства гекатерских оружейных мастерских, вложенный в кобуру на его левом бедре.

Мауд Плайтон застыла рядом с ним. После своего ухода со службы в Магистратуме она предпочитала одеваться в армейском стиле. В этот раз она надела цельнокроеный, застегивающийся на молнию потертый летный костюм цвета хаки, туго зашнурованные ботинки и белую футболку. Мешковатая, бесполая одежда подчеркивала ее мощное, чуть коренастое телосложение, резко контрастировавшее с изящными чертами лица. Мауд все еще не могла отвыкнуть от следования уставу Магистратума, а потому ее темные волосы были коротко подстрижены.

Карл Тониус, стройный и подтянутый, предстал в черных обтягивающих брюках и высоких лакированных сапогах от парадного кавалерийского костюма, с пристегнутыми к ним шпорами. В

качестве верхней одежды он избрал пурпурный фрак с золотым кантом, оставляющий для обозрения широкую грудь и бугристые мышцы живота. Длинные пальцы дознавателя украшали перстни, а выкрашенные в черный цвет волосы ниспадали буйной гривой. Он уже совсем не напоминал того хилого, суетливого и безупречно одетого денди, что присоединился к команде инквизитора всего десять лет назад.

— Знаешь, кто это? — спросил у него Нейл.

— Даже не догадываюсь, — покачал головой Карл.

Из двери с противоположной стороны двора появились Кара и Белкнап. Ярко-рыжие волосы Кары резко контрастировали со светло-зеленым жилетом и белыми бриджами. Белкнап рядом с ней выглядел очень... обыкновенным. Худощавый, среднего телосложения. Его коротко подстриженные волосы были самого обычного каштанового цвета, да и лицо было совершенно обычным, если не

заглядывать в глаза. Глазам бывшего военного врача довелось повидать многое. И предстояло увидеть куда больше, учитывая, что теперь он стал личным лекарем боевой команды инквизитора.

Пэйшенс Кыс, высокая и по-кошачьи грациозная, наконец поднялась со скамейки и присоединилась к Каре и Белкнапу. Темно-коричневый комбинезон создавал впечатление, будто вся она состоит только из ног. Черные волосы Пэйшенс свободно развевались, но она на ходу собрала их в аккуратный хвост и заколола его серебряной булавкой.

— Крепитесь, — сказала она.—Я просто нюхом чую неприятности.

Во внутренний двор стали прибывать посланники. Вначале появился мотоциклист на приземистом мощном боевом байке, негодующий рев которого отражался эхом от окружающих стен. За ним вкатились три «Химеры», похожие на монолитные валуны, оборудованные гусеницами. Бронетранспортеры были выкрашены в неброский, матово-серый, цвет, как будто их хотели сделать менее

заметными. Правда, тридцать восемь тонн каждой машины все равно сильно бросались в глаза. Рыча турбинами, «Химеры» бок о бок проползли по двору. Над ними, точно стрекозы, парили шесть псайбер-черепов.

Колонну замыкал еще один мотоциклист. Он обогнул припарковавшиеся бронетранспортеры и остановился, не выключая, впрочем, двигателя. Наездник опустил одну ногу на землю и распрямился.

Перед встречающими выстроилась линия: мотоцикл, бронетранспортер, еще один бронетранспортер, снова бронетранспортер и мотоцикл.

— Закрыть ворота.

Кыс кивнула и подчинилась. Ворота с грохотом захлопнулись.

«Химеры» заглушили двигатели. Выхлопные газы плавно поднялись в небо.

— Предоставь это мне, — сказал Нейл.

— Почему? — спросил Карл.

— Посмотри на меня внимательно. Неужели похоже, что я способен что-нибудь отчебучить?

— Нет. — Карл улыбнулся и кивнул. — Это-то мне в тебе и нравится.

Нейл перевел взгляд на Мауд:

— Где твоя пушка?

— Мне казалось, что это друзья?

— Ни в коем разе, малышка. Хватай скорее оружие и жди дома за дверью.

Мауд оглянулась на Нейла, ожидая, что он улыбнется. Затем она поняла, что тот говорит серьезно, и скрылась в доме.

Гарлон Нейл оставил Тониуса на ступенях и вышел на солнце, направившись к цепочке машин. Парящие в воздухе псайбер-черепа слегка засуетились, когда он вошел в их зону действия.

Мотоциклисты заглушили моторы, опустили опорные стойки, а затем спешились. Оба были в одинаковых, усиленных бронепластинами комбинезонах, запачканных пылью, что заставляло людей казаться только продолжением своих матово-черных стальных машин. Мотоциклисты стали отстегивать скопления проводов и штепселей, связывавших их с орудийными системами байков.

Тот, что стоял слева, оказался молодым мужчиной, высоким и худощавым, с длинными белыми волосами, свободно рассыпавшимися по плечам, как только он снял шлем. Мужчина обратил на Нейла взгляд печальных синих глаз.

— Мы приветствует хозяина сего дома и смиренно благодарим его за то, что он согласился на эту встречу, — произнес он голосом мягким и чистым, точно дождевая вода.

— Мы тоже приветствует вас, — сказал Нейл, а потом обвел взглядом парящие псайбер-черепа. — Хотя здесь многовато оружия, чтобы говорить это от чистого сердца.

Парень широко улыбнулся.

— Прошу прощения, — сказал он, доставая из набедренного кармана жезл управления и взмахивая им.

Дезактивированные черепа низко загудели и опустились на плиты внутреннего двора.

— Невежливо получилось. Но сами понимаете, это просто предосторожность.

Он убрал жезл, повесил шлем на руль

байка и приблизился к Нейлу.

— Дознаватель Гэлл Бэллак, — сказал он, стаскивая перчатку и протягивая руку.

— Нейл, — произнес Гарлон, отвечая рукопожатием.

— Знаю, — сказал Бэллак. — Я изучил записи и был восхищен вашими способностями. Где Рейвенор?

— Думаю, вы имели в виду инквизитора Рейвенора?

Бэллак поджал губы и кивнул:

— Прошу прощения за свою дерзость и неуважение. Конечно же, я хотел сказать именно «инквизитор Рейвенор».

— Он внутри.

— Моя госпожа прибыла поговорить с ним.

— Может быть, тогда вашей госпоже стоит вылезти из своего танка и пройти в дом? — произнес Нейл.

— Знаете, Гарлон, — фыркнул Бэллак, — вообще-то мне кажется, она уже давно могла бы сделать это.

Залязгали пневматические механизмы, и пандусы «Химер» распахнулись. Кыс с Карой переглянулись и

вместе «крылись внутри дома. Белкнап, несколько потерянно озираясь, остался снаружи.

Второй мотоциклист снял шлем.

Сняла. Она была очень высокой, с длинными волосами, заплетенными в косички и украшенными бусинками.

— Вот дерьмо, — прошептал Гарлон Нейл.

— Великий Трон Терры.

— Вы видите то же, что и я? — пробормотал Нейл.

— Конечно.

— Она выглядит точно как...

— Странно.

— Думаю, вам это будет нелегко.

— Ничего, справлюсь, Гарлон. Я профессионал.

— И тем не менее.

— Веди их в дом. Пора разобраться.

Из машин вышли люди: две дюжины солдат с различным вооружением, каждый с инсигнией ордоса; старик, опирающийся на трость; крошечная, похожая на ребенка женщина в голубых бриджах и в сопровождении пары боевых гончих-

сервиторов; огрин, отягощенный тяжелым плазменным орудием; женщина и мужчина в длинных кожаных плащах; четверо секретарей с писчими принадлежностями; человек в сверкающей реактивной броне и седеющая стройная блондинка, облаченная в длинное платье охряного гидрафурско-го шелка. Эта последняя являла собой потрясающее зрелище. При виде ее Нейл даже затаил дыхание.

И вот наконец главный посол. Женщина прихрамывала. Ее тело защищала красная пластинчатая броня, каждый сантиметр которой покрывали гравировка и печати. Многочисленные пергаментные свитки делали одеяние похожим на птичье оперение.

— Что же, полагаю, я должен чувствовать себя польщенным.

— Да? — прошептал Нейл. — Почему?

— Это инквизитор Мизард. Главный секретарь ордосов Геликана, подчиняющийся непосредственно лорду Роркену.

— О Трон, значит, они не собираются ходить вокруг да около?

Мизард, прихрамывая, пересекла двор, приблизилась к Нейлу и заглянула ему прямо в глаза. Когда-то она была красивой женщиной: сильной, стройной и полной жизни. Но теперь старость проложила на ее лице глубокие мор щины, резко обострив все его черты. Но волосы инквизитора были цвета спелой пшеницы.

— Как я понимаю, вы дознаватель? — спросила она слабым, утомленным голосом. — Тониус?

— Это Нейл, госпожа, — мягко поправил ее Бэллак. — Он, э-э...

— Головорез, — с нахальной улыбкой продолжил Нейл, протягивая руку.

Мизард усмехнулась и пожала его ладонь.

— Вы мне уже нравитесь, — предупреждающим тоном произнесла она. — И где этот хренов Рейвенор? Мне хочется сказать ему пару слов.

— Как я только что и говорил, он внутри. И уверен, что он тоже уже заготовил речь.

— Вы и в самом деле мне нравитесь, — снова усмехнулась Мизард. — Вы смелый

человек. Ну что, пойдем и поговорим теперь с Гидеоном?

— Позвольте мне проводить вас, госпожа, — произнес Тониус, торопливо сбегая по лестнице и протягивая руку. — Я дознаватель Тониус. Мой господин с нетерпением ждет, когда вы осчастливите его своим присутствием.

Мизард фыркнула и рассмеялась.

— Я жду, когда меня кто-нибудь осчастливит своим присутствием, последние шестьдесят восемь лет. — Она бросила взгляд на Нейла. — Хотя, может быть, я наконец и нашла такого мужчину.

— Спасай меня, — прошептал одними губами Гарлон, глядя на Карла.

— Прошу сюда, госпожа, — улыбнулся Тониус.

Они прошли мимо Нейла, направляясь к дому. Гончие-сервиторы облаяли охотника за головами, поравнявшись с ним. Гарлон проводил взглядом пепельную блондинку, когда та проходила мимо, но она даже не посмотрела на него.

Вся свита Мизард направилась в дом, и рядом с припаркованными машинами

осталась только мотоциклистка.

Нейл приблизился к ней.

— Лучше пойти внутрь, — сказал он.

Женщина кивнула. Она была намного выше его ростом.

— Должен задать один вопрос, - сказал он. - Вы из клана Эсв Свейдер?

— Вы знакомы с кланами Картая?

— Когда-то я был знаком с одной из ваших соплеменниц. Давным-давно. Арианрод.

— Это была сестра моей матери. Я Ангарад.

Охотник сложил руки в знамении аквилы:

— Гарлон Нейл. Вам стоит знать, что мой господин когда-то давно был влюблен в вашу тетю.

— Это мне известно, как и то, что она погибла, сражаясь на его стороне. Именно по этой причине я и поступила на службу к Инквизиции.

Ангарад ответила на его аквилу приветствием, принятым на Картае: ударив себя в грудь и отсалютовав.

Нейл подождал, пока она вытащит

свою длинную, убранную в ножны саблю из креплений военного мотоцикла.

— Ну что, пойдем?

— Пойдем.

— Вы не будете против, если я поинтересуюсь: как ее зовут?

Ангарад подтянула на плече перевязь клинка.

— Эвисорекс[1], — ответила она.

Глава третья

Я ждал их в кольце солнечного света в гостиной, разослав своих людей на всякий случай по самым дальним углам дома. Остаться я позволил только Карлу Тонусу, который проводил ко мне посетителей, и Гарлону Нейлу, прикрывавшему тылы.

Рядом с Нейлом шла Ангарад. Я обнаружил, что безумно ревную. За свое телесное существование я любил только Арианрод. Она погибла всего за несколько коротких месяцев до того, как я оказался изувечен и заточен в этом кресле, что каким-то трагическим образом оказалось даже лучше. Если бы Арианрод оставалась жива, я бы...

Покончил с собой. Покончил, без всяких сомнений.

Но она умерла раньше. И мне удалось справиться со всеми потерями.

А теперь появляется этот допельгангер[2], картайская течница, до боли напоминающая мою давно

утраченную любовь.

Я поворачиваю свое кресло к Мизард.

— Гидеон, — объявляет она. — Рада тебя видеть.

— Как и я тебя, Эрмина. Не возражаешь против ментальной речи? Если хочешь, могу включить вокс-транслятор.

— Сгодится и телепатия, — говорит она, присаживаясь на пуфик, застонавший под ее весом.

— Давайте представлю остальных, — произносит она. — D'Мал Сингх.

Крошечная женщина, удерживающая боевых сервито-ров, кивает. Гончие сопят и скулят.

— Таркос Ментатор.

Старый ученый, опирающийся на трость, также кивает.

— Шугурт.

Огрин кланяется.

— Познаватель Клодель и познаватель Гонзаль. Также познаватель Бэллак.

Мужчина и женщина в длинных плащах неожиданно встрепенулись.

Бэллак, улыбаясь, склоняет голову, и его лицо скрывается в обрамлении длинных белых прядей волос.

— Ангарад Эсв Свейдер.

Высокорослая мечница, стоящая возле Нейла, даже не пошевелилась.

— Инквизитор Фенкс.

Человек в черном бронекостюме сотворяет знамение аквилы.

— А это инквизитор Лилит.

Пепельноволосая женщина в охряном платье одаряет меня почтительным кивком.

— Лилит. Я читал вашу работу и был ею восхищен. Как понимаю, вы проявляете особый интерес к эльдарскому ксе-нотипу.

— Так и есть, сэр. Я, в свою очередь, тоже читала ваши работы и была ими восхищена, — отвечает она.

— Благодарю.

— Что ж, раз уж мы теперь еще сильнее любим друг друга, — произносит Мизард, — давайте приступим к делу. Гидеон, тебе придется остановиться. Ты очень близок к тому, чтобы тебя

заклеймили как отступника.

Она поднимает левую руку и почти прижимает указательный палец к большому, демонстрируя, насколько незначительно это расстояние.

Я открываю оконце в передней панели своего кресла и демонстрирую синюю инсигнию.

— Я действую по Положению об особых обстоятельствах, и лорду Роркену про это известно.

Мизард складывает руки на груди.

— Его понимание подходит к концу. Пришло время остановиться.

— Молох все еще на свободе, — встревает Тониус.

— Это мой дознаватель, Карл Тониус, — отправляю я.

— Мы уже познакомились,— говорит Мизард.— Да, Молох на свободе. Но он уже просто в бегах, и им могут заняться другие. Тебя же просят остановиться.

— Просят?

Мизард вздыхает:

— Приказывают. Мы просили тебя в течение многих месяцев, но ты убегал от

нас. Теперь речь идет о приказании.

— От моего лорда?

Старший посол кивает. Фенкс делает шаг вперед и вытаскивает из поясного мешочка опечатанный информационный планшет. Он неловко переминается, оглядывая мое кресло.

— Могу ли я куда-нибудь... куда-нибудь его вставить?

— Есть у меня одна мысль на этот счет, — бормочет Нейл из противоположного угла комнаты.

— Веди себя прилично, Гидеон, — усмехается Мизард. —

Есть дата-порт?

Я открываю его в боку своего кресла, и Фенкс загружает планшет. Я открываю устройство, втягиваю его внутрь и выдвигаю в окружающем меня темном коконе гололи-тический дисплей, озаряющий меня виртуальным светом. Официальное письмо записано лично лордом Роркеном. Такое ощущение, будто я стою прямо рядом с ним. Он кажется утомленным, расстроенным. Он обращается ко мне по имени. Остальную

часть послания я даже не слушаю. Больше мне ничего не надо видеть. Роркен единственный человек, перед которым я отчитываюсь, и он сказал свое слово.

— Все верно. Я возвращаюсь. Скажи, Эрмина, все оказалось не так страшно, как ты ожидала?

— К счастью, Гидеон. Послушай, ты должен понять, что никто не собирается тебя осуждать. Роркен доволен проделанной вами работой. Да и я тоже, черт возьми. На Юстисе вы совершили невозможное. Остановили то, что могло бы уничтожить все и вся.

— Ого, значит, ты читала мой отчет?

— Тайны, прикрывающие тайны, — говорит Лилит. — Но не это, сэр, а значимость случившегося вынуждает нас отозвать вас. Одну только энунцию и знания о ней, собранные вашей командой, необходимо исследовать во всей полноте. И — простите мне дерзость — краткого доклада для этого явно недостаточно.

— Кроме того, есть вопрос, касающийся самого Юсти-са Майорис, —

произносит ученый Ментатор, и его голос слаб, а слова неразборчивы.

— И что же это за вопрос? — спрашивает Тониус.

— Об ущербе, — говорит Ментатор. — Разрушениях. Гибели людей.

— И предполагается, что в этом виноват я?

— О, ради всего святого, Гидеон, — произносит Мизард, вставая и оглядывая комнату. — На то, чтобы восстановить столицу субсектора, уйдет не один год. Весь регион находится в кризисе, ты понимаешь? Кризисе!

— Мне знакомо это понятие.

Восемнадцать планетарных правительств готовы рухнуть. Экономический спад. Религиозный спад. — Познаватель Бэллак говорил быстро, но спокойно. — Люди теряют веру во власть Империума. Всеобщие волнения. На девяти основных планетах отмечены забастовки и случаи гражданского неповиновения. Мятеж на военно-космических верфях Ленка. Список можно продолжать. Не стану обременять вас мелочами, но вы

должны понять... да, если бы Молох преуспел, он разорвал бы весь субсектор — а может быть, и сектор — по швам. Вы остановили его. Но цена, которую пришлось за это заплатить, все равно очень высока. Сектор Скарус получил серьезный ущерб и выведен из равновесия. Восстановление инфраструктуры потребует труда нескольких поколений. Мы нуждаемся в вашей помощи.

— Моей помощи?

— Жизненно необходимо, чтобы и вы, и каждый член вашей команды прошли экстенсивный опрос, — говорит дознаватель Гонзаль. — Да, на это может уйти несколько месяцев. Но мы сможем многому научиться у вас, инквизитор. И полученные таким образом знания могут сберечь годы.

— Проще говоря, — произносит Визард, — нельзя устроить бардак в своей комнате и оставить его разгребать другим.

Мне это известно, хотя я и старался избегать подобной волокиты. Но она составляет необходимую часть работы

любого инквизитора. После преступления Гомека мне пришлось целых три года проводить совместный с планетарным правительством разбор вопросов, касающихся восстановительных работ. После дела Нассара моему старому наставнику Грего-ру Эйзенхорну пришлось посвятить практически десять лет своей жизни тому, чтобы убрать за собой на Мессине. После Некронских Войн инквизитор Билок, будь благословенна его память, провел остаток своей жизни, восстанавливая власть и основы общественного устройства на Звездах Тарквина.

Мизард продолжает шарить по комнате взглядом:

— Карл, не мог бы ты сбегать за вином и угощением для наших гостей?

— Без проблем, сэр, — кивает Карл.

— Очень любезно с твоей стороны, Гидеон, — произносит Мизард, снова присаживаясь.

— Но как же Молох? — спрашивает Нейл.

Все оглядываются на него.

— Неужели я произнес это вслух? — добавляет он. — Ладно. Что насчет Молоха?

— А что с ним? — спрашивает Феникс.

— Он на свободе. Спокойно разгуливает где-то. Где-то здесь.

— Где именно? — спрашивает инквизитор Лилит.

Где-то, — пожимает плечами Нейл. — В Бастине.

— У нас нет никаких причин полагать, что он здесь, — говорит Феникс.

— У вас? — спрашивает Нейл. — Зато они есть у нас.

— Докажите! — требует Клодель.

Нейл медлит. Я ему сочувствую. Он невероятно предан мне.

— Так сразу и не объяснишь. Это...

— Догадка.

Мизард уставилась на мое кресло.

— Догадка?

— Не смотри на меня так, Эрмина. Догадка. Да, догадка. Я чувствую это и пытаюсь сделать все возможное.

— Мы это учтем. И я верю тебе. Но догадка?

— Он здесь.

— Одного предположения недостаточно.

— Я... верю.

Мизард и Фенкс переглянулись.

— Молоха необходимо остановить. Слишком много лет он хозяйничал. Он безумно опасен. Именно поэтому я и отсутствовал столь долго, не отвечая на ваши запросы. Я должен остановить его.

— Вы слишком близки, Гидеон.

— Именно поэтому я и должен закончить начатое.

— Нет, вы слишком близки, Гидеон,— повторила Мизард.

Карл возвратился с подносом, на котором стояли бокалы, и главный секретарь взяла один из них.

— Молох стал твоей немезидой. Вас объединяет общаясудьба. Ваша затяжная дуэль продолжается уже долгие годы. Вы с ним стали слишком близки. И это становится проблемой.

— Не могу в это поверить.

Она отпивает глоток.

— Твое право. Но со всей

откровенностью говорю тебе, Гидеон: причина, по которой тебе никогда не уничтожить Молоха, кроется в том, что вы слишком сблизились и ты уже не тот человек, который бы подходил для этого дела.

— Чепуха!

— Сколько раз вы его уже убивали? — спрашивает Лилит. - Два? Три?

— Он оказался живучим.

— Для тебя он теперь практически неуязвим, — улыбается Мизард. — Молоха нет здесь, Гидеон. Он удрал. Ты просто одержим и устал, а преследование продолжается слишком долго. Твоя помощь необходима в другом месте. Пусть кто-нибудь другой, с более свежим взглядом на проблему, выследит Молоха.

— Может быть, ты и права, — уступаю я.

— Да, я права. Кстати, неплохое вино. — Мизард отставляет бокал.

— Но вы мне должны поклясться.

— Мы весьма способны, инквизитор, — говорит Феникс.

— В этом я не сомневаюсь, сэр.

— Мы найдем Молоха и свершим над ним правосудие, — произносит Лилит.

— Могу я спросить, как вы собираетесь это сделать?

— Наши агенты,— кивает Визард,— отправлены по всему субсектору. И некоторые находят серьезные следы. Фенкс и его команда уже этим вечером покинут Санкред и направятся к Санкуру. Два дня спустя Лилит со своими людьми вылетает к Ингерану. Через шесть часов после ее отлета мой дознаватель Бэллак возглавит группу, которая займется поиском среди Мутных Звезд.

— Значит, говорите, у вас есть наводки?

— На Санкуре были обнаружены валютные счета, принадлежащие Молоху, — говорит Фенкс. — К ним обращались в прошлом месяце. Это важная улика.

— А я установила, что на Ингеране есть укрытия Ког-нитэ, созданные Молохом, — говорит Лилит. — Там же есть владения, принадлежащие Орфео Куллину. Кто-то пытается их продать.

Это также важный след.

— Благодаря анонимному денежному переводу коллекция диодандов, собранная Орфео Куллином, была отослана на Энкейдже три недели назад, — говорит Бэллак. - Она хранилась в гостиничном номере в Петрополисе. А на текущий момент значится в качестве груза космической баржи.

— Это мне известно. Не тратьте свое время впустую. Вы просто слепы на оба глаза.

— Там поглядим, — пожимает плечами Бэллак.

Хватит, Гидеон. Вы можете теперь остановиться и передохнуть, — говорит Мизард.

— Да, верно,— отвечаю я.— Теперь это ваша проблема. Только не приходите ко мне плакаться, когда...

— Нельзя ли мне налить еще вина? — спрашивает Мизард, поднимая бокал.

— И вы собираетесь просто так это оставить? — спросила Кара, как только Мизард ушла.

— Думаю, да. Неужели тебе и в самом деле хочется угробить остатки своей жизни на охоту за Молохом?

Она стоит возле меня во внутреннем дворе дома. Вечер протянул длинные серые тени.

— Нет, — отвечает она и смотрит на меня. — Потому что я не думаю, что на это уйдет вся наша жизнь.

— Потому что мы близки?

— Потому что мы близки. Вы верите в это, и Пэйшенс тоже. Вы чувствуете его след.

— И все-таки это только догадка. У меня нет никаких твердых доказательств. Мне было весьма неприятно объяснять все это Визард и ее людям. Пытаться оправдать...

— Что?

— Грегор научил меня следовать своим инстинктам. Но он также предупреждал меня против того, чтобы это стало навязчивой идеей.

— Да, про это он мог рассказать, — улыбается она.

— Мы сражаемся с Зигмундом

Молохом целую жизнь, Кара. Мизард права. Это дело стало слишком личным. Я становлюсь слепым. Так что мне придется отступиться. И мне не уйти от участия в восстановлении Юстиса Майорис. Они были правы в каждом слове. Более того, мне даже кажется, что они были слишком дипломатичны, учитывая сложившиеся обстоятельства. У меня есть и другие должностные обязанности. Я разбил Молоха наголову и дол-Жен тем удовлетвориться. Да, во имя Трона, пускай другие тратят свои дни на охоту за этим уталищенным выродком.

Кара качает головой и садится на одну из каменных скамей. За прошедшие годы я привык к тому, что она восхитительна. Она не так красива, как Кыс, но ее красота теплее, привлекательнее, а тело женственнее. Я даже по знакомился с ее телом изнутри, неоднократно «надевая» его. Кару я могу с наибольшим правом назвать своей «любовницей», хотя бы и в таком извращенном смысле. А теперь в ее жизни появился другой. Человек, способный

подарить ей то, чего никогда не смогу дать я, — простые радости жизни. Мне известно, что и она понимает это. Теперь ей более чем неприятна мысль о том, чтобы я влез в ее тело. И я ругаюсь на себя, но не могу не чувствовать себя рогоносцем.

Меня удивляет и — в этом очень трудно признаться — восхищает ее стойкость.

— Так что насчет важности завершения дела? — спрашивает она.

— Ее слишком переоценивают.

— С каких это пор? — фыркнула Кара.

— Грегор всегда стремился к предельной завершенности.

— И вспомни, чем это для него кончилось. Это не для меня. Я радикален ровно настолько, насколько это удобно. И не собираюсь погружаться глубже и превращаться в отступника.

Я чувствую внезапно поднявшееся в ней разочарование, хотя и не касаюсь ее сознания. Она просто не может этого скрывать.

— А что насчет всех остальных, Гидеон? — спрашивает она.

— Что?

— Неужели вы не думали о том, что нам необходима эта завершенность? После того, что случилось на Маджес-кусе? Ради Норы, Уилла и Элины? Ради Зэфа?

— Это низко с твоей стороны.

— Зато правдиво.

— Служение уже само по себе — награда.

— Не совсем, — произнесла она, поднимаясь. — Хотя вам, возможно, это и подходит.

— Я думал, что ты обрадуешься.

— Обрадуюсь?

Мы пробудем здесь еще неделю, чтобы привести все дела в порядок. А затем возвратимся на Юстис Майо-рис. Как только мы окажемся там, начнется длительный, обстоятельный процесс оценки нашей деятельности и составления отчетов. Команда окажется на отдыхе. Самое время для пересмотра своей жизни и ее реорганизации. Для перемен. Мне казалось, что ты будешь рада такой возможности.

— И снова, что значит «рада»?

— Я чувствую кое-что излучаемое твоим сознанием, Кара. И мне кажется, я понимаю, в чем дело.

— Нет ничего особенного в моем сознании.

— Кое-что...

— Нет там ничего! Можете даже влезть в мою голову, если вам так хочется! Любуйтесь! Но хватит строить предположения, видя только поверхностные чувства! Там нет ничего особенного!

— Хорошо.

— Я честно говорю.

— Я понял.

Она уставилась на меня и кажется сердитой. Или виноватой?

— Не стану проникать в твое сознание. Я доверяю тебе.

На какой-то мимолетный миг Кара опускает глаза, а затем разворачивается, чтобы уйти.

— Нам необходимо закончить дело, — произносит она.

— Мы это уже сделали. На Юстисе Майорис. Теперь осталось только убрать

за собой.

— Но у вас была догадка, — говорит она. — Ваши инстинкты подсказывают, что он здесь.

Кара, мне крайне неприятно унижаться в твоих глазах, но скорее всего я просто занимался самообманом. Мне хотелось покончить с Молохом, а мысль о тяжкой рутине, ожидающей на Юстисе, была слишком непривлекательна.. Вся эта погоня превратилась в «замещающую деятельность», я просто оттягивал неизбежное. Да, у меня возникла догадка. Но только догадка, а они далеко не всегда оказываются верны.

— Ваши — всегда, — произносит она.

Трон, эти слова теперь будут преследовать меня.

— Не на сей раз. Молоха здесь нет. Моя догадка оказалась пустым звуком. Пора остановиться и заняться чем-нибудь полезным.

Глава четвертая

Обнаженный Орфео Куллин лежал ничком на суспен-зорной кушетке, позволяя графферу закончить работу над последним деянием, которое тот изображал на его пояснице. Куллин находил весьма стимулирующим легкое покалывание и пощипывание игл графера. Покой давал ему время и свободу для размышлений. Едва заметная боль подстегивала ход его мыслей. Разум казался огромным работающим мотором, который, не сбавляя оборотов, позволял извлечь пользу даже из отдыха. Время подумать, приглядеться, шаг за шагом обойти всю проблему и изучить ее со всех сторон.

— Мой опыт гласит, — вслух произнес он, — что в Империуме полно дыр, и весь фокус только в том, как обнаружить эти дыры и как воспользоваться ими.

Не отрываясь от своих стальных игл и иногда обмакивая их в горшочки с чернилами, выставленные рядком возле его коленей, графер пробубнил что-то в

ответ. Он не понимал слов Куллина, поскольку тот говорил на идрише, одном из диалектов Мутных Звезд. Графер подумал, что его клиент просто пробормотал какую-то молитву об избавлении от боли. Люди часто воспринимали уколы игл как невыносимое мучение.

— Я хочу сказать, что миллиарды и миллиарды жизней управляются и контролируются бюрократией, достигшей невероятных размеров. Понимаете, нужно только найти пустые места. Бреши. Вам нельзя разрушать систему, поскольку это обнаружит вас. Достаточно заполнить пустые места в структуре и исчезнуть.

Графер снова что-то буркнул.

Куллин покачал головой. Дураки, болваны. Все они были дураками и болванами. Все, кроме Молоха и Рейвенора. Ради обманчивого грядущего ему пришлось влезть в текущее дело. С этой задачей могли справиться всего несколько человек. Но он оказался единственным претендентом. К тому же ожидалось вознаграждение. И какое

вознаграждение!

Тихо загудела перитетральная сигнализация экслава. Люциус Уорна поднялся и отправился проверять. До того огромный охотник за головами с изуродованным шрамами лицом, которого на службу Куллину привели судьба и стечение обстоятельств, неподвижно восседал в темном углу комнаты, подобный каменному идолу. Орфео восхищался исключительностью Уорны, хотя и предпочитал обычно работать с более изящными, тонкими инструментами. Но порой трудно было обойтись без грубой физической силы и огневой поддержки, какую мог предоставить только такой зверь, как Уорна.

Через минуту или около того охотник за головами снова возник в дверях продолговатой комнаты, сопровождаемый Лейлой Слейд и самим Молохом. На сквозняке затрепетало пламя свечей.

— Лейла! Зигмунд! — воскликнул Куллин, поднимая взгляд.

— Это называется — занят делами? —

спросила Слейд, ухмыляясь. — Занят тем, что валяешься с голым задом?

— Не издевайся, Лейла, — засмеялся Куллин, — Этот добрый сэр с иголками уже почти закончил работу.

Они разговаривали на низком готике, поэтому графер смог их понять.

— Да, я уже почти закончил, — подтвердил он.

Лейла кивнула.

— Легализуешь нас? — спросила она своего господина на идрише, и Молох уставился на нее.

— Именно так,— ответил на том же диалекте Куллин.— Деяния, касающиеся эксклава, переносятся на мою кожу. Совершенно законно и по всем правилам. Благодаря его работе мы станем невидимками для системы.

Законы Танкреда, касавшиеся права собственности, были Древними и грубыми. Любое владение — землями, жильем, рабами и другим имуществом — считалось действительным только после того, как информация вытатуирована на коже владельца. Гражданину было

необходимо перенести всю информацию о своих легальных делах, чтобы правительственные органы предоставили ему право владения. Гильдия графферов являла собой древнюю и уважаемую организацию, державшую офисы в торговых кварталах. Когда дела были уже переданы, существующие татуировки затемнялись. Стать «затемненным» означало разориться илиже быть лишенным наследства. Некоторые безжалостные, но преуспевающие землевладельцы приходили в легислатуру, надев на себя, подобно плащам, сухую шелестящую кожу тех, кому наследовали.

Эксклав представлял собой небольшой комплекс башен и домов, расположенный в северном конце центральной городской улицы. Куллин владел им в течение уже двадцати лет, начиная с того времени, как ему потребовалось провернуть здесь одно дело, но все это время необходимые деяния украшали спину сенешаля, которому за это платили. Орфео вернулся, чтобы взять владение в свои руки, и рассчитался с сенешалем, которому затемнили деяния.

Теперь Куллин ждал, пока их перенесут на его собственное тело. Сенешаля хорошо вознаградили за службу. А затем Люциус Уорна убил его и уничтожил тело. Куллин не любил бессмысленный риск.

— Мы почти завершили, — произнес Орфео на идрише.

— Хорошо, поторопись. Нам надо с тобой кое о чем поговорить, — ответил Молох.

Он подошел к кушетке и окинул взглядом иглы графе-ра. При этом Зигмунд также разговаривал на идрише.

— Друг мой, — посмотрел на него Куллин, — я и понятия не имел, что вы тоже знакомы с этим диалектом.

— Я с ним не знаком. Но разобраться в нем оказалось достаточно просто.

— Услышав всего несколько фраз?

— Орфео, мне кажется, что вы до сих пор меня недооцениваете.

— Он удивителен! — эмоционально произнесла Лейла. — И проделывает такие трюки с оружием, словно...

— Что?

— Да ладно. Ничего.

— Все готово, — произнес графер на низком готике, поднимаясь.

— Благодарю вас, — ответил Куллин, вставая с кушетки и подбирая одежду.

— Осталось только разобраться с вопросом оплаты, сэр, — учтиво напомнил графер.

Позвольте рассчитаться мне, — сказал Молох на идрише.

Он взвесил в руке иглу, а затем легким щелчком метнул ее. Она пронзила правый глаз графера прямо сквозь слезную протоку, выступая оттуда, словно очень длинная ресница. По телу графера пробежала дрожь. Окрашенная чернилами слеза прокатилась по его щеке. Мужчина рухнул на колени, а после сложился пополам, ударившись лицом о плиточное покрытие пола. Лейлу Слейд передернуло.

Удар вогнал иглу по самую верхушку.

— Вполне хватило бы и монет, — спокойно заметил Куллин, и Люциус Уорна разразился глубоким, мерзким смехом.

— Мне бы хотелось серьезно с вами поговорить, Орфео, — проговорил Молох, присаживаясь.

— Звучит зловеще, — ответил Куллин. — Желаете выпить?

— Секуа, — сказал Молох. Орфео кивнул Лейле.

— Принеси сразу для всех, — сказал он.

— А что насчет?.. — спросила Слейд, глядя на труп графера, застывший, словно в молитве.

— Сомневаюсь, что он тоже захочет выпить.

— Я хотела сказать...

— Знаю, Лея. Уберется позже. Вначале надо выслушать, что хочет сказать Зигмунд.

Лейла принесла подогретые питейные чайнички с секу-мот. Куллин сделал глоток и слегка прогнул спину, чтобы уменьшить натяжение кожи на месте свежих татуировок.

— Так что вы задумали, Зигмунд Молох?

Молох улыбнулся. И его улыбка, как и все лицо, страдала от недостатка симметрии.

— Позвольте мне начать с признаний в том, что я ваш должник. Это бесспорно.

Вы вытащили меня из Петрополиса, когда мои планы рухнули, и в течение шести месяцев охраняли меня. Чуть раньше я уже разговаривал об этом с Лейлой. Я в долгу перед вами и не собираюсь от него отказываться. И обманывать вас не собираюсь. Я по достоинству отблагодарю вас, как только представится такая возможность.

— Но? — учтиво кивнул Куллин.

Боюсь, что мы начнем мешать друг другу,— сказал Молох. — Я поднимаю этот вопрос в надежде избежать такой вероятности. Но, боюсь, мы все равно рано или поздно окажемся помехой друг для друга.

— По какой же причине?

— Если оценивать стандартной шкалой, то я обладаю сверхъестественным уровнем интеллекта. Альфа... даже выше чем альфа. И должен выразить свое почтение, если судить по тому, что мне удалось узнать о вас за время нашего сотрудничества, вы такой же.

— Благодарю.

— Вы гений, Орфео. И Когнитэ была

бы рада видеть вас в своих рядах.

— И вновь благодарю вас. Скажите, Зигмунд, вы что, пытаетесь комплиментами затащить меня в постель?

Лейла засмеялась.

— Мы оба, — снова заулыбавшись, покачал головой Молох, — манипуляторы, интриганы, конспираторы. Мы способны различить смысл там, где его не смогут увидеть другие. Мы умеем продумывать и создавать экстравагантные комплексные планы, наслаждаясь их воплощением в жизнь. Короче говоря, боюсь, мы настолько хороши, что вряд ли нас можно назвать здоровыми.

Куллин снова отпил из чайничка и отставил его.

— Не могу не согласиться с этими словами. Продолжайте.

— Работая вместе, мы могли бы реализовать просто немыслимые проекты. Но мы не вместе. Всем распоряжаетесь только вы. И мне не доверяете. Вначале это было даже целесообразно. Но теперь стало помехой. Существует реальная

угроза того, что мы перессоримся и порвем друг друга. Вообще, мне просто хочется быть с вами откровенным.

— Откровенность — это хорошо.

Молох поднялся на ноги:

— Я выхожу из игры, Куллин. Начиная с Петрополиса, я был только грузом, вашим трофеем. Да, я представляю для вас ценность. Могу догадываться, что вы могли бы заработать приличные деньги, передав меня любой из заинтересованных групп. Но этого я допустить не могу.

В самом деле? — спросил Куллин, снова присаживаясь, зная, что Лейла Слейд уже бесшумно поднялась, а Люциус Уорна подошел ближе. — Знаете ли, Зигмунд, мне кажется, вы неблагодарный человек. Вначале я вытащил вас из печи, а теперь вы считаете, что я стал бесполезен?

— Этого я не говорил.

— Но именно так все и прозвучало.

— Каждый слышит только то, что слышит. Полагаю, вместе мы могли бы добиться многого. Но только как партнеры. А не так, как сейчас.

Куллин поднялся и встал перед

Молохом. Слейд застыла возле.

— Вы живы исключительно благодаря мне, — сказал Куллин. — Вам удалось избежать пленения и экзекуции только потому, что я обеспечил вашу безопасность. Мне приходилось присматривать за вами и продумывать пути, ведущие к вашему спасению. Мы делали все возможное...

— Я понимаю...

— Рейвенор мог бы...

— Рейвенор отстает от нас всего на шаг! — прорычал Молох. — Всего на шаг! Он преследует нас, выслеживает и практически наступает нам на пятки, куда бы мы ни направились, последние шесть месяцев! Он...

— В этом-то и суть, — тихо произнес Куллин.

— В чем?

— В этом!

Это был один из тех крайне редких случаев, когда Лейла Слейд слышала, чтобы ее господин повышал голос.

— Где удобнее прятаться, как не в тени этого ублюдка? — мягко произнес

Куллин. — Вы стали самым разыскиваемым человеком сектора, Зигмунд. Куда нам бежать? К ядру? Не с вашим лицом, записанным на каждом поисковом планшете, не с вашим именем, занесенным в список «разыскивается». Может быть, к Мутным Звездам? Нет, там нам искать нечего! Мы можем только скрываться! Наше волшебство способно работать только до тех пор, пока ты остаешься внутри системы. И именно этим я занимался. Просчитывал каждый шаг Рейвенора. Все это время мы оставались в его «мертвой зоне». Ваш главный противник прячет вас самим фактом своего присутствия.

Молох промолчал и нахмурился.

— И сделать это было непросто, — произнес Куллин. — Так что, мать вашу, проявите ко мне хоть немного уважения!

Молох отступил назад. Ему непривычно было оказываться настолько огорошенным.

— Ох, Орфео, — простонал он, — вот потому-то мы и должны работать вместе. Находиться в диалоге друг с

другом. Должен признать, вы блестяще управляетесь с Рейве-ном. Но вам стоило все рассказать и мне!

— Успокойтесь, — сказала Лейла. — Просто успокойтесь. Молох, не заставляйте меня второй раз за один день выступать против вас.

Но Зигмунд был слишком рассержен, чтобы сдерживаться:

— Уйди, Лейла. Ты помнишь, что произошло в прошлый раз.

Раздраженная Слейд выхватила пистолет и приставила его к голове Молоха.

— Только не снова, — произнес Зигмунд, производя правой рукой свой необычный щелкающий жест.

Оружие Слейд взлетело в воздух, и Молох поймал его. Но левая рука Лейлы уже нацеливала на него лазерный короткоствольный пистолет.

— Я быстро учусь, — сказала она, и Люциус Уорна, стоящий позади нее, спокойно поднял свой болтер.

— О, да уберите вы их, — угрюмо произнес Молох, глядя на Куллина. — Нам

необходимо начать делиться информацией и помогать друг другу прямо с этого момента.

— С чего бы это?

— С того, что, боюсь, дела наши плохи.

— Плохи?

— Не имея представления о ваших великолепных расчетах и будучи обеспокоенным сложившейся ситуацией, я задействовал собственные планы. Боюсь, они вступят в конфликт с вашими, и это повлечет за собой плачевные последствия для нас обоих.

— Во имя Трона, — вздохнул Куллин, — Зиг, что именно вы сделали?

Словно в ответ на его вопрос загудел входной звонок у внешних ворот.

— Посетитель, — произнесла Лейла.

Проверь, кто там, — ответил Куллин.

Слейд убрала в кобуру лазган и поймала брошенный Молохом пистолет. Убрав и его, она вышла из комнаты.

— Что вы сделали? — повторил Куллин, переведя взгляд на Молоха.

— Позаботился о своей безопасности.

— Оставьте это мне.

— Обязательно, если вы станете держать меня в курсе дел и будете прислушиваться к моим предложениям. Нам необходимо начать сотрудничать, иначе мы уничтожим друг друга.

— Всецело с вами согласен.

Слейд возвратилась в сопровождении человека, закутанного в длинный плащ с капюшоном.

— Посетитель к нашему гостю, — сказала она.

— Вероятно, это не самая удачная идея, принимая во внимание труп на полу, — пророкотал Уорна, впиваясь взглядом в мертвого графера.

— Не стану настаивать на соблюдении формальностей, — произнесла закутанная фигура, а затем повернулась к Молоху. — Нас связывает восхитительное чувство братского взаимодоверия.

Молох улыбнулся. Древнее кодовое приветствие Когни-тэ показалось ему заблудившимся, навевающим тоску эхом.

— И я полон доверия, с нетерпением

жажду узнать своего брата, — ответил он в соответствии с традицией.

— Рейвенор покидает этот мир. Его охота закончена, — сказал человек, скрывающийся под капюшоном.

— Отличные новости, — ответил Молох.

— Теперь нам осталось уладить самую малость, — произнес посетитель.

— Ох, Зигмунд, да расскажете вы уже или нет? Что, черт возьми, вы натворили? — прошептал Куллин.

— Я дал одно обещание, которое теперь необходимо исполнить, — сказал Молох. — Нам надо сделать все возможное для этого. — Он снова посмотрел на человека в плаще. — Так что там осталось?

Человек откинул капюшон и тряхнул длинными белыми локонами.

— Нам осталось всего лишь убить огромное количество людей, — произнес дознаватель Бэллак.

Глава пятая

Они встретились в павильоне одного из салонов в недрах Бастина. Это благородное заведение часто посещали законодатели мод. Облаченные в роскошные балахоны или расшитые драгоценными камнями платья, при полном параде знатнейшие люди Бастина приходили в салон, чтобы и себя показать, и других посмотреть. Скифы и наземные автомобили выстраивались в очередь, чтобы высадить своих пассажиров под входным навесом, где танцоры и акробаты кружились в мерцающем свете огней.

Внутри заведение освещалось светосферами и подвесными фонарями. Каждая кабинка и столик были защищены занавесями из белого шелка, усиливавшего сияние ламп, и внутри шатра сам воздух казался переливающимся, сливочным, теплым светом. За шелковыми завесами передвигались люди. Отовсюду доносились смех, голоса, звон бокалов, мягкая камерная музыка. В воздухе текли запахи духов и

обскуры, секута и горячего шоколада. Туда-сюда сновали сер-виторы, нагруженные тяжелыми подносами.

Он занял шатер по правой стороне салона и, когда пришла та, которую он ждал, заказал амасек и горшочек густого темного шоколада.

— Выпьешь? — спросил Нейл.

Она покачала головой. На женщине было бархатное вечернее платье такого же насыщенного черного цвета, как и ночь снаружи. Также она надела подходящую наряду шляпку с вуалью и боа из выкрашенного в черный цвет меха. В этом облачении она приобрела царственный вид и казалась вдовствующей правительницей какого-нибудь древнего мира.

— Что ж, присаживайся.

Она села напротив него на атласную кушетку. Сдержанный смех, спровоцированный каким-то остроумным замечанием, донесся из-за шелковой стенки у нее за спиной. Женщина подняла руки, извлекла из прически две серебряные булавки и сняла шляпку с вуалью. Более сексуального раздевания Нейл еще не видел.

— А господин не станет тосковать без тебя? — спросила она.

— Что?

— Твой господин не станет тосковать без тебя?

— Ох. Нет, только не этим вечером. У него и без меня хлопот по горло. А что насчет тебя?

— Фенкс разрешил, — ответила Ангарад.

— Так почему ты захотела со мной встретиться?

— Ты был знаком с моей тетей. Мне бы хотелось, чтобы ты о ней рассказал.

Нейл пригубил свой амасек, похожий на расплавленное золото. Гарлон не мог отвести взгляда от своей собеседницы.

— Ну, если ты так хочешь, — наконец произнес он. Нейл чувствовал себя уязвимым, и не только потому, что пришел на встречу без оружия из-за мощных сканеров салона. Когда Ангарад сказала ему, где хотела бы с ним увидеться, ему просто пришлось принарядиться. Серый льняной плащ и брюки, а также белая рубашка из

сатонийской материи. В этой одежде он казался себе смешным. Чувствовал себя голым. И не чувствовал себя... Гарлоном Нейлом. Кроме того, его не покидало ощущение, будто он совершает какой-то проступок, предательство. Он никому не сказал, куда отправляется, и особо тщательно постарался скрыть свои планы от Рейвенора, а теперь и сам не мог до конца понять, почему так поступил.

— Значит, поговорим о тете... — начал он.

— Да..

— Твоя тетя. Конечно, мы были знакомы, но мой господин знал ее намного лучше.

— И твой господин не станет разговаривать со мной. Во всяком случае откровенно. Мне необходимо узнать о мече.

— О мече?

— Да, о мече.

— А как же тетя?

— Она умерла. Клан смирился с этим. Но клинок... Ожесточающая. Ее необходимо востребовать.

— Востребовать? — спросил Нейл.

— Ее сталь принадлежит клану. Это древний закон. Ожесточающую необходимо вернуть.

— М-да, это будет непросто. Она у моего господина.

— У твоего господина? У Рейвенора?

— Нет, кхм... у моего прежнего господина, у Эйзенхор-на. — Голос Нейла задрожал.

— И где же он?

— Пропал. Уже очень давно. Прости. Но оружие это мне известно. Мне даже пришлось познакомиться с ним ближе, чем хотелось бы.

На лице Ангарад проступило выражение, которое он не смог прочитать. Она встала, придерживая подол платья, и обошла низкий столик, на котором стояли напитки и серебряный горшочек с шоколадом. Мечница опустилась на кушетку возле Нейла и устремила на него пронзительный взгляд. Золотые пуговицы высокого ворота ее платья начинались под самым подбородком.

— Где? — спросила она.

— Где, прошу прощения, — что? — ответил он вопросом на вопрос.

— Где она тебя коснулась?

— Коснулась... Прошла насквозь.

Ангарад подалась вперед и поцеловала его. Ее губы были влажными и податливыми.

Она взяла его за руку и стащила с кушетки.

— Дела идут неплохо, — пробормотал он.

Она поцеловала его снова. Впиваясь друг в друга губами, сжимая друг друга в объятиях, они покатились по полу, иногда задевая ногами стол. Атасек Гарлона расплескался. Губы Ангарад были обжигающе горячими, а язык казался стремительной, влажной змеей.

— Здесь? Ты уверена? — проговорил Нейл, когда их поцелуй наконец прервался.

Точно огонь, охвативший пергамент, ее лицо озарила улыбка. Легким взмахом руки, затянутой в черную перчатку, она показала на белые шелковые стены вокруг, на которых проступали силуэты.

— Салон гордится атмосферой

конфиденциальности и возможностью предоставить посетителям уединение, — сказала Ангарад.

— Но стены тонки. Это только шелк... — начал было он.

— Ты боишься?

Он кивнул, и тогда они оба рассмеялись. Они поцеловались снова, врезаясь то в кушетку, то в стол.

— О Трон! — выдохнул он.

Она стащила с него плащ и разорвала ворот его рубашки.

— Где? — снова спросила Ангарад.

— Живот, — ответил он, пытаясь притянуть ее. Мечница полностью разорвала его рубашку, обнажая мокрый от пота торс.

— Где?

— Вот! — прошептал Нейл, показывая на темный шрам длиной с большой палец руки, проступающий на его жи воте чуть выше пояса.

Она встала рядом с ним на колени.

— Ох, ну так что... — вздохнул он, подмигивая.

Она поцеловала шрам и лизнула его.

Ее язык заскользил по телу Нейла. А затем она распрямилась и посмотрела на него.

— И это все? — сглотнул Гарлон.

Что-то загудело. Ангарад извлекла из кармана вокс.

— Господин вызывает меня, — сказала она.

— О Трон, в самом деле?

— В самом.

Она отвернулась и подобрала шляпку.

— Ты не должен был остаться в живых, — сказала она.— Это ведь была картайская сталь. Твой случай, Гарлон, является очень редким исключением из правил. Таких мы Называем Ваша Эсв ф а т , что означает «помилованный гением».

— Я увижу тебя снова? — спросил Нейл, почувствовав себя глупым четырнадцатилетним подростком в тот же миг, как произнес это.

Ангарад улыбнулась. И улыбка эта показалась ему хищной и восхитительной.

— Обязательно, — сказала она, а затем отдернула шелковый занавес и

исчезла.

Нейл сел. Внутрь заглянул сервитор.

--- Что я могу принести вам, господин? --- протрещал тот.

---Атасек. Большой бокал. А еще новую рубашку,--- Ответил Гарлон.

Глава шестая

— Этот увечный ублюдок был прав, — пробормотал инквизитор Фенкс. — Ты должен будешь ему все передать.

— А мы облажались, по-настоящему облажались, — ответил Бэллак.

— Здесь, все это время,— продолжил Фенкс, выскакивая из экипажа, остановившегося в темном переулке. — А ты смеялись над его догадкой.

— Рейвенор стар и опытен, — произнес Бэллак, присоединяясь к Фенксу. — Как он там говорил? Он верит. — Бэллак выплюнул последнее слово, точно ругательство. — Он знает свое дело.

— Мне придется принести ему извинения, — решил Фенкс. — Во имя всего святого, Мизард тоже придется извиниться. Теперь я понимаю, почему его так ценят. — Фенкс посмотрел на Бэллака. — Если, конечно, информация подтверждена. Надеюсь, она подтверждена?

— Полученные сведения безупречны, —

сказал Бэллак.— Их передали восемь независимых шпионских групп, а геносенсоры подтвердили точность информации. Молох здесь.

— Он нас не ждет?

— Он нас не ждет, сэр.

Феникс подал напряжение на свою черную броню. Раздался гул, когда стали включаться системы. На высоком воротнике зажглось кольцо зеленых сигнальных огней. Инквизитор отстегнул болтер и дважды передернул затвор.

— Поднимай их! — приказал он.

Дознаватель Бэллак кивнул. Из ожидающих экипажей выпрыгнули остальные: D'Mal Сингх со своими боевыми гончими, Щугурт, Клодель, Ментатор.

— Где Ангарад? — спросил Феникс.

— Уже в пути. Мы сообщили ей.

Феникс покачал головой:

— Мы не можем ее дожидаться. Не сейчас, когда цель настолько близка. Мы начинаем.

Начинаем! — окликнул Бэллак ожидающих людей.

— Только не так, — проворчал, приближаясь, Таркос Ментатор, их старый ученый. — Не с огнестрельным оружием.

— Что? — процедил Фенкс.

Ментатор пожал плечами, а затем указал дрожащей рукой на темное строение перед ними:

— Ваша добыча, сэр, укрывается в генераторном здании. Если быть точным, в общественном генераторе девятьсот восемьдесят семь, обслуживающем западный район Бастина. Кроме энергетических ячеек, хранящихся в этом месте, есть еще и летучие химикаты, находящиеся во взвешенном состоянии. Использовать здесь огнестрельное оружие — очень плохая идея.

— Почему? — спросил Фенкс и осекся, осознав, насколько глупо прозвучал его вопрос. — Да, верно, мы взлетим на воздух. Благодарю, ученый. — Инквизитор убрал в кобуру свой болтер. — Зачехлить все огнестрельное оружие! — приказал он, обнажая короткий кривой меч.

Клодель убрала плазменный

пистолет и сжала в каждой руке по ятагану. Выругавшись, Шугурт терпеливо отключил от плечевого гнезда свое орудие, убрал его обратно в экипаж и взмахнул боевым топором с длинной изогнутой рукоятью.

— Стрелять — нет! — проинструктировала Д'Мал Сингх поскуливающих псов, и их орудийные модули дезактивировались и спрятались. — Зубы — хорошо!

Собаки зачавкали и заклацали, обнажая бритвенноострые клыки.

Бэллак вооружился рапирой и парным кинжалом.

— Выдвигается, — бросил Фенкс, направляясь к генератору. — Тому, кто принесет мне голову Молоха, причитается премия.

Покойник лежал лицом вниз на холодном стальном полу.

— Где вы достали труп? — спросил Молох.

— Это графер, которого вы убили, — ответил Уорна. — Нам было нужно тело, а он валялся прямо под ногами. Сходство

невелико, но кто может знать, как вы на самом выглядите?

— Их это обманет?

Люциус Уорна, кажущийся неуклюжим в своем помятом доспехе и покрытый плотной сеткой шрамов, кивнул:

— Я сделал все так, чтобы он полностью соответствовал вашему генетическому коду, отпечаткам ладоней и сетчатке. Они не увидят разницы.

— Тут и песенке конец? — спросил Молох у гигантского охотника за головами.

— Тут ей и конец, — улыбнулся Уорна.

— Подобная переделка отпечатков и генное кодирование стоят немало, — произнесла Лейла Слейд.

— Они стоят ровно столько, сколько стоят, — парировал Орфео Куллин.— Все готовы? Зигмунд, вы знаете свою роль?

— Знаю, Орфео. Честно. Считайте это компенсацией допущенной мной ошибки.

— Договорились. Так и сделаем. Но Бэллак...

— Оставьте Бэллака мне, — ответил

Молох.

На сетке ауспекса Лейлы Слейд зажглись тревожные руны.

— Дверь четыре и дверь семь! — прошипела она. — Вот и они!

Одним плавным движением она вскочила с пола, где сидела по-турецки, и выхватила отточенный меч. Люциус Уорна закинул на плечо боевой молот.

Молох подошел к ним:

— Могу я попросить об одолжении? Касается вас обоих, Люциус и Лейла. Вы позволите мне все сделать самому?

— Вам понадобится наша помощь! — прорычал Уорна.

— Нет, не понадобится. А даже если и потребуется, то вы ведь будете неподалеку?

Уорна пожал плечами, и тектоническая волна прошла по его энергетической броне.

— Позвольте мне все сделать самому, — настаивал Молох. — Я хочу насладиться происходящим.

— Пусть поступает как знает, — сказал Куллин.

Лейла Слейд ухмыльнулась и протянула свой меч Молоху.

— Это мне не понадобится, — ответил он, разворачиваясь и исчезая в тени.

Генераторное здание было очень большим, с высокой крышей и рядом узких окон под самым свесом. Основную его часть заполняли ряды генераторных модулей, пульсирующих в полумраке. Свечение было фиолетовым, тусклым. Команда Фенкса вошла внутрь, тихо переговариваясь и рассыпаясь по проходам между гудящих модулей, скользя от одной тени до другой.

Последним вошел Таркос Ментатор, шаркая и опираясь на трость. Он оставлял всю серьезную работу и насилие остальным. В его задачу входило только подавать советы.

— Неудачное место для боя, — прошептал кто-то возле самого его уха.

— Согласен, — не задумываясь, поддакнул Ментатор, а затем насторожился.

Он неожиданно испугался. Кто-то шел прямо позади него. Только тень, только

силуэт за его плечом.

— Мне это напомнило о третьем акте «Пурлингерии». Хоровой реквием, — продолжил голос. — Как это там было? «Финал избрать мужчина должен и упокоенья место, что приличествовать будет его душе». Мне это кажется восхитительным.

— Ах, я вижу, вы знаете Страдгала? — робко ответил Ментатор.

— Прекрасно знаю, — откликнулся голос. — Вы ведь любите оперу?

— Люблю.

— Вот и я тоже. Страдгал. Жевойт. Карнати, кроме последних его жутких работ.

— О да, они ужасны, верно? — согласился Ментатор, едва не задыхаясь от страха.

— Вы боитесь меня? — прошептал голос возле него.

— Да, да, боюсь, — ответил Ментатор, — очень.

— И вам хочется закричать остальным, что я здесь?

— Э-да.

. — Но вы не можете собраться с мужеством, чтобы возвысить голос?

— Н-нет.

— Значит, вы знаете, кто я?

— М... могу только предположить.

— И думаю, что вы, мой друг, угадаете. Если бы вы закричали... ну что же... результат для вас был бы весьма болезнен и печален. Но мне было бы крайне неприятно так поступать с ценителем оперного искусства. Почему бы нам просто не пройтись немного вместе? Мы можем еще немного поговорить о Страдгале.

— Хорошо...

— Значит, никаких проблем не будет?

— Да.

Они пошли дальше.

— На меня могут напасть, — спокойно произнес голос. — Постарайтесь запомнить, что вы не должны кричать.

Ментатор кивнул.

Из темноты неожиданно выскочила тень. Дознаватель Клодель бросилась к ним из-за турбины. Ее ятаганы отразили фиолетовый свет модулей.

Но достичь цели им была не судьба.

— Клодель! — произнес Молох.

— Что? — Она замешкалась, сбитая с толку командным тоном.

Его пальцы ударили ее в горло, и дознаватель умерла. Молох подхватил падающее тело и мягко уложил его на пол, а затем подобрал ятаганы.

— О Трон, вы же убили ее! — запинаясь, проговорил Ментатор.

— Да, убил.

— О Трон! О Трон! — Его голос стал громче.

— Помните, о чем я вам говорил, — предупредил Молох.

— Феникс! Он здесь! — завопил Ментатор. — Он здесь!

— О нет. А я-то было подумал, что мы пришли к взаимопониманию, — произнес Молох, и серпы снова отразили свет.

Инквизитор Феникс услышал истошный крик ученого и сорвался с места. Он бросился по проходу мимо турбин.

Клодель недвижно и спокойно, точно во сне, лежала на металлическом полу.

Рядом в позе эмбриона свернулся Тар-кос Ментатор, чей балахон почернел от крови.

— Трон! — прорычал Фенкс. — Как это...

— ...произошло? — закончил за него Молох.

Фенкс метнулся назад, ударив на звук, но его меч рассек только темноту. Обманное направление голоса являлось одной из излюбленных забав Молоха. Он хорошо научился использовать свою речь.

Раздался глухой треск костей. Фенкс отшатнулся, ударившись боком о ближайший из модулей. Один из ятаганов Клодель раскроил ему череп, вонзившись в затылок по самую рукоять.

Фенкс сполз по стенке турбины и распластался на полу. Его рот приоткрылся, и по подбородку засочилась кровь. Свет в глазах угас, а лицо безвольно обмякло.

Молох отвернулся от трупа инквизитора, когда из прохода за его спиной раздался крик страдания. Д'Мал Сингх стояла в двадцати метрах за его

спиной, с боевыми псами у ног. Она пронзала Молоха взглядом, полным муки и ненависти.

— Убийца... — процедила она.

— Убийца... — эхом отозвался он, чтобы попрактиковаться в тембре и интонации.

— Убить, хорошо! — прорычала D'Mal.

Боевые гончие бросились к Молоху. Они были тяжелыми и мощными, их лапы с грохотом опускались на пол, лязгая железными когтями. Обнажились похожие на бритвы клыки.

— Убить, хорошо...— пробормотал Молох, идеально имитируя голос и интонацию D'Mal Сингх.

Гончие этой модели управлялись при помощи звуковых команд и определенно были настроены слушаться голоса своего хозяина.

И он теперь в совершенстве владел этим голосом:

— Лежать, хорошо!

Не добежав до него пяти метров, собаки остановились и покорно опустились на пол, положив головы на лапы.

Молох улыбнулся. Он видел озадаченное, испуганное выражение на лице крошечной женщины. Сбитая с толку, она стала восприимчива к командному тону.

— D'Мал Сингх! — воскликнул он. — Молчать!

Она открыла рот, чтобы отдать новый приказ псам, но не раздалось ни звука. Она шевелила губами, двигала челюстью, но все было бесполезно.

Наслаждаться ее беспомощным состоянием времени не было. Молох почувствовал еще чье-то присутствие и услышал тяжелую поступь. Огрин. Огрин набросился на него со спины. У Зигмунда оставалось меньше секунды на то, чтобы успеть отреагировать.

И тогда Молох бросился на пол, прокатившись между собаками. Топор огрина рассек плиты там, где он только что стоял. В прыжке Зигмунд метнул остававшийся у него ятаган. Тот разрезал воздух и вонзился в грудь D'Мал Сингх.

Она упала как подкошенная и умерла.

Шугурт взвыл, выдергивая топор из рассеченного пола, и бросился вперед.

Молох вскочил на ноги и развернулся к нему.

— Убить, хорошо! — приказал он голосом D'Mal Сингх.

Орудийные гончие встали по бокам от него, готовясь встретить огрина. Они прыгнули, ударив его с такой силой, что сбили с ног. А затем они оказались сверху. К его чести, огрин практически не кричал, хотя его смерть оказалась долгой и болезненной.

Молох отвернулся от жующих псов.

— Теперь, Бэллак, вы можете выходить, — небрежно заметил он.

Познаватель Бэллак вышел из укрытия. Его меч и кинжал были обнажены.

— Тебе не кажется, что ты совсем свихнулся, ублюдок? — сказал Бэллак, поднимая меч и прижимая его к горлу Молоха.

— Свихнулся, действительно свихнулся. А ты, Гэлл, можешь убрать оружие. Мы закончили.

Бэллак вложил свой меч в ножны и поклонился:

— Конечно. Это было только для виду. — Он перекинул кинжал в другую руку и убрал его за пояс.

— Это только для виду, — согласился Молох. — Ты настоящий предатель, Гэлл.

Бэллак поклонился и улыбнулся:

— Восхитительное чувство братского взаимодоверия.

— И что же бывший воспитанник Когнитэ делал в ордосе? — поинтересовался Молох.

— А где еще я мог настолько хорошо проявить себя? — спросил Бэллак.

— Твои старания не останутся незамеченными, — произнес Молох. — Теперь нам осталось только сделать так, чтобы все выглядело убедительно.

— Без сомнения, я подготовлю рапорт. Все остальные погибли, пытаясь добраться до вас.

— Естественно.

— Вы подготовили труп?

Молох кивнул.

— Я оставил его там,— произнес он, указывая чуть в сторону.

— И все будет убедительно даже при

проведении самых скрупулезных проверок?

— Конечно. Особенно учитывая тот факт, что тело серьезно обгорело. Случайный выстрел во время сражения...

Бэллак одобрительно улыбнулся:

— Это поможет скрыть многие прегрешения.

— Включая и твои, — произнес Молох.

Он настолько быстро метнулся к Бэллаку, что дознаватель даже не понял, что произошло. Раздался металлический лязг, и наручники защелкнулись. Бэллак обнаружил, что прикован за левое запястье к решетке турбины.

— Молох? Что... что это такое?

— Это значит, прощай, Бэллак.

— Молох! — закричал Бэллак.— Молох!

Она добралась до темного переулка, где были припаркованы экипажи Феникса. Рядом не было заметно ни единого признака чьего-либо присутствия. Последнее сообщение, которое она получила, гласило, что команда вошла в здание генератора, расположенное через дорогу.

Что-то пошло неправильно. Совсем неправильно. От коммуникатора поступал только белый шум. Шипение мертвого эфира.

— Фенкс? Сэр?

Вокс-статика.

Ангарад сорвала с себя остатки черного вечернего пла-тья, отбросила их в сторону и подтянула ремни и застежки облегающей кожаной брони, которую носила под ним. Клановая броня. Времени искать плащ не было. Она выпустила картайскую сталь из ножен.

Затем пересекла пустую улицу, сжимая в руках меч, подрагивающий, точно прутик в руках лозоходца. Наверху, в багровом небе, высыпали холодные точки звезд. Взошли обе луны Танкреда, каждая в форме когтя. Хорошее предзнаменование или плохое, скажет тот, кто проживет достаточно, чтобы увидеть рассвет. Это ночь убийства.

Под карнизом большого здания царила непроглядная тьма. Мечница слышала доносящийся изнутри стон, приглушенный хрип боли. Ангарад распахнула дверь и

тут же ощутила запах крови, повисший в спертом внутреннем воздухе.

Эвисорекс также почувствовала его. Удерживая клинок в высокой позиции, Ангарад перешагнула порог и двинулась к турбинам.

Тишина. Темнота.

Десять секунд спустя изо всех окон и дверей здания с оглушительным ревом вырвалось золотое пламя.

Глава седьмая

Кара проделала долгий путь по паркам, где элегантные горожанки в длинных платьях и высоких шляпах прогуливались, отдыхали в тени деревьев и развлекались великосветскими беседами. Она миновала декоративное озеро и нагромождение святынь и часовен, возле которых выстроились очереди паломников. Храм Святого Карила был построен на темном выступе вулканической породы на западном краю Бастина — белый купол, возвышающийся в ярком полуденном свете над россыпью красных кирпичных зданий. Священники созывали верующих на молитву, а коробейники продавали предметы культа со своих тележек. Ритуальные стяги безвольно повисли в неподвижном воздухе.

Она вошла в храм через западные врата и пошла под величественными сводами, ощущая прохладу, источаемую камнем. Возле алтарной ограды уже собралась небольшая группа верующих, и их

голоса отдавались приглушенным эхом в великолепной, просторной пустоте зернышки человеческой жизни в гигантской каменной пещере.

Пройдя в боковую часовню, выступающую из основного тела храма, Кара оказалась в круглом зале, где на бронзовом пьедестале под высокими окнами трепетали свечи.

Она опустилась на колени возле ограждения и обратилась к Богу-Императору с тихой мольбой. Ей все еще казалось странным, что спустя столько лет она снова нашла в себе веру. В последнее время она чувствовала незавершенность, если регулярно не посещала храм или не молилась. Белкнап снова пробудил в ней потребность в вере, но следующий шаг она сделала сама. Она коснулась серебряной аквилы, которую подарил ей доктор.

— Почему именно сюда? — спросил Карл Тониус.

Она не слышала, как он вошел. Казалось, он больше не ступает по земле.

— Привет, Карл.

— Почему именно здесь, Кара? — Он окинул пристальным взором высокий расписной свод древней часовни.

— Уединение, — сказала она.

Но это было только половиной правды. Отчасти ей хотелось проверить, сможет ли он войти в подобное место. Карл слегка улыбнулся и удивленно посмотрел на нее:

— Уединение?

— Нам необходимо поговорить, — сказала Кара, поднимаясь.

— О чем? — изобразил он смущение.

— Не надо, Карл, — сказала она.

Он пугал ее, особенно когда они оставались наедине. И он знал это.

— Обо мне, я предполагаю? — усмехнулся он. — Тебя ведь постоянно донимают мысли обо мне, обо мне и снова обо мне?

— Мы покидаем Танкред, — сказала Кара.

— Да, уже завтра. Он мне это говорил.

— Наша работа здесь завершена. Мы возвращаемся на Юстис Майорис. Чтобы

начать все сначала.

— Что-то вроде того. А в чем дело?

— Карл, я люблю тебя. — Кара поколебалась. — Люблю как брата.

— Только как брата? — игриво поинтересовался Карл.

Ты раздражаешь меня, портишь мне жизнь, и большую часть времени я испытываю к тебе неприязнь. Но при этом я готова умереть за тебя. Так что именно как брата.

— Что ж, рад был слышать. И я тебя тоже люблю,— произнес он и повернулся к дверям, словно собираясь уйти. — На этом все?

— Я не могу больше этого делать, Карл.

— Не можешь чего? — спросил он, останавливаясь, но не оборачиваясь.

— Лгать ради тебя. Лгать о тебе. Покрывать тебя.

Карл Тониус медленно повернулся и уставился на нее.

Казалось, будто он вот-вот разрыдается.

— Но ты же обещала, — сказал он, и в

его голосе прозвучали жалобные нотки.

— Ты вынудил меня пообещать. Не путай.

— Никакого принуждения не было. Я не давил на тебя.

— Давил. Ты именно это и делал, и я больше так не могу.

Тониус облизнул губы и прочистил горло.

— Уверена?

— Уверена.

— И что же ты будешь делать? — спросил он.

— Я не могу больше лгать Гидеону. Ни ему, ни остальным. Я слишком многим им обязана, чтобы продолжать это. Ты просил об отсрочке, только небольшой отсрочке, чтобы справиться самостоятельно, и я предоставила ее. Я не должна была так поступать, но дала тебе время. Но больше уже не могу. Мы должны рассказать Рейвенору. Я должна ему рассказать.

Его голос упал до едва слышного шепота:

— Дай мне еще совсем немного

времени. Совсем чуть-чуть, я прошу тебя. Пожалуйста. Я работал, исследовал. Мне удалось найти некоторые предметы, амулеты и заклинания. Я обнаружил знаки защиты и обуздания, которые...

— Нет, Карл. Это несправедливо по отношению ко мне. И, по факту, это несправедливо по отношению к тебе самому. Он может помочь. Если я расскажу ему, он сможет тебе помочь.

— Он убьет меня, Кара, — мягко ответил Карл.

— Нет.

— У него просто не будет выбора.

— Мне очень жаль.

— Он и тебя убьет, — произнес Карл.

Последовало продолжительное молчание. В главном зале зазвучал грегорианский хорал.

— О чем это ты? — спросила Кара.

— Не будь дурой, — сказал Тониус. — Ты знала все это время, но держала в тайне. Ты тоже заражена. И он убьет тебя. Ему придется так поступить. Он больше никогда не сможет доверять тебе.

— Ты заблуждаешься, — произнесла

она. — Заблуждаешься в обоих случаях. Он поможет тебе и поймет, в каком я оказалась положении.

— Неужели? — спросил Карл, и в его голосе прозвучал сарказм. — Давай подумаем... Собственный дознаватель инквизитора Рейвенора стал вместилищем твари из варпа, и не просто какой-то твари из варпа, а демона, упомянутого в апокалиптическом пророчестве. Но Рейвенор ничего не знает, хотя разгадка все это время находилась у него под носом. И, постойте-ка, единственный человек, который знал обо всем, — это один из его самых старых и доверенных друзей. Если эта сказка не закончится словами: «...и в тот же миг, как обо всем узнал, казнил обоих он», она будет звучать очень странно, когда Рейвенора притащат пред светлые очи старейшин Инквизиции Геликана. Неужели ты со мной не согласна?

Она покачала головой.

— Кара, ты хочешь умереть? — спросил он.

Она подалась назад.

— Это не было угрозой. Я не собираюсь угрожать тебе. Трон! Я только хотел спросить...

— Нет, Карл, не хочу, просто я должна поступить правильно.

— Так же, как и я, — произнес он.

Тониус почесал правую руку — ту самую руку — так, словно она стала доставлять ему неудобство. На ее пальцах было слишком много колец. Кара посмотрела на нее, и ее сердце забилось быстрее. Эта рука...

— Жарковато здесь, — произнес он.

— Нет, Карл, здесь довольно прохладно.

— А мне жарко. — Он приблизился к каменной чаше и умыл лицо святой водой.

Кара Свол изумилась тому, что вода не забурлила и не закипела, соприкоснувшись с его правой рукой.

— Я устал, — сказал он, стряхнув капли. — Я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь... и не только ты устала от этого. Ложь. Страх. А для меня еще и боль. Знаешь, мне действительно бывает больно.

— Мне очень жаль.

— Каждое утро, когда я просыпаюсь и вспоминаю обо всем... каждую ночь, когда я молюсь, чтобы уснуть без сновидений. Но они всегда приходят.

— Карл...

— Выслушай меня. Если я проклят... Кара Свол, если во мне укрывается зло, то что это за зло? Уже несколько месяцев я сдерживаю его. Я справляюсь с ним. И ни разу не сорвался. Никто не погиб. Прошу тебя, вспомни, на Юстасе Майорис эта тварь внутри меня... она помогла нам. Победила Молоха. Кара, она изгнала из тебя болезнь. Спасла тебе жизнь!

— Мне это известно.

— Тогда почему?

— Я должна...

— Нет! Нет, нет! Послушай меня! Я много размышлял. Мне кажется, что это... это благословение.

— Прошу тебя, Карл, не пытайся обернуть...

— Выслушай же меня! — прошипел он, и Кара сомкнула губы. — Прости, — улыбнулся Тониус. — Не хотел на тебя

кричать, но я и в самом деле много размышлял. Начать с того, что это действительно проблема. Грязная, отвратительная тайна. Я думал, что скоро умру. Я мог думать только о том, чтобы освободиться от него. Освободиться от... Слайта.

— Не произноси это имя.

— Прости, — пожал он плечами. — Еще раз прости. Подойди ко мне.

— Нет, Карл.

— Подойди ко мне, — настоял он, подзывая ее левой рукой. — Я не причиню тебе зла. Не смогу. В этом-то суть. Я не пытаюсь оправдать свое состояние, но если это нечто большее, чем просто проклятие?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, Карл, — произнесла она, медленно приближаясь к нему и заглядывая в глаза.

Теперь Тониус плакал по-настоящему. Слезы сбегали по его бледным щекам.

Он протянул ей левую руку, и она приняла ее. Он мягко притянул Кару к себе.

— Что, если это нечто крайне редкое? Нечто такое, чего ты никогда не

видели прежде? Во мне таится демон, но он подчинен мне. Только представь себе! Он подвластен моим желаниям. Я могу пользоваться его силами, но я не стал его рабом. Я могу пользоваться им.

— Ты обманываешь себя, — прошептала Кара.

— А что, если нет? Что, если я действительно подчинил ярость демона, осознав варп, но остался притом верен и чист? Какую пользу это принесло бы человечеству? Это чудо! Ты только подумай о тех тайнах, которые мы смогли бы познать! Я могу оказаться тем, кого наш вид ждал долгие тысячелетия. Человек, умеющий управляться с демонами. Рациональный человек с истинным пониманием варпа Кара, это изменит Империум. Варп больше не станет угрожать нам с такой непримиримой...

— Карл! Карл, пожалуйста! Скажи, скольких людей уже посещали подобные мысли? Медленный или быстрый, варп все равно останется ядом. Это главное, что ты смогли узнать. Я очень рада тому, что

тебе удавалось справляться с ним столь долго, но ты не сможешь удерживать его вечно!

— А я и не собираюсь его удерживать. Кара, я чувствую, действительно чувствую, что это нечто очень важное. Демон подчиняется моим приказам. Древний враг, обернувшийся против темноты. Ты должна дать мне чуть больше времени.

— Нет, Карл...

— Мне нужно время! Я могу сделать это! Я справился с ним и могу теперь сформулировать тезисы этого мастер-?-ства так, чтобы и другие могли им воспользоваться. Мы можем изменить мироздание, Кара. Ради блага всего человечества мы можем изменить образ мышления и действий, навсегда избавившись от страха перед темнотой.

— Уже слишком поздно, Карл.

Он вздохнул и склонил голову.

— О Трон, ты права,— сказал он ослабевшим голосом. — конечно же ты права. Я просто дурак. Прости меня за все. Прости, что втянул тебя в это. Ты права.

— Карл...

— Я расскажу ему. Я сам расскажу ему. Ты позволишь мне самому сделать это? Пожалуйста..,

— Конечно.

— Я открою ему. Объясню ему, что все это время проблема была именно во мне. Я прикрою тебя. Просто позволь мне самому рассказать ему обо всем.

— Хорошо. Да. Когда?

— Сегодня вечером, — сказал Карл и печально улыбнулся. — О Кара... да, в этом ты разбираешься.

Он снова притянул ее к себе, и они довольно долго стояли обнявшись.

— Значит, сегодня вечером? — спросил он.

— Сегодня вечером — что?

— Я расскажу ему все.

— Что расскажешь? — спросила она.

— Расскажу Рейвенору обо всем этом.

— О чем?

— Ну вот видишь! — усмехнулся он. — Неужели тебе не стало лучше?

Она засмеялась, хотя и не знала почему.

— А о чем мы говорили?

— О вере, — сказал он.

— Ах да.

— Вера указывает нам цель, а ум... Ум, не имеющий цели, обречен блуждать впотьмах.

— Звучит знакомо. Это цитата?

— Сам только что придумал, — произнес Карл.

— Пора возвращаться. Уже поздно, — сказала Кара.

— Пора. Я рад, что мы смогли поговорить. Ты действительно была права, когда решила поговорить наедине.

Он взял ее за руку и повел к двери. Там их уже ждала Пэйшенс Кыс.

— Как мило,— заметила она.

— Что ты здесь делаешь? — засмеялась Кара.

— Ищу вас. Вы же отключили свои коммуникаторы.

— Прости, — сказала Кара, настраивая свой линк.

— Ты давно за нами наблюдаешь? — спросил Карл.

— Достаточно давно, чтобы

задуматься над тем, не пора ли Белкнапу начать беспокоиться, — ответила Кыс, и Кара снова застеялась.

— Карл только хотел, чтобы я показала ему, куда хожу молиться. Похоже, в нашем товарище еще остались какие-то зерна веры.

— Неужели? — произнесла Кыс.

— Правда, правда,— захихикал Карл.— В последнее время я стал слишком нерадивым в этом вопросе, а без должного почтения к храмам мне никогда не пробиться в инквизиторы. Кара только направляет меня. Мне действительно понадобилось некоторое духовное руководство.

Пэйшенс Кыс кивнула:

— Думаю, как и всем нам. Это могло бы помочь нашему росту.

— Какому еще росту?

— Ты не поверишь, если я скажу. Пусть Рейвенор сам вам все выложит. Он возненавидит меня, если я украду у него эту речь.

Они направились к дверям.

— А это еще что такое? — спросила

Кыс.

Возле каменной чаши на полу часовни лежали искривленные кусочки металла.

Крошечные искривленные кусочки, какие остаются от разломанных колец.

— Какие-нибудь приношения верующих, — сказал Карл.

Он взял левую ладонь Кары в свою правую руку и повел ее к выходу из часовни.

На его правой руке не было ни единого кольца.

Глава восьмая

Когда они вернулись домой, уже начинался вечер, а Визард только собиралась уходить. Она протопала мимо них по внутреннему двору в сопровождении двух тяжелых боевых сервиторов, направляясь к своему транспорту.

— Вы служите замечательному человеку,— сказала она Тониусу.

— Госпожа?

— Я только принесла ему свои извинения. Никогда больше не стану его недооценивать. Пусть он вернется на Юстис, дознаватель. Пусть возвращается к работе. Теперь его помыслы могут быть свободны.

Поднимаясь по ступеням к дому, они услышали, как ее транспорт зарычал двигателями, срываясь с места.

Нейл, Плайтон, Белкнап, Ануэрт и человекопес Фай-фланк ждали их во внутреннем зале.

Кара подошла к Белкнапу и поцеловала его:

— Что здесь происходит?

— Где ты была?

— В храме. Так что происходит?

— Не уверен. Но Молох мертв.

— Что?

Под ударом могущественного сознания распахнулись двойные двери, и в зал вплыл Реивенор.

— Сэр? — спросил Тониус.

— Все кончено. Мы завершили дело, — сказал Реивенор через вокс-транслятор.

— Мы все равно уезжаем? — спросил Нейл.

— Да, Гарлон. Мы все равно уезжаем, но теперь мы можем радостно покинуть планету с чувством выполненного долга, поскольку неоконченных дел не осталось. Вчера вечером в трех округах отсюда Зигмунд Молох был обнаружен, загнан в угол и уничтожен войсками Мизард.

Все собравшиеся пришли в возбуждение. Нейл хлопнул Кыс по ладони.

— Значит, вы были правы? — усмехнулась Кара.

— Да, я был прав, — ответил Реивенор. — Моя догадка оказалась верна.

Молох был здесь, как я и подозревал. Жаль только, что это не мы расправились с ним.

— Ублюдок издох! — засмеялся Нейл.

Он пустился в пляс, вызвав смех Плайтон и Белкнапа.

— Не могу поверить, — пробормотала Кыс. — Все это время... все это время... а теперь все кончено.

— Все кончено, — произнес Рейвенор. — И нам больше нечем оправдывать свое отсутствие. Юстис Майорис ждет. Мне хотелось бы уехать уже завтра, как и планировалось.

— Кто его достал? — спросил Белкнап.

Вопрос был серьезным, но Рейвенора удивило, что именно Белкнап задал его. Все остальные смолкли.

Рейвенор уже было развернул свое кресло, собираясь удалиться. Но теперь он медленно повернулся к ним:

— Как понимаю, Бэллак. Как мне поведала Мизард, схватка была жестокой. Были потери.

— Потери? — эхом откликнулся Нейл.

Его охватило отвратительное предчувствие. Он ощутил себя больным.

— Фенкс выследил его в здании генератора, — медленно проговорил Реивенор.

Передатчик с трудом передавал ритм его слов. И монотонность делала их еще более ужасными.

— Они вступили в сражение. Молох расправился почти со всеми людьми Фенкса, а затем случайный выстрел привел к возгоранию летучих газов, и здание взлетело на воздух. Труп Молоха установили благодаря генетической экспертизе.

— Хвала Императору! — присвистнул Тониус.

— Кто... кто погиб? — спросил Нейл.

— Фенкс, Бэллак, Клодель, — ответил Реивенор, — ог-рин, хозяйка боевых гончих и картайка Ангарад.

— Мертвы?

— Все до единого.

Они очистили дом и приготовились отправляться в порт на машинах. Реивенор выплыл первым, за ним вышли

Кыс, Белкнап и Кара. Шолто Ануэрт со своим человекопсом выехал с утра пораньше, чтобы прогреть двигатели судна. Фраука путешествовал с Заэлем в бронированном лимузине.

Носильщики занесли остатки багажа в экипажи. Карл Тониус стоял во дворе, заканчивая переговоры с покрытым татуировками агентом. Гарлон Нейл завершал последний обход, проверяя опустевшие комнаты одну за другой.

— Гарли?

— Да? — Нейл выглянул из той комнаты, которую в этот момент осматривал. Мауд Плайтон поднималась по лестнице, сжимая в руке листок бумаги.

— Тебе письмо.

— Письмо?

— Пришло по закрытому вокс-каналу приблизительно десять минут назад. Это последнее, что Карл поймал, перед тем как отключить систему.

Нейл взял у нее сложенный листок и развернул его.

— Проблемы? — спросила Плайтон.

— А почему ты спрашиваешь?

— Кхм... ты выражение своего лица видел?

— Нет, никаких проблем, — ответил он. — Давай вали.

Мауд кивнула и поспешно удалилась. Он же дождался, пока она уйдет, и снова перечитал то, что было написано на листке.

Сообщение поступило из незафиксированного источника и было анонимным.

«Помилована гением» — гласило оно.

Нейл в течение некоторого времени смотрел на эту строчку. А затем вынул из кармана линк.

Часть вторая
Ведьмин дом на Утохре

Глава первая

Дверь полуоткрыта. Деревянная старая дверь. Самая обычная старая дверь в самой обыкновенной раме. Она медленно покачивается на петлях, движимая ветром, что не дует ни с одной из ее сторон... ветром, прибывающим откуда-то еще... Дверь ждет...

Фактора[3] звали Стайн. Эта информация была сообщена нам в самом начале монолога, вылившегося в более чем двадцать минут многословной преамбулы. Стайн оказался любителем поговорить. Что, впрочем, входило в его обязанности.

— Терпи.

Каждый такой фактор, к которому они приближались (а если проще, то каждый подобный торговый агент каждого зала Беринта, обладал собственным подходом к работе, обязательно включавшим торговый вариант «придворных танцев» и «окучивание» клиента, возникавшие из опыта продаж. Покупатели ожидали именно такого

обращения. Начиналось все с радушного приветствия, с экскурсии от приемных покоев до выставочного зала фактора, а затем, переходило к предложению завтрака и спокойной, непринужденной беседе, сопровождавшейся расхваливанием достоинств и традиций Дома, к услугам которого изволил обратиться клиент. Темы разговора зависели от конкретного фактора и его навыков общения, но служили только тому, чтобы проникнуть в сознание клиента и поселить там необходимые мысли: о роскоши, исключительности, качестве. В конце концов клиент оказывался готов выложить немалые деньги.

И клиент не был просто клиентом. Это слишком уж грубый термин. Он был покупателем. Так же, как фактор не являлся только продавцом или владельцем магазина. Таковы правила этикета Беринта.

— Он все не замолкает и не замолкает.

— Терпи.

Стайн встретил ее в приемной. Его

заведение располагалось в северном конце прогулочной палубы Святого Иакова — района верхних уровней Беринта, оккупированного знаменитыми торговыми заведениями. Глубокие уличные стеки снаружи представляли собой многоярусные ослито-вые дорожки, огражденные черными железными перилами, освещенные небольшими лампами и окружающие пещерную мглу бездны между вздымающимися черными башнями, которые прорастали прямо сквозь огромную бронированную крышу улья, топорщась над ней шипами морского ежа. Натренированная улыбка на лице фактора казалась таким же предметом одежды, как и форменный плащ.

Приемная представляла собой просторное помещение с высоким потолком, облицованное панелями из лакированного дерева.

Стайн поклонился и повел ее по выставочным галереям к главному демонстрационному залу. Овалы изумрудного света выхватывали из трака стеклянные витрины. Пол покрывали

бронзовые плиты, на которых за истекшие столетия ноги посетителей оставили отчетливый след. Здесь располагался простой деревянный стол, окруженный кожаными диванами, на один из которых фактор и предложил ей присесть. Говорил только Стайн. Казалось, вся его работа будет состоять исключительно из этого монолога. Некоторые агенты, с которыми она встречалась до этого, выбирали осторожный или скромный подход к покупателю, а то и позволяли ему самому вести беседу. Но Стайн был зануден и много словен. Он поведал, что является девяностым Стайном в непрерывной череде Стайнов, служивших факторами Дома Стай на и Стайна. Это был наследственный, семейный бизнес. Их род проживал в Беринте уже шестнадцать столетий. И торговый Дом являлся одним из старейших и предоставлял наилучшие товары в секторе.

— Вот, — сказал Стайн, — вы можете оценить наши изделия по этой безделушке.

Он положил какой-то предмет под увеличитель, чтобы покупательница

стогла его разглядеть. Руки фактора были очень бледными, ухоженными, маникюр был хорошо виден под линзой. В безделушке же, казалось, было больше жемчуга, чем в некоторых океанах.

— Герб Стайнов.

— О, как я погляжу, в стилизованной форме он повторяется на вашем плаще, — заметила покупательница.

Стайн самодовольно улыбнулся, восхищенный тем, что она это заметила. Он с пылом принялся одарять комплиментами ее внимательность и ум.

— Такое ощущение, что он хочет жениться на мне.

— Тише. Придется потерпеть.

Стайна очень заинтересовала эта покупательница: элегантная женщина, хорошо одетая и при деньгах. В последние несколько недель торговля шла плохо, и прибывший паром оставил не так много достойных внимания клиентов.

Эта женщина была особенной. Она обладала вкусом. И красотой, если, конечно, вас интересуют подобные мелочи.

Он продолжал рассказывать ей о

своем фамильном бизнесе, поведав, что оказался не так хорош в ювелирном мастерстве, как его многочисленные братья, и по этой причине стал фактором. Он оставил все вопросы производства родственникам, которым, как похвалялся Стайн, надо было бы даже на руки поставить клеймо со знаком пробы.

Но фактор почувствовал, что покупательница заскучавши. Надо было заканчивать. Она прекратила потягивать атасек, стоящий перед ней на лакированной стойке, и перестала обращать внимание на засахаренный имбирь в неглубокой чашке. Хороший фактор замечал подобные детали. Хороший фактор знал, когда необходимо увеличить темп и перейти от ритуала ухаживания к обсуждению покупки.

— Вы ищете что-то особенное? — спросил он, обходя обтянутый бархатом простой деревянный столик.

Стайн достал ключи и открыл створки ближайших витрин. Под скрывающимся во тьме потолком тихо гудели вентиляторы. Воздух в помещении

был нагрет до уютных двадцати двух градусов, обладал четко выверенной влажностью и слегка обвевал посетителей, так чтобы расслабить их. За дверью, в Беринте, было на шестьдесят градусов холоднее — убийственный мороз.

— Так и есть, — произнесла покупательница, откидываясь на спинку кожаного дивана и скрещивая свои длинные ноги. — Или лучше будет сказать, мне нужно нечто особенное для особенной цели. Великосветская свадьба на Гудрун. Не стану упоминать имена...

— Конечно же нет! — поклонился ей фактор.

— Но, — улыбнулась покупательница, — жених происходит из влиятельной семьи. Голубая кровь.

— Понимаю.

— Сын губернатора субсектора.

— Клянусь своим именем!

— Пожалуйста, постарайся не слишком отрываться от действительности!

— Умолкни.

— Прошу прощения? — спросил фактор

со слегка околдованным выражением на лице.

— Ничего. Я только сказала, что моя племянница... невеста... заслуживает чего-нибудь особенного.

— Я вас прекрасно понимаю, — вновь поклонился фактор. — И позвольте мне смелость, вы финансово...

Он позволил этому смертоносному слову повиснуть в воздухе.

— Не менее двухсот пятидесяти тысяч, — мягко произнесла она, пожимая плечами.

— О госпожа, — уже в третий раз поклонился он. — Есть у меня несколько безделушек, которые вполне могут удовлетворить ваш вкус и усладить глаз.

— Похоже, твои слова его очень порадовали.

— Что ж, больше ему ждать нечего. Я не собираюсь выкладывать целых двести пятьдесят тысяч крон.

— Кроме информации?

— Кроме нее.

С ее лица не сходила усмешка. Забыв обо всем, фактор принялся вынимать из

витрин подносы, обтянутые красным атласом. Когда он доставал их, из темноты тут же возникали сервиторы, принимавшие подносы и подносившие их к ней. Сервиторы были старыми, но очень качественными. Покупательница поняла, что сам зал специально оформлен в минималистском стиле, чтобы товар особенно ярко выделялся на его фоне. Это был весьма хитрый и разумный ход.

— Ожерелья и колье всегда в моде. Вот полюбуйтесь на первый поднос. Аллохроматический залахит с красным золотом. Есть такие же и с алмазами. Как правило, выбирают кабошоны.

— Они восхитительны.

— А может быть, вас заинтересует украшение для бровей из драгоценного камня? Сапфир, перстень с опалом и печаткой. Кроме того, очень популярны черное серебро и чеканка по адамиту.

— Вот милая вещица,— произнесла покупательница.

Фактор с заботливостью акушерки поднял с подноса указанное изделие. Драгоценные камни засверкали на свете.

Лампы над столом были размещены именно так, чтобы ювелирные изделия начинали искрить, когда их подноси к этой точке.

— Хризоберилл? Да, это мой любимый камень. Обратите внимание на красоту астеризма. Может быть, желаете?.. — спросил он, протягивая украшение.

— Если позволите.

— Зеркала! — прокричал фактор, и другие сервиторы устремились вперед, устанавливая зеркала вокруг клиента.

Фактор застегнул ожерелье на шее покупательницы. Она тут же принялась разглядывать себя в зеркале.

— У нее тот же цвет кожи, что и у вас?

— Я чуть бледнее, чем она, — ответила клиентка.

— Тогда не стоит ли подобрать что-нибудь с цигатом или квофайром? А может, турмалин? У меня имеется турмалин каплевидной огранки с ошеломляющими дихроми-ческими свойствами.

— Вы знаете свое дело, сэр.

Она примерила еще три или четыре украшения. Сер-виторы на удивление спокойно держали зеркала.

— Я волнуюсь, — сказала она через некоторое время, — это ведь свадебный подарок. Он должен восхищать жениха не меньше, чем невеста. В конце концов, речь идет о сыне моего брата.

Фактор помедлил с ответом.

— А разве не невеста приходится вам племянницей?

— Неужели я так сказала?

— Сказала,

— Я уверен, что именно это вы и сказали.

— Я хотела сказать, в браке. Вы же знаете... все эти династические войны, составляющие часть жизни при дворе.

— Придворная... жизнь?

— Да, — ответила она. — У меня проблем из-за этой оговорки не будет?

— Он слишком охвачен благоговейным ужасом, чтобы обратить внимание. Продолжай в том же духе. Он полагает, что ты аристократка, желающая

остаться неузнанной.

— Честно говоря, мне не слишком хотелось бы говорить об этом, — произнесла покупательница.

— Конечно. Может быть, тогда позволите показать вам что-нибудь из наших декоративных украшений? Хорологи, розетки, имперские аквилы. Для изготовления аквил мы используем золото, цветные сплавы и органические отделочные камни. Океаны Утохра поставляют очень красиво переливающийся перламутр.

— У вас есть право производить подлинные аквилы?

— Конечно, мы имперские ювелиры. У нас есть доверенность.

— Покажите, — сказала она.

Он продемонстрировал ей несколько наиболее сложных изделий, некоторые были настолько ценны, что ему пришлось незаметно включить вокруг стола суспензорные поля, пока покупательница восхищалась ими.

— И в самом деле потрясающая работа, - пробормотала она, поворачивая в

руках украшение и поднося его к свету. — Как вы называете это свойство?

— Двойное лучепреломление, — ответил Стайн.

— О, я прямо не могу решить, что лучше выбрать. Фактор тепло улыбнулся.

— Я просто не могу выбрать. Чувствую себя... несвязно.

— Улыбка фактора застыла и стала холодной.

— Что?

— Я чувствую себя несвязно. Вы не можете ничего посоветовать?

Фактор забрал украшение из ее рук и уложил его на атлас.

— Я сказала что-то не так? - слегка озадаченно спросила покупательница.

— Да, похоже что так и есть. Он недоволен. Извиняйся и уходи.

— Того, что вам нужно, мы не продаем, — угрюмо произнес Стайн. — Вы только тратите мое время. Думаю, вам стоит уйти.

Фактор сердился на самого себя. Ему редко доводилось настолько ошибаться в покупателе.

— Простите, — сказала она, поднимаясь. — Не хотела вас оскорбить.

— Прошу вас, уходите, — выдавил Стайн.

Он снял с пояса жезл управления и быстро взмахнул им. Сервиторы покорно отошли в тень.

— Уходи.

— Я не хотела вас оскорбить, — повторила она. — Мне очень жаль.

— Таким, как вы, всегда жаль, — произнес Стайн. —Я должен доложить о вас.

— Кому доложить? — спросила она.

— Уходи, Пэйшенс. Сейчас же. Мы не можем позволить вступать в конфликт.

Стайн повернулся к ней. На его лице застыло жесткое, полное яда выражение.

— Вы пришли сюда, в этот достопочтенный Дом, чтобы найти дорогу к безбожному месту! «Стайн и Стайн» не занимаются подобным!

— Я извинилась. Искренне извинилась, сэр.

— Пэйшенс...

— Мне придется вызвать

магистратов, — продолжал бушевать Стайн.

Он вновь взмахнул управляющим жезлом, протягивая руку к коммуникатору, связывающему его с ульем. Кыс услышала гудок подключения.

— Магистратум Беринта. Слушаю вас, — пропели динамики, стоящие на столике.

— Это Стайн из «Стайна и Стайна». Я хочу... Раздался щелчок, и связь оборвалась.

— Алло? Алло? — произнес Стайн.

— Я заблокировал его коммуникатор. Давай, Пэйшенс, уходи оттуда.

Стайн из «Стайна и Стайна» вновь и вновь пытался заставить работать свой управляющий жезл. Когда он наконец оглянулся, женщины уже не было.

Она ураганом вылетела из приемной на огражденную железными перилами дорожку. Подвесные лампы сияли над ней слабым жемчужным светом. Кыс позволила людскому потоку поглотить себя и понести вперед. Ее окружали прогуливающиеся богатые и

привилегированные граждане с двух дюжин миров. Некоторых сопровождали телохранители. Одни плыли в декоративных лифтерах, другие вышагивали под развернутыми зонтиками, за третьими несли шлейфы.

— Простите, — послала Пэйшенс. — Я слишком замешкалась.

— Это не имеет значения.

— Нет, имеет. То, что произошло, застигло меня врасплох. Его реакция. Он был так... сердит.

— Гордость, только и всего. Мы нацелились слишком высоко, попытавшись проверить имперского ювелира. Пусть это станет нам уроком.

Она выбралась из потока людей и спустилась по железным ступенькам на стек уровнем ниже. Там оказалось поспокойнее. Кыс остановилась и облокотилась на ограждение, глядя вниз, в глубокий провал пространства между стеками на уличные уровни, раскинувшиеся под ней. Она переводила дыхание.

— Я никудышный актер, Гидеон.

— Вовсе нет. Все отлично.

— Я прекрасно могу понять, когда вы говорите не то, что думаете. Актер из тебя действительно никакой.

— Может быть, и так, Пэйшенс. Ты хотела бы поговорить о причинах?

— Я не справляюсь с ролью потому, что не могу смириться с происходящим. Мне ненавистно то, чем нам приходится заниматься.

— И это вполне разумно. Мне тоже неприятно.

Она вздохнула, отпуская перила, и двинулась дальше.

— Как дела у остальных?

— Практически так же, как и у тебя. Им ничего не удается накопать. Хотя в ситуации, столь близкие к боевым, они не попадают.

— Кажется, я уже извинилась, Гидеон. Так что же там произошло? В других местах всего лишь пытались сменить тему, когда я переходила к делу, но он был... просто плевался ядом. Он разговаривал со мной как с преступницей.

Как я уже говорил, мы слишком высоко нацелились. "Стайн и Стайн" один

из самых прославленных Домов Утохра. Продавец почувствовал себя оскорбленным. Мы оскорбили его Дом. Его коробит от самой мысли о беззаконии. Плюнь и забудь.

— Думаю, вам стоит заменить меня Карой. Она справилась бы лучше.

— Плюнь и забудь.

Она направилась к дальнему концу уровня, к темной архитектурной расселине, где бронированный изогнутый купол встречался с краем стека. Там располагалась небольшая, плохо освещенная столовая, встроенная в карниз гигантской внешней крыши. Заведение, совершенно очевидно, предназначалось для младшего обслуживающего персонала, выполнявшего черную работу при торговых залах. При виде ее прекрасной дорогой одежды люди хмурились, они начинали шептаться. Она не стала обращать на это внимание и села за свободный столик. Вокруг нее сидели, ссутулившись и переговариваясь, уборщики, водители и прочий рабочий люд.

— Мамзель? — к ней приблизилась официантка в переднике. — Уровнем выше

расположено заведение, где вам будет уютнее.

— Мне уютно и здесь, спасибо, — сказала Кыс. — Кофеин. Черный, сладкий, и амасек, если есть. И чего-нибудь пожрать.

— Да, мамзель.

Пока несли ее заказ, Пэйшенс снова поднялась и приблизилась к тяжелой защитной пластине, образовывавшей стену столовой. Кыс коснулась управляющего тумблера, и щит скользнул в сторону. За толстым стеклом раскинулся внешний мир. Далеко внизу, под пасмурным, клубящимся небом пролегли покрытые черной жирной грязью и облепленные льдом склоны улья Беринт. Шквальный ветер бил в окно, осыпая его ледяным крошевом.

— Мы ведь стали преступниками?

— Пэйшенс...

— Ох, да прекратите вы! Мы стали преступниками. Я все понимаю. Отступники.

— У нас не оставалось другого выбора.

— Мне ненавистно это, Гидеон, мне ненавистна мысль о том, что он все еще где-то там. Раньше я об этом не

задумывалась, но в тот момент, когда вы сказали, что он умер, у меня с души словно камень свалился.

— Прости. Если тебя это утешит, то и мне не легче.

Кыс приложила руку к стеклу и устремила взгляд в ночную бурю.

— Тем не менее... Пэйшенс, мы должны сохранять самообладание. Нельзя, чтобы на нас сейчас обратили внимание, а у меня возникло такое чувство, будто ты собиралась пригвоздить этого Стайна к креслу и оторвать ему яйца.

— Ну, это уж как минимум,— улыбнулась она. — Прошу прощения. Но мне действительно тяжело. Так что... как дела у остальных?

— Мауд и Карл проверили разделявшие их пять залов. Ничего. Гарлон раздобыл для нас подлодку. Сейчас Карл отправился к развалам покупать кольца.

— Вам не кажется, что у него их и без того слишком много?

— Не знаю. Я не обращаю внимания на подобные вещи. А разве колец может быть слишком много?

Для Карла, судя по всему, нет.

Официантка принесла заказ. Кыс возвратилась за столик, одним глотком осушила бокал дешевого амасека и взялась за слишком горячий кофеин. Закуска оказалась вполне сносной. Она оставила на столике щедрые чаевые и встала.

— Что дальше?

— Еще с одним справишься?

— Да. Конечно.

— Только если готова. Выходи и поднимайся уровнем выше. Оттуда пойдешь направо. «Корлос и Сакветтар», резчики по камню.

Пэйшенс вздохнула:

— Как я смотрюсь?

— Потрясающе.

— Что ж, тогда пойдем.

— Стой. Подожди, Пэйшенс. Садись обратно и допивай свой кофеин. Похоже, Карлу удалось что-то найти.

— Несвязно? Что ж, это в корне меняет дело.

— О? И как же? — слащавым тоном поинтересовался Карл Тониус.

На развалах, расположенных в нижних уровнях улья, можно было купить вещи попроще. Многочисленные стеки загромождали грязные ларьки и крытые засаленной тканью лотки, торгующие низкокачественными и браковannыми камнями, безделушками, сувенирами, тотемами и амулетами. В воздухе висел дым, поднимающийся от разведенных в бочках костров, и пахло алкогольным перегаром помойкой. Гудели волынки и гремели барабаны. Факиры, жулики, продавцы лхо, малоимущая толпа, бесцельно прокатывающаяся то туда, то сюда, точно вода в трюме баржи. Торговец, стоящий за прилавком, огляделся, чтобы посмотреть, не подслушивает ли их кто-нибудь. Один его глаз словно провалился внутрь из-за

многолетнего использования ювелирной линзы.

— Раз уж вы, мой друг, прикупили у меня столько колец, то я кое-что расскажу вам. Связность имеет свою цену. И для начала вас надо бы представить.

— Вы можете это сделать?

— Представляться придется самостоятельно. В торговых залах ожидают этого.

— А вы не можете мне в этом помочь?

Торговец разразился булькающим смехом:

— Ну конечно же нет! — Он обвел руками свою скромную палатку. — Я человек этих развалов, был здесь рожден и вскормлен. В нужных вам кругах я не вращаюсь.

— Но вы знакомы с системой? Он кивнул,

— Могу я узнать ваше имя? — спросил Тониус.

— Ленек Янвил, сэр,— ответил мужчина.

Он был низкорослым и пузатым, с

подвижными руками. От него несло гарью и полиролью.

— Значит, Ленек Янвил, если я, скажем, куплю тот великолепный перстень, покрытый ляпис-лазурью, над которым только что провел рукой, вы сможете меня просветить?

— С радостью, — сказал Янвил.

Тониус извлек из кармана несколько монет и отсчитал их, выкладывая на покрытое пятнами сукно прилавка. Янвил достал перстень и тщательно завернул его в небольшой кусочек войлока.

— Понимаете ли, все дело в вознаграждении, — тихо произнес продавец. — Рука руку моет. У торговых залов есть договоренность с Домом. Они заключили ее много столетий назад. Одни в этом осторожно признаются, другие отрицают, но все они получают выгоду.

— Как так?

Все до единого залы Беринта платят Дому, взамен получая необходимую информацию о новых жилах, залежах камней и выходах металла. Беринт прославился своими

драгоценностями, но это только побочный продукт тяжелой промышленности города. Первые предприятия, возникшие здесь в давние времена, получали прибыль за счет интенсивной разведки и добычи руды, но в наше время ни у кого нет желания полагаться на случайное обнаружение новых запасов. А на дорогостоящие методы самостоятельной разведки предприятия тратиться не собираются. Поэтому они и платят за то, чтобы знать, где искать, а затем просто нанимают шахтеров и производят точечные разработки. Все получают выгоду.

— А вы довольно общительны.

Янвил пожал плечами:

— Торговые залы очень осторожно выбирают тех, кого допустить к Дому. Вначале они проверяют благонадежность клиента. Это эксклюзивная услуга. Впрочем, Трон знает, может быть, вы и сами достаточно эксклюзивный человек, раз уж проделали такой путь, чтобы пройтись по ювелирным магазинам.

— Как именно они проверяют клиента?

— Вначале вы должны найти агента. Их услуги также очень эксклюзивны. Они не рекламируют себя. Клиент встречается с агентом, и тот ведет его в соответствующий зал, где и доходили слухи, что хорологи вполне подходят для этого. Стоимость изделия служит вознаграждением для зала. Клиент должен подарить купленное украшение агенту. Впоследствии агент продаст эту вещь обратно по сниженной цене. Украшение снова вернется на витрину, а зал получит неплохую прибыль.

— Весьма неплохую.

— Руки помыты, задницы друг другу почесаны. Все радостно улыбаются.

— Так как мне найти агента?.. — Ну, пожалуй, мне может быть что-нибудь известно. — Руки помыты, задницы друг другу почесаны, да? — произнес Тониус. — Вот то золотое кольцо на большой палец...

— Значит, Стайну все было известно? — спросила Пэйенс.

— Если верить моему источнику, то им всем известно, — сказал Карл. —

Просто они не любят об этом болтать.

— Вот ведь мелкое дерьмо! А передо мной грудь надуал и ...

— Просто ты не была представлена,— тихо откликнулся Карл.

Он сидел на кушетке в эркере, выступающем из комнаты, любуясь новыми кольцами на руке. Зимняя ночь бурлила и билась в окна за его спиной.

— Половина моего сознания предлагает отправиться к нему и воткнуть каин ему в зад! — прорычала Кыс.

— Только половиной до такого и можно додуматься, — сказал Бэллак, входя в комнату. — Надо соблюдать осторожность.

Кыс медленно развернулась на месте и прожгла дознавателя взглядом. Все те два месяца, что он был с ними, Бэллак демонстрировал неизменную способность доводить ее до белого каления.

Конечно, она жалела его. В конце концов, дознаватель пережил серьезное испытание и лишился руки. Кроме того, он показал похвальную инициативу,

предоставив всю необходимую информацию Рейвенору. Но при всем при этом он, как сказала бы Кара, оставался самодовольным ничтожным нинкером и слишком уж симпатичным с этими своими длинными белыми волосами и голубыми глазами.

На этот раз он, казалось, заметил ее неудовольствие.

— Прости, Кыс, — сказал он. — С моей стороны это было грубо. Просто, понимаешь, иногда меня слишком сильно захватывают мысли о том, как сильно я рискую своей карьерой, участвуя в этом. Не сочтите за оскорбление, сэр.

— Не сочту, — ответил механический монотонный голос Рейвенора. — Все мы здесь рискуем своей карьерой.

Какое-то время никто не произносил ни слова. Пламя плясало в камине, обогревая комнату номера, снятого в высоком улье Беринта, и отражалось в полированной поверхности пола, выстланного в шахматном порядке плашками коричневого и сливочного цветов. Стены комнаты были облицованы

панелями из темного ума. Изумительного качества фарфоровые каминные изразцы украшали серебряные и перламутровые ракушки. Поленья трещали и стреляли угольками.

Кыс, Бэллак и Тониус спокойно обдумывали сложившуюся ситуацию, каждый по-своему. Пэйшенс пыталась представить себе всю глубину тревог, поселившихся в сознании Рейвенора.

— Я поняла, почему меня настолько разозлила реакция Стайна, — послала она.

— Продолжай.

— Дело не в том, что он заставил меня почувствовать себя преступницей. Я на самом деле преступница, а он только заставил меня это осознать. Все, что приходилось выполнять, работая с вами, Гидеон, я всегда делала со знанием: мы приводим в исполнение волю Императора. Но теперь мы действуем, не получив одобрения.

— Мы его получим. Я заставлю ордосы понять, почему нам пришлось действовать таким образом. Мы получим разрешение.

— Но сейчас-то его нет.

Кресло откатилось от камина и повернулось к остальным. Все уважительно подняли головы.

— Я уже говорил это и прежде, но на всякий случай повторю: закончив с этим делом, мы сразу же направимся к Мизард. А если потребуется, то и к Роркену. Я рассчитаюсь за все и возьму всю вину на себя.

— Интересно, кого они пошлют за нами? — задумчиво произнес Карл, продолжая любоваться кольцами, а затем посмотрел на Рейвенора. — Ведь они же должны будут кого-нибудь послать, верно?

— Лилит. — Вэллак опустился на пуфик. — Мизард отправит Лилит и ее команду. Лилит Абфекварн очень хороша. Она уже дослужилась до черного рейтинга. Остается только надеяться, что она не обладает пока первой подсказкой и не знает, где начинать поиски. Если проще, то это означает, что времени на лишние смертоубийства у нас нет.

Он одарил Кыс многозначительным взглядом. — Верно. Но ты уже говорил это.

Мне не требуется повторять дважды, — ответила Пэйшенс. — Что скажешь, Карл? Где нам искать агента?

Тониус собирался уже ответить, когда внешний люк Номера скользнул в сторону. Пэйшенс увидела, как быстро — и нервозно — вскинулся Бэллак, опуская руку на рукоять пистолета.

В комнату вошла Мауд Плайтон. Во всяком случае некая версия Мауд Плайтон. Она выглядела весьма экстравагантно, затянутая в длинное платье темно-зеленого шелка, украшенное парсижидскими кружевами. Ткань туго обтягивала ее тело, заставляя отдельные его участки соблазнительно выступать. Благодаря короткой стрижке и яркому макияжу складывалось впечатление, что это мужчина, переодевшийся в женское платье.

— Я тоже рада тебя видеть, — улыбнулась она Бэллаку, увидев, что тот держит руку на пистолете.

— Что, Мауд, не слишком удачный денек был? — спросила Кыс.

Плайтон грузно плюхнулась на

ближайшую софу и стащила с себя высокие сапоги. Она позаимствовала их у Кары, и они не слишком подходили ей по размеру. Ноги Мауд опухли.

— Редкостная дрянь! — провозгласила она, кидая их за спинку дивана, а затем продолжила: — Мне очень неприятно это говорить, но я ничего не нашла.

— Все нормально, Мауд, — ответил Рейвенор, — у нас уже есть наводка.

— О, замечательно! — ответила Плайтон, поднимаясь. Она стащила с себя дорогое платье через голову. Это одеяние ей также уступила Кара, и оно оказалось слишком узким и слишком коротким для Плайтон. Выпустив платье из рук и оставшись только в колготках и корсаже на китовом усе, Мауд вышла из комнаты. Казалось, что еще чуть-чуть, и оставшаяся на ней одежда треснет по швам.

— Хвала Трону, я его сняла! Оно меня чуть не удушило. Я выглядела как дура.

— Ты отлично выглядела, — произнес Рейвенор.

Плайтон облегченно простонала в

соседней комнате и прокричала:

— Конспирацию соблюсти удалось, но не скажу, чтобы это было приятно. Мне не приходилось чувствовать на своей груди столько незнакомых лап с тех пор, как меня в последний раз ставили в правительственную охрану.

— Ну надо же... — произнес Карл.

Плайтон высунула голову из-за двери, а затем приподняла одну руку, чтобы понюхать свою подмышку:

— А еще от меня воняет. Вам не кажется, что это как-то не аристократично?

— Давай я лучше не стану тебе рассказывать? — откликнулся Карл.

— Выпить есть? — поинтересовалась Мауд.

— Сейчас организую, — ответил ей Бэллак.

— Кто-нибудь, помогите мне расшнуровать этот проклятый корсет. Умоляю. Пэйшенс, раз уж он принадлежит тебе, может, лучше ты им и займешься?

Улыбаясь, Кыс пересекла комнату и зашла к Плайтон. Мауд повернулась к ней

спиной, и Пэйшенс принялась развязывать шнуровку. Это было не просто.

— Спаси меня, Император, я не могу дышать. Кыс, как ты можешь это носить?

— Легко, — мягко ответила та.

— Я принес выпить, — произнес Бэллак, появляясь в дверном проеме с бокалом в руке, и застыл на месте.

— Давай сюда. Вложи его в мою руку! — сказала Плайтон. — Я ведь не смогу дотянуться до него, пока ты стоишь там.

— Я просто... учитывая твое...

— Уверена, у меня нет ничего такого, чего бы ты не видел раньше.

— Нет. Разве что немного больших размеров, чем мне приходилось видеть.

— Вот и наслаждайся! — поддразнила его Плайтон, принимая выпивку и делая глоток. — Ням, вкуснотища!

— Если нужен доброволец, чтобы снова навестить «Стайка и Стайна», — крикнула Кыс, сражаясь со шнуровкой корсета, — то это я.

— Я надеялся тоже поучаствовать, — произнес Бэллак.

Он уже возвратился к камину и

теперь пытался завязать свои белокурые локоны в конский хвост. Проделать это одной рукой было непростой задачей. Эвисорекс аккуратно отсекла ему запястье, и культя теперь была укрыта черным кожаным мешочком, напичканным заживляющими микросистемами. Прежде чем приживлять аугметичесий протез, надо было ждать еще как минимум месяц.

— Мне действительно хотелось бы помочь вам, сэр, —произнес дознаватель. — Я хочу быть полезным.

— Значит, пойдете вдвоем, — сказал Рейвенор. — Ты невозражаешь, Карл?

— Без проблем, — поднимаясь, пожал плечами Тониус. — Гэлл, тебе помочь?

— Благодарю,— ответил Бэллак, когда Карл начал расчесывать пальцами его гриву, чтобы собрать ее в хвост.

— Только дождемся остальных, — сказал Рейвенор. — Вы можете отправиться туда утром.

— А почему задерживается Нейл? — поинтересовалась Плайтон, с мученической гримасой на лице ожидая, пока Кыс высвободит ее тело из

заточения.

Мокрый снег стучал в окна ангара, расположенного на наземном уровне.

Рабочие бригады уже ушли, и подлодки лежали в своих ледяных колыбелях, похожие на дремлющих серых морских зверей. Помещение освещалось только немногочисленными лампами вдоль стапелей.

Ангарад тягко вздохнула и скатилась с Гарлона. Какое-то время они лежали рядом в темноте, слушая барабанную дробь, выбиваемую мокрым снегом.

— Я рад, что вы выжили, — произнес наконец Нейл.

— Не понимаю, зачем тебе понадобилось это говорить, — ответила она, прижимаясь к нему плечом.

— Почему?

— Потому что это очевидно. Незачем было говорить. Я ведь почувствовала твою радость. Еще тогда.

— Нам надо возвращаться, — сказал Нейл.

— Скажи, а эта штуковина и в самом деле так необходима? — спросила она,

кивая на небольшой модуль пси-блокиратора, стоящий рядом с ними.

— Да.

— А почему?

— Трудно объяснить. Рейвенор... Мне не хотелось бы причинять ему боль.

— Причинять боль?

— Ты так похожа на Арианрод.

— Не понимаю.

— Забудь. Просто доверься мне. Я успел понять, насколько тяжело переживает Гидеон свое состояние. В конце концов, он ведь все еще человек.

— У него остался его разум.

— Да, но кроме него еще и воспоминания. И у меня просто есть такое чувство...

— Что он не одобрил бы нас?

— Возможно. Без этого устройства ты ткнули бы его прямо носом в происходящее. Если, конечно, у него еще остался нос.

Под воздуховодом было темно и тепло. Они соорудили себе лежанку из меховой одежды, которую достали из шкафчиков.

— Пойдем, — произнесла Ангарад.

Она поднялась одним плавным движением и принялась искать свою одежду. На мгновение ее силуэт отчетливо вырисовался в свете ламп.

Гарлон посмотрел на нее.

— Впрочем, еще минут пять задержки не причинят ему больших страданий, — произнес он.

Глава третья

От долгого ожидания Кару Свол охватывало напряжение, а от напряжения, в свою очередь, начинала болеть голова. Во всяком случае она очень надеялась, что причина только в напряжении. О другой вероятности думать не хотелось.

Она стояла одна на капитанском мостике «Аретузы», номинально выполняя роль дежурного, хотя наблюдать там было практически не за чем. Большую часть судовых систем остановили и отключили: энергия подавалась только на самые необходимые. Как только судно вышло на высокую орбиту над Утохром, Ануэрт выключил коммерческий приемоответчик и дезактивировал маяк. Они не имели ни

малейшего желания уведомлять кого бы то ни было о своем появлении и сообщать о принадлежности корабля. Раз в три часа автоматическое реле подавало энергию на вокс-сеть «Аретузы», позволяя связаться с высадившейся командой. Тишина в остальное время вызывала ощущение немоты. Конечно же, возникни у них какие-либо проблемы, Рейвенор спокойно мог бы вызвать их, не дожидаясь урочного времени связи. Кара заранее убедилась, что посадочный модуль, стоящий в трюме, готов к старту.

Она сверилась с хроном. Еще сорок пять минут до следующего сеанса. Ее охватывало беспокойство. Пытаясь избавиться от него, Кара слегка поупражнялась с мечом, но ничего не получалось. Казалось, будто все ее тело словно проржавело и стало непослушным. Упражнения не приносили радости. С тех пор как она в последний раз вступала в драку, прошло немало времени. Бывшая акробатка не слишком любила сражения, но дисциплина требовала сохранять готовность.

Но хуже всего то, что ее разум был словно затуманен. Кара чувствовала себя одурманенной, но не могла сказать почему. Она вспомнила, как Рейвенор еще на Танкреде прямо перед отлетом говорил ей, будто что-то почувствовал в ее сознании. Вспомнила, как вскипела от этих слов, но почему? Вероятно, причиной было чувство вины. Она ведь так и не рассказала Рейвенору ни о своей болезни, ни о чудесном избавлении от нее. Кара не любила держать секреты от кого бы то ни было, а уж тем более от него.

С тех пор она ходила словно в тумане. Возможно, именно это и обнаружил инквизитор. Возможно, именно поэтому и попросил ее возглавить вторую команду, оставленную в качестве прикрытия на борту судна. Возможно, Рейвенор решил, что она больше не годится для работы полевого агента. И возможно, в этом он прав, хотя ей и нелегко было смириться с таким отстранением.

Так же нелегко, как и с помутнением сознания. В голове словно ворочалось какое-

то воспоминание, никак не обретающее отчетливых очертаний. Словно некие слова готовы были сорваться с ее языка, но не срывались.

И конечно же, подобная забывчивость являлась одним из первичных симптомов, требовавших проверки.

Кара осознала, что потирает пальцами висок, и отдернула руку.

Стремительно вскочив с кресла, она покинула мостик и зашагала по гулкому коридору судна. Практически все члены экипажа «Аретузы» спали, если не считать двоих человек, занятых мелкой починкой в энжинариуме. Старый, потрепанный корабль поскрипывал и стонал. Сквозь облупившуюся краску на стенах проглядывалась ржавчина. О судне Ануэрта не получалось сказать, что оно красиво или хотя бы надежно.

Услышав голос Белкнапа, Кара вначале прибавила шаг, а затем вновь пошла спокойнее, поняв, что он с кем-то беседует. Осторожно заглянув в открытый люк, она увидела его сидящим за столом в главной кают-компании. Напротив него

расположился Шолто Ануэрт. Мужчины общались, попивая из бокалов сухой трацианский мускатель. Белкнап находил с Ануэртом общий язык куда легче, чем все остальные, если не считать Кыс, сдружившейся с маленьким капитаном во время событий в Петрополисе. Теперь он иногда прикрывал Шолто от наиболее резких поддевок Карла и Нейла.

Впрочем, Белкнап хорошо сходился со всеми, врач как-никак. Но и доктор, и Ануэрт оставались посторонними в команде Рейвенора, инквизитор не посвящал их в свои планы, не говоря уже о допущении к оперативной работе. Хотя оба они хорошо показали себя в серьезной переделке на Юстисе Майорис, ни одного из них не наняли в качестве бойца или агента.

Во время тех событий Ануэрт серьезно пострадал. Оказавшись в руках печально известного охотника за головами, Люциуса Уорны, он подвергся пыткам и был изувечен, но не предал остальных. Одного взгляда, брошенного на его руки, хватало, чтобы понять, какие

страдания он вынес ради них, и все-таки некоторые, вроде Карла, продолжали его поддразнивать и смеяться над...

Карл. Его имя словно ужалило Кару, когда она подумала о нем. Нахмурившись, пыталась Кара понять свою собственную необъяснимую реакцию. Кем был для нее Карл, кроме как одиозным кретином?

Она попятилась. Ануэрт рассказывал Белкнапу какую-то длинную и запутанную историю из жизни своего рода.

— ...весьма пускается под откос во многих заведениях,— услышала она голос капитана,— что завсегда раньше были существа под именем «скваты», хотя многие школуты и прочие многоразумные полагают их только мифом,тем, что никогда не было. Но мой дорожайший великий

старый дядьек калился мне, что Ануэрты имеют пару щепок их крови в какой-то дальней перспективе. Я хотеться говорить, что...

Каре не хотелось вмешиваться. Точнее говоря, она собиралась поговорить с Белкнапом наедине. Поэтому она

попыталась тихо уйти.

— Кара? — оглядываясь, окликнул ее Белкнап.

Глаза на затылке. Бдительность бывшего имперского гвардейца, привычного стоять на часах.

— Просто проходила мимо, — пожала она плечами.

— Посиди с нами, — пригласил Белкнап.

— Нюхни чуток этой тупиловки, — улыбнулся Ануэрт, покачивая бутылку. — Мы просто бессмысленно болтологизируем.

— Чуть позже, наверное. Я не должна пропустить сеанс связи.

Она ушла, свернув в боковой коридор, ведущий к корабельному лазарету. Включив свет, Кара принялась копаться в стальных шкафчиках в поисках обезболивающего. Голова просто разламывалась.

Оно не могло вернуться. Не могло, верно? Пожалуйста,

Трон...

Кара остановила свои поиски, когда

поняла, что уже задыхается. Паника не была для нее чем-то обычным. Она облокотилась на конторку возле стены, делая медленные и глубокие вдохи. Поблизости, упакованное в коробки, стояло дорогутдее медицинское оборудование, приобретенное Рейвенором на Юстисе Майорис. Белкнап пользовался им, чтобы проверять и контролировать ее состояние. Он до сих пор брал у нее анализы раз в пару недель или около того. Последний раз он занимался этим по пути от Тан-креда. И он не уставал восхищаться невероятностью ее выздоровления. Каждый раз анализы говорили одно и то же. Это доставляло ему радость.

Как она могла рассказать ему? Как она могла попросить его?

— Ты в порядке?

Кара рывком обернулась к Вистану Фрауке, стоящему в дверях.

— Прости. Ты напугал меня,— произнесла она.

— Я увидел, что здесь горит свет, — пожал плечами

Фраука. — Ты в порядке?

— Голова немного побаливает, — призналась она, Фраука бросил недокуренную лхо-папиросу на палубу и, раздавив окурок каблуком, вошел в лазарет. Там он открыл шкаф со стеклянными дверцами и достал из него пузырек с капсулами.

— Вот эти штучки великолепно помогают, — сказал он.

— Это обезболивающее?

Он нахмурился, словно никогда не задумывался над этим.

— Думаю, да. Синие пилюльки сильнее всего, но вызывают забавные глюки и сушняк. Можно сказать, что они просто «перекрикивают» головную боль.

— Не знала, что ты страдаешь от головных болей, — сказала она, принимая пузырек из его рук.

— Ну...— протянул он.

— Человеку, страдающему от мигреней, я могу посочувствовать, — сказала она. — В противоположность, скажем, человеку, тайно экспериментирующему с лазаретной аптечкой.

— Значит, будем называть это мигренями, — с мудрым видом кивнул фраука, — и не станем больше возвращаться к этому вопросу. Я только хотел помочь.

Он повернулся к двери.

— Извини, — окликнула его Кара. — Извини. Прости меня. У меня действительно очень сильно болит голова. Скажи, Вистан, твоя жизнь ведь довольно тосклива?

— Есть и свои радости. — Тупильщик пожал плечами. — Как правило, они довольно непродолжительны и интенсивны. Но в остальное время... Короче, спасибо, что обратила внимание.

Кара набрала в стакан воды из-под ржавого крана и вытряхнула несколько капсул на ладонь.

— Две?

— Сам я обычно глотаю сразу три или четыре, — печально сказал он, потирая широкую грудь. — Но у меня и масса тела побольше, да и с утра дел не слишком много. Она рассмеялась и проглотила две капсулы.— Как мальчик? —

спросила Кара.

— Почему бы тебе самой его не проведать?

Он провел ее по короткому соединительному коридору к маленькой комнатке, примыкающей к лазарету и хирургической палате. Только одна из шести кроватей была занята. Бледный, исхудавший Заэль лежал на ней в своем бесконечном сне, подключенный к системам жизнеобеспечения и биомонитору. Возле его кровати стояли единственный стул и тумбочка, на которой покоились лампа, информационный планшет и блюдце, полное окурков.

— Есть какие-нибудь изменения? — прошептала Кара.

— Ага. Он проснулся и принялся танцевать. Совсем забыл тебе рассказать.

— Трепло! — прошипела она с усмешкой.

— Когда он проснется, боюсь, я буду тосковать. — Фра-ука произнес эти слова с удивившей ее грустью. — Кто тогда будет слушать мои истории?

— Тебе чего-нибудь принести? — спросила она, но Фра-ука только покачал головой. — Что ж, спокойной ночи и... спасибо.

Она ушла. Фраука подошел к стулу и уселся на него, прикурив лхо-папиросу и включив планшет. Мерцание монитора отразилось на его лице.

— Так, где я остановился? — произнес он. — Ах да... «Ее розовые соски напряглись от возбуждения. Она запищала от восхищения, когда его набедренная повязка упала на палубу. Очень медленно он...»

— У тебя кровь из носа идет.

— Что?

— У тебя кровь из носа идет.

— Проклятие! — произнес Фраука, поднося палец к верхней губе.

Он отложил информационный планшет, раздавил папиросу в блюдце и извлек из кармана носовой платок. Вытерев нос, он уставился на замаранную ткань. Кровь у него шла уже не в первый раз. Старые пятна казались налетом ржавчины.

— Не сильно. Уже прекратилось.

— Но все-таки шла.

— Да. Ну и что? — Он убрал платок и пару раз шмыгнул носом.

— Что?

— Да, что? — Фраука достал новую лхо-папиросу. —

Что? Почему ты спрашиваешь?

— Я жду ответа.

— Она просто шла. Заткнись уже.

— Без причины кровь из носа не пойдет.

— А я уверен, что так бывает. И в моем случае, сынок, я просто неудачно в нем поковырялся.

— В обеих ноздрях сразу?

— Окажи мне услугу. Заткнись. Я читаю.

— Мне уже надоели эти бесконечные грязные рассказы.

— А вот мне — нет, — отрубил Фраука, снова поднимая планшет. — «Ее полные груди были столь же белыми и округлыми, как и...» — Он опустил планшет и посмотрел на мальчика.— Ты хоть знаешь, что я должен сделать, если ты проснешься?

— Да. Я ощущаю тяжесть пистолета в твоем кармане и тяжесть обещания, данного тобой Креслу, в твоей голове.

— Ладно...

Последовала долгая пауза.

— Я неприкасаемый, — произнес затем Вистан. — И не существует никакой возможности для тебя ощутить что-нибудь в моей голове.

— И все же?

— Заткнись. Где я там остановился?

— Что-то там о грудях?

— Верно. Точно.

— Ты хоть понимаешь, что больше не можешь доверять ни одному из них? Понимаешь? Слишком много грязных историй. Слишком много тайн. Кара, Тониус, Бэллак, Шейл...

— Поэтому-то я никому и не скажу. А ты?

Мальчик недвижно, точно мертвый, лежал на кровати.

Верно... где я там остановился?

Она направлялась по центральному коридору к мости-когда появился Белкнап.

— Привет, — сказала она.

— Все еще «просто проходишь мимо»? — спросил он. Кара кивнула.

— Шолто уснул. Слишком много «тупиловки». Знаешь, а у него много забавных историй. Не поверишь, но он полагает, что в его роду были...

— Мне страшно! — резко перебила она.

Он посмотрел на нее. Объяснять причины не было необходимости.

— Пойдем в лазарет.

— Не могу. Я должна быть на мостике. Сеанс связи через пять минут.

— Хорошо. Не беспокойся. Проверь системы. А я пока схожу все настрою, а затем вернусь за тобой.

Она снова кивнула.

— Все будет хорошо, — сказал он, беря ее ладони, складывая их в знамение аквилы и прижимая их к ее груди. — Не теряй веру.

Белкнап поцеловал Кару, и она с такой силой обняла его за шею, словно собиралась сломать ее.

— Через десять минут, — произнес он, высвобождаясь.

И они разошлись.

На мостике обнаружился Файфланк,

он сидел на месте главного рулевого и проводил какие-то непонятные системные проверки. Когда вошла Кара, человекопес поднял на нее взгляд и что-то прорычал, а затем вернулся к своей работе.

Кара села за вокс-терминал, потерла глаза обеими ладонями и сделала глубокий вдох.

Пульт засветился. Автоматика пробудила системы. Руны вспыхнули и побежали по главному коммутационному экрану. Кара подождала, пока успокоятся графики, а затем ввела код связи.

Гнездо жаждет Коготь, — напечатала она. — С неба, со звезд друзей голоса.

Последовала пауза. А затем на экране возникли слова.

Слишком устал я для глоссии, Кара. У нас все в порядке. У нас есть одна наводка, возможно, нам повезло. А у вас как дела?

Все отлично, — напечатала она.

Хорошо. Еще поговорим с тобой через три часа. Доброй ночи, Кара.

И вам, Гидеон, доброй ночи.

Глава четвертая

Беринт (темный, грязный, уродливый улей, прилепившийся к юго-западной оконечности второго по размерам континента Утохра) окружали пять десятков добывающих станций, изрыгающих дым. Все это скопление жилых и промышленных зданий, раскинувшееся более чем на десять тысяч километров в диаметре, нельзя было разглядеть с орбиты. Нельзя было увидеть с «Аретузы». Нельзя, поскольку небо Утохра затягивали ядовитые тучи. Большую часть поверхности суши и обоих океанов покрывала корка льда, а облачный покров представлял собой плотную, непроницаемую завесу, благодаря которой зима продолжалась уже тридцать тысяч лет. Астрономы винили в этих отвратительных погодных условиях столкновение с одной из меньших лун.

Я просеиваю и изучаю подобную информацию лишь для того, чтобы ход моих мыслей не останавливался.

Сам Утохр, восьмая луна из двадцати восьми, движется на большом расстоянии по орбите вокруг Кито — густонаселенного имперского мира. Утохр, кажущийся когтем в зимнем небе этой планеты, имеет мрачную репутацию. Ранние. поселенцы Кито окружили восьмую луну мифами, в которых она выступала в качестве ада, куда после смерти отправлялись уродливые и злые души.

Возможно, это место и в самом деле логово зла. Аристократы и богатеи совершают паломничества к Утохру, как правило пользуясь для того чартерными рейсами с главной планеты. Паромы отходят регулярно. Богатый благодаря своей сложной и активной структуре полезными ископаемыми, Утохр превратился в центр активной горнодобывающей промышленности и, во вторую очередь, ювелирного искусства. Горные массивы, протянувшиеся подо льдами луны, исправно поставляют лучшие камни в секторе. А лучшие имперские ювелиры основали в Беринте

свои филиалы. Со всего сектора слетаются сюда аристократы — и ради качественных изделий Утохра, и ради престижа. Лишь очень богатые и наиболее высокородные граждане способны позволить себе местные цены и затраты на перевозку.

Но существует и другая услуга, которую восьмая луна Кито готова предоставить тем, кто очень богат или очень суеверен...

Или же очень отчаян.

И есть у меня такое неприятное ощущение, что я вхожу именно в последнюю категорию.

Это риск. Путешествие в Ведьмин Дом всегда рискованно. Его уже неоднократно пытались обнаружить и уничтожить. Но он неуловим и очень хорошо защищен.

А еще — опасен.

И никогда не ошибается.

Найти Ведьмин Дом пришло в голову Карлу. Поначалу я противился этой идее, но и Бэллак поддержал ее. Мне нравится этот дознаватель, я восхищаюсь им.

Поэтому, может быть, я и сдался наконец, согласившись отправиться на Утохр.

Покинув высокую орбиту Танкреда, мы в тот же миг обрели статус отступников. Теперь мы действовали не под знаком особых обстоятельств, а под клеймом отступничества. Термин этот обладает собственным определением в уставе Инквизиции. Означает он агента или агентов, пренебрегших обязанностями, проявивших непокорность или имеющих преступные намерения. Я нарушил прямой приказ своего начальства. Повернулся спиной к своим обязанностям. И сам выбрал себе задание, не дожидаясь ордера или разрешения. Я прятался, чтобы никто не сделал мне выговора. Чтобы никто не смог остановить меня.

Отступник.

Никогда не думал, даже не мог представить себе, что пойду на подобное прегрешение, и тем не менее этот выбор сделал я сам.

За час до нашего отбытия с Танкреда нас тайно навестили Бэллак и Ангарад. Случилось это сразу после кровавой бани,

устроенной Молохом. Бэллак предложил мне свои услуги и знания. Он не смел возвратиться к Мизард.

Я несколько раз просканировал дознавателя — и с его согласия, и без. И каждый раз видел одно и то же: выслеживание Молоха вместе с Фенксом, западню и гибель друзей одного за другим. Смех Молоха, оставившего прикованного к турбине Бэллака ждать своей участи. Ангарад, едва успевшую отсечь дознавателю руку и оттащить его в безопасное место.

— Молох жив, — напрямую сказал мне Бэллак. — Он подстроил все так, чтобы скрыться, оставив вместо себя фальшивый труп. Вы были правы, сэр, Молох все это время находился на Танкреде, а теперь он жив и свободен. Но Инквизиция уверена, что он погиб. Нас предали. Кто-то из сотрудников ордоса предал нас. Иначе Молох ничего бы не знал.

— Так почему вы пришли ко мне?

— Потому, сэр, что вы были правы и никому, кроме вас, я теперь не доверяю.

Молоху слишком часто удавалось

уйти от меня. И всякий раз он обходился мне слишком дорого. Маджескус. О Трон, мои дорогие Уилл, Нора и Элина! Я до сих пор я просыпаюсь среди ночи, вспоминая их вопли.

Слишком часто, Зигмунд Молох, но теперь не выйдет. Пусть даже это и похоронит мою репутацию и карьеру.

Кто-то из ордосов сдал Феникса Молоху. Из чего следует. простой вывод: ордосам нельзя доверять. Чтобы настигнуть Зигмунда, мне придется действовать, не обращаясь ни к их помощи, ни к их данным. Мне придется преследовать его тайно, надеясь найти его раньше, чем найдут меня..К этому все шло с самого начала. Молох стал моей немезидой. Именно он и должен был расправиться со мной. Кара только что отключилась. Вокс-сеть снова мертва. Свол говорит, что на борту «Аретузы» все в порядке, и я доверяю ей, хотя меня по-прежнему беспокоит тот таинственный секрет, который она хранит. Я продолжаю бодрствовать и размышлять, ощущая назойливый гул навязчивой идеи. Неужели

ради того, чтобы сослужить человечеству великую службу, выполнить то, что только я способен выполнить, я вынужден нарушить все те правила, которые клялся никогда не нарушать? Или я просто нарушаю все правила? Как бы то ни было, но я веду своих друзей в ад. Подписал им всем приговор.

Инквизиция не умеет прощать.

Кыс, Мауд и Карл спят. Они устали. Я не собираюсь в этом мешать. Нейл где-то трахается с картайкой. Ондумает, что я не знаю. Я счастлив и за него, и за нее и хочу удавить их обоих. Трон, давно мне не доводилось испытывать ничего подобного.

Во всяком случае с того дня, когда я оказался в этой коробке.

Ублюдок. То, что ты с ней трахаешься, — черт с тобой, не возражаю. Но ты скрываешь это от меня — вот что меня бесит. Неужели же ты думаешь, что тем самым щадишь мои чувства? Ты? Ты?

Глава пятая

Колодцы отстойников располагались глубоко под ульем, ниже вечной мерзлоты. Они представляли собой сырые, скудно освещенные рокритовые пещеры, протянувшиеся на многие километры, куда регулярно сбрасывали жидкие отходы горной промышленности. Сырой воздух пах каменной пылью. Ледяные сквозняки просачивались с поверхности, вторгаясь в подземелье через погрузочные скаты и шахты сброса, проносясь мимо пронумерованных бункеров, поднимая серую пыль.

— Гирам Лацик? — позвал Бэллак.

Человек на склоне каменной груды распрямился и посмотрел на них. Он был тощим, но казался больше благодаря мехам и термоодежде, сочетающейся с элементами ветхого защитного костюма. В руках он сжимал переносной сканер. Пятеро старых, проржавевших геологических сервито-ров сновали по отвалу, закидывая в корзинки куски черной

породы, разъеденные коррозией скелетных конечностей.

— А кто спрашивает?

— Мы.

Мужчина и женщина стояли у подножия кучи, глядя на него.

— Да, я Лацик. Но вообще-то я занят. За то, чтобы свободно покопаться в этой куче в течение двух часов, мне пришлось выплатить бешеные деньги. И я не собираюсь тратить впустую ни минуты. А «мы» могут уйти и возвратиться позже. Или просто уйти. Думаю, вы захотите с нами поговорить, — произнесла женщина. — Нам сказали, что вы сможете помочь. Нам требуется представление.

Лацик помедлил и бросил взгляд на сканер в своих руках. Он практически ничего не показывал. Шлак, поступающий из девятнадцатого накопителя, был беден в эти дни. Чем, вероятно, и объяснялось, почему он получил право свободной зачистки по бросовой цене.

Лацик вздохнул и заскользил по неустойчивым камням. Двигался он как человек, привычный к ходьбе по

перемолотой породе.

— Продолжайте, — сказал он.

С близкого расстояния они ничем особым не выделялись, если не считать чистоты и хорошей одежды, что предполагало наличие у них денег.

— Представление «Стайну и Стайну», — произнесла Кыс.

Лацик был странным парнем, настолько тощим и тонким, что казалось, будто под одеждой были только кости, обтянутые сухожилиями. На угловатом лице резко выступали скулы и длинный, тонкий, точно лезвие ножа, нос. Огромные глаза словно грозили вывалиться из глубоко запавших глазниц.

— Представление? Это дорогостоящее предприятие.

— Мы понимаем, — произнес Бэллак.

— Да, я знаком со «Стайном и Стайном», — сказал Лацик, — поскольку работаю геологом-разведчиком. Они иногда покупают у меня материалы. Давайте подумаем... Представление, значит?

Он быстро произвел кое-какие

тысленные расчеты, прицениваясь к их манерам и качеству одежды. Слишком мало — и он надует самого себя. Слишком много — и потеряет заработок. Он умел оценивать обстоятельства. Да, к анализу У него был талант.

— Ну, так, не меньше чем две или три, — произнес он.

— Сотни? — спросила Кыс.

— Сотни тысяч, — поправил Бэллак. — Я прав?

— То, о чем вы просите, — закивал Лацик, — стоит недешево.

— Нам нужно представление, — произнесла Кыс.

— Только дайте мне вначале умыться, — ответил он.

Вновь он встретился с ними в грязной общественной столовой, где общались и отдыхали рабочие отвалов и геологи. Лацик переоделся в серый комбинезон и плащ с меховой подкладкой. Отмыть до конца руки ему не удалось. Бэллак заказал три порции какого-то горячего пойла и

немного пересушенного печенья. Пар висел в воздухе, резко пахнущем перегретым маслом от обогревателей.

Лацик подсел к ним за обшарпанный металлический стол, прикурил лхо-папиросу и выложил старый информационный планшет. Мимо прошаркали шахтеры в мешковатых рабочих комбинезонах.

— Мне понадобятся имена и подробности, — сказал Лацик. — Это вам не увеселительная прогулка.

— Значит, мы и в самом деле нашли, — произнесла Кыс.

— Вы не похожи на обычных клиентов, — заметил Лацик.

— Что значит «обычных»?

— Аристократов. Тех, кому заняться больше нечем.

— А на кого мы похожи?

Лацик подпер языком впалую щеку и задумался.

— На неприятности? — предположил он. — Послушайте, торговые залы не любят, когда с ними шутят. Они очень нервные. Магистратум, арбитры...

проклятие, даже Инквизиция... все что угодно, но эти — ни-ни! Особенно Инквизиция.

— Понимаю, — произнес Бэллак.

— И что бы случилось, окажись мы кем-то из них? — спросила Кыс.

— Вы стали бы покойниками, да и я заодно.

— А разве это не стало бы для них проблемой? — произнес Бэллак. — Скажем, если бы мы действительно оказались из Инквизиции?

— Здесь? Если честно, незначительной. Тут запросто можно припрятать шару-тройку трупов. Плавильные печи. Дрейфующие льды. Или даже под водой. Здесь легко потеряться.

Что же, мы не из Инквизиции, — ответил Бэллак. — И ни Магистратум, ни что-либо подобное здесь ни при чем. Но вы правильно заметили, что мы не похожи на ваших обычных клиентов, так что позвольте говорить начистоту.

— Продолжайте.

— Мы оперативные сотрудники одного важного лица. Он обладает кое-

какими деловыми интересами в этом субсекторе и желает, чтобы его инвестиции направлял внутренний голос. Слишком большие деньги поставлены на кон.

— И он готов довериться Дому, чтобы тот направлял его?

— А разве он не должен?

— О, Дом, несомненно, хорош. Значит, инвестиции?

Бэллак протянул Лацику дата-кристалл. Геолог вставил его в планшет.

— Меня зовут Галл, — произнес Бэллак. — А мою напарницу — Каин.

Какое-то время все молчали, слушая жужжание планшета.

— Подключаюсь к базе улья, — проговорил Лацик. — Подождите секунду. Галл, Каин. Ага, вот оно. С Юстиса Сейчас проверю ваш биокод.

«Должно быть, — подумала Кыс, — эту информацию подделал Карл».

— Думаю, мы можем поторговаться, — сказал геолог.

— Ну? — медленно протянула Кара.

— Все в порядке. Ни единого признака

рецидива — Белкнап стал убирать инструменты, осторожно складывая наиболее хрупкие элементы сканера.

Он посмотрел на нее, и Кара улыбнулась. Они обнялись.

— Я так боялась! — вздохнула она.

— И я. Понимаешь, когда ты пришла ко мне... Кара, любимая, не хочу тебя пугать или накаркивать беду, но ты уже должна была...

— Что? Умереть?

Ты должна была умереть. Той женщине, с которой я познакомился и в которую влюбился на Юстисе Майо-рис, оставалось жить только шесть месяцев. И вот внезапно раковая опухоль исчезла как по мановению руки. Мне все казалось, что я допустил какую-то ошибку, упустил что-то из виду и болезнь вернется. И когда ты пришла ко мне сегодня вечером... Но если я не полный профан в своем деле, то все в порядке. Опухоли нет. Ни единого признака. Ты здорова.

Кара поднялась. В корабельном лазарете они были одни, если не считать того, что возле коматозного мальчика в

комнатке неподалеку сидел Фраука. Ануэрт и Файфланк сейчас были на мостике.

— А ты и в самом деле?.. — спросила Кара.

— Что?

— Полный профан в своем деле?

— Нет, — рассмеялся он. Кара поцеловала его в шею.

— Почему у тебя такое выражение лица? — спросил он, расстегивая халат и вешая его в шкафчик.

— Я так и не рассказала Рейвенору. Держала все в тайне. Теперь все в порядке, а тайна внутри меня осталась.

— О чем это ты?

— Мне было очень неприятно скрывать это от него, — пожала плечами Кара. — Приходилось учиться не говорить правду. Но теперь мне нечего больше скрывать, а чувство такое, будто я по-прежнему что-то прячу.

— Ничего не понимаю, — произнес он.

Она задумчиво поднесла к губам ладони и выдохнула.

— Трудно объяснить. Такое ощущение, будто я храню какую-то ужасную тайну, хотя мне совершенно нечего скрывать.

— Сознание обладает способностью к адаптации, — произнес Белкнап. — Оно привыкает к тому, к чему привыкает. Это пройдет.

— Очень надеюсь. Порой я просыпаюсь с мыслью, что еще немного — и ухвачу ее за хвост.

— Тайну?

— Да, тайну. Она имеет какое-то отношение к Карлу.

— Карлу?

— Знаю, знаю, — засмеялась Кара. — Это глупо, но почему меня не покидает чувство, будто я лгу только ради того, чтобы покрывать Карла?

Комплекс вины, — сказал доктор. — Просто чувство вины по отношению к Рейвенору. Трон его знает, почему все это увязалось с Карлом. Может быть, ты знаешь о нем что-то, чего не знаю я?

— Он просто напыщенный осел, который носит слишком много колец, но очень хорошо справляется с делом.

— Значит, ничего такого?

— Но почему-то, — пожала она плечами, — я чувствую себя настолько запутавшейся... Словно блуждаю в тумане. Почему, доктор, меня постоянно преследует ощущение неловкости? Может быть, я действительно что-то забыла?

— Недостаток двигательной активности, — ответил он.

— Точно.

Он оглянулся на дверь, затем снова посмотрел на Кару. Этот взгляд ей был хорошо знаком.

— Мы здесь одни?

— Фраука в соседней комнате.

— Ох, да кого заботит этот любитель клубнички?

Он поцеловал Кару, стаскивая с нее жилет и принимаясь ласкать ее груди. Она притянула его на койку лазарета.

— Значит, говоришь, недостаток двигательной активности? — промурлыкала она.

— Скажите, вы никогда не задумывались, как много вам удастся вытащить из магазина, прежде чем вас

кто-нибудь заметит? — спросил Тониус.

— А это интересный вопрос, — ответил Рейвенор.

Они поднялись на обзорную башню, возвышающуюся над ульями Беринта, чтобы скоротать время до того, как вернутся Бэллак и Кыс. За поднятыми ставнями открывался роскошный вид на закованные в лед просторы и бесконечную метель. Кроме них в зале сидела только одна парочка обитателей нижних уровней, расположившаяся у противоположного края ограждения. Башня казалась храмом, посвященным стихиям. Тониус сел на металлическую скамью возле кресла Рейвенора.

— И все-таки? — спросил Карл.

— «И все-таки» — что? — спросила Мауд Плайтон, ставя на стол две металлические кружки с горячим секумом, которые приобрела в баре обзорного зала. Одну она подвинула Карлу и села напротив.

— Спасибо, — произнес Карл.

— Я заинтригована, — сказала Мауд, отхлебывая из кружки.

— Карл только спросил меня, не задумывался ли я над тем, как много смогу вытащить из магазина, прежде чем это кто-нибудь заметит, — сказал Рейвенор.

— А это интересный вопрос, — произнесла Плайтон.

— Вот и я ответил то же самое, — согласился Рейвенор.

— Нет, вы подумайте, — сказал Карл. — Мы превратились в отступников. Я понимаю, почему мы пришли к этому, и поддерживаю ваше решение. Все хорошо, все ясно. Вопрос только в том, на какой именно риск мы идем? Скажите, много ли вы сможете сделать прямо на глазах других людей, прежде чем они заметят, чем вы занимаетесь?

— Люди Визард станут выискивать самые слабые признаки нашей активности. Посему мой ответ: очень немного.

— Просто очаровательно, — произнес Карл, поднимаясь. — Отговорки — это просто очаровательно. Вот только далеко ли мы продвинемся со всеми этими отговорками.

— Ты не поверишь, если я расскажу,

как убегали порой люди, — произнесла Мауд Плайтон, — в моей профессиональной практике.

Вокс-динамики Рейвенора издали звук, соответствующий смеху.

— Вполне возможно, что и поверю, — сказал Карл, отставляя кружку. — Сэр, согласитесь ли вы, что вся наша работа состоит из сплошных тайн? Мы храним тайны, вскрываем тайны. Молох, не к ночи будь помянут, стал настолько опасен именно благодаря своему умению хранить эти самые тайны.

— К чему ты клонишь, Тониус? — спросила Плайтон.

— Я думаю так, Мауд, — ответил Карл, уставившись в бурю. — Дело ведь не в том, чтобы просто хранить тайны? Вопрос в том, как ими воспользоваться. В том, насколько вы способны к маневру.

— Маневру? — спросил Рейвенор.

— Да, сэр. Что вы говорите и чего не говорите. Тайны недостаточно держать взаперти. Необходимо обладать силой и мужеством, чтобы открыть свою тайну, когда поймешь, что это ни на что не

повлияет.

— Интересная мысль, — сказал Рейвенор. — Разверни ее, Карл.

— Мы что, в классе? — рассмеялся Тониус.

— Мы в классе, пока я не сказал обратного, Карл Тониус, — ответил Рейвенор.

— Верно замечено, — сказал Карл, потрачнев. — Для начала стоит вспомнить присказку, что память лучше всего у враля.

— Старые добрые школьные азы, — произнесла Плайтон. — Я узнала это в первый же свой день на рабочем месте. Мошенникам необходимо обладать отличной памятью, чтобы не забыть, где именно они соврали. Чтобы липовая история не вскрылась при допросе, нужна просто феноменальная память.

— Звучит словно совет от Магистратума, — заметил Рейвенор.

— Да, да, — сказал Карл, — но враль, настоящий враль время от времени должен раскрываться. Просто ради того, чтобы сохранить рассудок. Он должен либо

покаяться, либо начать действовать открыто, когда уверен, что этого никто не заметит. Он должен научиться время от времени говорить правду, не попадая впросак. Хотя бы ради того, чтобы удостовериться в целостности своего вранья.

— И ты полагаешь, что подобные рассуждения могут двигать и Молохом? — спросил Рейвенор.

— Возможно. Над этим стоит подумать.

— Учтем,— сказал Рейвенор.— Отличная, свежая мысль, Карл.

— Благодарю вас, сэр, — улыбнулся Карл. — Но скажите, что, если некто сделает что-то подобное прямо сейчас, перед вами?

Он взмахнул правой рукой. Плайтон отставила кружку и достала пистолет из-под куртки. Она сняла оружие с предохранителя и приставила к своему виску.

— Карл, похоже, ты слишком много нервничаешь, — произнес Рейвенор. — Напряжение плохо на тебе сказывается...

— Или вот это? — произнес Карл с усмешкой. Он снова взмахнул рукой, которая запылала тусклым красным жаром.

Парочка, сидящая на противоположной стороне обзор-го зала, целовалась. Парня неожиданно оторвало от его девушки и потащило по воздуху к окнам купола. Девушка заорала, не веря своим глазам. Он пытался закричать, размахивал руками, но продолжал плыть по воздуху, в итоге мягко, будто мыльный пузырь, налетев на окно.

Потом он прошел сквозь стекло, как рука проходит сквозь воду.

Оказавшись снаружи, он завопил. Но никто не мог уже услышать его, хотя его возлюбленная кричала за двоих. Ледяное крошево, гонимое бурей, вмиг изодрало его одежду, и ветер прижал парня к стеклу.

Нестихающий поток бритвенно-острых льдинок менее чем за тридцать секунд ободрал плоть с его костей. Скелет, украшенный окровавленными полосками мяса и все еще сохраняющий целостность, с иссеченными органами, продолжающими

пульсировать в грудной клетке, медленно сползал по стеклу, оставляя за собой красную размытую полосу, а затем рухнул во тьму.

— Так что, — произнес Карл, — вы скажете об этом?

— Разве тебя не восхищает эта буря? — сказал Рейве-нор. — Ты только посмотри на ее первозданную мощь.

— Вы ведь ничего не видели, верно? — пробормотал Карл. — Я сделал это, но вы ничего не заметили. Что ж, это меняет дело.

Он перевел взгляд на Мауд Плайтон.

— Не сегодня, — сказал Тониус.

Она поставила пистолет на предохранитель и убрала его. А затем снова взяла кружку и поднесла ко рту. Карл опустил свою уже прекратившую пылать руку.

— Вот так. Замечательно. Плайтон подняла взгляд.

— Сэр? Почему эта женщина кричит? — спросила она.

Лацик вошел в торговый зал, пройдя мимо сенсоров и ожидающих сервиторов,

оставляя за собой грязные следы на бронзовом полу.

— Вытетайтесь. Мы закрыты, — сказал Стайн, не поднимаясь из-за стола.

— Я собираюсь совершить представление, — произнес Лацик, прежде чем усесться на один из кожаных диванчиков.

— В самом деле? — усмехнулся Стайн.

— Да, в самом. И уж лучше сохраняйте бдительность.

— Выгода-то ожидается? Или, Лацик, ты снова притащил каких-нибудь неудачников, как в прошлый раз? «Стайну и Стайну» скоро надоест тратить на тебя время.

— Ни в коем случае. Инквизиция пришла по нашу душу. Готовьтесь.

Стайн, внезапно заинтересовавшись, вскинул голову:

— Инквизиция? Откуда знаешь?

— Мне платят за то, чтобы знать, — произнес Гирам Лацик.

Глава шестая

Стайн какое-то время подождал, сидя за деревянным столом в главном демонстрационном зале. Он был возбужден, у него вспотели ладони. Потом торговец начал мерить комнату шагами.

Внезапно он замер, когда в тени раздался звук вокс-вы-зова. Вначале последовало кратковременное приглушенное потрескивание, а затем голос произнес:

— Принято.

Рыжеволосый мужчина, стоявший до того в тени, вошел в один из овалов изумрудного света, где располагались витрины. Он убрал линк обратно в карман.

— Это был Лацик, — произнес мужчина. — Они уже в пути. Прибудут через пять минут.

— Ох, не нравится мне все это, — сказал Стайн.

— Альтернатива понравится вам еще меньше, — откликнулся рыжеволосый.

Стайн не знал имени этого человека.

Они встретились с ним всего час назад.

— Вы готовы?

— Но ведь так не делается, — сказал Стайн. — Отношения между залами и Домом очень деликатны. Нельзя ими злоупотреблять. Слишком многое поставлено под угрозу. Самые основы нашего существования...

— Стайн...

— Выслушайте меня! Если эти люди — агенты Инквизиции, им нельзя позволить обнаружить Дом. Мы очень строго следим за этим.

— Что? И что же вы, ювелиры, можете сделать? Собрать весь свой клуб и вымести целую команду Инквизиции? Сомневаюсь.

— Мы справлялись и прежде! — надменно проговорил Стайн. — Думаю, вы недооцениваете то, как рьяно мы защищаем свои интересы или могущество залов Беринта. Обычно нам не приходится прибегать к силе. Мы обнаруживаем приближение инквизиторов и сбиваем их со следа, подкидывая им ложные подсказки, ведущие только в тупик. С момента

закладки этого улья ни один агент ордосов не смог прошмыгнуть мимо нас, не смог даже приблизиться к Дому.

— На сей раз, — пожал плечами рыжеволосый, — придется действовать по-другому. Это исключительный случай, и игра пойдет не так, как привыкли залы Беринта. Теперь приведите себя в порядок. Вы должны сыграть свою роль. Мы хорошо вам за это платим. Крайне важно, чтобы эти люди полагали, будто получают доступ к Дому при помощи правильных каналов. Если они хоть на мгновение заподозрят, что с ними играют, у вас возникнут проблемы.

— С ними?

— И с ними, и с нами, Стайн.

Стайн открыл ящик стола и извлек из него кусок чистой полировочной ткани, которым вытер вспотевшие ладони. Он бросил ткань обратно в ящик и снова закрыл его, после чего посмотрел на рыжеволосого.

— Нет, — сказал он.

— Прошу прощения?

— Нет, — повторил фактор. — Я не

стану этого делать. Отзывайте.

— Уже слишком поздно, Стайн.

— Мне плевать. Не стану я в этом участвовать. Залы могут слишком многое потерять, если начнут играть в подобные игры. Вам не удастся мной манипулировать.

Рыжеволосый посмотрел на двери. Оставалось максимум две минуты.

Проклятие! — произнес он, снова поворачиваясь к фактору и засовывая руку в карман плаща. — Не хотелось мне этого, Стайн, но вы загнали меня в угол.

Стайн испуганно распахнул глаза и отступил назад, ударившись бедром о стол. Рука человека уже выскочила обратно из кармана. Стайн ожидал увидеть в ней оружие, пистолет.

Но рыжеволосый поднимал нечто куда более поганое.

Инсигнию инквизитора.

Кыс и Бэллак прошли по прогулочной палубе Святого Иакова, следуя за Лациком, уже переодевшимся соответственно случаю в темный костюм и коричневый кожаный плащ. Одеяние было довольно

представительным, хоть и немного поношенным. Он даже напомадил волосы. Бэллак и Кыс облачились в чуть более хорошую одежду, якобы не желая выказывать свое богатство. Познаватель держал в руке небольшой серый кейс.

Лацик остановился в паре сотен метров от главного входа и притянул своих спутников к перилам. В обе стороны плыл непрерывный поток преуспевающей, величественной публики.

— Теперь, — произнес Лацик, — следуйте только за мной и делайте все, что я скажу. Одно неправильное движение, и можете забыть про все. Зал не станет с вами играть.

— Мы понимаем, — ответила Кыс.

— Очень на это надеюсь, мамзель Каин, — сказал Лацик. Он кивнул на чемоданчик Бэллака. — Наличные? — спросил он.

— Нотариально засвидетельствованные чеки, — ответил Бэллак. — Думаю, это должно вас устроить.

— Проклятие, уж лучше бы так и

было.

Кыс улыбнулась раздавшемуся в ее голове голосу Рей-венора. Он прав. С тех пор как они стали отступниками, денежные каналы Рейвенора иссякли. Стоило им обратиться к своим денежным счетам или кредитам, и ордосы тут же их засекли бы. Они жили за счет стремительно иссякающих личных средств Рейвенора, «мелочевки», которую он постоянно держал при себе в качестве оперативного бюджета. Триста двадцать тысяч, лежавшие в кейсе у Бэллака, заметно уменьшили эти запасы.

— Чеки? Замечательно, — произнес Лацик.

— Вы ничего не можете прочесть? — послала Кыс.

— Поскольку он носит блокатор — нет. Думаю, стандартная процедура для человека в его положении, хотя меня это и настораживает. Такое ощущение, будто он ожидал псайкера. Но придется плыть по течению.

— Здорово. Верно. Конечно.

— Прежде чем ты задашь следующий

вопрос, скажу, что я и от зала ничего не получаю. Я пытался заглянуть вперед. Все это место пси-непроницаемо. Думаю, защитное поле. Хотя я и не удивлен. Для престижных ювелирных Домов затупление псионики должно входить в стандартные правила безопасности.

— Значит, как только мы окажемся внутри, вас с нами уже не будет?

— Нет, Пэйшенс, не будет. Что прискорбно. Впрочем, не забывай, вас хранит Император.

— Значит, вы готовы и вам все ясно? — произнес Лацик.

— Предельно ясно, — сказал Бэллак.

— Тогда пойдем, — ответил Лацик.

— Теперь вы все понимаете? — спросил рыжеволосый. Стайн сглотнул и грузно осел на диван.

— Инквизиция?..

— Имеет честь регулярно посещать Дом уже многие десятилетия, Стайн, во что бы там ни верили торговые залы Беринта. Просто мы не стремимся обнародовать сей факт. Дом иногда

бывает очень полезен для нас. Так что забудьте о своих попытках не допускать туда ордосы. Мы уже много лет как там. А теперь сконцентрируйтесь на предстоящем деле. — Человек подошел ближе. — Стайн?

Фактор вздрогнул и посмотрел на него, все еще не в силах отойти от пережитого шока.

— Да, — забормотал он. — Да.

— Те люди, с которыми вам предстоит иметь дело, — полевые агенты инквизитора-отступника. Понимаете? Отступник. Преступник. На его совести массовые убийства. Он очень опасен. Они очень опасны. Их деятельность привела к гибели многих тысяч граждан.

— Т-тысячи? — эхом отозвался Стайн.

— Катастрофа, разразившаяся на Юстисе Майорис восемь месяцев назад, — их рук дело.

Стайн задрожал. Его зал, Беринт, Кито, весь субсектор Геликан до сих пор не оправились от великого ущерба,

причиненного столичному миру соседнего субсектора. Экономику скручивали спазмы.

— Мы уже почти настигли их, — тихим голосом произнес рыжеволосый, — но надо приблизиться еще немного. Нам необходимо заманить их в удобное для нас место, чтобы уничтожить. Они слишком опасны, чтобы мы позволили им жить. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Отлично. Я рассчитываю на вас. Помогите нам, и дела у «Стайна и Стайна» пойдут в гору. Может быть, я даже забуду произнесенные вами слова о том, что ваш зал, как и другие, когда-то мог расправиться с агентами ордосов с целью защитить собственные интересы.

— Трон, я не подразумевал...

— Угомонитесь, Стайн. Чистый планшет — вот что я предлагаю вам в обмен на вашу помощь сегодня. Сыграйте свою роль, дайте им то, чего они хотят, а затем забудьте, что мы встречались. Тогда и Инквизиция Империума постарается забыть о вас.

— Ну что же, — произнес Стайн,

поднимаясь. — Хорошо. Я сделаю это.

— Что сделаете? — спросил рыжеволосый. — Повторите, что я вам говорил.

— Я должен убедить их, что они обманули нас и получили доступ к Дому при помощи надлежащих каналов. Вы можете доверять мне.

— Доверять вам, Стайн? — засмеялся рыжеволосый. — Вы имеете дело с драгоценными металлами и камнями стоимостью в миллионы крон. Среди таких, как вы, ценится только богатство. Люди вроде вас в любой момент готовы перерезать другому глотку. Вы жестки и обманчивы, точно корунд. Ни при каких обстоятельствах я бы не стал доверять вам, но сейчас готов использовать вас. Сделайте, что приказано, и сделайте это хорошо.

Стайн кивнул:

— Вам нельзя здесь оставаться.

— Я подожду в комнате по соседству. За той дверью, — произнес рыжеволосый. — Если произойдет что-либо неожиданное, я буду наготове.

— Неожиданное?

— Ничего плохого не случится, если вы сделаете все как надо. Нам не хотелось бы, чтобы все закончилось прямо здесь. Я только предупредил.

К ним приблизился отполированный сервитор.

— Они уже здесь, — сказал рыжеволосый. — Действуйте.

Стайн прочистил горло и медленно направился к двери.

— Где же фактор? — спросила Кыс.

Они стояли в облицованной деревом приемной «Стай-на и Стайна».

Лацик нервно заозирался.

— Я уверен, что он придет, — заговорил он.

— Нам ведь назначили время, — сказал Бэллак.

— Фактор должен был ждать нас здесь, чтобы поприветствовать, — добавила Кыс.

Лацик явно чувствовал себя не в своей тарелке. Кыс обратила внимание, как он сверкает белками глаз.

— Лацик?

Геолог пожал плечами и широко развел руками:

— Уверен, что все на самом деле в порядке. Бэллак посмотрел на Кыс, и она кивнула.

— Мы уходим, — сказала она.

— Нет! — воскликнул Лацик. — Нет, нет, прошу вас, дайте ему всего одну минутку.

— Это дело воняет, — сказала Кыс. — Благодарю покорно, но нет, спасибо.

— Спасением Трона молю, — прошипел Лацик, — речь идет о моей репутации. О моей карьере. Настоящие деньги я получаю, только подрабатывая агентом. Мне не выжить на одной разведке, и, если я провалю это дело, «Стайн и Стайн» никогда больше не обратится к моим услугам, да еще и другие залы предупредит. Я очень многим рискую.

— Как и мы, — сказал Бэллак.

— Пожалуйста... — вздохнул Лацик.

— Мои искренние извинения! — прокричал Стайн, вбегая в комнату. — Очень жаль заставлять вас ожидать, хотя

бы и самую малость. Меня должен был позвать сервитор, но он сломался по пути. Тысяча извинений!

— Лацик покосился на своих клиентов.

— Все в порядке, — прошептал он.

— Остается? — пробормотала Бэллаку Кыс. Познаватель кивнул.

— Лацик повернулся к лучащемуся энергией фактору.

— Дорогой наш фактор Стайн, — произнес он с вымученной улыбкой, — совсем не такого приветствия ожидали мои друзья, когда я вел их к вам.

— Ох, конечно же, — поклонился Стайн, — конечно нет, дорогой мой друг Гирам. Я обязательно распоряжусь полностью переделать всех своих сервиторов. Подобные задержки непозволительны с точки зрения этикета. Надеюсь, я могу как-то загладить свою вину? Может, прикажете принести прохладительные напитки?

— С превеликим удовольствием,— сказал Лацик, восстанавливая самообладание. — Позвольте представить вам господина Галла и мамзель Каин.

Фактор подошел ближе и поклонился каждому из них по очереди.

— Истинное наслаждение. Мой старый, мой драгоценный друг Гирам всегда приводит в «Стайн и Стайн» только самых лучших покупателей.

— После он посмотрел прямо на Кыс. — Моя госпожа, — сказал он, — боюсь, что был ужасно невежлив с вами во время нашей последней встречи. Надеюсь, вы сможете простить мою грубость. В эти дни приходится быть крайне осторожным, вот я и обманулся в вас.

— Фактор, — Кыс поклонилась в ответ, — я уже извинилась в тот раз и снова прошу меня простить. Не стоило мне приходить к вам просто так, без должного представления.

— Меньше разговоров, больше дела, — ответил радостным жестом Стайн. — Давайте начнем с чистого листа. Итак, может быть, немного амасека? У нас еще осталось несколько бочек «фибулы» пятьдесят шестого года, который обычно я приберегаю для себя, но вам не могу отказаться предложить ничего менее

роскошного. И думаю, распоряжусь-ка я принести еще бирри-трюфелей, обернутых в дремотные листья, и немного местных моллюсков. Свежие раковины попадают на кухню к нашим поварам не позднее чем через три часа после того, как их поднимают с подледных океанических ферм.

— Кого поднимают? Раковины или поваров? — спросила Кыс.

— Конечно же, раковины! — зашелся в смехе Стайн. —

У госпожи прекрасное чувство юмора!

Он хлопнул в ладоши и отдал приказания ожидающим сервиторам.

— Пойдем внутрь? — рискнул предложить фактор. —

Мне бы хотелось вам кое-что показать.

Они последовали за ним в выставочную галерею. Стайн приступил к своему привычному труду.

Кыс это было уже знакомо. К чести Стайна, он не повторялся. Надо было признать, что он действительно мастер своего дела.

Фактор остановился перед стеклянной витриной, где были выставлены изящные украшения с перидотом и лунным камнем. Слова слетали с губ торговца непрерывным потоком, он рассказывал обо всем, в подробностях живописуя различные огранки и свойства кристаллов.

Внезапно Стайн остановился и с улыбкой повернулся к ним.

— Простите мне мою любовь к болтовне. Иногда я слишком увлекаюсь. Так хочется рассказать вам всю историю «Стайна и Стайна». Порой я просто забываюсь. Я получаю такое наслаждение от работы на свой зал, что, бывает, становлюсь несколько несвязным. Скажите, вас это интересует? — спросил он через некоторое время.

— Думаю, что не ошибусь, если скажу, — произнес Вэл-лак, — что нас обоих очень интересует эта сделка.

— Пэйшенс?

— Привет. Все в порядке. Мы уже возвращаемся.

— Лацик вывел их на платформу.

фактор в последний раз поклонился и распрощался с ними.

— Превосходный выбор,— произнес он, целуя Кыс руку.

— Очень надеюсь,— ответила Кыс.

— Я получил истинное удовольствие от времени, проведенного с вами, — сказал Стайн, готовясь опустить занавес над сценой.

— Мы вам очень обязаны, сэр, — ответил Бэллак, поклонившись фактору.

— Надеюсь, что смогу и в дальнейшем еще послужить вам! — с жаром отреагировал Стайн.

— И вновь, как и всегда, выражаю свою признательность, — сказал Лацик.

Стайн поклонился уже в тысячный раз и попятился к залу.

Кыс посмотрела на Бэллака:

— Мы закончили?

— Закончили.

— Хвала Трону, наконец-то, — пробормотала Пэйшенс.

— А теперь пойдем отсюда, — посоветовал Лацик. — Давайте же, быстрее. Мне несколько неуютно оттого,

что вы держите эту штуковину при себе там, где полно народу. Даже на палубе «Святого Иакова» хватает недостойных граждан.

Этой штуковиной был хронолог, стоивший триста десять тысяч крон и покоившийся теперь в кейсе у Бэллака.

Кыс с дознавателем потащили Лацика по улице.

— И что дальше? — спросила Кыс.

— Зависит от обстоятельств. Насколько быстро вам быстро вам хотелось бы управиться? — спросил Лацик.

— Как можно быстрее. Желательно в течение нескольких часов.

— Отлично, — кивнул Лацик. — Так даже лучше. Направление тение на Дом, которое мне продал Стайн, обладает сроком годности. Дом перемещается.

— Мы понимаем.

— Прекрасно. До тех пор, пока вы все понимаете, все превосходно. Значит, встретимся через два часа на стоянке подводных лодок номер семьдесят два. Там ты и сможет обменяться. Сколько с вами будет еще людей?

— Нет, — сказала Кыс. — Мы подготовили собственный транспорт. Вы встретитесь с нами.

— Но так нельзя, — произнес Лацик.

— Придется, — сказал Бэллак.

Нет, нет, — ответил ему Гирам. — Вы же сорвете так все дело!

— Все будет только так, как захотим мы, — сказал Бэллак. — Думаю, это вполне возможно. Я уверен, что вы можете это организовать. Стоянка подлодок номер шестьдесят один, через два часа.

— Тогда я отправлюсь с вами, — произнес Лацик.

— Нет, не выйдет,— улыбнулся Бэллак.

— Вы собираетесь воспользоваться собственным рас-треклятым транспортом? Что ж, отлично! — отрубил Гирам. — Но тогда я отправляюсь с вами. Я вам понадоблюсь. С координатами там или без, Дом окажется пуст, если вы прибудете на незарегистрированном судне. А это значит, что я нужен вам.

— Значит, вы сможете провести нас внутрь?

Я сделаю то, за что мне заплатили. Но вам придется взять меня с собой.

— Стоянка номер шестьдесят один, — кивнул Бэллак. —

Через два часа.

— Я буду там,— сказал Лацик, уже растворяясь в толпе.

— И что думаешь? — спросила Кыс.

— Думаю, что он прогнил до самых костей, — ответил Бэллак, — но, кроме как на него, нам рассчитывать сейчас не на кого. Придется смириться.

— Так же, как пришлось смириться со Стайном из «Стай-на и Стайна»,— вздохнула Пэйшенс Кыс— Я все понимаю. Хотя я по-прежнему жалею, что не прикончила этого лизоблюда.

Стайн из «Стайна и Стайна» тем временем медленно возвратился в главный демонстрационный зал и тяжело опустился на кресло, стоящее возле простого деревянного стола.

— Вы отлично справились, — произнес рыжеволосый. возникая из теней.

— Рад, что вам понравилось, — проворчал Стайн.

А вот и ваше вознаграждение, — сказал рыжеволосый. У него из-за спины вышел еще один мужчина, куда более массивный, чем рыжий инквизитор. Несмотря на тя желую энергетическую броню, он передвигался практически бесшумно. Новый гость протянул рыжеволосому человеку меч, чье лезвие тот сразу же и активировал. Зубья пронзительно заскулили.

— Цепной меч, — веселым тоном произнес рыжеволосый. Он взмахнул завывающим оружием и обрушил его на фактора. Тот был слишком ошеломлен происходящим, чтобы хотя бы попытаться уклониться. Цепной меч ударил его в» левую руку чуть ниже плеча и промчался по телу, рассекая грудь. Голова и плечи Стайна, точно скульптурный бюст, рухнули за кресло, а руки, рассеченные над бицепсом, свинцовым грузом упали на пол. Отвалилась и верхняя половинка спинки кресла, срезанная вместе с телом фактора Стайна. В воздухе тополиным пухом

закружилась набивка. Артериальная кровь выплеснулась судорожными струями и растеклась по столу.

Рыжеволосый резко отстранился, чтобы не измазаться. ... Выключив цепной меч, он возвратил его огромному, закованному в броню мужчине, все еще стоящему у него за спиной.

— Из «Стайна и Стайна» никто не должен выйти живым, — сказал рыжий. — Удостоверься в этом.

— Никто?

— Да так, чтобы потом ты смог повторить это свое: «Тут и песенке конец».

— Без проблем, — ответил бронированный. Он снова включил цепной меч, загудевший в его руке, и включил выходя из комнаты. — Всем командам, внимание! Казнить всех находящихся в здании.

Глава седьмая

Три часа спустя подводная лодка, арендованная Нейлом, отчалила от шестьдесят первого дока. Она представляла собой двадцатичетырехметровую, сужающуюся к носу трубу из стали и керамита, с бесшумным кавитационным двигателем, расположенным посредине, и двумя турбинами в носовом отделении.

Лодка спускалась в иссиня-черную тьму, включив прожектора, расположенные на носу.

Через шлюз они вышли в длинный прямоугольник канала, прорубленного в синеющем льду, а затем в открытые воды, расположенные под гигантским ульем. Миновали спускавшиеся от поверхности и исчезавшие в черной глубине гигантские башни опор и буровых установок, коричневые от смазки и обросшие минеральными отложениями. По тому же каналу в обратном направлении шло несколько грузовых лодок, везущих в улей

руду. Их прожектора казались во тьме огоньками-приманками глубоководных рыб.

На борт поднялись девять человек: Рейвенор, Тониус, Бэллак, Кыс, Плайтон, Нейл, картайка, а также Лацик и водитель-сервитор, арендованный Гарлоном вместе с лодкой.

— Ну и толпу вы с собой притащили! — прокомментировал Лацик, встретившись с Кыс в ангаре.

— Их имена вас не касаются, — откликнулась Кыс.

— Я их и не спрашивал, — сказал ей Лацик, не сводивший изучающего взгляда с кресла жизнеобеспечения Рейвенора.

На встречу Лацик явился в грязной рабочей одежде: потрепанном, латаном-перелатаном комбинезоне на меху и стеганом плаще. Кроме того, он тащил неряшливый заплечный мешок.

— Оружие? — спросил у него Бэллак.

— Просто инструменты торговли, — ответил Лацик, протягивая мешок дознавателю, чтобы тот мог досмотреть его.

Гирам занял место впереди, между

Нейлом и пилотом. Остальные могли видеть через открытый люк по-спартански обставленную рулевую рубку с креслами. Под темными лобовыми иллюминаторами мерцала аппаратура.

Лацик оказался достаточно умен, чтобы не пытаться разводить Нейла на разговор. Как только они вышли в открытые воды, Гарлон протянул Гираму серый кейс, в котором лежали невероятно дорогие часы. Лацик бросил внутрь краткий взгляд, уложил кейс в мешок и включил навигационный модуль на приборной панели. Когда тот прогрелся, проводник ввел в него девятнадцатизначное число. Ключ. Изображение на мониторах замерцало и поплыло, поскольку графики изменились и требовали перерисовки. Затем на экране возникла карта, похожая на красную паутину, где белым цветом отображался проложенный маршрут и маркер текущего положения.

— Приличное расстояние, — произнес Нейл.

— Минимум восемь часов, — ответил

Лацик, — если, конечно, не возникнет каких-либо задержек.

— Задержек? — спросил Нейл.

— Обрушения льда. Подводные течения. Думаю, ничего более неприятного в это время года быть не должно.

— А что, бывает и что-то более неприятное?

— Например, водовороты. И уж поверьте, если бы существовал хоть малейший риск попасть в один из них, мы ни за что бы не покинули ангара.

— Это Дом? — показал Нейл на навигационный дисплей.

Лацик покачал головой:

— В настоящее время Дом находится глубже, примерно в сорока километрах к юго-западу от этой позиции. Но масштаб карты слишком большой, чтобы отобразить его. А то, на что вы указываете, — Беринт восемьдесят восемь, одна из глубоководных буровых установок, сидящая в двухкилометровой дырке, прорезанной в паковом льду. Она послужит для нас оправданием выхода в данном направлении. Добравшись до восемьдесят

восьмого, мы изменим курс.

Остальные с удобством расположились в пассажирском отсеке. Плайтон приникла к одному из небольших бронированных иллюминаторов, выгибая шею то так, то этак, чтобы разглядеть что-нибудь наверху или в глубине. Они погрузились уже на три сотни метров, где вода была черной и кристально чистой, но над ними маячили зеленые сумерки.

— Жутковато, — пробормотала Мауд.

На нее оглянулась Ангарад.

— Я говорю про всю эту воду над нами. Давление. Холод. В случае чего, даже если и удастся выплыть к поверхности, поверхности-то там и не будет. Только толща льда.

Ангарад пожала плечами и отвела взгляд. На нее мало что могло произвести впечатление.

— И что, весь океан закован льдом? — спросила Плайтон.

Целиком и полностью,— ответил Рейвенор,— если не считать нескольких аномальных разрывов. Толщина льда в

среднем составляет полкилометра. Основательная крыша

— Очень не вовремя выяснилось, что у меня клаустрофобия, — произнесла Плайтон, скорчив гримасу.

— Ты же путешествовала в космосе, — произнесла Ан-гарад. — По сравнению с ним это ничто.

— Этот океан способен убить тебя так же молниеносно, — произнесла Плайтон. — К тому же у каждого из нас могут быть личные небольшие фобии, верно?

— У меня нет личных фобий, — ответила Ангарад, что вызвало смех у Мауд.

— Там есть какая-нибудь жизнь? — спросила Плайтон.

— Примитивные водоросли. Колонии бактерий. Планктон. Пусть сюда и не проникает солнечный свет, но на этой луне идут невероятно бурные процессы. Высока геотермальная активность.

— А крупнее ничего не водится?

— Нет. Слухи, конечно, всякие ходят, но — нет.

— Холодно,— произнесла Плайтон, вновь выглядывая в иллюминатор.

— И глубоко, — сказал Рейвенор. — Расстояние до дна океана зависит от места, а кое-где не подлежит измерению.

— Не подлежит измерению? — спросила Плайтон.

— Бездна.

— Что значит «не подлежит измерению»?

— Это значит, что любой инструмент, посланный для того, чтобы измерить глубину, оказывается уничтожен невероятной силой давления.

— А ауспексы? Модары?

— Глубина, холод и давление в подобных местах настолько высоки, что вода начинает вести себя очень необычным образом. Океан не желает отдавать свои тайны. Ты права, Мауд. В определенном смысле это место куда более опасно, чем космос. Океан Утохра является одним из наиболее удивительных мест в Империуме. Возможно, именно поэтому здесь и появился Дом.

— Думаете, мне сильно полегчало

после того, что вы рассказали? — спросила слегка побледневшая Плайтон.

— Мне кажется, что с личными фобиями проще справиться, когда знаешь их пределы. Поэтому я и постарался рассказать обо всем как можно подробнее.

— О чем именно? О том, что под нами загадочная бездна, о которой нам ничегошеньки не известно и из которой нам, если что, ни за что не выбраться? — поинтересовалась Плайтон.

Какое-то время Рейвенор не отвечал.

— Пожалуй, мне не стоило встревать в разговор, — наконец произнес он.

Инквизитор проплыл по каюте, приблизившись к Кыс:

— Просто чтобы ты знала: связь потеряна. Боксу не пробиться через воду и лед даже при помощи ретранслятора в улье. Что-то — должно быть, лед, хотя я и не понимаю причин — отражает ментальную передачу. Нам не связаться с Карой.

— Вы разговаривали с ней до отправления?

— Прямо перед выходом. Ей известно, чем мы сейчас заняты. Я приказал ей не волноваться, пока не пройдет неделя.

Рейвенор заметил, что Кыс спокойно и молча смотрит вперед, наблюдая за Лациком через люк, ведущий в рубку управления.

— Мы можем ему доверять?

— Нет, — сказала она, — ни на грош. Как мне кажется, он помогает нам только из-за денег. Впрочем, уже слишком поздно.

— Что, если он окажется предателем?

— Мы все вооружены. А это уравновешивает любую исходящую от него угрозу.

Оценка Лацика оказалась очень приблизительной. Только на то, чтобы добраться до буровой Беринт восемьдесят восемь, ушло почти одиннадцать часов. Проводник винит во всем встречные течения и непредсказуемую аномалию, известную как Глубинный Поток. Странно слышать такое в мире, где предсказания стали наиболее ценным товаром.

Путешествие становится все

труднее. Из всех звуков до нас долетает только вялое побулькивание кавитационной системы. Атмосферные модули лодки пребывают не в лучшем состоянии, поэтому внутри становится все холоднее, а воздух застаивается. Я ощущаю дискомфорт своих спутников, исходящие от них запах беспокойства и боязнь замкнутого пространства. Хуже всего приходится Мауд. Неожиданно проявившаяся клаустрофобия начинает угнетать ее уже на физическом уровне. Я не «надевал» Мауд раньше и не стану даже пробовать, пока не получу ее согласия, но я позволил себе мягко внедрить пси-зонды в поверхностные слои ее сознания и теперь борюсь с охватившей Плайтон паникой, воздействуя на частоту ее дыхания и замедляя ее пульс. Я использую метаболические процессы в качестве инструмента для борьбы со страхами.

Но как бы я ни сопротивлялся этому, ее сознание забивается в угол, точно больное животное. Я плаваю в поверхностных мыслях Мауд, среди мелких тревог и туманных опасений.

Я вижу чей-то след.

Он тщательно замаскирован, как будто кто-то двигался по снегу, заметая за собой следы. Настолько тщательно, что нельзя сказать что-то определенное без более серьезного внедрения, для которого сейчас не время и не место.

Но я догадываюсь, с чем имею дело.

Примерно два или три дня тому назад в ней побывало другое сознание. Отпечаток в голове Мауд Плайтон был оставлен куда более грубым вторжением, чем мое легкое, осторожное пси-прикосновение. В течение краткого времени она находилась под серьезным ментальным воздействием.

Но кто? И как? Другого псайкера я ни разу не почувствовал, а сама Мауд практически никогда не отходила от меня. Кыс не стала бы этого делать, да и зачем? Теперь страх начинает наползать и на меня. Что же я пропустил? Кто сканирует моих людей без моего разрешения? На Ла-цике блокатор. Что, если это не просто лишняя предосторожность? Он закрывается от

внешних воздействий или просто что-то скрывает? Или...

Я пытаюсь успокоиться. След может оказаться ложным, может оказаться просто неправильно воспринятым побочным результатом состояния Мауд. Впрочем, ведь и ее беспокойство, как и внезапно открывшаяся клаустрофобия, может быть вызвано агрессивным вторжением.

На мгновение я открываю свое сознание, разбрасывая вокруг него сети. Я чувствую пульсацию сердец и разумов окружающих меня людей, и среди них твердый, непроницаемый отзвук Лацика. Все они на грани, все, кроме Ангарад, которая остается холодна и неподвижна, точно гладь пруда. Нейл нервничает, Бэллак и Карл закрыты и погружены в собственные мысли. Кыс чувствует мое вмешательство и оглядывается с озадаченным выражением лица.

— Все в порядке, Пэйшенс. Расслабься.

Нет, совсем не в порядке. Но что?

Я протягиваюсь за пределы подводной лодки, но море слишком холодное и пустое

для того, чтобы я мог заглянуть далеко.

— Восемьдесят восьмая, — объявил Лацик.

Звук моторов лодки слегка изменился, когда пилот развернул судно и сбавил ход. Море над ними было теперь более светлым и лучистым.

Нейл сверился с мониторами на приборной панели и увидел широченное отверстие, искусственную полынью, прорубленную в ледяной толще. Беринт восемьдесят восемь являл собой грязную громаду, торчащую из полыньи, словно кинжал из раны. Нижние сочленения буровых установок уходили в непроницаемые глубины, поднимая наверх облака нагретого ила.

— Бокс ожил, — произнес Нейл.

— Буровой необходимо управлять флотилией подводных лодок, чтобы руководить добычей, — ответил Лацик.

— Тем не менее помехи очень сильные, — добавил Нейл, покрутив рукоятки прослушивающих скопов и детекторов в попытках избавиться от помех и уменьшить интерференцию.

— Всему виной турбины буровых колонн, циркуляционные насосы и гидравлика, — ответил Лацик, — это если не вспоминать про то, что сигнал рассеивается и отражается в поднимающемся иле, не учитывать вибраций, распространяемых трубами, засасывающими добытую породу, и системами, не позволяющими дыре зарасти льдом. Море — забавное место. Под водой приходится привыкать к большому количеству помех и учиться не доверять сенсорам.

Он внес в маршрут корректировки, которые затем проверил сервитор. Лодка, разворачиваясь, медленно повела носом, ложась на новый курс, а затем устремилась от места раскопок и созданного им шумового облака.

Уже через пять минут они снова помчались подо льдом в более прозрачной, более холодной воде, направляясь на юго-запад. Грохот, издаваемый буровой, постепенно затихал вдали.

— Здесь холоднее, — сказал Нейл,

сверяясь с приборами. — На шесть или семь градусов, и температура продолжает падать.

— Дело в том, что морское дно под нами стало понижаться, — произнес Лацик, бросивший взгляд на пилота, который кивнул в подтверждение его слов. — Мы только что покинули шельф Беринта. Восемьдесят восьмая занимается добычей руды на предельно возможной глубине. Мы вышли из просто глубоких вод в то, что у нас принято называть Полно Водьем.

— Половодьем?

— Полно Водьем, — с тусклой усмешкой повторил Лацик, — поскольку здесь нет ничего, кроме воды. Мы проплываем над истинной бездной.

Нейл шумно выдохнул.

— Только не говорите этого Мауд, — сказал он.

— А кто такая Мауд? — спросил Лацик, бросая взгляд на пассажирский отсек.

Нейл ему не ответил.

Лацик усмехнулся еще шире и

покачал головой:

— Глубь океана, мой друг. Теперь мы в самом сердце океана.

— Я не ваш друг, — угрюмо откликнулся Нейл.

— Возможно, вы еще и передумаете, — пожал плечами Лацик. — Здесь, в этом вселенском одиночестве, человеку стоит держать в друзьях каждого, кто окажется в зоне досягаемости.

— Шолто?

Коротышка-капитан отреагировал не сразу. Он сидел за главным пультом мостика «Аретузы» вместе с Файфланком и двумя своими главными помощниками, расположившимися по обе стороны от него.

Кара подошла ближе. Она успела поспать, но не чувствовала себя отдохнувшей. Ее это удивило, учитывая то, какая жизнеутверждающая поддержка ей была оказана. Каре снова приснилась встреча с Тониусом посреди некоего заброшенного, пустынного места. Она пыталась задавать ему какие-то вопросы, пыталась вызнать, почему он так странно

ведет себя, но Карл только смеялся над нею. Проснулась она в холодном поту, резко и неожиданно, и в висках тут же застучала боль. Рядом с ней в глубоком сне лежал Белкнап, причудливо свернувшись так, что казался мягкой, лишенной каркаса куклой. Минут пять Кара полежала с открытыми глазами, а затем вскочила, услышав вызов селекторной вокс-связи. Осторожно спрыгнув с кровати, нагишом, она ответила до того, как прозвучал второй сигнал, надеясь, что Белкнап еще не проснулся.

— Кара на связи, — прошептала она.

— Проводите ли для вас прибыть на мостик со всей испарительностью?

— Проблемы?

— Очень любопытственные.

— Буду через пять минут.

Она бесшумно оделась. Белкнап даже не пошевелился.

— Капитан Шолто? — вновь произнесла она.

Файфланк с помощниками оглянулись на нее и отошли в сторону, пропуская Кару.

Она подошла ближе и присела на корточки возле высокого капитанского кресла.

— А, это вы, госпожа Кара, — ответил Шолто, глядя на нее с изнуренной улыбкой.

Выглядел он ужасно: бледный, с обвисшими щеками, изможденный.

— Шолто, с вами все в порядке?

— Простите мое нежизнерадостное отношение, — покачал он головой. — Предположительно перебрал я вчера тупиловки с вашим джентльменом, добрым доктором. Он пьет как верблюд, а я хоть и люблю выпить, но не настолько.

— Так у вас просто похмелье? — улыбнулась она, немного расслабившись.

Голова ужасна, как вы спрашиваете, все пульсирует и капризит. Никогда снова, как я не один раз говорил себе прежде. И такие сны, что я имел. Просто колостомия кошмаров.

— Зачем вы вызывали меня, Шолто? Рейвенор? Он выходил на связь?

Ануэрт покачал головой:

— Сетка освещалась дважды, без вознаграждения от наших друзей внизу. Они выражать ничто на наши запросы. Я

вызвал вас, потому что и сам был вызван в свою очередь, чтобы...

— Шолто! — твердым тоном произнесла Кара.

— Сокращу до тласти,— сказал он.— Господин Богуин нес ночную вахту...

Один из членов экипажа, стоявший у нее за спиной, полный мужчина с Ур-Хейвена, явно не слишком озабоченный вопросами гигиены, энергично закивал.

— Господин Богуин нес ночную вахту,— продолжал Ануэрт, — за этим самым расконкретным пультом, когда обнаружил шум.

— Шум?

— Шум, во всей уверенности.

— Значит, шум,— нахмурившись, повторила Кара. Ануэрт поиграл с настройками вокса:

— Я пытаюсь локальнуть его снова.

— А что именно это был за шум? — спросила Свол. Ануэрт только пожал плечами,

— Хорошо, источник был внутренним или внешним?

Ее беспокойство нисколько не

уменьшилось, когда Ануэрт вновь пожал плечами.

Кара медленно выдохнула. Головная боль была просто убийственной.

— Шолто, я едва сохраняю терпение. О чем именно вы говорите?

— Здесь происходит что-то неладное, — произнес Богуин, и файфланк зарычал в подтверждение.

— Уйди! — приказала Кара.

Она была не настроена шутить, поэтому Ануэрт послушно соскочил с капитанского кресла, уступая его ей. Сам же Шолто замер, стоя возле нее.

Кара немного успокоилась и принялась возиться с настройками пульта управления.

— Вы получили вокс-сигнал? Другое судно? Или просто поймали фантомные отзвуки вокс-пространства Утохра?

Шолто Ануэрт только вновь пожал плечами. Кара мягко повернула наборные диски. По скопу пробежала призрачная волна.

— Гляди! — воскликнул капитан.

— Вижу. Подождите.

Она внесла еще несколько изменений. Волновой сигнал стал чуть чище, и Кара уставилась на его отображение.

— Возможно, что какое-то другое судно пытается запеленговать нас при помощи своего основного аупекса.

— При всей уверительности, в диапазоне нет другого судна.

— Думаю, что вы правы, — произнесла Кара. — Сигнал не внешний. След оставляет сигнал, исходящий с борта нашего корабля. Позвольте мне только...

Внезапно она замерла будто вкопанная.

— Что такое? — спросил Ануэрт.

Она не осмелилась ему рассказать. Занявшись приборами, Кара увидела свои руки. Точнее, правую руку. На среднем пальце было надето кольцо, которое не только не принадлежало ей, но и которое она точно не надевала.

Спустя один жуткий, стремительно промчавшийся миг, она поняла, что это одно из колец Карла.

— Дерьмо! — прокричала она, будто ужаленная, отдергивая руки от

терминала.

Кара попыталась стащить с себя кольцо, но это оказалось невозможно сделать.

Ануэрт по-прежнему не сводил глаз с терцающего сигнала — желтой синусоиды, кардиограммой плывшего по вокс-экрану.

Он наклонился к аппаратуре и выполнил заключительную, еле заметную настройку, перехватывая сигнал. Из колонок раздался звук.

Звук, заставивший всех задрожать.

Это был плач взрослого мужчины. Он то нарастал, то затихал, наполняясь металлическим отзвуком в динамиках: всхлип за всхлипом, мучительные стенания.

— Это еще что за ад? — прошептала Кара, пытаясь говорить уверенным тоном, но голос предал ее. Внутри все словно заледенело. — Откуда идет сигнал?

— Не знаем о ничего, — откликнулся Ануэрт, — кроме того, что мне это не нравится.

Он протянул искалеченную руку к главному рубильнику вокс-системы и

отключил ее. Синусоида сигнала исчезла, экран погас.

Но рыдания, доносившиеся из колонок, не прекратились.

Глава восьмая

— Лучше вам будет самому посмотреть на это, — произнес Нейл.

Их путешествие продолжалось уже тринадцать часов. Сервитор неожиданно замедлил работу кавитационного модуля и притормозил при помощи маневровых турбин. Кыс вошла в рубку управления, позволив Рейвенору воспользоваться своими глазами.

— Вот он, ваш Ведьмин Дом, — сказал Нейл.

Управляемые прожектора подводной лодки высветили что-то в темноте. Прямо под сверкающим ледяным сводом повисла какая-то конструкция.

— Боже Император! — пробормотала Кыс, втискиваясь между Нейлом и Лациком.

— Клевая штуковенция, да? — произнес геолог.

Перед ними висел бронированный металлический шар около трехсот метров в диаметре — Ведьмин Дом. Он

висел словно вверх ногами, удерживаясь при помощи пяти сочлененных механических лап, вцепившихся в ледяную крышу над ними. Когда они стали приближаться, Дом отступил на несколько шагов, вонзая отточенные когти в наст. Он шагал по нижней стороне ледяной коры так, словно та была обычной землей.

— На Локи рассказывают сказку, — заговорил Нейл, — о ведьминой избушке, бегающей по лесу на куриных лапах.

— Избушка Бабы-яги, — пробормотала Кыс.

— Избушка Бабы-яги.

— Да, она самая, — кивнул Нейл. — А вы что, слышали об этом?

— Это не сказка с Локи. Это древняя легенда Терры.

— Неужели? — спросил Нейл.

— Именно. Стыкуйтесь. Нейл повернулся к пилоту:

— Стыкуйся.

— Постойте, — покачал головой Лацик. — Вначале необходимо передать

подобающие приветствия. Если мы попытаемся приблизиться просто так, Дом убежит.

— Убежит?

— Мне доводилось видеть, как он бежал, словно перепуганный зверь. И двигается он быстрее этой лодки.

— Пусть высылает приветствия.

— Лацик, мой шеф говорит, чтобы ты отправил ему свои приветствия, — передала Кыс.

— Значит, он псайкер, да? — спросил геолог. — Так я и думал.

Кыс с Нейлом обменялись взглядами.

— На данный момент, — произнес Нейл, — нам, прямо скажем, безразлично, что вы там думаете, Лацик. Высылайте приветствия. Делайте то, за что вам платят, или вам придется сейчас покинуть борт через шлюз без дыхательного аппарата и с дыркой от пули в заднице.

— Я не отвечаю за него, — спокойно произнесла Кыс, — но, поверьте, он более чем способен на такое, так что не стоит его злить.

Лацик поджал губы и ввел код связи в приемоответчик лодки. Затем он на всякий случай перепроверил его и нажал на кнопку «отправить».

Они и услышали, и почувствовали отправленный системами импульс. Пришлось подождать.

— И всегда это занимает столько времени? — спросила Кыс.

Лацик поскреб костистый подбородок длинным, худым пальцем:

— Нет. Дом волнуется. Он возбужден. Думаю, это из-за того, что у нас на борту псайкер.

— А он может это почувствовать? — поинтересовался Нейл и, увидев выражение на лице Лацика, пожал плечами. — Ну да, конечно может.

— Он чем-то выстрелил в ответ, — неожиданно подалась вперед Кыс. — О Трон, торпеды?

Нейл склонился над приборной доской. Две стремительные тени отделились от Ведьминого Дома и теперь мчались к ним, оставляя за собой след из воздушных пузырьков.

— Расслабьтесь, — сказал Лацик, — направляющие рыбы.

Ракеты сбавили скорость, поравнялись с лодкой и развернулись в обратную сторону, засветившись и запульсировав. Пилота-сервитора неожиданно скрутил какой-то припадок, после которого он начал действовать абсолютно механически. Его сознание и системы подключились к навигационным блокам Ведьминого Дома. Сервитор повел лодку, следуя указаниям скользящих чуть впереди навигационных рыбин.

Громада Дома нависла над маленькой лодкой, направлявшейся к подсвеченному входу в нижней части бронированной сферы.

Рыбы, промчавшись стрелой, уже исчезли в нем.

— Заходим, — сказал Нейл.

— Всем собраться и проверить оружие, — приказал Рей-венор из пассажирского отсека.

Ангарад поднялась, сжимая рукоять меча, выступающую из ножен. Мауд Плайтон передернула затвор армейского

дробовика. Бэллак достал из кобуры свой лазган и проверил заряд. Карл, поднимаясь, дважды щелкнул затвором автоматического пистолета.

Нейл выхватил оружие из кобуры, снял его с предохранителя и убрал обратно, после чего оглянулся на Кыс.

— Готова?

В ладони Пэйшенс вплыли два каина. Она кивнула.

— Мы готовы, — объявил Нейл.

Подводная лодка медленно входила в стыковочный бассейн Дома.

Мощные гидравлические зажимы, что когда-то вцеплялись в подводные лодки, вынимая их из бассейна и закрепляя возле причала, давно проржавели и стали бесполезны. Теперь они свисали как клешни чудовищных дохлых крабов, обросшие водорослями. Когда лодка всплыла, взломав корочку льда, покрывавшую поверхность бассейна, Лацик открыл верхний люк и выбрался, чтобы закрепить судно при помощи цепей и крючьев, свисавших с решетки пирса.

В стыковочном ангаре царил

полутрак, нарушаемый только прожектором лодки и несколькими люминесцентными полосами на сводчатом потолке. Скелетные каркасы причала и разлагающихся стыковочных зажимов отбрасывали странные, пугающие тени, а по маслянистой, чуть колеблющейся поверхности воды скользили бледные, туманные отблески. Пара ржавых металлических лестниц позволила гостям выбраться на платформу причала. Нейлу пришлось открыть более широкий боковой люк, чтобы Рейвенор тоже смог покинуть лодку и подняться к дорожке.

— Здесь дышать нечем, — тихо проговорил Карл.

В воздухе Дома чувствовался тошнотворный привкус, характерный для помещений со слишком частой рециркуляцией и плохой фильтрацией. Так бывает на звездолетах, слишком долго не заходивших в порт. В ангаре было тихо, если не считать постукивания о борт грязных льдинок, затихающего гула турбин и тихого полязгивания, когда кто-нибудь делал шаг. Нейл, Лацик и Плайтон

включили фонари.

— Холодно. — Мауд задрожала, застегивая плащ.

Тем не менее ее настроение немного улучшилось, когда она выбралась из подводной лодки.

— Сюда, — сказал Лацик, качнув фонарем.

— Почему они не приведут это место в порядок? — громко поинтересовался Карл.

— Это вам не перевалочная станция и не верфи, — ответил Лацик, махнув своей длинной рукой. — Обитатели Дома ожидают, что их гости будут готовы покинуть их без промедления и не требуя ремонта или припасов.

— Обитатели? — спросил Рейвенор. — И много их?

— Об этом у нас с ними разговоров не было, — пожал плечами Лацик. — Пойдем.

Бэллак и Нейл отстранили его и пошли первыми. Металлические поверхности палуб, стен и машин вокруг них были покрыты ржавчиной, ярь-медянкой и колониями водорослей. В конце причала виднелось темное отверстие

люка, который явно был открыт так давно, что коррозия не позволила бы ему снова закрыться.

Палуба под ногами задрожала. В доке зазвенели и залязгали цепи и незакрепленные механизмы. Прибывшие похватались за оружие.

— Не паникуйте, — произнес Лацик, — Дом просто шагнул, чтобы получше закрепиться. Привыкайте.

Люк вывел их в служебный туннель, светильники в котором либо давно перегорели, либо были разобраны на запчасти. Лучи фонарей выхватывали странные узоры на стенах, образовавшиеся явно не в результате коррозии.

— Посмотрите,— произнес Карл, наводя фонарь.

Подсвеченная поверхность стены, казалось, полностью была покрыта удивительным плотным узором, напоминающим гравировку. Когда дознаватель медленно повел лучом, остальные увидели, что этот узор покрывает все вокруг.

— Что же это такое? — спросила Кыс,

наклоняясь, чтобы рассмотреть рисунок с более близкого расстояния.

— Отпечатки пальцев, — сказала Ангарад.

— Нет, этого не мо...

— Отпечатки пальцев, — повторила картайка.

— Она права, — сухо проскрежетали в темноте динамики Рейвенора. — Человеческие отпечатки пальцев.

Отпечатки были нормальных размеров, но прилегали друг к другу настолько близко, что пустовали лишь незначительные фрагменты стен. Казалось, будто их оставили многие тысячи прикосновений, что, конечно, было странно, поскольку не может палец выдавить столь идеальный рельеф на поверхности гладкого металла.

— Должно быть, их выгравировали, — произнес Карл, — но мастерство художника поразительно. Интересно, у кого это было столько свободного времени, чтобы выгравировать столько отдельных, идеальных отпечатков?

— Это Дом! — раздражающе

бесцеремонно откликнулся Лацик.

— Что удивительнее всего, — произнес Рейвенор, — каждый отпечаток уникален.

Он ощутил неловкость. Впервые Рейвенор почувствовал, как Ангарад испытывает нечто близкое к страху.

Через тридцать метров служебный туннель вывел их в просторный, похожий очертаниями на барабан зал. Здесь также не было света. Лучи фонарей помогли обнаружить шаткую металлическую спиральную лестницу возле одной из стен, поднимающуюся к люку в потолке. Центр зала был занят грузоподъемником. Решетчатая клеть окружала опущенную прямоугольную плиту, покрытую слоем грязи и мазута. Над ней в потолке открывался зев шахты.

Повсюду громоздились металлическая рухлядь и ржавеющие обломки машин. По разные стороны виднелись еще две двери, навсегда запечатанные ржавчиной и тленом.

Как и в туннеле, стены полностью покрывали отпечатки пальцев.

— Будем подниматься? — спросил

Нейл.

— Будем ждать, — ответил Лацик.

— Чего?

— Просто ждать. Нам нельзя вламываться к ним. Теперь парадом командуют они.

Ожидание проходило в напряженном молчании. Дом вновь мягко покачнулся, сделав очередной шаг.

— Это... — начала было Плайтон.

— Чшшшшшш! — сказал Нейл.

Он не сводил глаз с темнеющей над их головами шахты подъемника, где появилось пятнышко света. Оно было слабым и размытым — просто грязно-желтая светящаяся пушинка, медленно спускающаяся. Раздался отдаленный приглушенный лязг каких-то мощных машин и звуки трения металла по металлу. Лифт опускался.

Подъемник медленно выплыл из шахты, принося с собой потоки света. Лифт представлял собой открытую прямоугольную платформу, в точности соответствовавшую геометрическим параметрам плиты, лежащей внизу. Он

опустился на нее с громким металлическим лязгом. На платформе лифта было беспорядочно расставлено с полудюжины коптящих масляных светильников и закрепленных в бутылках свечей. Посредине стояла фигура, закутанная в закрытый, доходящий до самого пола плащ, скрывавший даже ее лицо. Фигура была худощавой, низкорослой и вполне могла бы принадлежать ребенку или подростку. Рейвенор решил не пытаться сканировать ее. Ему не хотелось провоцировать обитателей Дома

С шеи новоприбывшего свисал огромный ржавый ключ. Казалось, что этот старинный инструмент некогда, еще доЕреси, предназначался для запирания врат какого-либо бастиона.

Все прибывшие почувствовали на себе взгляд стоящего перед ними.

— Эти люди пришли к вам в поисках связности, — громко произнес Лацик дрожащим от волнения голосом. — Я их проводник.

Какое-то время после этих слов было

слышно странное бормотание: неразборчивый быстрый шепот шелестящих, шипящих голосов, накладывающихся один на другой.

Затем все смолкло. Чинным, спокойным жестом обитатель Дома пригласил гостей взойти к нему на подъемник.

Направляя свое кресло к платформе, Рейвенор уже понимал, что это было только первое знакомство с псайколдовством Дома.

Глава девятая

Лифт медленно поднялся на восемьдесят метров по направляющим шахты, доставив их в просторный амфитеатр, освещаемый стоящими по краям свечами и лампами. Полом здесь служили металлические решетчатые плиты. По внешнему краю зал огибала приподнятая дорожка, огражденная от основного пространства железными перилами. На стенах можно было разглядеть несколько тяжелых служебных люков.

Прибывшие оказались на самом краю этого зала. Над их головами, едва различимые в свете свечей, нависали массивные опорные балки и какие-то черные каркасные конструкции.

Гости крутили головами, осматриваясь и пытаясь сориентироваться в сложившейся ситуации. Их оружие, конечно, чтобы не спровоцировать неприятности, не покидало ножны и кобуры, но было готово

сделать это в любую секунду.

Ангарад посмотрела на Нейла и кивком указала ему на противоположную от лифта стену. От подвесной дорожки поднимались широкие металлические ступени, точно такие же, как те, что вели на саму эту дорожку из зала. Верхняя лестница, огражденная перилами, нависала над внутренним кругом, неожиданно обрываясь в воздухе, и никуда не вела.

Это видели все. Нейл пытался вглядеться в мрак, господствующий под сводом помещения. Может быть, лестница была нужна, чтобы оттуда спускать что-то?

Закутанный в балахон человек сошел с платформы, и они собирались уже последовать за ним, но тут он остановился и снова повернулся к ним лицом.

— Клыки ада! — прорычал Нейл.

На окружной дорожке над их головами неожиданно возникла дюжина фигур в балахонах, идентичных той, что привела их сюда. Никто не слышал, чтобы какой-

либо из люков открывался, и пламя свечей не дрожало. У каждого из новоприбывших на шее болтался ключ, но ни один из ключей не был похож на другой.

— Кто-то о чем-то переговаривается, — тихо произнесла Плайтон. — Я скоро уже не выдержу.

Вокруг снова завздыхали, зашипели непонятные голоса. Рейвенор рискнул потянуться сознанием вовне. Положение было рискованным, но он уже не мог просто ждать. Практически сразу он наткнулся на мощную ауру фоновой псионической активности. Казалось, будто даже стены и палуба пропитались ею. Она мягко и медленно пульсировала, точно дышала, но исходила не от скрывающейся под капюшоном фигуры. Все обитатели Дома оказались абсолютно «пусты» и инертны. Аура трепетала повсюду вокруг них, словно они каким-то образом оказались прямо внутри активного, неимоверных размеров разума.

Или как если бы сам океан, начинающийся за стенами Дома, был чем-то живым.

— Я ищу связности, — произнес Рейвенор.

Лацик не стал возражать и отошел в сторону.

— Я ищу связности, — повторил инквизитор.

Фигура, доставившая их сюда на подъемнике, медленно направилась к своим собратьям, расположившимся на дорожке.

— У вас есть имена? Дар речи? — спросил Рейвенор.

— У нас есть и то и другое, — ответила одна из фигур.

Голос говорящего был отчетлив и хорошо различим, хотя и казался всего лишь шепотом. Кроме того, он явно принадлежал молодому человеку, хотя по нему и нельзя было установить пол собеседника.

— Может, скажете, как вас зовут? — спросил Рейвенор.

— А вы скажете, как зовут вас?

— Это существенно для нашей сделки?

— Нет, — произнесла другая фигура, — хотя для того, чтобы обрести

доподлинную связность, необходимо истинное познание о вас. Но это не наша функция. Познать вас должен Дом.

— Какова же ваша функция?

— Мы просто смотрители Дома.

— Понятно. Но как же Дом будет познавать меня?

— Он уже изучает вас. Но вы можете ускорить процесс, поведав о причине своей бессвязности.

Реивенор повернул свое кресло к Плайтон:

— Мауд?

— Да, сэр?

— Мне хотелось бы, чтобы ты вместе с мистером Ла-циком спустилась вниз и сопроводила его к нашему судну, а потом приглядела бы за ним.

— Постойте... — начал было Лацик.

— Скажите, требуется ли еще пребывание здесь нашего проводника? — спросил Реивенор у обитателей Дома.

— Его функция завершена.

— Вы слышали, что сказали смотрители, Гирам, — обратился к геологу Реивенор. — Я благодарю вас за

услугу, которую вы оказали нам, когда помогли найти это место и прибыть сюда, но мне не хотелось бы, чтобы вы были рядом во время наших переговоров. Прошу вас, оставьте нас и подождите возле подводной лодки, и тогда мы останемся друзьями.

Лацик с тревожным и явно несчастным видом окинул зал взглядом. Он понимал, что находится не в той ситуации, когда может предоставить какой-либо весомый аргумент или пытаться противиться. Ему даже удалось вернуть усмешку на свое узкое лицо, прежде чем поклониться.

— Конечно, — сказал он, — у меня нет ни малейшего желания ссориться с вами. В этих местах человеку необходимо иметь как можно больше друзей.

Плайтон повела дулом ружья, переброшенного через плечо.

— Пойдем, — сказала она.

— Присматривай за ним, Мауд.

Плайтон кивнула. Она все еще не привыкла к прямому телепатическому общению.

Мауд следом за Лациком поднялась на платформу лифта и дернула за рычаг. Через некоторое время они медленно поплыли вниз.

Рейвенор снова развернулся к смотрителям Дома:

— Расскажите мне о подробностях, которые необходимо прояснить.

— Опишите в общих чертах параметры своей бессвязности, — ответила одна из фигур. — Позвольте Дому узнать вас.

— И как именно мы обретем связность?

— Правильный ключ откроет правильную дверь, — сказал смотритель.

Спутники Рейвенора обменялись встревоженными взглядами.

Рейвенор устремил свое кресло вперед и остановился только тогда, когда оказался прямо под обитателями Дома, наблюдающими за ним с приподнятой дорожки.

— Я ищу связность, — провозгласил он, словно разговаривая не с ними, а с окружающими его чертогами. — Меня

зовут Гидеон Реивенор. Нет никакого смысла скрывать. И я ищу... что ж, это скрывать также не имеет смысла... ищу своего давнего врага. Он неоднократно ускользал из моих рук и разрушал все планы по его поимке. Вселенная слишком велика, а он сейчас может быть где угодно. Поэтому я решил найти кого-нибудь, кто сможет подсказать мне, где и как можно выследить его. Это лучше, чем тратить жизнь на самостоятельные бесплодные блуждания. Ведьмин Дом Утохра издавна славится своими предсказаниями. Ходят слухи, что точность Дома в подобных вопросах просто удивительна. В прежние годы своей жизни я был имперским инквизитором. Верным служителем ордосов Геликана. Попытка искать правды и помощи в подобном месте — это поступок радикала или еретика. Те, кого я называл раньше своими повелителями, не позволили бы мне даже заикнуться об этом. Но теперь я стал доведенным до отчаяния отступником, действующим без ведома и позволения Священной Инквизиции. Я уже не инквизитор.

Возможно, я обрекаю себя на проклятие, но я точно буду проклят, если не узнаю, где он.

Бормотание голосов Дома усиливалось. Кыс почувствовала себя неуютно, когда поняла, что они напоминают ей шум стаи металлических птиц из Петрополиса. Она боролась с собой, боясь разреветься. Признание Рейвено-ра, даже если оно было произнесено только для того, чтобы убедить Ведьмин Дом, было тяжело слышать. «Я больше не инквизитор. Возможно, я обрекаю себя на проклятие».

А возможно, все они уже прокляты.

— Человека, которого я ищу, зовут Зигмунд Молох, — закончил Рейвенор.

Голоса продолжали кружить, а в их шепоте становилось все больше свистящих звуков и резкости. Они струились вокруг Рейвенора то потоками ураганного ветра, то хрупким дыханием призраков.

И все теперь слышали, что говорят эти голоса:

Молох, Молох, Молох...

Вернувшись во мрак нижних

коридоров, Плайтон вместе Лацикомсошла с платформы, обернулась и снова потянула за рычаг, чтобы пустая платформа возвратилась обратно.

— И как нам подниматься наверх? — спросил Лацик.

— Молись Трону, чтобы это не понадобилось, — ответила Плайтон.

Дорогу они себе освещали при помощи масляных светильников, позаимствованных с подъемника. Плайтон навела свет лампы на винтовую лестницу.

— Куда-то она да ведет, — сказала Мауд. — Если что, выясним, куда именно, но лифт им может понадобиться больше, чем нам. Пойдем.

По служебному туннелю они вернулись к парковочно-му бассейну.

— Так, значит, вас зовут Мауд? — весело спросил Лацик.

— Не разговаривай, — ответила она.

Они прошли мимо болтающихся ржавых цепей и гниющей аппаратуры по погруженной в сумрак пристани. Подводная лодка тихо лежала под ними, привязанная Лацикомк ограде тяжелыми морскими

цепями. Верхний и боковой люки были по-прежнему открыты, и оттуда лился бледный электрический свет.

— Проверка связи, — произнесла Плайтон в линк.

В ответ раздался голос сервитора-водителя.

— Что ж, ждать, может быть, придется долго, — сказал Лацик, присаживаясь на край пирса и болтая ногами над бассейном. Лампу он поставил возле себя. — Разве не стоит скоротать время за дружеской беседой, а, Мауд?

— Не разговаривай, — ответила она.

Глава десятая

— У меня есть предположение, — произнес Карл.

— Касательно чего? — спросил Рейвенор.

— Касательно того, как все здесь может работать, — ответил Тониус.

Они все еще продолжали ждать на нижнем уровне амфитеатра. Обитатели Дома не шевелились, не разговаривали и даже никак не отреагировали на возвращение пустого подъемника. Перешептывающиеся голоса налетали и исчезали подобно легкому ветерку.

— Рассказывай, — подтолкнул дознавателя Рейвенор.

— Мне кажется, что все дело не только в Доме. Скорее, здесь расположен какой-либо материал или предмет, используемый для фокусировки. Думаю, что куда важнее то, где именно расположен Дом.

— Интересная мысль. Продолжай.

— На мой взгляд, все дело в океане. Да,

думаю, именно в океане. Так или иначе, но он откликается и резонирует с... — Он помедлил. — На самом деле мое предположение слишком надуманное и незавершенное...

А по-моему, ты уже прошел половину пути, — сказал Рейвенор. — Отличное рассуждение, просто недостаточно глубокое. Я согласен с тобой в том, что океан участвует в процессе, исполняя функцию резонирующей среды, но, на мой взгляд, настоящую тайну хранит сама луна.

— Утохр?

— Да. Скажи, как часто мы встречаемся с кристаллами или прозрачными материалами, которые используются для гаданий или предсказаний? Чувствительные кристаллы, магические кристаллы, кристаллы, способные преломлять и фокусировать пси-импульсы?

— Вроде хрустальных шаров?

— Точно. Техника их использования и вера в нее столь же стары, как и человечество, к тому же мы не

единственный вид, оценивший по достоинству этот метод.

— Эльдары?

— Именно эльдары. Кристаллический резонанс. Не станет большой ошибкой определение «костей духа» как органически выращенных камней. Луна, на которой мы находимся, знаменита своими богатыми залежами всевозможных минералов. И Ведьмин Дом...

— ...использует Утохр в качестве гигантского хрустального шара, — усмехнувшись, продолжил Карл. — Значит, я угадал?

— Не уверен. Но если угадал, то хоть аналогия и грубовата, но примерно так и обстоят дела в действительности.

Карл казался очень довольным собой.

— Ты уже практически превзошел меня, дознаватель. Скоро мне нечему будет тебя учить.

— В этом-то я разбираюсь, — засмеялся Карл.

Трепещущий шепот внезапно прекратился. Неожиданно обрушившаяся на них тишина казалась угрожающей. По

Дому прошла дрожь, когда он снова выправлял положение.

— Дом готов, — произнесла одна из закутанных в балахоны фигур.

— Поднимайтесь на наш уровень! — приказала другая.

Рейвенор направил свое кресло по ступеням наверх, а его сопровождающие двинулись следом и остановились уже возле смотрителей.

Раздались громкий металлический лязг и шипение гидравлики. От выгнутого куполом потолка на телескопических креплениях медленно и грузно опускалась широкая круглая платформа. Платформа располагалась точно по центру внутреннего нижнего круга, но была на несколько метров меньше в диаметре. Она опускалась до тех пор, пока не оказалась над окружной дорожкой ровно на той же высоте, на которой та в свою очередь возвышалась над полом. Край круглой платформы соприкоснулся с верхней ступенькой уходившей до того «в никуда» лестницы, пришвартовавшись к ней при помощи магнитных замков. Человек,

стоявший на нижнем уровне, вполне мог бы пройти под ней, не нагибаясь.

Круглая платформа представляла собой толстый, изъеденный коррозией железный или стальной диск, подвешенный на шести телескопических стержнях, каждый из которых в настоящее время был выдвинут до предела. Эти стержни выступали подобно колоннам по краю подъемника. Черные сваи и опорные балки под крышей постепенно выступали из темноты в медленно нарастающем призрачном свечении дюжины фотолюминесцентных ламп.

Платформа пустовала, если не считать единственного объекта: посреди нее вертикально возвышалась полуоткрытая дверь. Деревянная старая дверь. Самая обычная дверь в самой обыкновенной раме.

Какое-то время Рейвенор и его спутники разглядывали ее. В это время Дом снова шагнул, и дверь качнулась, словно подул сквозняк. Она закрылась с хлопком, а затем вновь приоткрылась на ширину ладони.

— Сдаюсь, что это такое? — спросил Нейл.

— Дверь, — ответила Ангарад, с которой, как уже заметил Рейвенор, всегда можно рассчитывать на предельно прозаический ответ.

— Дверь, — эхом откликнулся Карл. — Но разве это может быть тем, что я думаю?

— Это, надо полагать, зависит от того, что именно ты думаешь, Карл, — ответил Рейвенор.

Мимо них прошли смотрители Дома, несущие на платформу светильники и расставляющие их по краю диска. Рейвенор тоже поднялся на платформу и приблизился к двери. Остальные нехотя последовали за ним.

— Трехсторонние пропилеи? — рискнул предположить Тониус, стараясь говорить шепотом. — Э-э... трипортал?

— Я подумал о том же, — произнес Рейвенор. — И вновь меня впечатлила твоя дедукция. Как и познания в тайных науках и эзотерике. Откуда тебе известно это понятие?

— Вроде бы, — пожал плечами Карл, — наткнулся на упоминание о нем несколько лет назад, когда занимался самообразованием. Как же назывался тот текст?.. Не могу вспомнить,

— «Кодекс Атрокс», сочинения Сарника, — тихо произнес Бэллак.— А также «Охряная Книга»,— Прежде чем продолжить, он обвел взглядом Рейвенора и Тониуса. — Доступ к таким работам ограничен, но, как и Карл, я воспользовался своим статусом дознавателя, чтобы ознакомиться с ними. Три года назад, когда мы с инквизитором Фенксом пребывали на Мирепуа, к нам обратились за помощью в расследовании деятельности культа, который, как утверждалось, обладал функционирующими трехсторонними пропилеями. Как выяснилось в итоге, все это был только обман, но я провел исследования. И эта дверь внешне походит на деревянные гравюры, прилагавшиеся к работе Сарника.

— Точно, Сарник, — кивнул Тониус, — именно там я и видел.

— И что, предполагается, мы должны

поверить в то, что перед нами настоящий трипортал? — спросил Бэллак, обходя раму с другой стороны так, чтобы остальные видели его через приоткрытый дверной проем.

— Уж не знаю, чему вы так радуетесь, — пробормотал Нейл, — но, может быть, кто-нибудь расскажет мне, о чем вы вообще говорите?

— Карл? Бэллак? — спросил Рейвенор.

Тониус шагнул вперед, оказавшись возле двери с противоположной стороны от Бэллака. Он осторожно приблизился к ней. Дверь слегка покачнулась в раме, будто на нее подул ветер.

— Трехсторонние пропилеи, — произнес Карл.

— Ты уже не первый раз говоришь это, — упрекнул его Нейл.

Дверь с тремя направлениями, — поправился Карл Тониус, смерив презрительным взглядом огромного охотника за головами. — Мифическое устройство, предназначенное для гадания и прорицаний. Принципы его действия никогда не получали объяснения даже в

псионических терминах, хотя, возможно, это всего лишь тотем, фокусирующий ментальную волну. Сложный фетиш.

— И как это работает? — спросила Кыс. — То есть как им воспользоваться?

— Одна из ее сторон здесь, — произнес Тониус.

— А вторая — здесь, — произнес Бэллак из-за двери. — Но если пройти сквозь нее... — Тут дознаватель помедлил, поскольку ни у него, ни у Тониуса не возникло желания продемонстрировать это на своем примере. — Вообще, Кыс, поговаривают, что в результате окажешься возле третьей стороны. Третье направление. Субъект перемещается дверью в другую точку пространственно-временного континуума, в которой можно получить ответ на тот вопрос, ради которого и организуется предсказание.

— Портал? — спросила Кыс.

Бэллак пожал плечами.

— Да, портал, — сказал Рейвенор. — Говорят, что эта дверь способна перенести человека в другое место. А точнее говоря, более чем в одно место.

Количество переходов зависит от последовательности действий и сложности заданного вопроса.

Он отвернул свое кресло от двери, и все его спутники собрались вокруг.

— Не ожидал я такого, — произнес Рейвенор, — что глупо с моей стороны. Полагалось, что если все это не простое надувательство, то Ведьмин Дом хранит какую-то по-настоящему темную тайну. Именно за ней мы и пришли сюда. Вот только мне почему-то не хочется пользоваться ею.

— Мне тоже, — произнес Тониус.

— А я все еще не могу переварить ваши объяснения, — признался Нейл.

— Это просто старая деревянная дверь, — со свинцом в голосе произнесла Ангарад.

— Мы должны ею воспользоваться.

Все обернулись на Кыс. Она смотрела за тем, как обитатели Дома устанавливают на краю платформы чадящие лампы и свечи.

— Именно затем мы и пришли сюда, как вы и сказали. И нет такого правила,

которого бы мы при этом не нарушили. Мы знали, что влезаем в темные еретические дела. Мне это все ни капельки не нравится, но именно так обстоит дело. Назад пути нет.

— И что ты предлагаешь? — спросил у нее Тониус.

— Нет, что ты предлагаешь? — бросила в ответ Кыс. — Сбежать? Вернуться домой? Сдаться? Если так, то, дай мне Трон терпения, это надо было сделать еще несколько месяцев назад. Мы зашли уже слишком далеко, чтобы теперь привередничать.

— Ты права, Пэйшенс. Спасибо, что выступила в качестве голоса разума.

— Почему-то я себя не ощущаю слишком разумной.

— Мы сделаем это, — сказал Рейвенор. — Вернее, некоторые из нас. Я не собираюсь рисковать сразу всей группой. Кто-то должен остаться здесь и прикрывать нам спину.

— Это при условии, — с насмешкой в голосе произнесла Ангарад, — если перед нами не просто старая дверь, которую

раскачивает сквозняком.

— Да, именно при этом условии, — произнес Рейвенор. — Может быть, пойдешь со мной и сама все проверишь? Бэллак, Карл, вы тоже идете. Гарлон, ты остаешься вместе с Пэйшенс и приглядываешь за этой дверью.

Лицо Нейла потрачнело. Он бросил взгляд на печницу.

— Нет, я... — произнес он и осекся.

— С ней все будет в порядке, Гарлон, обещаю. Я позабочусь о ней. Кроме того, она и сама может за себя постоять. И ее сознание восхитительно прочное и изумительно эластичное. Она способна справиться со многими опасностями внемирья.

— Но...— Нейл негодовал.

— Твоя сила мне необходима здесь. И Кыс также должна остаться, чтобы держать ментальную связь. Не спорь со мной, Нейл.

— Я никогда не спорил с вами.

— Гарлон, я знаю, что для тебя значит эта картайка. Мне все известно. Я буду ее защищать.

Нейл неохотно кивнул. Он поймал на себе взгляд Ангарад и отсалютовал ей, ударив кулаком себя по груди, как было принято у кланов Картая. Мечница ответила ему тем же.

Рейвенор установил глубокую связь с сознанием Кыс.

— Я попытаюсь разговаривать с тобой.

— А я постараюсь услышать.

— Прикрывайте нас, Пэйшенс.

— Обязательно.

Край платформы был заставлен свечами и лампами. Еще больше светильников было расставлено на окружной дорожке. Верхнее освещение зала слегка потускнело и затерцало.

Впервые за полчаса вокруг ненадолго закружили шепчущие голоса. Как только они стихли, дверь плотно захлопнулась с громким лязгом и раздался звук поворачивающихся древних механизмов замка.

— Дом готов принять вас, — произнес один из стотрителей.

— Дверь готова к тому, чтобы ее

открыли, — сказал другой.

Закутанные фигуры расположились неровными рядами вокруг команды Рейвенора.

— У кого из вас нужный ключ? — спросил инквизитор.

Снова раздался пугающий шепот.

Один из смотрителей выступил вперед, сжимая ключ, свисавший с его шеи.

— У меня, — произнес он, и остальные обитатели Дома что-то спокойно забормотали, будто поздравляя избранника.

— Кто идет, а кто остается? — спросила еще одна из закутанных фигур.

— Я остаюсь, — ответила Кыс.

— И я, — проворчал Нейл.

Один из смотрителей жестом руки приказал им следовать за собой. Все, кроме избранника, медленно спустились с верхней платформы на дорожку. Кыс пошла за ними, но по пути обернулась.

— Храни вас Император! — окликнула она остальных членов команды.

— Боюсь, что не в этот раз.

— Тогда вы храните их, Гидеон, —

произнесла она, а затем отвернулась и спустилась по лестнице.

Нейл пошел было за ней, но вдруг остановился, подбежал к Ангарад и грубо поцеловал ее в губы.

— Проклятие! — прорычал он. — Мне бы очень хотелось увидеть вас снова живыми. Даже тебя, Тониус.

— Буду считать минуты, мой драгоценный, — усмехнулся Карл.

Нейл протопал по ступеням и встал возле Кыс среди молчаливых смотрителей, не сводящих глаз с двери на платформе.

— Так, значит, ты и эта воительница...— прошептала Кыс.

— Заткнись!

— И давно уже?

— Всего два слова, Кыс. Захлопни варежку!

— Мой рот на замке, — усмехнулась она. — В отличие от твоего. Или ее.

Гарлон бросил на нее испепеляющий взгляд.

— Ты так пропустишь все

представление, — произнесла Пэйшенс, с улыбкой кивая на платформу.

Улыбка вышла кривоватой, и, глядя на разворачивающиеся события, Кыс начала молиться.

— Вы подтверждаете свою готовность начать? — спросил смотритель, оставшийся возле двери.

— О, жду, не дождусь,— сказал Тониус.

Ангарад казалась скучающей. Бэллак сжал здоровой рукой приклад оружия.

— Подтверждаем, — ответил Рейвенор.

Смотритель снял ключ с шеи и вставил его в древний замок на двери. Ключ повернулся с громким треском давно не смазываемого механизма.

Дверь открылась.

Тониус фыркнул. Сквозь дверной проем они могли видеть противоположную сторону платформы и непрерывное кольцо мерцающих ламп и тонких свечей.

— Я впечатлен, — заметил Тониус.

— Тихо!

— Сюда, — проинструктировал смотритель, направляя их в дверь.

Они шагнули вперед.

Дверь захлопнулась позади них, и замок сам собой заперся.

Нейл обернулся к Кыс. В ее изумленно расширившихся глазах читались испуг и недоверие.

— Святое, мать его, дерьмо! — произнес Гарлон. — Ты видела?

— Да, — ответила Кыс.

Они видели, как их товарищи вместе с избранным смотрителем проходят через дверь, видели, как та захлопывается.

Теперь на платформе не было ничего, кроме закрытой двери.

Глава одиннадцатая

— Что это было? — спросила Плайтон, неожиданно вскакивая.

— Ты о чем? — откликнулся Лацик.

Он играл в кости, бросая их на свой плащ, разостланный поверх решетчатого покрытия дока.

— Это было похоже на дверь, — ответила Плайтон, поднимая дробовик,— Словно где-то с силой захлопнулась дверь.

— Дом стар и полон загадочных звуков, — заметил худощавый геолог. — Привыкай.

Она ничего не ответила, подошла к люку и посветила фонарем в служебный туннель. В темноте ничто не шевелилось. Мауд включила линк.

— Проверка, — произнесла она.

— Без изменений,— протрещал в ответ голос сервито-ра из подводной лодки.

Плайтон вернулась обратно, очередной раз пройдя мимо проржавевших машин, отбрасывающих тени. Освещение в

доке слегка затерцало, когда Дом в очередной раз шагнул. Цепи зазвенели и закачались.

Лацик сидел там же, где она оставила его.

— Что вы делаете? — резко спросила Мауд.

— Играю в кости, — ответил он.

— Вы только что что-то делали со своим плащом! — отрубила она, вскидывая дробовик.

Да, Мауд. Я играю в кости на своем плаще! — Он устремил на нее взгляд выпуклых воспаленных глаз, а наего истощавшем лице возникло почти комическое выражение искренности.

— Ну ладно, — произнесла она, опуская оружие и снова усаживаясь на ржавую катушку для кабеля.

— Вы слишком нервничаете, Мауд, — заметил Лацик.

— Не разговаривайте со мной.

Меня поразило то, как эмоционально Карл начал произносить фразу: «Я же говорил вам, что это пустая трата времени».

— Я же говорил вам... — И тут голос его подвел.

Как и все мы, он ошеломленно озирается.

Я тоже никак не могу в это поверить. В инстинктивном страхе я простираю сознание вовне, окидывая окружающий мир взглядом своего разума.

Это не фальшивка. А если и фальшивка, то не поддающаяся проверке даже моим сознанием.

Мы уже не на борту Ведьминого Дома. Мы не на Утохре, и, готов побиться об заклад, не в системе Кито, и даже не в субсекторе Геликан. Внутренний хронолог моего кресла только что сбился со счета, стер данные и запустился заново. Последствия прохода через портал или, возможно, знак того, что мы уже не в том времени, в котором заходили в него.

Это оглушает меня, приводит в благоговение и абсолютное смущение. Я вижу, как Бэллак, открыв рот, смотрит куда-то вдаль; как Карл склоняется, чтобы коснуться пальцами горячей сухой пыли; как Ангарад прищуривается и медленно

тянет картайский меч из ножен. И только смотритель Дома, сжимающий в руках свой ужасный ключ, кажется невозмутимым. Жаркий ветер колышет темный балахон нашего проводника.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

Мы стоим в зное и пыли среди красных песчаных дюн, окруженных зловещим кольцом острых черных вулканических глыб. Сильный пустынный ветер бросает в нас пылью, и я слышу, как мелкие камешки постукивают по корпусу моего кресла. Небо кажется затянутым красной дымкой и перекрученными облаками, сквозь которые едва пробивается слабый свет умирающей кроваво-красной звезды, похожей на пулевое отверстие.

Я понятия не имею, где мы очутились.

Постепенно поворачиваясь вокруг своей оси, я снимаю на пикт каждый миллиметр окружающей нас земли, сохраняя снимки во внутренних банках данных. При помощи систем кресла я собираю образцы пыли, реголита и воздуха,

изучая их при помощи аускекса. Эти земли мертвы. Жара непереносима, и камни вокруг нас горячи, точно в аду.

Все реально. Мы не во сне, иллюзии или трансе ауто-сеанса. Все взаправду, и у меня остается только один выбор: смириться с этим или сойти с ума.

Дверь находится у меня за спиной, она выглядит дико посреди этого нигде. Она высока, прочна и плотно закрыта. Я вижу, как к ней поворачивается Бэллак. Он дергает за ручку и понимает, что дверь заперта.

— Господин... — произносит он, глядя на меня.

Бэллак редко называет меня так. Должно быть, он очень сильно напуган.

Я сам приближаюсь к двери, взбивая пыль лопастями своего кресла, и объезжаю ее с другой стороны. Она столь же целостна и реальна, как и окружающий нас новый мир. Одна из сторон плотно захлопнутой двери подставлена жгучему чуждому солнцу, а другая находится в тени. И сама дверь отбрасывает длинную, продолговатую тень в красной пыли.

— О Трон! — проскулил Карл.

— Мне бы хотелось знать, где... — произносит Ангарад, сжимая меч в ладонях. — И как именно... Короче, где мы?..

— Не нервничай.

— Я хочу знать, где мы! — рычит Ангарад, глядя на смотрителя.

— Успокойся!

Направляя в мечницу волну уверенности, я заставляю ее остановиться раньше, чем она схватит проводника за горло.

— Это то самое место? — спрашиваю я. — То место, где я получу свой ответ?

— Что ж, учитывая, что Молоха я нигде не вижу, то думаю — нет, — простонал Карл.

— Все не так просто, — говорю ему я. — Я прав, смотритель?

— Вы сделали только первый шаг, — все тем же бесполым голосом отвечает проводник. — Только первый шаг. Ваш вопрос оказался довольно сложным. Предполагаю, что дверь потребуется открыть еще несколько раз.

— Тогда почему мы еще здесь? —

требовательным тоном вопрошает Карл.

— Успокойся! — снова посылаю я, но в этот раз уже Карлу.

— Дом пожелал показать вам это место. Причины мне неизвестны, — отвечает смотритель. — Нам не объясняют подобных вещей. Это не наша функция.

— И что дальше? — спросил Бэллак.

Из всех моих спутников он легче всех справился с потрясением.

— Надо подождать, — отвечает наш закутанный с головы до ног гид.

— Я не хочу ждать, — тут же отзывается Ангарад. — Не хочу оставаться здесь. Что-то приближается.

— Ничего не чувствую, — отвечаю я после проверки.

— А я ничего не вижу, — добавляет Бэллак.

— Что-то приближается, — продолжает настаивать Ангарад, — что-то плохое. Эвисорекс чувствует его.

Длинная сабля дергается. Чтобы удержать оружие, кар-тайке приходится сжимать его обеими руками.

— За тем хребтом, — произносит течница.

Я окидываю взглядом горный хребет, на который она указала: длинная и невысокая черная базальтовая полоса, гнилыми зубами выступающая из дюн. Я ничего такого не ощущаю, но, кажется, позади каменных обнажений собирается облако пыли.

— Ради Трона! — бросает Карл. — Я хочу убраться отсюда подальше! Мы можем уйти? Пожалуйста!

— Успокойся и...

Вот теперь и я чувствую это. Чувствую то же, что и все они: погибель... Стелящееся, проползающее в самую глубь чувство близкой погибели и ужас, столь же невыносимый, как и всепроникающий красный свет, ужас, черный, как тени варпа.

— Не нравится мне все это, — произносит Бэллак.

— Смотритель?

— Надо дождаться, пока дверь будет готова, — отвечает проводник.

— К чертям дверь! К чертям эту

проклятую дверь! — кричит Карл, бросаясь к порталу. Он молотит кулаками по дереву и дергает ручку. — Во имя Трона, наставник! Он обегает дверь с противоположной стороны и пробует снова. — Пропустите нас! Дайте нам пройти!

— Прекрати, Карл. Прекрати сейчас же.

Но Карл Тониус не остановится. Он поддался панике и продолжает молотить, молотить и молотить...

В покое и тишине амфитеатра Кыс оглянулась на Нейла.

— Ты это слышал? — спросила она. Они оба посмотрели на дверь.

— Ничего такого. Просто Дом ищет новую опору.

— Нет, — сказала Пэйшенс. — Разве ты не слышал стук? Словно кто-то колотил в дверь с противоположной стороны?

— Нет, — не слишком уверенно ответил он.

Неожиданно дверная ручка стала дергаться то туда, то сюда.

— Дерьмо! — воскликнул Нейл, делая

шаг вперед. Кыс остановила его.

— Мы можем только ждать, — сказала она.

— Карл!

Когда команда Рейвенора оторвала его от двери, Тониус уже был покрыт от жары и страха.

— Простите, - произнес он, — простите.

— Смотритель? — позвал Рейвенор.

Проводник подождал еще несколько секунд, а потом подошел к порталу и вставил ключ в замок. Повернув его, он снова открыл дверь.

— Сюда,— произнес смотритель.

Они поспешили проскочить внутрь, позволив двери захлопнуться позади них. Рейвенор услышал, как она снова закрывается.

Пот, покрывающий их тела, сразу же стал липким. И даже сильнее, чем в первый раз, их ошеломило ощущение

того, что они неожиданно оказались абсолютно в другом месте. Причиной тому стали не только изменения в освещении и температуре воздуха, но и

едва заметный перепад в силе гравитации и давлении, смена запахов и самого духа места.

Бэллак достал свое оружие и принялся озираться. Они оказались в каменном монастыре, возведенном в стиле имперской готики. Здание было старым, источенным временем и стихиями. Где-то неподалеку о невидимый отсюда берег разбивались волны. Небо было темным, ночным. В его гладкой черноте высыпали звезды.

— Наставник? — прошептал Тонну с.

Рейвенор пытался заставить свой внутренний хронолог снова заработать. Скачущие показания прибора выдавали полную ерунду.

— Наставник!

Рейвенор снова обратил внимание на окружающий его мир и просканировал территорию.

— Мне знакомо это место, — сказал он.

— Дверь заперта, — объявила Ангарад.

Портал возвышался во мраке за их спинами и смотрелся так же нелепо, как и

посреди пустыни.

— Заперта с обеих сторон, — добавила течница, обойдя дверь и снова попытавшись ее открыть.

— Эти звезды,— произнес Рейвенор. Карл посмотрел на небо:

— Я... я их не узнаю.

— Но мы должны были узнать их, — сказал Рейвенор. — Сейчас проверю их по своим архивам.

— Постойте, постойте...

— Мы находимся в здании капитула Ордо Маллеус на Гудрун,— произнес Бэллак. Он повернулся к ним лицом.— Хотелось бы выдать что-нибудь пооригинальнее, сэр, но так и написано на этой стене.

Бэллак указал им на древнюю, поблекшую мемориальную доску.

— Но здесь же все в руинах, — сказал Тониус.

Они прошли по галерее к грозящим обвалиться остаткам главного строения, двор которого полностью зарос сорной травой. Эти места оставались

заброшенными уже многие годы. Вывалившиеся из стен камни покрывали заросли кустов и ползучих растений, покачивающихся на ночном ветру, налетающем с моря.

— Но я же улетел отсюда всего год назад! — прокричал Бэллак. — Все было цело, клянусь, все было цело и...

— Это произошло не год назад и даже не еще на год раньше, — произнес Рейвенор. — Я не знаю, в каком времени мы очутились. Думаю, дверь показывает нам какую-то важную линию судьбы. Полагаю, сейчас мы находимся в собственном будущем.

— Смотрите... — сказала Ангарад.

На другой стороне залива, о неровные берега которого в ночи билось море, виднелся одинокий, печальный силуэт великого города.

Мертвого уже долгие годы.

— Великий ТронТерры,— пробормотал Рейвенор.— Это Дорсай. — Он повернулся к смотрителю. — Открывайте портал,— приказал инквизитор.

— Дверь еще не готова.

— Мы должны уйти отсюда! Сейчас же!

Ключ смотрителя снова отворил перед ними дверь, тут же захлопнувшуюся за их спинами.

С противоположной стороны их встретил летний вечер. Вдаль, до леса, тянулись поля, с которых недавно собрали урожай. По медленно темнеющему небу бежали стада белых облаков, уже подкрашенных сумерками.

Примерно в ста метрах от них, посреди стерни, одиноко высился деревянный стул.

Птицы пели, порхая в сумерках у них над головами или прыгая с ветки на ветку в кустах. В глубине неба проступили первые звезды. Одинокая фигура двигалась к стоящему в поле стулу.

Рейвенор развернулся и посмотрел на своих спутников. Они стояли перед запертой дверью, невозможным образом выступающей из холма, распаханного под поле.

— Оставайтесь здесь! — приказал Рейвенор.

— Но... — произнес Бэллак.

Оставайтесь здесь и не предпринимайте ничего, пока я не подам знак.

Инквизитор поплыл над рядами сухой соломы, спускаясь со склона к деревянному стулу. Фигура уже приближалась к нему, с трудом поднимаясь наверх.

Рейвенор резко остановился в десяти метрах от стула, стоявшего посреди круга из соломы, оставшейся после сбора урожая. Круг имел пять метров в диаметре, и стул стоял точно в его центре. Рейвенору были знакомы сложный узор, сплетенный из соломы, и особая форма каймы.

Инквизитор парил в стороне от него, дожидаясь, пока идущая ему навстречу фигура не поднимется по склону.

Человек приблизился, шагнул в круг и, тяжело дыша, занял свое место. Старый стул стоял чуть под углом, опираясь на неровную почву.

— Ну, здравствуй,— наконец произнес мужчина, вытирая платком лоб.

Это был толстоватый, начинающий

стареть человек в зеленом шелковом костюме, застегнутом на плотный ряд пуговиц. Его густые темные волосы и борода были идеально ухожены.

— Я уж начал волноваться, доберетесь ли вы сюда. Вы ведь Гидеон Рейвенор, верно? Ну да, конечно же это вы. Наконец-то мы с вами встретились. — Он наклонился вперед. —Скажите, вам известно, кто я?

— Да,— сказал Рейвенор.

— Превосходно! — ответил Орфео Куллин. — Тогда давайте поговорим.

Глава двенадцатая

Мауд мерила док шагами. Палуба звенела и слегка раскачивалась. Лацик наблюдал за Плайтон с веселым интересом.

Она задумчиво поглядела на свой л инк, но уже в который раз решила, что не стоит мешать происходящему сейчас в верхнем зале Дома.

Убирая линк в карман плаща, она услышала неясный звук.

— Что это было? — требовательно спросила она, поворачиваясь к Лацику.

— Ты о чем? — усмехнулся он.

— Я слышала шум.

— Снова? Мауд, перестань! Ты слишком нервничаешь. У тебя уже начинается паранойя.

Плайтон приблизилась к нему и вскинула тяжелое армейское ружье.

— Я слышала шум, — прошипела она, — звонок линка.

— Тебе померещилось.

— Встань и отойди назад! —

приказала она.

Лацик поднялся и отошел на несколько шагов. Его плащ остался разостланным на палубе, и игральные кости были разбросаны по нему.

Не сводя глаз с Лацика и держа ружье правой рукой, Мауд наклонилась, сгребла плащ за воротник и отбросила его в сторону.

— Эй! — закричал Лацик.

Кубики покатились по палубе, в большинстве случаев проваливаясь сквозь решетку и падая в воду.

Опустившись на колени, Плайтон обшарила карманы плаща левой рукой, по-прежнему не сводя взгляда с геолога.

— Прибереги свои «эй» для кого-нибудь другого, — сказала она, когда ее левая рука извлекла из глубокого кармана старый, побитый линк. — Лживый выродок!

— Да ладно тебе, — произнес Лацик. — С каких это пор людям запрещается носить с собой линк?

— С кем ты говорил? Кому подавал сигнал?

Лацик ответил не сразу. Его узкие

губы сжались в тонкую, напряженную линию под острым носом.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, Мауд, — произнес он, опустив глаза.

— Кто это был, Лацик?

Он снова посмотрел на нее, и на его лице медленно расцвела широкая улыбка. Для того чтобы понять причину его веселья, Мауд не потребовалось оборачиваться. У нее внутри все похолодело, когда она почувствовала, как в ее затылок упирается дуло.

— Как я уже говорил, — произнес Лацик, — в этих местах человеку необходимы друзья.

Нейл достал из кармана полоску вяленого мяса и зубами оторвал от него кусок, после чего протянул еду Кыс. Но Пэйшенс только покачала головой.

— От ожидания мне всегда жрать хочется,— произнес он.

Из-за двери уже больше часа не доносилось ни звука.

Нейл и Кыс маялись от безделья, время от времени поднимаясь на верхнюю платформу и рассматривая дверь с более

близкого расстояния. Смотрители по-прежнему сохраняли неподвижность каменных изваяний.

— Так, значит, вы с Ангарад?.. — поинтересовалась Кыс.

— Это личное.

— И долго уже продолжается это личное?

— А это важно?

— Важно ли для Гидеона?

— Не хочу его обижать, — нахмурился Нейл, — но это его не касается.

— Думаю, ты прекрасно понимал, насколько это важно для него, иначе бы не стал скрывать.

— Заткнись, Кыс. Ты ничего не знаешь.

— Ты и сам понимаешь, что знаю... — Она неожиданно замолчала и перевела взгляд куда-то в сторону. — Нейл...

Охотник за головами потянулся за пистолетом, но было уже слишком поздно.

Тяжелые люки, расположенные вдоль стен амфитеатра, распахнулись настежь, и оттуда в проход выскочили люди:

дюжина матерых, крепко сложенных мужчин в грязной боевой броне и теплых, отороченных мехом накидках. Они вскидывали свои лазерные карабины и ружья с профессиональной уверенностью, вполне согласующейся с каменным выражением их лиц.

Нейл и Кыс замерли и медленно подняли руки. Вокруг не было ни укрытия, ни свободного места, чтобы оказывать сопротивление. Один из мужчин ткнул стволом карабина в лицо Нейлу, наклоняясь и забирая его пистолет.

— Кто вы? — спросил Нейл.

Ни один из новоприбывших не ответил. Двое из них согнали смотрителей в кучу. Обитатели Дома смиренно подчинились, не выказав возмущения ни звуком, ни жестом.

— Приглядывайте за бабой, — прокатился эхом голос.

Нейл и Кыс обернулись. В сопровождении еще двоих наемников к ним приближался огромный человек. Его кираса мерцала перламутром в свете ламп. Лицо этого человека казалось сплошным

нагромождением мертвенно-бледных шрамов. Полоска обесцвеченных волос на голове казалась еще одним застарелым рубцом. Закованной в латную перчатку рукой он сжимал пси-сканер.

— Она телекинетик, — произнес он, бросая взгляд на Кыс и махая ей сканером. — Я прикончу тебя, если увижу хоть малейший намек на использование психоники.

— Люциус, мать его, Уорна! — прорычал Гарлон.

Огромный охотник за головами окинул его взглядом.

— Давно не виделись, Нейл, — произнес он. — Похоже, у тебя и в самом деле наступили поганые деньки, если уж ты нанялся к подобному дерьму. Братишка, ты же работаешь на Трон. Проклятие, ты меня разочаровываешь. Это может повредить нашей репутации.

— Уж кто бы говорил, — ответил Нейл.

Кыс уставилась на Люциуса Уорну. Это безжалостное чудовище истязало Шолто Ануэрта. Последнее, что про него

было известно, — это то, что он работает на их врагов. И она не сомневалась, что продолжает работать, а это значило...

— И что здесь происходит? — спросил Нейл.

— Все уже произошло, — ответил Уорна. — Вы попытались разыграть небольшой гамбит, но мы его побили. Мы победили. Вы проиграли. Конец песенке.

Глава тринадцатая

— Значит, это была ловушка.

— Это? — Орфео Куллин обвел окружающий мир руками, показывая и на скошенное поле, и на темнеющее небо. — Нет, это не ловушка. Мы просто беседуем.

— Но Ведьмин Дом, дверь с тремя путями... это была ловушка, — произнес Рейвенор.

Ловушка то, ловушка это,— засмеялся Куллин, — ловушки, ловушки, ловушки! Знаете, Гидеон, похоже, излишняя подозрительность — это профессиональная деформация инквизиторов. Да, кстати, надеюсь, я могу называть вас Гидеоном?

— А можете и не называть. Я всюду ищу ловушки, поскольку Зигмунд Молох обладает удивительным даром расставлять их на каждом шагу и я уже имел сомнительное удовольствие попадаться в них.

Куллин задумался над его словами.

— Ну, — спокойным тоном произнес он, — если это ловушка, вам вряд ли станет

легче от понимания того, что вы в нее уже угодили. Думаю, вы со мной в этом согласитесь?

— Я никогда не недооценивал хитрости Молоха, — ответил Рейвенор. — Единственное, что меня пока удивляет, так это его способность возвращаться с того света.

Инквизитор осторожно просканировал окрестности. Куллин, сидящий в центре круга, был непроницаем. В лесу за его спиной читалось присутствие других людей — без сомнения, это было прикрытие на всякий случай, — но они находились слишком далеко, чтобы представлять непосредственную угрозу. Тониус, Бэллак и Ангарад оставались на вершине холма, возле двери.

— Где Молох? — спросил Рейвенор. — Он так боится встретиться со мной лично?

— «Где Молох?» — это серьезный вопрос. Важный вопрос, за ответом на который вы и прибыли на Утохр. Думаю, дверь очень постаралась дать вам ответ. Она привела вас сюда. Молох совсем рядом,

но я лучше умею вести подобные переговоры. Вот только не знаю, что вам про меня уже известно?

— Достаточно, чтобы не недооценивать и вас. Но вы совсем не похожи на Молоха. Вы принадлежите совсем другой породе зла. Фасилитатор. Наемник. Проститутка...

— Вот только давайте обойдемся без грязных намеков, — нахмурился Куллин. — Давайте проявим взаимную учтивость. Поговорим как джентльмены.

Над их головами в постепенно темнеющем небе распевали птицы. И их трели звучали так невинно.

— Вы подстроили все это только для того, чтобы поговорить? — спросил Рейвенор.

— Если честно — нет, — ответил Куллин, откидываясь на спинку стула. — Произошло нечто воистину удивительное. Все подстроилось само собой. О, конечно, мне пришлось озаботиться кое-какими необходимыми усовершенствованиями и изменениями в ситуации, чтобы все прошло гладко,.. Но в общем и целом

произошло только то, что должно было произойти. — Глаза Орфео искрились хитрецой. — Удивительно, не правда ли? Вот поэтому-то я и решил, что нам необходимо побеседовать.

— Хорошо, говорите.

— Тогда перейдем к делу. — Куллин кивнул и стряхнул соломинку, прилипшую к его куртке. — Постараюсь изложить все простыми словами. Вы гоняетесь за Зигмундом Молохом уже долгое время, и, как я понял, у вас на то есть веская причина. Будь я имперским инквизитором — типун мне на язык! — сам бы всей жизни не пожалел, чтобы прихлопнуть его. Вы нескончаемо кружитесь друг вокруг друга, обмениваясь тычками и оплеухами, рискуя и срывая чужие планы. Так продолжается уже многие годы. И будет продолжаться вечно, насколько я могу догадываться, если, конечно, кто-нибудь не вмешается и не поможет вам довести дело до конца.

— И этот кто-то — вы?

— Отчасти. Работая на Зигмунда, я обнаружил некоторые странные факты, Гидеон. Узнал то, что вряд ли понимает

кто-либо из вас.

— Например?

— Вы повязаны судьбой. Скованы единой общей судьбой.

— Это просто забавная и напыщенная метафора, описывающая мою непрерывную погоню за еретиком Зигмундом Молохом. Если это лучшее, что вы можете...

— Стоп, стоп! — произнес Куллин, поднимая руку.— Успокойтесь. Это не метафора. Мои слова стоит понимать буквально. С того самого момента, когда вы встретились в первый раз, произошло нечто такое, что сплавило вас воедино, вплетя в великий космический узор.

— Какой еще узор?

— Ах, именно об этом мне бы и хотелось поговорить с вами.

— Что за ерунда. Можете приступать к своей игре, если должны. Мои люди готовы ко всему. — Рейвенор отдал короткую команду, и его спутники, оставшиеся на холме, тут же вскинули оружие.

— Я не собираюсь сражаться с вами, — произнес Кул-лин. — Вот в чем суть.

Каждый раз, вступая в сражение, мы упускаем из виду то, что на самом деле важно. И имя ему — Слайт.

Рейвенор помедлил, прежде чем ответить:

— Даю вам две минуты, Куллин.

Орфео облизнул губы и улыбнулся:

— Вы проделали весь этот путь до Утохра потому, что, как вам показалось, это единственный способ узнать, где скрывается Зигмунд. Хороший план. Честно, просто замечательный план, хотя бы потому, что Молоха посетила таже идея. Отправляясь с Танкреда, Зигмунд решил, что единственный способ сбежать от вас — это посоветоваться с будущим и установить вашу роль в нем. Ему тоже понадобилась связность. Разве не забавно? То, что вы оба выбрали совершенно идентичный образ действий? — Орфео наклонился вперед и постучал указательным пальцем по виску. — И все это только потому, что вы думаете одинаково. Я ведь уже говорил, что вы повязаны одной судьбой.

Рейвенор не ответил.

— Мы прибыли на Утохр примерно за три недели до вас. Я предпринял необходимые шаги и добился права проконсультироваться с Ведьминым Домом. И что же мы узнали, когда дверь наконец отворилась? То, что вы тоже направляетесь к Ведьминому Дому, одержимые той же самой идеей. Должен вам сказать, я был озадачен. А вот Зигмунд пребывал в восхищении. Он просто не мог дождаться того момента, когда сможет расставить для вас последнюю, очень неприятную западню. Помнится, мы уже обсуждали с вами его страсть к ловушкам. Но мне удалось его отговорить. Все происходящее очаровывало меня, бросало вызов моему талану фасилитатора. Понимаете ли, я ведь мыслю совсем иными категориями, нежели Зигмунд. Мы с ним воспринимаем разные вероятности событий, а потому и великолепно дополняем друг друга. Зигмунду все это казалось игрой в регицид, где вы — только фигурки на доске, выполняющие одну стратагему за другой, и прочий подобный вздор. Но я был

напуган.

— Напуганы?

— Смыслами. Бывают совпадения, а бывают и совпадения. Многое, конечно, можно объяснить объединяющими вас общей историей и опытом. Ваши знания и таланты очень близки, и вы оба блуждаете в одних и тех же потемках. Вы оба решили наведаться в Ведьмин Дом? Хорошо, с этим я могу смириться. Совпадение. Но что привело вас обоих на Юстис Майорис? Что приводило вас на другие миры, на которых вы встречались с ним?

— Мы антагонисты, Куллин. Я охочусь на него. Тут нет никакой тайны.

— А что насчет Танкреда? Из всех мест в секторе вы выбрали в качестве зоны поисков именно Танкред. Мы не оставили ни единого следа, по которому вы могли бы за нами направиться. Что привело вас туда? Догадка?

И вновь Рейвенор не ответил.

— Значит, я прав, да? — улыбнулся Куллин, поглаживая бороду. — Догадка. Догадка здесь, чуточку интуиции там,

щепотка случайности и стечения обстоятельств. Разве это вас самого не пугает? Ну хоть капельку?

— И каким же будет ваше объяснение? Только не начинайте снова про общую судьбу.

Именно этим я в последнее время и занимался. В течение нескольких дней я изводил Зигмунда расспросами. Он и раньше рассказывал мне о ваших прежних встречах, но мне необходимо было услышать все снова, не упустить ни одной детали. Он оказался достаточно любезен и терпеливо рассказал мне все в таких подробностях, что я будто бы сам побывал там и увидел все собственными глазами. Отчетливо, как днем. Увидел, что связывает вас обоих,— Куллин поднялся и обошел стул кругом, не выходя при этом за пределы выложенного стеблями кольца. — Вас связывают силы варпа, Гидеон, связывают с тем, чтобы вы справились с великой задачей. Но ни один из вас не понимал, что вами просто пользуются. И оставь я вас полагаться только на собственные возможности, никогда бы и не

поняли этого. Хотя, может, и успели бы все осознать в самое последнее, краткое мгновение, когда смерть уже потребует вас к себе. Варп избрал вас в результате тщательных поисков, а затем приставил к работе. Сами того не понимая в своей кровавой возне, все эти годы вы служили фасилитаторами. Акушерками.

— Для Слайта, — проговорил Рейвенор.

— Ваша догадка сияет, как новая крона! — Куллин захлопал в ладоши. — Я знал, что вы не разочаруете меня, Гидеон. Да, именно для Слайта. Губительные Силы желают, чтобы Слайт был рожден. Не спрашивайте зачем, меня они на свои посиделки не приглашают... — Орфео усмехнулся собственным словам. — Но могу биться об заклад, что концовка будет ужасающе кровавой.

— Рождение Слайта предсказано, — встревоженно произнес Рейвенор. — Братия предрекла его. И вы сами были там, Куллин. Но время уже вышло. Пророчество не осуществилось.

— Неужели? Вы в этом уверены? —

Куллин посмотрел на Рейвенора так, будто ему что-то было известно. — А может, все уже случилось? Или... подумайте сами, Гидеон. Рождение демона в нашей реальности, вероятно, должно представлять собой длительный и тяжелый труд. Возможны осложнения. Давайте согласимся на мгновение, что если вы с Зигмундом в своей слепоте способствовали родам с первого своего знакомства, то схватки продолжаются уже сколько? Шестьдесят лет?

— Если вы правы, то шестьдесят шесть.

— Тяжелые роды, — задумчиво произнес Куллин, — да, очень тяжелые.

— Значит, вы предполагаете, Куллин, что наши судьбы связаны Губительными Силами? Объясните мне, как это возможно, чтобы Извечный Враг мог пользоваться мной столько времени, а я бы этого не понял? Я не чья-то там пешка.

— Прошу вас, пешка никогда не понимает, что она — пешка, — произнес Куллин. — Да вы посмотрите на себя. Предавший ордосы беглый отступник,

прибывший на Утохр за еретическим предсказанием. Вы явно нечисты.

— И как же варп связал нас? — повторил Рейвенор.

Куллин разочарованно всплеснул руками:

— Это произошло во время вашей первой встречи на Слифе. У меня нет времени, чтобы разжевывать вам все до мелочей, Гидеон. Вы умны и сами все можете понять. А сейчас нам необходимо обсудить с вами куда более важные вещи.

— Какие, например?

— Например, главный повод для этой встречи. — Куллин выдержал паузу. — Я предлагаю вам перемирие. Объединение сил ради достижения общей цели.

— Перемирие? Это мало вероятно, Куллин. Если честно, то мне кажется, что вы просто заманиваете меня в очередную хитроумную ловушку Молоха.

— Если бы мы хотели вас убить, — сказал Куллин, — вы были бы уже мертвы. Мы оставили вас в живых ввиду высокой вероятности того, что вы с Зигмундом нужны друг другу. Вам необходимо

объединиться, чтобы бросить вызов Губительным Силам и остановить Слайта.

Рейвенор слегка откатился назад.

— Скажите мне, Куллин, с чего бы это злодею вроде Молоха вдруг захотелось останавливать Слайта? Скорее уж я поверю в то, что он пальцы сотрет до костей, пытаясь помочь рождению демона.

Куллин снова опустился на стул.

— Гидеон, неужели вы и в самом деле ничего не понимаете? Вы просто не разбираетесь ни в том, во что мы на самом деле верим, ни в том, о чем мечтаем. Мы для вас просто зло — зло, которое вам приходится останавливать. Но вы не видите отличий между разными видами зла. Мы все для вас на одно лицо — я, Зигмунд, Слайт. Вы слишком ограниченны. — Он бросил на Рейвенора пристальный взгляд. — Вы же прошли через дверь, Гидеон. Уверен, она показала вам момент или два из будущего. Понравилось?

— Ваши слова неубедительны. Но нет, мне это не понравилось.

Знали бы вы, что увидели, пройдя через дверь, мы с Зигмундом. Галактика в огне. Эпоха апокалипсиса. Время демонов. Полыхающий остов, оставшийся от Империума, населенный вымирающими жалкими остатками человечества. Вы не желаете такой судьбы, я это знаю. Именно защите общества от подобного рока вы и посвятили свою жизнь. Но и мы также не желаем этого. Наши амбиции без умно отличаются от ваших, Гидеон, и даже находятся с ними в конфликте. Но мы с Зигмундом можем процветать, богатеть и достигать прочих целей только до тех пор, пока существует Империум. Империум — вот поле нашей игры, а человечество — наш инструмент. Мы вплетаем свои планы в сложный узор имперской жизни, чтобы приобрести с этого какую-либо выгоду. Я не хочу, чтобы вам вдруг стал нравиться наш образ жизни, но, поверьте, он абсолютно несовместим с Эпохой Демонов. Слайта необходимо остановить, поскольку альтернатива слишком ужасна для любого из нас.

— Перемирие, — произнес Рейвенор. — Мы с Молохом должны поработать вместе, чтобы разрушить наши оковы и уничтожить Слайта? Вы это предлагаете?

— Гидеон, если вы согласитесь, — кивнул Куллин, — я помогу вам выйти через дверь на Утохр. Затем распоряжусь отправить послание на Беринт с координатами этого места. Я говорю про тот мир, где мы сейчас с вами находимся. После чего вы соберете здесь всех своих людей и мы вместе продумаем план действий.

— А что, если я откажусь?

— Тогда вам никогда не узнать, где мы находимся, а нам придется справляться с проблемой своими силами. От этого может пострадать весь Империум. Если вы отказываетесь, возвращайтесь к двери, и распрощаемся на этом.

Последовавшая за словами Куллина тишина долгое время нарушалась только шепотом вечернего ветерка и щебетом птиц в живой изгороди.

— До свидания, — сказал Рейвенор.

Он развернул кресло и стал подниматься по холму.

— Я разочарован! — прокричал ему вслед Куллин. — Очень разочарован! Вы совершаете ошибку!

Рейвенор даже не стал обращать на него внимания и вскоре воссоединился со своими спутниками.

— Что происходит? — спросил Тониус.

— Кто был этот человек? — поинтересовалась Ангарад.

— Мы уходим, — произнес Рейвенор. — Смотритель, открывайте дверь.

Проводник вставил ключ в старый замок.

На мгновение они снова оглянулись на поле. В сумраке все еще можно было различить, что Орфео Куллин по-прежнему сидит на стуле посреди круга, глядя им вслед.

Он поднес правую руку к губам и послал им воздушный поцелуй.

— Не нравится мне все это, — сказал Тониус.

— Тебе, по-моему, вообще в последнее

время ничего не нравится! — отрубил Бэллак.

— Откройте дверь, — повторил Рейвенор.

Дверь заскрипела, отворяясь. За ней виднелись вечерние поля и темно-лиловое небо, на котором уже проступили яркие звезды.

Они шагнули через порог.

Глава четырнадцатая

Их встретили сырые, вонючие подземелья улья.

Здесь было мрачно и стояла невыносимая духота. Вода - и скорее всего не дождевая — капала на них откуда-то сверху, уносясь потом в бездонные глубины подземных стеков. Высоко в небе, не менее чем в тысяче метров, туда-сюда сновали крошечные точки — многочисленные машины проносились между башнями улья.

Из прилегающего переулка донеслись приближающийся топот ног и громкий хохот, отдававший безумием.

— Это неправильно, — произнес Тониус, — совсем неправильно. — Он посмотрел на проводника. — Почему мы не вышли в Ведьм ином Доме?

— Обратно часто пролегает не тот путь, что ведет к цели, — вежливо ответил смотритель. — Каким он будет, выбирает дверь.

— И сколько шагов потребуется на то, чтобы вернуться в Ведьмин Дом? — сухо

спросил Бэллак.

— Все решает дверь. Это не моя функция, — ответил смотритель.

— Открывайте дверь, — произнес Рейвенор.

Шаги и смех становились все ближе.

— Кто бы там ни приближался, — сказала Ангарад, — их мозги отравлены какой-то дрянью. Я чувствую ее запах.

— Ты можешь что-то унюхать за этой вонью? — спросил Тониус.

Ангарад проигнорировала его и посмотрела на Рейвенора:

— Они очень агрессивны. Будет кровопролитие.

— Откройте дверь, — повторил Рейвенор.

Смотритель попробовал вставить ключ, но тот отказался поворачиваться.

— Дверь еще не готова открыться снова.

— Откройте дверь.

— Придется подождать, пока она не будет готова, — сказал смотритель.

Тониус вздрогнул, когда в темноте стека прогрохотали выстрелы. С громким

визгом скользнула по камню пуля. Снова смех и крики. Вопли.

— Бандиты, — произнес Бэллак, вскидывая лазерный пистолет и тщательно выискивая цель в противоположном конце дорожки. — Подогрелись химией и теперь только и мечтают выяснить с кем-нибудь отношения. Что ж, у первой башки, высунувшейся из угла, появится лишняя ноздря.

Снова раздались выстрелы, прозвеневшие уже ближе, и новый взрыв визгливого смеха. Ангарад встала рядом с Бэл-лаком.

— Только не перестреляй их всех, — сказала она, — Эви-сорекс жаждет.

— Ты только представь, что, если бы не вы, я бы не смог здесь позабавиться! — с сарказмом в голосе произнес Бэллак.

— Поблагодарить можешь и позже, — ответила она.

— Ну же, — пробормотал Тониус, — что там с дверью?

Смотритель попытался снова, и в этот раз ключ повернулся.

Багровое марево, обжигающий ветер, красная пыль.

— Проклятие! — выругался Бэллак, вскидывая руку, чтобы защитить глаза от летящего песка.

— Только не снова, — произнес Тониус.

Черные выступы вулканической породы вырисовывались позади ровных красных дюн. Жар, источаемый звездой, похожей на огнестрельную рану, обжигал их кожу.

— Только не сюда, — продолжил дознаватель.

Хладнокровная и стелая в улье, здесь Ангарад неожиданно испугалась.

— Это плохое место, и мы должны сейчас же убираться отсюда, — объявила она. — Что-то приближается.

Она была права. Даже Рейвенор ощущал это в глубине своего сознания: стелющийся зуд и знакомое чувство надвигающейся гибели, захлестнувшее их в прошлый раз, когда они на короткое время оказались в красной пустыне.

Смотритель также явно оказался затронут происходящим. Не заставляя

других просить его или приказывать, он воткнул ключ в замок и попытался его повернуть. Безуспешно.

— Давай же, давай!.. — прорыдал Тониус.

Усиливающийся ветер подхватывал песок и швырялся им в людей. Смотритель сделал еще одну попытку.

— Давай же! — закричал Тониус.

Смотритель неистово загрохотал ключом в замке, а затем заколотил кулаками по двери.

— Она не откроется! — прокричал смотритель. В первый раз спутники инквизитора увидели, чтобы кто-либо из обитателей Дома проявлял эмоции. — Она не откроется! Мой ключ не работает!

— Нет! — закричал Тониус.

— Продолжайте попытки, - произнес Рейвенор.

— Смотрите, о кровь моего клана, смотрите! — воскликнула Ангарад.

За грядой черных камней что-то появилось. Поначалу это казалось волной какой-то темной жидкости, бурным потоком переливающейся через скалы и

устремляющейся по дюнам. Но это была не жидкость.

— Откройте дверь! — твердо произнес Рейвенор.

Она не откроется! — прокричал в ответ смотритель. Поток состоял из живых черно-белой окраски существ, стремительно несущихся единым фронтом. Щебет, стрекотание и лай исходили от них. Органическая броня вспыхивала на свету подобно полированной стали. Каждая тварь была размером с человека, туловище опиралось на две ноги и заканчивалось твердым, усеянными шипами и высоко задранным для поддержания равновесия хвостом. Существа, точно спринтеры, низко пригибали головы, вытягивая шеи вперед. Их лапы и животы были цвета грязного льда, а спины и вытянутые морды были черны, точно отполиро ванный оникс, и броня в этих местах казалась наиболее толстой. Зорко всматривались в пришельцев мертвые черные глаза — просто разрезы по бокам морды, чуть ниже мощных рогов. Пасти были полны длинных,

похожих на иглы зубов. Четыре передние лапы с серпообразными когтями были прижаты к телу.

От тварей исходил запах, пугавший куда сильнее, чем переливчатые вопли. Да, запах оказался хуже всего, поскольку никто из людей Реивенора не ощущал прежде ничего подобного. Сухой мускусный и едкий, напоминающий одновременно ароматы полироли, забродившего фруктового пюре и трав, используемых для бальзамирования трупов. Все это присутствовало в нем, и в то же время запах был совсем... чужим.

Он был чуждым в самом предельном значении этого слова.

— Пожалуйста, прошу вас, откройте дверь! — умоляюще провыл Тониус.

Монолитная, клацающая зубами волна неслась на людей, застывших возле одиноко возвышающейся средь пустыни двери. Масса черно-белых тел и хлещущих во все стороны хвостов. Существа были слишком стремительны, слишком проворны, слишком многочисленны. Поднятое сильными лапами, над ними поднималось мерцающее облако реголи-

товой пыли.

— Трон Святый! — выдавил из себя Бэллак.

Волна была уже рядом. Когтистые лапы взметнулись, готовясь ударить.

— Откройте дверь! — завопил Тониус.

— Поздно,— откликнулся Рейвенор.

Часть третья
Окольные пути

Глава первая

Она медленно замерзала. В приступе мелочной злости Лацик отобрал у нее теплый плащ. — Это тебе за то, что рассыпала мои игральные кости! — угрюмо пробурчал он, бросая его в воду.

Друг Лацика, со всей очевидностью, являлся охотником за головами, или же просто наемным убийцей. Здоровенный хам с холеным, жилистым телом, и лицом, одну сторону которого украшал шрам от сильного ожога. Одет он был в облегающий комбинезон, усиленный бронеплас-тинами, и стеганую куртку с меховой оторочкой, а вооружен лазерным гвардейским карабином с обрезанным стволом. Скорее всего, и сам этот человек когда-то служил в Гвардии.

Облапав Плайтон на предмет поиска оружия, он вытащил небольшой пистолет «Тронзвассе», который она прятала за поясом. Отвратительные руки мужчины обшарили каждый дюйм ее тела, и на лице наемника при этом блуждала улыбка.

— Свинья!.—произнесла Плайтон, когда

тот завершил свое дело.

Ни секунды не помедлив, он тыльной стороной ладони отвесил ей такую пощечину, что Мауд растянулась на палубе.

— Эй! Зачем? — воскликнул Лацик.

— Она тебе что, жена? — спросил человек с обожженным лицом.

И что-то в его взгляде заставило Лацика пожать плечами и отойти в сторону. Значит, все-таки не такие уж они «друзья». Плайтон отметила это для себя, несмотря на полыхающую огнем щеку и затянутые слезами глаза.

Горелый грубо поставил ее на ноги и заставил сесть на пустой бак из-под машинного масла.

— И не шевелись! — приказал он.

Трудно сказать, сколько прошло времени, но ей казалось, что миновало уже около часа. Лацик накинул плащ и принялся прохаживаться взад-вперед, перекинув через плечо армейский карабин Плайтон. Горелый ненадолго спустился в подводную лодку, откуда вернулся, чавкая сухпайком из корабельных запасов. Еще

несколько пакетиков торчало из его карманов.

— Итак, какие правила игры? — стараясь придать своему голосу непринужденность, произнес Лацик.

— Надо сидеть здесь и ждать, пока позовут, — ответил его приятель, не переставая жевать.

К этому времени Горелый уже уселся на катушку проволоки и распаковал еще несколько пакетов с сухпайком. Ел он торопливо и неряшливо, точно дикий зверь. Спустя некоторое время наемник прислонил свой карабин к катушке и извлек из кармана «Тронзвассе» Плайтон. Он играл с ним, то передергивая затвор, то вынимая и загоняя обратно обойму, то щелкая туда-сюда рычажком предохранителя. Чтобы оценить боевые качества оружия, он несколько раз вскинул руку, прицеливаясь по воображаемым мишеням.

— Хорошая штука, — заметил он, посмотрев на Плайтон.

Мауд старалась избегать его взгляда. К этому времени она уже протерзла до

костей. Она дрожала и сидела, обхватив себя руками.

Горелый доел очередной паек и бросил оставшуюся от него провощенную бумажку в воду. Плайтон могла видеть сквозь решетку, как та поплыла среди грязных льдинок мимо ее медленно тонущего плаща.

Наемник похлопал себя по карманам.

— Курить есть? — спросил он у Лацика. — Лучше плохо, но, в общем-то, что найдешь.

— Бросил, — встревоженно произнес Лацик.

— А у тебя? — посмотрел Горелый на Плайтон. Она покачала головой, а потом сказала:

— В плаще лежали.

Взгляд наемника переместился на Лацика.

— Больной ублюдок! — прорычал Горелый.

«Значит, в этих местах необходимо иметь как можно больше друзей? Похоже, Лацик, ты стремительно теряешь своего

единственного приятеля».

— Надо бы придумать что-то, чтобы скоротать время, — задумался человек с обгоревшим лицом, снова переводя взгляд на Плайтон. — Ты замерзла?

Она кивнула.

— Думаю, тогда стоит вначале тебя раздеть еще больше, а затем согреть.

— Эй! — произнес Лацик. — Не будь с ней жестоким!

Охотник за головами вскочил на ноги.

— Не быть жестоким? — ответил он, передразнивая возмущение Лацика. — Мать твою, только жестокостью мы и живем!

— И все равно...

— Мне говорили, что ты в курсе дела и что на тебя можно рассчитывать.

Можно, можно, — торопливо ответил Лацик. — Я ведь сделал все, о чем вы попросили? И заметь, сделал все как надо.

Охотник пожал плечами. Какое-то время он пытался языком дотянуться до кусочка пищи, застрявшего между зубов. Когда ему это удалось, наемник выплюнул его на палубу.

— В эти игры играют только большие мальчики, — сказал он Лацику. — И правила в них также задаются большими мальчиками. Лучше бы тебе соответствовать уровню.

— Я ему вполне соответствую.

— Так почему же ты тогда защищаешь эту шлюшку?

— Я... — проговорил Лацик. — Я не знал, что нам придется их всех убить.

— Возможно, что и не придется. Может быть, мы даже расстанемся лучшими друзьями. Там поглядим. Нам скоро позвонят и расскажут, какая каша сварилась на этой кухне.

— А если нет?

Не беспокойся, — произнес Горелый, снова усаживаясь и извлекая из кармана «Тронзвассе». — Если все пойдет не так, с ней позабавлюсь я. Если ты, конечно, понимаешь, о чем я.

Лацик нахмурился и опять принялся мерить проход шагами.

Наемник устроился поудобнее и уставился на воду, плещущую под ними.

Медленно проползли еще десять

минут. Плайтон настолько замерзла, что стала отключаться от холода. Гипотермия. Помоги ей Трон, если она потеряет сознание.

По зданию прошла дрожь. Закачались и загремели свисающие с причала толстые цепи. Дом снова менял опору. Куски грязного льда, собравшиеся вокруг цепей, пришли в движение и нырнули под воду.

— Мы здесь торчим уже слишком долго, — произнес Лацик.

— И проторчим столько, сколько потребуется.

— Думаю, надо позвонить, — сказал Лацик, доставая из кармана линк.

— Это твои проблемы, — пожал плечами наемник.

Геолог включил линк:

— Алло? Проверка связи. Говорит Лацик. Где вы там застряли?

— Лацик, мне на хрен не нужен твой голос в моем ухе! — прорычал Уорна в линк. — Мы ждем, не рыпается, и ты тоже не дергайся. Я сообщу тебе о результатах, как только они будут.

В амфитеатре Ведьминого Дома стояла поразительная тишина. Наемники Уорны разбрелись по залу, заняв свои места. Смотрители сидели на полу, сбившись в кучу, под присмотром двух человек. Мерцали лампы и свечи.

Кыс с Нейлом сидели рядом друг с другом, прижавшись спинами к стене. За ними также приглядывали двое, один из которых не сводил глаз с пси-сканера, вцепившись в него так, словно от того зависела вся его жизнь.

Впрочем, так оно и есть, подумал Нейл в приступе кратковременного, но сладостного оптимизма.

Уорна стоял на верхней платформе, разглядывая запертую дверь, из-за которой не доносилось ни звука. Гарлон с Пэйшенс услышали, что он говорил по воксу. При упоминании имени Лацика Нейл посмотрел на Кыс.

Она встретилась с ним взглядом. Лацик. Предатель.

Уорна прогрохотал сапогами по ступеням. Некоторое время он постоял, возвышаясь над ними, а потом присел на

корточки. Кыс почувствовала запах его дыхания. Вонь гнилого мяса. Результат плохого питания.

— Да, что-то слишком долго выходит, — почти дружески произнес он.

— Понятия не имею, слишком или не слишком, потому что не знаю, что там у вас происходит, - ответила Кыс.

— А я не с тобой и говорю, ведьма! — прорычал своим удивительно низким голосом Уорна. Он посмотрел на Нейла. — Что, черт возьми, с тобой случилось? — спросил Люциус.

— Жизнь случилась, — холодно ответил Нейл.

— Прежде у нас с тобой не раз случались отличные деньки,- нахмурился Уорна.- Ты, я, ребята. Снимали большой куш. А теперь ты только посмотри на себя: живешь на подачки Трона. Вот я и думаю, что же могло довести мужика до такого?

— Я получил хорошее предложение.

— От ордосов? — рассмеялся Уорна. — От этого калеки Рейвенора?

— Не сразу. Вначале я работал на его наставника, Эйзенхорна, — ответил Нейл.

— О да. Я слыхал о нем. Эйзенхорн. Стертый калач. Но, кажется, он уже умер? Во всяком случае до меня доходили такие слухи.

— Думаю, что так и есть.

— А теперь, значит, ты решил связаться с этим увечным мешком дерьма?

— Тебе этого не понять.

— Не понять? — Люциус Уорна пожал плечами.— Вполне возможно. Но ведь это не вопрос хреновой верности? Заклинаю тебя всеми силами, какие только есть, только не говори мне, что Гарлон Нейл где-то разжился совестью.

Нейл через силу рассмеялся и покачал головой.

— Давай пройдемся, — произнес Уорна, поднимаясь и жестом приглашая Гарлона проследовать за собой.

Нейл поднялся и вместе с Люциусом медленно пошел по кругу вдоль ограждения палубы.

— Курить будешь? — спросил Уорна.

— Не помешало бы.

Уорна щелкнул пальцами, и один из его людей протянул пачку с лхопапиросами. Когда они взяли по одной, человек покорно протянул им огонь.

Кыс не спускала с них глаз. Гарлон Нейл, которого она знала, никогда не курил. Люциус Уорна сделал глубокую затяжку и выдохнул дым. Нейл же вертел папиросу в руках скорее из вежливости.

— Извини, хотелось поговорить с тобой подальше от этой ведьмы, — доверительным тоном произнес Уорна. — Не нравится она мне.

— Как скажешь.

— Как скажу? Неужели кто-то объявил неделю вежливости по отношению к Люциусу?

— В твоих руках оружие, превосходство в людях... проклятие, ты в твоих руках, Лю. Так, мать твою, что мне еще остается, кроме как быть вежливым?

— На твоем месте я вел бы себя так же, — засмеялся Уорна. — Но ведь ты всегда знал, как отыграть свою роль, верно, Нейл?

— Бывали и у меня удачные времена.

— Адские силы, да. Ты хорошо знал дело. Мы все его отлично знали. Слушай, ты имена еще помнишь?

— Возможно. Смотря, что за имена.

— Синто... Шинко... Шимко... что-то вроде, мать его, того!

— Алек Шинато?

— Точно, тот самый хмырь! — воскликнул Уорна.— Трон, вот это был денек! Сарум, если не ошибаюсь. Тебе удалось взять след, и мы все заявились к нему. Помнишь, сколько больных на всю голову стрелков он для нас приготовил?

— Многовато, — признал Нейл.

— Многовато — это факт. Нас посыпали лазерными импульсами, точно конфетти. Брейсера уложили почти моментально.

— Брейсер был просто дубиной, — произнес Гарлон. — Он напрашивался на пулю с того самого дня, как получил лицензию.

— Да, что верно, то верно.

Они прошлись еще немного.

— Я в тот день оказался не в лучшей

форме, Нейл, — произнес Уорна. — Меня прижали. Схватил одно попадание в ногу. То место до сих пор иногда побаливает. Но ты тогда просто прошел насквозь. Не сочти за комплимент, но более меткой стрельбы я еще не видел. Вначале два барана с пушками, а потом и сам Синто. Конец песенке!

— Шинато.

— Он уже покойник, — усмехнулся Уорна. — Какая теперь разница?

— Теперь в угол зажали меня, Лю.

— Да, точно.

— Жизнь никогда не казалась мне справедливой штукой, — произнес Нейл, стряхивая пепел. — Мы ведь работаем только за деньги. Нас никогда не заботят ни связи, ни вопросы верности. В тот день я спас твою шкуру, но теперь все это не имеет значения.

— Может, так, а может, и нет, — ответил Уорна. — Вот об этом-то мне и хотелось переговорить с тобой с глазу на глаз. Мне неприятно смотреть, как ты гнешь шею перед этими дворнягами. Скажи только слово, я подыщу для тебя

местечко.

— Местечко?

Уорна обвел зал широким жестом:

— Я получил новую команду вместе с хорошим ис точником доходов, ну и всякими льготами. Эти ублюдки лучшие из лучших, но мне не помешает и еще один меткий стрелок. Скажи только слово — и будешь работать на меня.

— Шутишь? Я ведь пробыл на службе Инквизиции уже не одно десятилетие.

— Да знаю я все. Но, как ты и говорил, ты работаешь только за деньги. Никаких долгов, обязанностей и привязанностей. Ты работаешь за деньги, а я предлагаю хорошие деньги. С каких это пор тебя стало волновать, кто оплачивает твои счета?

— Неужели ты делаешь это из-за того, что задолжал мне? — спросил Нейл.

— Именно потому, что задолжал. Я обязан тебе жизнью. Поэтому и предлагаю вариант, как сохранить твою. Присоединяйся к моей команде. А с Куллином я все улажу. Кажется, про то, что платят нам хорошо, я уже упоминал?

Мне как-то неприятна мысль о том, чтобы тебе пустили пулю в затылок вместе со всеми остальными, к чему, похоже, все идет. Давай же присоединяйся к победителям, пока еще не поздно.

Нейл затянулся.

— Хорошее предложение. Заманчивое. Но с какого перепоя ты решил, что можешь мне доверять? Ты что, забыл, сколько я лет на ордосы отработал?

— Верно, — пробормотал Уорна. — Вначале тебе придется показать себя и мне, и остальной команде.

— Как?

Люциус Уорна оглянулся в ту сторону, где под охраной сидела Кыс, а затем достал из набедренных ножен жутковатый боевой кинжал.

— Ты ведь не откажешься прирезать для меня эту психованную ведьму?

Нейл моргнул, а затем улыбнулся и принял из его рук кинжал.

— Пусть она издохнет не сразу, — посоветовал Люциус Уорна.

Глава вторая

Смерть неслась на нас по красной раскаленной пустыне под кровавым глазом солнца. Сначала мы услышали трели, затем почуяли отвратительный запах, а после нас накрыл ужас.

Карл кричит. Смотритель тоже кричит. И оба ломятся в закрытую дверь.

Я уже понимаю, что дверь запечатана и не откроется, потому как мне известно, что мы угодили в ловушку. Последнюю, лучшую и самую ужасную из ловушек Зигмунда Молоха.

Первые твари уже прыгнули на меня, скрежещут когтями по корпусу моего кресла. Под весом их тел оно вжимается в пыль и грозит перевернуться. В воздухе повис кислый запах адреналина, направляющего агрессию тварей.

Что за звуки издают эти создания? Эти твари неведомы мне и неизвестны имперской науке. Но какое это теперь имеет значение? Они — это смерть. Моя смерть.

Бэллак, дико закричав, открывает огонь. Волна, грозящая его захлестнуть, откатывает назад, раскалывается. Мерзкий багряный ихор хлещет из разорванных зарядами тел, впитывается сухим песком. Как долго дознаватель сможет их сдерживать?

Ангарад. Неудивительно, что Гарлон настолько очарован ею. Похожая на фурию, она не отступает ни на шаг, вращая мечом. Во все стороны разлетаются отрубленные крючковатые конечности, еще дергающиеся. Рассеченные морды. Обрубленные рога, расколотые панцири. Брызги ихора. Выпады Эвисорекс. Эул Вайла Скрай. Гений остроты. Подозреваю, что ни одной из картаиских воительниц за всю историю их кланов не приходилось сходиться с подобным противником один на один. Она великолепна. Мечница кружит и вертится вокруг оси, бьет и рубит, заставляя изувеченных тварей отступать.

По моим оценкам, она продержится еще порядка полутора минут.

Карл отворачивается от двери и

яростно опустошает свой автоматический пистолет. Промахнуться сложно, учитывая то, что стена смерти обступила нас со всех сторон. Пули прямо на лету останавливают прыгающих зверей. Твари валятся на землю, корчась в агонии.

Силы, мягко говоря, не равны. Мы все равно погибнем. Кривые когти звенят и скрежещут, обрушиваясь на корпус моего кресла. Мы погибнем. Но насколько быстро — зависит от меня.

Ударом сознания я заставляю тварей отступить. И некоторые отлетают далеко назад, падая в массу сородичей. Выправив положение своего кресла, я наношу еще один телекинетический удар, и передний ряд существ взрывается фонтанами красновато-черной жижи и осколков хитина.

Я имперский инквизитор и без боя не сдамся.

Выдвигаю оружейные модули из опор кресла. Спаренные пси-орудия. Открываю огонь и перемалываю несущихся на меня черно-белых тварей. Бэллак выхватывает

запасное оружие и продолжает расстреливать приближающийся рой. У него нет времени на то, чтобы перезарядить лазган.

Эвисорекс рубит и крошит. Рассекает, режет пополам. Нижние половины тварей порой еще какое-то время продолжают бег, бешено размахивая хвостами и разбрызгивая вонючий ихор. Я стреляю, пока не заканчиваются боеприпасы. Выходцы из кошмаров взрываются, сминаются, лопаются, разливая потоки вязкой массы.

— Откройте дверь! Откройте! — кричит Карл.

Смотритель в шоке опускается на землю, и ключ выпадает из ослабших рук.

До меня доносится шепот нашего проводника. Что он там говорит?

Великий Пожиратель. Великий Пожиратель...

Твари обезумели от ярости. Их количество просто неисчислимо. Кажется, чем больше существ я сминаю и рву на куски, тем теснее, непроглядней стена из хитиновых тел. Их голоса, выводящие

странные трели, словно смеются над нами.

— Боеприпасы кончились! — проорал Вэллак.

Ангарад прыгнула вперед, чтобы защитить его, разрубая сразу двоих монстров, а третьего отталкивая в сторону пинком. Гады обступают их. Вэллак держится за спиной мечницы, пытаясь перезарядить оружие.

Он действует слишком медленно. Секущий удар когтем приходится по лбу Ангарад, сбивая ее с ног. Скользящее попадание, не смертельное.

Но ее все равно уже можно считать погибшей.

Если...

Не переставая стрелять, я протягиваюсь сознанием и «надеваю» Ангарад, подхватывая ее раньше, чем она упадет на землю. Эвисорекс — урчащий монстр — теперь в моих руках. Он сам знает, что должен делать. Я только позволяю ему устремляться к врагам, вспоминая старые уроки фехтования — их когда-то давно преподала мне Арианрод,

любимая и утраченная, — и позволяя навыкам Ангарад просачиваться из ее ослабевшего сознания, с тем чтобы подсказывать мне движения. Я рублю на куски чудовище за чудовищем.

Бэллак перезарядился. Он поднимается на ноги, обрушивая огонь на бесчисленную волну. Ему удается уничтожить весь следующий ряд за исключением одной твари. Один из крючковатых когтей раздирает ему бедро. Познаватель падает, отключаясь от болевого шока.

Я «надеваю» и его, заставляя вернуться в сражение и продолжать стрельбу. Над пустыней снова прокатывается рев его ружья.

— Карл! Ты мне нужен!

Тониус тоже вгоняет свежую обойму. Он решительно поворачивается к стене рвущихся к нам черных, покрытых хитином морд, расстреливая их из пистолета и наслаждаясь тем, как каждое нажатие на спусковой крючок заставляет их черепа лопаться.

У него осталось всего несколько пуль.

— Карл!

Прямо на моих глазах Тониуса валят на землю. Я вижу, как его худощавое тело, пытающееся отмахиваться руками, поглощает лавина тварей. Я пытаюсь протянуться к нему, но «надеть» его уже не могу. Меня слишком вымотывает одновременное управление Бэллаком, Ангарад и собственным креслом, которое все еще упорно продолжает растрачивать свои заряды по бесчисленным легионам чудовищ.

Они прыгают на меня, щелкая когтями и клыками. Несмотря на дыры, которые я пробиваю в них, они заставляют меня отступать. Поющие твари взрываются и отлетают назад, но следом за ними всегда мчатся другие.

Вес их тел пригибает меня к земле. Они опрокидывают меня. Это конец. Их отвратительные крючковатые когти скрипят, раздирая мое кресло. Когда в моей броне появляются первые пробоины, внутренние системы включают тревогу. Слишком много, слишком.

Это конец.

Гидеон, мне так жаль. Я...

Мир, и без того красный, наливается кровью — кровью, заливающей мои глаза. Я чувствую, как когти погружаются в мое тело. В последний раз я попытаюсь...

Краснота... краснота... краснота... всплеск ярости...

Люциус Уорна резко повернулся к двери.

— Что это было, черт возьми? — пробормотал он.

Дверь затряслась в своем каркасе, загрохотала. Сквозь зазоры между дверью и рамой, озаряя Ведьмин Дом, сочился красный свет умирающего светила.

— Кто-то пытается вернуться, — произнес Нейл.

Когда Уорна оглянулся на него, Гарлон воткнул дымящийся окурок в его левый глаз. Люциус взвыл и шарахнулся назад, прижав руки к лицу. Нейл уже собирался воспользоваться кинжалом, который дал ему Уорна, но неожиданно оказалось, что на завершение работы времени уже не осталось. Совсем не осталось.

Дверь, стоящая на верхней

платформе, прогнулась в своей раме и неожиданно с треском распахнулась, закачавшись на петлях. Из дверного проема плеснуло потоками пламени и бурлящей красной энергии.

За дверью что-то взорвалось грязновато-багровым огненным облаком с такой силой, что заставило содрогнуться и платформу, и весь зал. Люди попадали на пол. Свечи и лампы, стоявшие на краю платформы, полетели вниз, разбиваясь о палубу. Масло, вылившееся из ламп, заполыхало. Огненное облако, вырвавшееся из дверного проема, взмыло под самый свод зала. Перегревшиеся электрические системы рассыпали снопы искр.

Из двери вырвался новый поток пламени, столь же яростный, как и первый. Зал опять затрясся. Огненные потоки встретились и смешались, заполыхав под сводом амфитеатра. Что-то — вероятно, фотолюминесцентная лампа — взорвалось с громким хлопком, разбрасывая осколки по всему помещению.

Ведьмин Дом покачнулся, будто его ранили, заходил ходуном. Те, кто сумел

подняться, снова были сбиты с ног. Зал заливали янтарный свет потрескивающего пламени и жутковатый, красный отсвет, проникающий через открытую дверь.

Гарлон пытался подняться, когда Уорна навис над ним. Гигант схватил Нейла за горло, поднял одной рукой и отбросил, точно куклу. Нейл ударился об ограждение, перевалился через него и рухнул на охваченную пожаром нижнюю палубу. Уорна развернулся к широко распахнутой двери, озаренной светом нездешнего солнца.

Из проема вновь выплеснулось пламя, в этот раз чуть меньше, за ним — клубы сверкающей инопланетной пыли. Затем все стихло.

— Всем на ноги, мать вашу! — заорал Уорна на своих людей.

Он активировал цепной меч и направился к лестнице, ведущей на верхнюю платформу. Его ошеломленные, сбитые с толку люди, кроме тех двоих, что следили за Кыс, поспешили последовать за ним. Закутанные с ног до головы смотрители Дома по-прежнему

жались друг к другу.

В багряном зареве за дверью мелькали какие-то неясные, но очень шустрые силуэты. Неожиданно два таких силуэта ввалились в зал, на мгновение задержавшись в дверном проеме и оцарапав раму птичьими когтями. А затем они спрыгнули на платформу, представ во всей красе. С высоко задранными хвостами звери медленно двинулись вперед, постукивая когтями по металлу.

Осторожно оглядывая новое место, твари непрестанно чирикали и клацали, тонкие языки метались между зубами. Существа источали резкий, отвратительный запах. Прижавшись к стене, Кыс разглядывала тварей с отвращением и невольным страхом. Некоторые из наемников, собравшихся вокруг Уорны, вдруг попятились. И сам их командир застыл на полушаге.

— Дорен, Киксо! — прошипел Уорна. — Идите сюда и расстреляйте этих сукиных уродов!

Выбранные им бойцы не слишком охотно поднялись по ступеням на верхнюю

платформу и подняли карабины. Существа остановились и, казалось, с любопытством уставились на медленно приближающихся людей.

— Сейчас я сниму одного, — осторожно прошептал первый, прижимая карабин к плечу и прицеливаясь. — Будь готов убрать вто...

Ближайшая тварь развернулась, оценила его, слегка наклонив голову, и взметнулась в воздух, практически не напрягая мышцы ног. Наемник под тяжестью монстра повалился на пол, а его карабин без толку выстрелил в потолок. Прижатый к полу человек закричал. Тварь вскинула четыре крючковатые конечности и, точно ножами, принялась потрошить свою жертву, словно разделывала запеченную птицу на обеденном столе.

Уже через секунду охотник был мертв. Его товарищ, отчаянно закричав, открыл огонь, скидывая хищника с окровавленного трупа. Туша зверя взорвалась брызгами багрового липкого ихора и рухнула с платформы. Второе чудище залаяло подобно дикой собаке и

прыгнуло на стрелка.

Все находившиеся в зале головорезы инстинктивно вскинули оружие и начали палить по твари со всех сторон и всех стволов. Сотни разнокалиберных зарядов изрешетили зверя в прыжке. Впрочем, как и намеченную им жертву.

— Прекратить огонь! — завопил Уорна. — Отставить, тупые выродки! Вы только зазря угробили Киксо!

Но перепуганные бойцы больше не слушались его. Некоторые наемники уже пятились к выходу. Остальные наводили оружие на открытую дверь.

В красном зареве возникали все новые рогатые черные морды. Твари скрежетали зубами и брызгали слюной, врываясь в зал через дверь. Вначале дюжина, а за ней и другая. И можно было спорить на что угодно — за дверью их очень, очень много...

Началось светопреставление.

Люди Уорны палили без разбора. К красным отблескам пожара примешались ярко-белые лучи лазерных импульсов. Блестящие панцири тварей раскалывались, отлетали клешни и рога,

но нападающих было слишком много. Чирикающие хищники, пугающе проворные, добрались до первых рядов охотников, разорвав их на куски. Выстрелы сменились криками. Те из людей Уорны, кто еще мог, бросились бежать.

— Держать позицию, мать вашу! — проревел Уорна с верхних ступеней лестницы.

Он успел обернуться как раз вовремя, чтобы увидеть метнувшийся к нему черно-белый кошмар. Люциус Уорна даже не вздрогнул. Он встретил тварь взмахом цепного меча, рассекая ее пополам. Но предотвратить столкновение с монстром ему не удалось. Все еще продолжая размахивать лапами, туша зверя рухнула на охотника, сбивая его с ног.

Люди, охранявшие Кыс, сбежали. Она вскочила, борясь с желанием последовать за ними. Но ей еще надо было найти Нейла. Надо было удостовериться, что Рейвенор не вернется, хотя, видя, сколько тварей толпится за дверью, Пэйшенс могла быть в этом уверена.

Она бросилась к стонущим,

жмущимся друг к другу стоителям. За ее спиной стреляли и гибли люди Уорны.

— Бегите! — закричала она стоителям. — Убирайтесь отсюда!

Но ни один из них не отреагировал на ее слова. Они тряслись и что-то бормотали себе под нос.

— Болваны! — прокричала Кыс.

Что-то ударило Пэйшенс, швырнув ее об стену. Один из громил Уорны отпихнул ее в сторону, пытаясь удрать.

Черно-белая тварь приземлилась ему на спину. Мужчина рухнул ничком. Существо мгновенно отсекло ему голову и руки.

Кыс почувствовала запах крови, хлещущей из мертвого тела, протекающей сквозь решетку и расплескивающейся по полу. Пэйшенс медленно распрямилась, высвобождая свои каины. Длинные металлические клинки, служившие заодно корсетными косточками, повисли по обеим сторонам от головы хозяйки, поддерживаемые и направляемые телекинетическими силами.

Чудище спокойно опустило морду и оторвало небольшой кусок от жертвы. Кыс пробежалась взглядом по глянцево-черной поверхности панциря, испещренного старыми шрамами, по восковой белизне брюха, где шевелились гнезда червей, паразитирующих на звере. Она обоняла металлический запах адреналина, исходящий от твари, и почему-то чувствовала ее псионическое присутствие на границе своего сознания. Хищник медленно поднял голову, повернув к Кыс рогатую морду. На Кыс уставились пугающие, безжизненные смотровые щели, расположенные над ухмыляющейся пастью. Яркие струйки человеческой крови стекали по блестящему, цвета выветренной кости подбородку, капая на дорожку.

Существо чирикнуло, распахнув пасть и дергая языком. Оно умудрялось одновременно жевать, прислушиваться и принюхиваться. Кожистые мешочки на его горле ритмично раздувались, пульсировали.

Мощные лапы напряглись, и тварь

прыгнула.

Кыс резко метнулась в сторону. Ее каины встретили существо в воздухе, ударив с силой винтовочных пуль. Пэй-шенс целилась в шейные мешки — самую мягкую, наименее защищенную часть тела. Проколотые кинжалами мешки лопнули, разбрызгивая желтую жидкость. Спустя секунду раскололись хитиновые пластины, когда клинки вышли из спины твари, окутанные дымкой.

Сила удара оборвала прыжок монстра и отбросила его назад. Теперь существо корчилось на дорожке, скалясь на Кыс, дергая хвостом и колотя когтистыми лапами. Через некоторое время, когда кислота, вылившаяся из шейных мешков зверя, разъела металл, вся секция, на которой лежала тварь, рухнула, разбившись о пол амфитеатра внизу.

Кыс вскочила на ноги, призывая обратно свои каины. Но от них практически ничего не осталось, кроме неровных, изъеденных кислотой кусков металла.

Пэйшенс отпустила их и

почувствовала, как встают дыбом волосы на затылке. Очень, очень медленно она обернулась. Низко пригнув голову и тихо поскуливая, к ней приближалась еще одна тварь.

Глава третья

Дом раскачивался и содрогался. Откуда-то сверху донесся грохот. Плайтон свалилась со своего насеста, больно ударившись о пол и покатившись. Она едва не упала в воду.

— Это еще что за чертовщина? — воскликнул Лацик, выхватывая линк.

Человек с обожженным лицом, тоже не удержавшийся на ногах, теперь поднимался и был явно не в духе.

— Дай сюда! — прорычал он.

Подтягиваясь на трясущихся руках, Плайтон стала выбираться на мостки. Под ней, в парковочном бассейне, неистово плескалась вода. Подводная лодка натягивала цепи, взбивая в пену ледяное крошево. Цепи скрипели и грозили порваться. Дом снова зашатался, круто накренился, и лодка вздыбилась еще сильнее. Незакрепленные цепи хлестали плетьми по воде. Льдинки с треском раскалывались об опорные колонны доков.

— Уорна? Уорна! — прокричал Горелый

в линк. Ответа не было.

— Уорна?

Плайтон атаковала их сзади. Лацик упал и ударился головой о топливную цистерну. Его приятель попытался обернуться, и Мауд несколько раз ударила его кулаком по голове, но не устояла на мокром полу и упала.

Карабин наемника ударился о палубу и заскользил к бассейну. Горелый перекатился, поджал ноги к груди и со всей силы ударил ими Мауд в живот.

Корчась и задыхаясь, Плайтон отлетела к краю бассейна. В падении ей удалось ухватиться за одну из свободных цепей.

Но ее полет на этом не закончился. Цепь пришла в движение и закачалась маятником. Плайтон, вися на ней, промчалась над бурлящей ледяной бездной, кипевшей десятью метрами ниже.

Мауд подтянулась на цепи, когда та понесла ее обратно. Она попыталась ударить Горелого ногами, но тот откатился в сторону и пытался дотянуться до упавшего карабина.

Плайтон вновь качнулась обратно и опять промахнулась, чуть не сорвавшись прямо в бурлящую воду. В руки Мауд, сцепленные замком на звеньях цепи, проникало болезненное онемение.

В очередной раз пронеслась она мимо своего противника. Горелый поднялся, но был вынужден отпрыгнуть в сторону, чтобы увернуться от ее удара. Откатившись в сторону, он вскочил, сжимая «Тронзвассе» Мауд.

Наемник усмехался, целясь в несущуюся на него женщину. Курок сухо щелкнул. Горелый забыл перезарядить пистолет после того, как в последний раз разбирал его.

Мауд пролетела мимо, скорость маятника постепенно снижалась. И тут Дом снова качнулся, сильно накреняясь. Рывок оказался таким сильным, что цепь Мауд на мгновение утратила натяжение.

Горелый снова покатился по полу, метнувшись за ускользающим карабином. В этот момент Плайтон настигла наемника, с силой врезавшись в него. Она обхватила своего противника ногами и

увлекла за собой.

Она отпустила его, когда мужчина врезался головой в топливную цистерну. Со сломанной шеей он грузно рухнул на причал.

Плайтон отпустила цепь и спрыгнула на причал.

Слегка оглушенная, она поднялась и огляделась по сторонам. Труп охотника за головами лежал ничком на решетчатой поверхности причала. Лацик исчез. Прохромав несколько шагов, Мауд подобрала лазган Горелого.

Дом снова закачался, резко заваливаясь на один бок. Плайтон не смогла удержать равновесие и заскользила по накренившемуся причалу. С грохотом пушечного залпа лопнула одна из цепей, удерживавших лодку, дергающуюся во вспененном водоеме.

— Лацик? — прокричала Мауд.

Лацик выбежал из служебного туннеля в круглый зал. Лифт по-прежнему оставался наверху. Геолог прижимал к груди ружье Плайтон. Из шахты подъемника доносились пугающие звуки.

Стрельба вперемежку с воплями.

Мужчина зашагал к винтовой лестнице, сражаясь с приступами тошноты, провоцируемыми пляшущей палубой.

Поднявшись по ступеням, он потянулся к люку в потолке, открыл его и заглянул в темноту шахты, открывшейся перед ним.

Кыс встретила тварь телекинетическим ударом и отшвырнула ее от себя.

Это оказалось непросто. Зверь был сильным, полным жизни и энергии, а его хитиновая броня — прочной как сталь. Существо неуклюже распласталось на полу, замолотив лапами в поисках опоры. А затем оно, нисколько не смущенное происшедшим, вскочило на ноги и снова бросилось к Пэйшенс. Та развернулась и перепрыгнула через провал на том месте, где кислота обрушила одну из секций дорожки. Кыс приземлилась возле мертвого охотника за головами и протянула руку к его карабину, послушно прыгнувшему в ее ладонь. Повернувшись к

твари, она разнесла ее на куски.

Весь зал был охвачен пожаром. Израненный, умирающий Дом дрожал и пытался восстановить равновесие. Хищные твари, высоко задирая хвосты, скакали в дыму и пламени, истребляя последних солдат Уорны.

— Гарлон? — прокричала Кыс. — Гарлон?

— Его здесь нет, — произнес Люциус Уорна, возникший у нее за спиной и целивший ей в сердце из болтер-ного пистолета. Лицо гиганта местами было изъедено кислотой до кости, а броню покрывали свежие глубокие борозды. — Его нет, ведьма. Бросай оружие.

Она повиновалась. Не сводя с нее глаз, охотник за головами достал линк. Кыс увидела двоих хищников, раскачивавшихся на перилах верхней платформы и готовившихся прыгнуть на него.

— Сайскинд! — прокричал Уорна в линк. — Телепортируй меня! Срочно!

Люциус улыбнулся Кыс, выстрелил из пистолета и скрылся в засосавшем его розовом вихре. Раздался декомпрессион-ный

хлопок, и телепорт унес Уорну, его оружие и его улыбку.

Остался только болт, устремившийся к Пэйшенс.

Ей удалось остановить его. На это ушла вся мощь ее телекинеза. Крупнокалиберный заряд замер в метре от Кыс. Она изо всех сил сражалась с его инерцией. Болт начал деформироваться и плавиться, все еще пытаясь пробить выставленную ею ментальную стену. Несмотря на все старания Пэйшенс, заряд прошел еще полметра, проникая сквозь телекинетические защиты.

Она отчетливо видела медленно вращающийся в воздухе и роняющий капли кусок металла.

Судорожно вздохнув, Кыс бросилась на пол. Освободившийся болт проревел над ее головой и с громким треском ударился в стену.

Пэйшенс поднялась, задыхаясь от дыма. Две твари, громоздившиеся раньше на перилах, уже спрыгнули на окружную дорожку и теперь приближались к Кыс.

Существа чирикали о чем-то между

собой, а у нее уже не оставалось сил, чтобы остановить хищников.

Но неожиданно они разлетелись брызгами ихора.

Ощетинившись орудиями, из двери вылетело кресло Рейвенора. Оно было измято и пробито в нескольких местах. Из глубоких трещин сочилась какая-то жидкость.

Рейвенор медленно поворачивался, ведя огонь из всех стволов. Разбегающиеся, пытающиеся укрыться хищники взрывались и гибли.

— Пэйшенс!

— Хвала Трону, вы живы!

— Помоги мне!

Он страдал от боли. Он был ранен. Кыс похромала вверх по ступеням, к платформе.

— С Ведьминым Домом все кончено, — постаралась она перекричать рев пламени. — Пора убираться отсюда.

— Помоги мне, Пэйшенс.

Из двери за спиной Рейвенора вышел Бэллак, еле волоча ногу из-за ужасной раны на бедре. Он тащил на себе обмякшее,

безжизненное тело Тониуса.

— Что случилось? — прокричала Кыс.

— Нет времени объяснять. Выводи их, Пэйшенс. Больше я ничего не прошу.

Кыс подбежала к Бэллаку и подхватила его. Глаза его были пусты. Им управлял Рейвенор.

— Держу! — прокричала она.

Рейвенор отпустил Бэллака, и тот начал заваливаться. Тониус был весь покрыт кровью и казался мертвым. Дом снова зашатался и стал крениться. Палуба резко вздыбилась у них под ногами.

— Гидеон!

Наверху что-то взорвалось. Дом заходил ходуном.

— Уводи их, Пэйшенс! Тащи их к лодке, пока еще есть такая возможность!

Кыс сделала глубокий вдох и подхватила Бэллака и Тониуса. Скорее при помощи своего изтученного сознания, чем силы рук, она спустилась с ними по лестнице и сошла в полыхающий ад, охвативший зал.

— Прошу вас, пойдемте вместе! — позвала она Рейвенора.

— Сейчас. Ангарад еще там. Я «надел» ее и могу вытащить.

Кресло Рейвенора, оставшееся на верхней платформе, развернулось к двери.

— Давай! Давай же!

Черно-белая тварь набросилась на кресло и разлетелась под огнем его орудий.

Кыс добралась до подъемника и, прежде чем потянуться к рычагу, уложила Бэллака и Тониуса на платформу.

— Гидеон!

— Иди, Пэйшенс! Я вас догоню!

Кыс с силой дернула рычаг. Лифт начал опускаться.

Через некоторое время она услышала скребущие, шуршащие звуки и задрала голову вверх.

По черным стенам шахты, время от времени вырывая из них куски, следом за ней спускались пять глянцево поблескивающих тварей.

Выставив перед собой ружье, Лацик продолжал подниматься по винтовой лестнице. Здание неистово содрогалось. Это было плохо, и геолог знал это. Дом близок к концу своего существования.

Лацик прицелился в темноту шахты. Он явственно слышал, как что-то спускается.

В темноте ничего не было видно. Геолог опустил оружие и, сунув руку в рюкзак, достал фонарик. Узкий луч ударил во тьму.

Ничего. Кроме... зубов.

Затем скребущийся шорох дополнился чириканьем и лаем.

Гирам Лацик в ужасе вцепился в ружье.

Кыс схватила лазерный пистолет Бэллака и прицелилась в чудищ, торопливо спускавшихся за ними по шахте.

Оружие осталось равнодушно к ее стараниям. Батарея села. Пэйшенс в отчаянии принялась рыться по карманам дознавателя в поисках свежего блока.

Подъемник спускался слишком медленно, во всяком случае куда медленнее, чем несущиеся монстры.

Сжимая в одной руке карабин, а во второй лампу, Плай-тон вошла в круглый зал. Оказавшись там, она услышала, как спускается лифт.

Со стороны винтовой лестницы донесся громкий лязг. Мауд подошла ближе, чтобы разобраться. Это оказался ее дробовик, скатившийся по ступеням на пол. В последний раз она видела свое оружие в руках Лацика.

Вместе с тошнотой и ужасом к Плайтон пришло понимание, что из люка в потолке течет удивительно много крови.

Сглотнув ком в горле, Плайтон перекинула карабин за спину и подняла ружье. Она попятилась от лестницы, приближаясь к плите, на которой останавливался лифт, и держа оружие наготове. Она старалась смотреть сразу в обе стороны: на лестницу и на приближающийся подъемник.

Как только последний полностью вышел из шахты, Мауд увидела сидящую на нем Кыс с распластавшимися по бокам от нее Бэллаком и Тониусом.

— Мауд! Мауд! Стреляй! — закричала Кыс, показывая на шахту.

Плайтон запрыгнула на платформу подъемника, встав между Пэйшенс и

лежащими без сознания мужчинами. Она стреляла вверх, вслепую вгоняя заряд за зарядом в темноту над своей головой. Кыс стала стаскивать Бэллака и Тониуса.

Неожиданно Пэйшенс оглянулась назад. Ее кольнуло чувство, что Плайтон удалось во что-то попасть. Кыс протянулась сознанием и при помощи телекинеза сдернула Мауд с подъемника, прежде чем на его платформу упали три изодранных тела.

Плайтон поднялась, уставившись на мертвых тварей.

— Это еще что за чертовщина? — с отвращением спросила она.

— Мы должны вернуться на лодку! — выкрикнула Кыс, не обращая внимания на этот вопрос.

— Где Рейвенор?

— Идет за нами.

Кыс поспешила снова потянуть за рычаг, чтобы вернуть подъемник обратно, но тот стоял неподвижно.

Концентрированная кислота, излившаяся из разорванного шейного мешка одной из мертвых тварей, превратила

двигатель в решето.

— Как он теперь спустится? — спросила Плайтон, — И что с Нейлом и течницей?

— Он воспользуется псионикой, — ответила Кыс.

— Гидеон, подъемник вышел из строя! Гидеон?

Не получив ответа, Пэйшенс подняла Бэллака на ноги. Он приходил в себя, но его сильно шатало. Безвольное тело Тониуса Кыс перебросила через плечо.

— Уходим! — Она направилась к служебному туннелю, волоча за собой спотыкающегося, ничего не понимающего Бэллака.

Плайтон двинулась следом, отступая спиной вперед и не опуская ружья. Черно-белая тварь сбежала по винтовой лестнице и улыбнулась. Мауд расстреляла ее.

Палуба поднялась под еще более крутым углом. Дом теперь сотрясала непрерывная дрожь. Металл стен простестующе скрипел. Вода в парковочном бассейне наваливалась на причал, протекая

сквозь решетки. Подводная лодка, удерживаемая последней цепью, вставала на дыбы и колотилась о борта бассейна.

С помощью телекинеза Кыс бесцеремонно зашвырнула тело Тониуса в боковой люк, а затем прыгнула в него вместе с Бэллаком. При этом она чуть не сорвалась в воду, но сумела удержаться при помощи телекинеза, и они влезли в люк.

Пилот-сервитор уже задраил верхний люк.

— Надо отчаливать. Немедленно, — сказал он Кыс.

— Еще не все собрались, — ответила она, возвращаясь к боковому выходу.

— Если Дом рухнет, — ответил сервитор, — он увлечет нас за собой. У нас уже не будет возможности покинуть причал. Руби конец.

— Мы еще не все собрались! — заорала на него Кыс. — Сядь за штурвал и приготовься.

Пилот убежал в рубку. Пэйшенс услышала, как он заводит двигатели и проверяет их на холостом ходу. Она выглянула из люка. Плайтон осталась

ждать на причале, стоя спиной к бассейну и вглядываясь в служебный туннель.

— Мауд?

— Никаких признаков! — Плайтон приходилось перекрикивать рев воды и стенание металла.

— Гидеон?

Ничего.

Неожиданно Мауд открыла огонь. Из туннеля к ней устремилось порядка дюжины тварей. Двоих ей удалось убить.

— Мауд!

Внезапно все вокруг запрыгало так, что Кыс чуть не вырвало. Дом накренился еще сильнее, и Плайтон упала. Раздался странный, стонущий звук. Он доносился от бассейна. Это был звук воды, в толщу которой погружалось нечто огромное. Дом рухнул столь резко, что стыковочный ангар утратил свою целостность и воды океана хлынули внутрь с безумной скоростью и яростью. Помещение затапливало.

— Мауд!

Плайтон встала на круто вздыбившемся причале и прыгнула. Она

ударилась о борт раскачивающейся лодки, но Кыс втащила ее в люк. Скользя, пытаясь за что-нибудь зацепиться и постоянно срываясь, за ней попробовали увязаться твари.

Кыс захлопнула и задраила люк, слыша скрежет когтей по корпусу лодки.

— Швартов! — заорал на нее пилот-сервитор. — Вы отцепили нас от причала?

Ему ответила колоссальная мощь океана. Стремительно прибывающая вода подняла лодку, ударила о борт причала и резко дернула в сторону. Черно-белые тела полетели в бурлящую воду. Остававшаяся цепь ослабла, затем натянулась и с треском оборвалась.

Освободившаяся подводная лодка закачалась, выправила положение и приступила к битве со всесокрушающей мощью поднимающейся воды. Пилот сбросил воздушный балласт, запуская кавитационный двигатель и вспомогательные моторы.

— Ты что делаешь?! — прокричала Кыс.

— Надо убираться отсюда! — проорал

в ответ пилот-сервитор.

Она двинулась к нему, но потом заставила себя остановиться. Что она могла сделать? Заставить его остаться? Убить его?

Даже если они останутся, что это даст? Дом погружался и всего через несколько минут, а то и секунд должен был окончательно оторваться от опор.

Пэйшенс Кыс была в высшей степени талантливой, на многое способной женщиной. Она могла справиться практически с любой возникшей проблемой.

Но не с этой. Здесь она оказалась беспомощна. Как и все они. Те, кто остался позади, были либо уже мертвы, либо обречены.

— Гидеон — Она послала свой зов с такой мучительной силой, что Плайтон и Бэллак вздрогнули.

Ответа не было. И уже никогда не будет.

Глава четвертая

Очнувшись, Нейл обнаружил, что находится в аду.

.: Он лежал, распластавшись, на полу амфитеатра, накренившегося почти под сорок градусов. В висках гудело, болела шея. Он вспомнил, как его схватил Уорна.

Пошатываясь, Гарлон поднялся на ноги. Все вокруг было объято пляшущим пламенем. Его плащ загорелся, Нейл скинул его с себя и отбросил в сторону.

Затем он направился к подъемнику, но обнаружил лишь черный зев пустой шахты.

На полу лежали тела двоих наемников Уорны. Казалось, будто их порезали на куски гигантскими ножницами. Нейл подобрал ружье, ранее принадлежавшее одному из них.

В огне неподалеку что-то шевелилось. Мертвенноглазое порождение кошмара, ухмыляясь во всю пасть, выпрыгнуло из пляшущего пламени, чтобы убить Гарлона. Он не колебался.

Свежеприобретенное ружье сработало безотказно, и тварь в багряных брызгах отлетела к стенке.

Балансируя на накренившейся палубе, Нейл подобрался к лестнице и стал подниматься. Вокруг не было никого, во всяком случае никого живого. Гарлон увидел еще четыре трупа людей Уорны и двоих расчлененных смотрителей, а также изувеченные туши существ, подобных тому, что он только что застрелил.

— Во имя Трона, что это за звери? — пробормотал он.

Нейл прошел по подвесной дорожке, перепрыгнул через обрушившийся участок, края которого выглядели так, словно были обожжены кислотой. Охотник направлялся к верхней лестнице. Где-то за пределами разрушенного зала прогремели мощные взрывы. Повсюду бушевало пламя.

Он вполз на сильно накренившуюся верхнюю платформу. Под сводом полыхало адское пламя, а пожар на нижнем уровне раскалял металл платформы. Дверь все еще была здесь, открытая,

раскачивающаяся на петлях. В проеме виднелась красная поверхность какого-то другого мира.

Возле двери стояло кресло Рейвенора. Оно было изгрызано и побито, а местами даже прорублено насквозь. Из дыр сочилась прозрачная жидкость.

— Рейвенор?

— Это ты, Гарлон?

Нейл медленно приблизился к нему:

— Что здесь произошло?

— Прости. — Транслируемый динамиками голос Рейвенора казался слабым и дребезжащим, словно система была повреждена. Или же поврежден был сам инквизитор. — Мне очень жаль. Нам не выбраться.

— Где остальные?

— Кыс удалось убежать. Она захватила с собой Карла и Бэллака. Надеюсь, они смогли добраться до подводной лодки. Молюсь, чтобы это оказалось правдой. Я пытаюсь достучаться до них, но я слишком устал. Мое сознание ослабло. Мне не удается дотянуться до Кыс.

— А что с Плайтон? — спросил Нейл.

Рейвенор вздохнул.

— Что с Ангарад? — более жестким тоном продолжил Гарлон.

— Я все еще пытаюсь. Она там, я могу чувствовать ее. Но...

— Гидеон? Во имя Трона, неужели она осталась там?

— Я «надел» ее. Она... она сдерживает их. Продолжает сражаться. Но я не знаю, как долго еще это продлится. Удивительная женщина эта Арианрод.

— Вы хотели сказать — Ангарад?

— Что?

— Вы хотели сказать — Ангарад?

— Да, конечно.

Зал содрогнулся от очередного взрыва. Нейл подошел к двери.

— Ангарад! — заорал он в красное зарево. — Ангарад!

— Подожди, Гарлон, — прошептал Рейвенор. — Подожди, она...

К двери что-то приближалось. В зоне видимости возник силуэт человека, в спину которому светило красное солнце.

Ангарад. Она вся была перемазана кровью и багряным ихором. Кожаная броня изорвалась и местами свисала клочьями. От длинной сабли поднимался дымок. Она медленно прошла сквозь дверной проем на платформу, ведя за руку, точно ребенка, смотрителя Дома.

— О Трон! — закричал Нейл, бросаясь к ним.

Дверь захлопнулась за их спинами.

Всхлипнув от боли и истощения, Рейвенор отпустил Ангарад. Мечницу шатало, но она оставалась в сознании. С уголка рта капала кровь. Нейл попытался подхватить ее, но она отодвинула его в сторону, а затем в два размашистых шага приблизилась к изгнатому креслу Рейвенора, прижав к его корпусу острие Эвисорекс.

— Ублюдок! — прохрипела она. — Без моего разрешения... Без моего разрешения! Ты был во мне. Ты был мной.

— Приношу свои извинения, — сказал Рейвенор.

— Ты оскорбил мою честь и честь моего клана. Ты был во мне! Только я

выбираю, кто имеет право оказаться во мне! Ты меня все равно что изнасиловал! За это я должна бы выпотрошить тебя и...

Приношу свои извинения, — повторил Рейвенор. — Но я сделал то, что должен был сделать. Все-таки Бэллак и Тониус, может быть, и выжили, выжили только потому, что я поступил именно так.

Ангарад упала на колени, выронив Эвисорекс. Ее сотрясали рыдания. Нейл присел рядом и обнял ее.

— Но следует признать, мы обречены, — сказал Рейве-нор. — Мне очень жаль, что вам придется встретить конец вместе со мной. Дом тонет. Пути к спасению нет.

— Он обязательно должен существовать, — произнес Нейл, озираясь.

Внезапно он оттолкнул Ангарад в сторону и вскочил, вскидывая дробовик. На верхнюю платформу позади Рей-венора поднималась черно-белая тварь, высоко задрав хвост. Она медленно подкрадывалась к ним, постукивая когтями по металлическому покрытию. Существо запрокинуло голову,

принюхиваясь, и тявкнуло. Язык заметался между его зубов.

— Ты мне тоже нравишься, — произнес Нейл, приканчивая тварь единственным выстрелом.

Агонизирующее тело создания свалилось с платформы. Нейл перевел взгляд на инквизитора:

— Выход должен быть.

— Я не нашел ни одного, — ответил Рейвенор, — хотя и пытался найти. Смотритель, скажите, я прав?

Их проводник, чей скрытый капюшоном взгляд до сих пор был опущен вниз, пронзительно посмотрел на них. Ободранными, окровавленными пальцами он теребил ключ.

— Да, — ответил смотритель. — У нас нет ни лодок, ни спасательных гондол. Когда Дом умрет, мы умрем вместе с ним.

— Что за куча д... — начал было Нейл.

— Гарлон, — спокойно остановил его Рейвенор. Он настолько устал, что с трудом мог даже говорить. — Когда Дом умрет, он отцепится ото льда. Он начнет

падать... падать в бездну. Помнишь, как называл эти места Лацик? Полно Водье, Гарлон. Расстояние до дна здесь никто не смог измерить. Всего через пару минут толща воды раздавит Дом, точно яичную скорлупу. При всех своих стараниях я бы не смог защитить нас... во всяком случае на достаточное время, чтобы выбраться на поверхность. К тому же над нами лед, а я, как вы могли заметить, не в лучшей форме.

— Плайтон оказалась права, — мягко произнесла Ангарад. — Океан угробит нас даже надежнее, чем космос.

— Нет,— пробормотал Нейл.— Нет, мать вашу! Мы не можем просто так сдаться и умереть.

— Такой бывает порой судьба воина, — ответила Ангарад, поднимая меч и вытирая клинок, прежде чем убрать его в ножны. Оружие покрывали отметины, оставленные кислотой.

— Шла бы эта судьба куда подальше! — рявкнул Нейл. — Вместе со всей воинской чепухой. Я — наемник. Таких, как я, волнует только выгода. Для меня не

существует ваших чертовых кодексов чести. В этом Лю был прав, когда разговаривал со мной. Мои боги — удача, риск, выживание. Выход есть.

— Нет, Гарлон, — вздохнул Рейвенор. — Для нас все кончено.

Нейл прожег инквизитора взглядом.

— Выход, мать вашу, существует! — продолжал охотник гнуть свою линию. — Один путь еще не отрезан. — Он кивнул в сторону двери.

— Ни за что, — с дрожью в голосе произнесла Ангарад. — Ты не видел, что там происходит.

— Зато ты видела.

— Вот поэтому я и не пойду туда. Там смерть.

— Вам-то, леди, удалось выжить.

— С трудом.

— Вместе мы справимся.

— Это верная смерть, Гарлон Нейл! — категорическим тоном отрезала она.

— А здесь мы, конечно, будем жить долго и счастливо, — сказал он. — Уж лучше я погибну в погоне за удачей, чем завернусь в простыню и стану ждать,

когда заявится смерть.

Ведьмин Дом вновь содрогнулся. Удерживаться на платформе было все труднее. Нейл посмотрел вниз. Сквозь решетку платформы он увидел, как по шахте подъемника поднимается черная вода, уже начинавшая тушить пожар.

— Последний вопрос, — произнес Нейл. — Кто идет со мной?

Ангарад подняла голову и вытерла губы от крови, после чего обнажила меч.

Думаю, я с тобой, — сказала она.

Тишину какое-то время нарушали только взрывы светильников, сопровождавшие предсмертные судороги Дома.

— Я тоже, — сказал Рейвенор и повернул кресло к смотрителю. — Пойдемте с нами. Нам понадобится ваш ключ.

Проводник кивнул.

— Как вас зовут? — спросил Рейвенор.

Гид медленно убрал с лица капюшон. Под ним обнаружилось лицо молодой девушки, почти подростка. Лицо было худым, бледным, обрамленным довольно

коротко подстриженными светлыми волосами.

— Айозоб, — сказала она.

— Рад знакомству, Айозоб, — ответил Рейвенор. — Откройте для нас дверь.

Девочка подняла свой древний ключ и вставила его в замок. Когда она повернула его, дверь открылась. Нейл и Ан-гарад стояли возле нее, держа оружие наготове.

За отворившейся дверью сверкало красное солнце. Чуждые запахи вызывали тошноту.

— Раз уж решили идти, надо идти, — сказал Гарлон Нейл, передергивая затвор.

Они вошли в дверь, и та закрылась за их спинами. Мгновение спустя Ведьмин Дом прекратил свое существование.

Их трясло, точно бусины в барабане. Грохочущая вода полностью затопила стыковочный ангар, но мощь прибывающего потока оставалась такой, что пилот не мог ни выровнять лодку, ни отправить ее на погружение. Дважды они ударились о свод ангара. Повсюду кипела и шумела вода, неслись воздушные пузыри.

Кыс, Плайтон и Бэллак обзавелись коллекцией ссадин и синяков, врезаясь в стены, когда лодку швыряло в непредугаданную сторону. Тониус, уже испустивший дух, как думала Кыс, свалился со скатьи. Теперь его тело каталось по проходу.

Только пилот-сервитор, вживленный в свое кресло, оставался невредим.

— Выводи нас! — заорала на него Кыс, изо всех сил стараясь сохранить равновесие. — Ты же предлагал убираться, так давай выводи нас отсюда!

— Не могу! — сражаясь с рычагами, прокричал в ответ сервитор. — Давление прибывающей воды слишком велико! Она прижимает нас к потолку дока!

Подводная лодка снова взлетела наверх и ударилась. Зажглись аварийные огни. Плайтон полетела по проходу. Вцепившийся в поручни Бэллак, по ноге которого продолжала струиться кровь, посмотрел на Кыс.

— Надо сбросить весь балласт, — предложил он.

— Это поможет? — в отчаянии

спросила Кыс у пилота.

— Скажите, я объясняю вам, как вы должны делать свою работу? — рявкнул в ответ сервитор. — Нет, не поможет.

— Спроси у него: почему? — проорал Бэллак.

— Почему? — передала Кыс.

— Потому что я уже сбросил балласт, — ответил пилот. — Я что, по-вашему, любитель? В меня знания об управлении подводными лодками прошиты на уровне «железа». И говорю вам, мисс, что мы...

Они снова угодили в восходящий поток воды, прижавший их к потолку ангара с такой силой, что корпус лодки промялся. Сирены взвыли, но людям было уже не до них. Кыс приземлилась на Бэллака, и дознаватель закричал от боли.

— О Трон милостивый!..— забормотал пилот, глядя на то, с какой скоростью завращалась игла глубинометра.

— Что там? — потребовала Кыс.

— Мы падаем!

Зайдясь последней, предсмертной судорогой, Ведьмин Дом отцепился от наста и теперь погружался в облаке

осколков льда и воздушных пузырьков. Дергая конечностями, он камнем падал в глубины Полно Водья.

Темнота принимала его в свои объятия. Корпус здания затрещал и стал проминаться от давления воды. Падая, Дом оставлял за собой инверсионный след из серебристых пузырьков, рвущихся из щелей.

Дом вращался, крутился и переворачивался.

В перевернувшемся вверх ногами доке что-то сверкнуло. Измятая подводная лодка пробкой вылетела из него.

— Выравнивай, выравнивай! — завопила Кыс, вцепляясь в спинку кресла.

— Пытаюсь! — прокричал пилот.

Аугметические руки сервитора порхали над панелью управления. Взревели турбины, расположенные в подбрюшье лодки. Пилот врубил кавитационный двигатель.

Лодка в потоке, создаваемом Домом, развернулась, задрала нос. Словно порвавший цепи буй, устремилась она наверх под скрежет измятого корпуса.

— Где Дом? — спросила Плайтон, с трудом пробираясь в рубку.

Кыс покачала головой. В темноте, где-то глубоко под ними, мелькнули очертания базы, стремительно погружавшейся в бездну.

— Что на ауспексе? — спросила Кыс у пилота.

Сервитор пробежался пальцами по тумблерам.

Сканер отобразил тонущий Дом как маленькое желтое пятнышко.

— Трон Святый! — прошептал Бэллак, который тоже поднялся к ним и теперь не сводил глаз с экранов.

Показания глубины рядом с пятнышком становились все больше. Оно затерцало и через некоторое время исчезло навсегда.

— Раздавило, — произнес пилот-сервитор. — Его боль ше нет.

Кыс опустилась в кресло и зарыдала. Очень и очень долго еще никто не произносил ни слова.

Глава пятая

— А теперь еще раз, только медленно, — произнесла Кара Свол, — расскажите, что случилось, когда вы прошли через эту дверь.

— Вначале мы оказались в каком-то кошмарном красном мире, — произнес Бэллак. — Нас преследовало чувство смертельной опасности. Потом смотритель снова открыл дверь, и мы вышли в пригород Дорсая, города на Гудруне. Только там все было не так, как сейчас. Это было... будущее. То, что должно произойти много лет спустя.

— Эта дверь переносила вас в другие миры и времена? — настороженно спросила Кара, напоминая в этот момент наставника схолума, пытающегося разобраться в путаных объяснениях провинившегося ученика.

— Да, — сказал Бэллак. — Удивительный, пугающий опыт. Все это время власть принадлежала самой двери. Она заставляла нас ждать, прежде чем

открыться, и слов-но выбирала, что показать нам в следующий раз. Во всяком случае мне показалось, что именно так там все и устроено. Ты задаешь ей вопрос, а она переносит тебя туда, где можно получить ответ. Впрочем, как я понимаю, смысл ответов очень сильно зависит от их интерпретации.

— А затем?

— А затем мы вновь оказались в другом месте. Какие-то поля. Не знаю, где и в каком времени. Там нас уже ждал человек. Рейвенор спустился к нему и поговорил, после чего вернулся и сказал нам, что мы уходим.

— Кто был этот человек? — спросила Кара.

— Фасилитатор, Орфео Куллин, — ответил Бэллак.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовалась Кара.

— Так сказал Рейвенор.

— Что-то не припомню, чтобы он это говорил, — произнес Тониус.

Они оглянулись на него. Карл, кутаясь в одеяло, сидел возле окна гостиничного

номера, снимаемого им в Берин-те. Его изможденное лицо казалось сейчас особенно худым и бледным и было покрыто пятнами гематом и десятками ссадин. Говорил он болезненным шепотом.

— Мой дорогой Карл, — мягко произнес Бэллак, — ты был слишком взволнован в то время. Подозреваю, что многое тебе просто не запомнилось.

Тониус пожал плечами и отвернулся к окну.

Когда лодка вырвалась из Дома, у них появилось время, чтобы обратить свое внимание на дознавателя. Кыс и Плайтон обнаружили, что он получил только поверхностные травмы, по большей части заключавшиеся в синяках на лице и теле. Смертельная бледность, от которой он постепенно оправлялся, как выяснилось, была вызвана сильнейшим шоком.

— Куллин, — произнесла Кара, поднимаясь, — значит, они с Молохом постоянно были на шаг впереди нас. Другими словами, это была западня, и, когда вы в нее угодили, тут вполне

кстати пришелся Уорна, уничтоживший Дом.

— Хорошо сработано, верно? — горько произнесла Кыс.

Кара глубоко вздохнула. Она спустилась на планету, как только Кыс удалось восстановить связь. Свол все никак не могла поверить в случившееся. Рейвенор и Нейл погибли. И Ангарад. Они мертвы, их больше нет. Выжившие члены команды пребывали в оцепенении. Для скорби еще только должно было прийти время.

Кара обвела комнату взглядом: Карл, которому досталось сильнее прочих, скорчился в кресле, стоящем у окна; Бэллак, с уже перевязанной скверной раной на ноге, сидел возле камина, держа в руке трость; Мауд Плайтон съежилась в углу, заблудившись в собственных мыслях и глядя в пол; Кыс, переживавшая более всех остальных, стояла возле двери.

Кара подошла к ней и уже не в первый раз с момента этой встречи обняла ее. Так они какое-то время и стояли. Их утрата оказалась самой большой. Гидеон

Рейвенор и Гарлон Нейл были их подлинными друзьями уже очень долгий срок. Кара боролась со слезами, чувствуя поднимающийся жаркий ком горя. Пока что ей удавалось загнать его обратно.

В комнате собрались все выжившие члены команды инквизитора. Никто не знал, что делать дальше. Кыс была слишком подавлена утратой и чувством вины, чтобы возглавить команду. Рассказывая Каре о гибели Рейвенора, она постоянно повторяла: «Я должна была остаться с ним. Я бросила его».

Кара отпустила Пэйшенс и помогла ей сесть, после чего снова обернулась к Бэллаку:

— Рассказывай дальше. Говори же. Мне надо знать.

— Мы опять вошли в дверь. Она забросила нас в какой-то улей, словно посмеиваясь над желанием Рейвенора вернуться домой. А потом мы снова оказались в том красном аду. После чего дверь отказалась открываться снова. Это и оказалось западней, приготовленной для нас Молохом. Полагаю, что он каким-то

образом заставил дверь перенести нас туда и бросить в компании с этими тварями, собиравшимися растерзать нас. Не знал я, что Молох способен организовать подобное...

— Как и я, — произнес Тониус. — Впрочем...

— В чем дело, Карл? — спросила Кара.

— К чему такие сложности? Да, я знаю, Молох тяготеет к чудачествам и театральности, но чтобы так?! Зачем ему было вести нас к Куллину? Зачем организовывать эту встречу и беседовать с Рейвенором? Почему они просто сразу не убили нас?

— Ему что-то от нас нужно, — ответила Кыс, поднимая взгляд. — Точнее, от Рейвенора. Думаю, он хотел заключить сделку. Уорна мог легко расправиться с нами, но он чего-то ждал. Ждал... приказа расстрелять нас или освободить.

— Все верно, — впервые за несколько часов произнесла Плайтон. — Лацик и охранявший меня громила производили такое же впечатление. Они ждали сигнала

и говорили, что пока еще не знают, станем ли мы друзьями.

— Друзьями? — эхом откликнулась Кара.

— Так они и сказали, — произнесла Плайтон. — Они использовали именно это слово. Охотник за головами, охранявший меня, похоже, был настроен довольно скептически. Мне кажется, он был уверен, что в конечном итоге им придется расстрелять нас. Но, думаю, это зависело от ответа Рейвенора на предложение Куллина.

— Во имя Терры, — покачала головой Кыс, — с чего Молох и Куллин вздумали, будто могут предложить нам что-то такое, что сделает нас друзьями? В самом деле, чего они добивались? О чем они думали? Рейвенор никогда бы не стал сотрудничать с Молохом, какие бы причины его к этому ни подталкивали.

— Вот он и сказал им «нет», — произнес Тониус.

— Но существовала вероятность, что он согласится, — сказала Кара, — иначе бы

они не стали тратить столько сил.

— Как бы то ни было, он сказал «нет»! — отрезал Тониус. — Вот почему нас и загнали в подготовленную Молохом западню. Это была страховка на случай отказа Рейвенора.

— Так что там произошло, когда дверь не захотела открываться? — спросила Кара у Бэллака.

Познаватель пригладил свои длинные белые волосы и кивнул:

— На нас набросились звери. Уж не знаю, что это за существа. Даже никогда не слышал о чем-то подобном. Они были...

— ...кошмарными,— тихо произнес Тониус,— и прекрасными.

— Странный выбор слов, — сказала Кыс. — Как ты помнишь, я тоже их видела.

— И я тоже. — Плайтон передернуло. — Они не были красивы, они...

— Все, что идеально подходит для того, к чему предназначено, — прекрасно, — перебил ее Тониус. — Это самые кошмарные твари из тех, каких я когда-либо видел. Но в то же время они были идеальны. Совершенные машины убийства

непреклонные, одержимые единственной целью и... чистые.

— Чистое зло, — сказал Бэллак.

— Нет, не так, — ответил Тониус. — Просто чистые. Непосредственные. Голодные и чуждые... непримиримые. Ни эмоций, ни хотя бы угадываемого интеллекта. Только безжалостный, неутолимый голод. С орком или исчадием Врага можно хотя бы попробовать объясниться. У тех есть хоть какие-то потребности, убеждения и амбиции, дар речи и разум. Во всяком случае хоть и небольшой, но есть шанс завязать разговор. Но эти твари... Молох хорошо выбрал убийц!

— Значит, дверь была заперта, — сказала Бэллаку Кара. — На вас наседали твари. Должна спросить: как же вы выбрались?

Кыс вышла в соседнюю комнату, чтобы налить себе выпить. Ее нервы были натянуты до предела, а еще ей, что важнее, не хотелось, чтобы остальные видели ее неспособность справиться со слезами, застрявшими по щекам. Все

тело саднило, а руки, когда она взяла чистый бокал и стала наливать амасек, затряслись.

Гидеон, мне так жаль. Я не должна была оставлять тебя.

Через открытую дверь до нее донесся голос Бэллака:

— Нас оказалось слишком мало. Это был кошмар. Еще бы несколько секунд, и нас распустили бы на лоскуты. Рейвенор «надел» меня и Ангарад. Он сражался неустанно, полагаясь на инстинкты и ярость. А затем упал Карл. Я тогда подумал, что ему конец. Подумал, что я стану следующим.

Кыс потягивала выпивку и слушала рассказ. Голос Бэллака неожиданно затих до шепота, но дрожал от переполнявших дознавателя эмоций.

— Потом... потом последовала внезапная вспышка. Красный свет, потоки красной энергии. Помню, как я тогда даже подумал: «Какое же оно красное», хотя вокруг и без того вполне хватало этого цвета. Интенсивная и внезапная, словно взрыв бомбы. Энергия полыхнула словно...

словно...

— Что? — услышала Кыс голос Кары.

— Словно крик боли. Словно взрыв гнева. Она оставляла привкус гнева и ярости. Готов поклясться, что она была ментальной природы.

— Рейвенор.

— Нет, — прошептал Бэллак. — Мне так не кажется. Она исходила не от него. Энергия просто возникла там... демонический спазм, поднявшийся из глубин Ультатериу-ма. Она ударила по тварям, сжигая их и отбрасывая от нас. Звери разлетались во все стороны, сгорая и получая увечья. Это спасло нас. Взрыв заставил дверь распахнуться против ее желания.

— И что потом?

— Не помню. От тех событий остались только обрывки. Помню, как побрел к двери, все еще оставаясь под управлением Рейвенора. Возле нее на земле лежал Карл, окруженный останками дюжины тварей. Рейвенор приказал мне поднять его, что я и сделал.

Кыс снова вернулась к ним.

— Это был псионический удар, — сказала она, и Кара оглянулась на нее. — Когда выбило дверь, я находилась в зале. Бэллак абсолютно прав. Происшедшее имело ментальную природу. Я почувствовала это. Уловила его запах. Удар был грубым и неуправляемым. Яростным. Мне казалось, что это работа Рейвенора. Думала, что он сделал это в отчаянии.

— А затем? — спросила Кара.

— Рейвенор был ранен, тяжело ранен, — произнесла Кыс. — Бэллак почти отключался от боли. Карл валялся без сознания. Рейвенор приказал мне вытащить их, донести до лодки. Он говорил, что пойдет за нами, как только спасет Ангарад. А я, как дура, подчинилась. Я подхватила их и бросилась спасаться, оставив Гидеона умирать.

Она посмотрела на бокал в руке и отставила его в сторону.

— Простите меня, — сказала она, направляясь к выходу из номера.

— Пэйшенс, — окликнула ее Свол.

— Не сейчас, Кара, — ответила Кыс,

прежде чем захлопнуть за собой дверь.

На какое-то время установилось молчание. В камине потрескивал огонь.

— Со временем она справится, — сказал Бэллак. — Она свыкнется с происшедшим и...

— Заткнулся бы ты, нинкер! — рявкнула Кара. — Ты ничегошеньки не знаешь о...

— Кара, — тихо произнес Тониус.

Кара тяжело вздохнула:

— Прости, Бэллак. Для нас всех настали тяжелые времена, и мне не стоило этого говорить. Я понимаю, что ты только хотел помочь.

— Все в порядке, — сказал Бэллак. — Я осознаю, что в вашей компании я чужак. Мне не стоило забывать этого.

— И что теперь? — спросила Плайтон. — Кроме того, что все кончено и мы разбиты?

— Молох или Уорна могли оставить следы на Утохре, — произнес Бэллак. — Какие-нибудь наводки, признаки их деятельности. Чтобы организовать все это, они должны были порядком

наследить.

— И если мы найдем? — спросила Кара.

— Молох все еще там, — сказал Бэллак. — Наша миссия не закончена. И если мы отыщем хоть одну наводку, мы ею воспользуемся. Мы обязаны сделать это ради Рейвенора. Необходимо выследить Молоха и заставить его заплатить за все, что он сделал.

— Закрыть дело? — спросила Кара.

— Закрыть, — согласился Бэллак. — Это все, что нам остается. Так бы хотел Рейвенор.

— Кара кивнула. Плайтон, со слезами на глазах, пожала плечами, а потом тоже кивнула.

— Если он чего хотел, так только не этого, — произнес Карл, поднимаясь из кресла и отбрасывая одеяло.

— Что?

— Да ладно вам, — сказал Тониус, глядя на Кару. — Это глупо. Все уже дошло до маразма. Мы изорвались в клочья, пытаясь поймать этого еретика, а он все равно снова ускользает от нас. Может, все-

таки пришло время признать, что он всегда будет переигрывать нас?

— Нет.

— А я, Кара Свол, говорю «да», — сказал Тониус. — И, как это ни печально, похоже, главным теперь становлюсь я. Я ведь дознаватель Рейвенора, что дает мне право принимать решения в его... в его отсутствие. И у нас остался только один путь.

— Какой же? — спросила Кара.

— Мы должны, — пожал плечами Тониус, — отправиться на Трациан Примарис и предстать перед Высоким Собранием ордосов Геликана. Нам придется предоставить полный, содержащий все подробности отчет о наших злоключениях и положиться на милосердие лорда Роркена.

— Нет, — сказала Свол.

— И снова «да», Кара! — не терпящим пререканий тоном произнес Тониус. — Мы нарушили все мыслимые правила и при этом еще потерпели неудачу. Очень, очень сомневаюсь, что мне позволят после этого продолжать карьеру, но я знаю, что это

будет правильно. Рейвенор должен был поступить так еще несколько месяцев назад. Мы должны принести свои извинения и начать исправлять сделанные нами ошибки. Даже если это означает, что мы будем подвергнуты строжайшему взысканию со стороны Инквизиции.

Прихрамывая, он пересек комнату, взял оставленный Кыс амасек и выпил его.

— Собираем вещи и отправляемся, никому из нас не нравится роль кающегося грешника, но надо попытаться исправить все, что мы аворотили. Для других действий уже слишком поздно.

Гидеон, мне так жаль. Я не должна была оставлять тебя.

Спустившись на два этажа, Кыс села в одиночестве на плохо освещенной лестнице старой гостиницы и заплакала. Прежде чем ее начало пошатывать, она успела спуститься только на два этажа. Вначале Кыс намеревалась найти салун или кабак, купить себе выпивки, а дальше, возможно, ввязаться в бессмысленный спор или драку. Но колени подогнулись, и ей пришлось сесть на изношенные деревянные

ступеньки.

Рейвенор ушел. Рейвенор погиб. Гарлон умер. Теперь все будет совсем по-другому. Всегда.

Она услышала шаги на лестнице под собой. Наверное, просто другой жилец. Пэйшенс не стала поднимать голову, надеясь, что приближающийся человек просто перешагнет через нее и пойдет дальше, приняв за какую-нибудь побирушку, зашедшую сюда, чтобы клянчить деньги.

Шаги приблизились. Кто-то сел на лестницу возле нее.

— Я... я самоуничижителен для любых слов, переполнь выражением, — произнес Шолто Ануэрт.

— Откуда ты взялся? — против воли засмеялась Кыс.

— Первоочередно я проверял посадочный модуль, чтобы со всей удобностью можно было поднять вас на борт.

— И как, он готов?

— Готов, Пэйшенс.

Шолто залез в карман и протянул ей носовой платок.

— Только осторожно, — указал Ануэрт, — я мог в него разочек уже протрубить. Но в остальном он должен быть чистым.

— Не смотри на меня,— произнесла она, никак не справляясь со слезами. — У меня сопли из носа торчат.

— Здесь довольно темно, — сказал он, оглядываясь вокруг. — Я мало что могу определить из вашей слизи, которая, уверен, действительно имеет скромное место.

Кыс снова засмеялась.

— Это правда? — спросил он. Она кивнула и высморкалась.

— Что ж, я пятипечален, — произнес Шолто.

— Пяти?..

— На единичку сильнее, чем четырепечальность, — ответил он. - Это такая печаль, что дальше некуда.

— Кроме шестого уровня?

— Молюсь, чтобы никто не испытал шестипечально-сти, — сказал Ануэрт, и Пэйшенс увидела крошечные капельки слез в его глазах. — Я перепустошен, — тихо

проговорил он. — Я поражен. Я остаюсь с тобой.

— Спасибо, — произнесла она.

— Он был хорошим человеком, насколько это возможно для летающего кресла, — сказал Ануэрт.

— Да, он был таким.

— Думаю, он нравился от меня до самого конца и рассчитывал в чем-то на меня. Надеюсь на это.

— Я полагаю, что так и было, Шолто. Гидеон не стал бы держать тебя в своей компании, если бы не доверял тебе.

— Ну, все-таки у меня был корабль, и сам я весьма прогибчив, — возразил Ануэрт.

— Ты ему нравился.

Шолто задумчиво нахмурился.

— Ты-то как? — спросил он.

— Ничего, со мной все будет хорошо.

Не спрашивая разрешения, он обнял ее за плечи своими маленькими ручками и притянул к себе.

— Обязательно будет, — произнес он.

— Шолто,— шмыгая носом, произнесла успокоенная его объятиями Кыс, — он был

там. Я видела его.

— Кого?

— Человека, который причинил тебе боль, — кивнула она. — Люциуса Уорну. Он чуть не убил меня. А я чуть не убила его. Мне так жаль, что не удалось отомстить за тебя. Я уже почти прикончила его, но он выстрелил в меня и телепортировался. Он...

Пэйшенс замолчала.

— Что? — спросил Ануэрт.

— Он телепортировался, — прошептала Кыс, начиная осознавать. — Он позвонил Сайскинду и телепортировался. — Она вырвалась из объятий. — Сайскинд. Сайскинд! Это ведь может быть только тот самый Сайскинд, верно? «Милашка» здесь. Трон, почему я раньше не сообразила? «Милашка» здесь! — Пэйшенс вскочила и бросилась наверх по лестнице. — Ты можешь просканировать его? — спросила она на бегу.

— Их судно наверняка включило маскировочные поля, — произнес Шолто, поднимаясь за ней. — Но я знаю его макрочастицы. Знаю проект и измерения,

подпись. «Арету-за» может соответствовать его образцу.

— Давай же! Неужели ты не можешь бежать быстрее?

— Величинство этой лестницы не позволяет мне соответствовать твоим длинным ходулям!

— Хочешь, чтобы я тебя потащила? — рявкнула она.

Он остановился. Кыс остановилась тоже, оглядываясь на Шолто.

— Это было бы недостойно, да? — произнесла она.

— Просто возмутительно, — ответил он.

Глава шестая

Красное пекло. Снова над нами кровавая прореха в небе.

Вокруг одинокой двери все завалено изувеченными телами черно-белых тварей.

Я испытываю даже некоторую гордость, когда вижу, что нам удалось расправиться со столь многими. Основную работу проделала Ангарад.

В пустыне нет ни единого признака жизни, хотя пугающая тень варпа все еще ощущается здесь. Я надеюсь, что в этот раз дверь позволит нам уйти. Мы не сможем долго здесь продержаться.

Ангарад чувствует то же, что и я. Она всматривается в горизонт, сжимая в руках Эвисорекс. Мечница истощена. Сражения, подобного тому, что мы только что прошли, ей уже не выдержать.

Нейл тоже почувствовал это, заодно обретя опыт перехода в другое место и время. Моментально придя в состояние готовности, он поднимает свое оружие.

Гарлон был прав. Это единственный

шанс. Только тупица или слабак мог остаться умирать в Доме.

Я изтотан и изранен, но я не дурак и не слабак. Во всяком случае пока. Но, возможно, скоро сдамся. Повреждения, нанесенные системам жизнеобеспечения, и утечка защитной жидкости могут оказаться критическими. Мне кажется, я уже умираю. А что хуже всего: мое сознание ослабело и совершенно не способно оборонить нас. Уже даже простая мысль требует усилий.

— Что дальше? — нервно поинтересовался у меня Нейл.

— Надо подождать, — отвечаю я, пытаясь скрыть, насколько стал сейчас беспомощен.

— И долго?

— Сколько потребуется.

— Они приближаются, — говорит Ангарад, и картай-ский клинок вздрагивает в ее руках. — Эвисорекс жаждет.

— В последнем я не сомневаюсь, — отвечаю я.

Глядя на смотрительницу, я вижу,

что девочка боится.

Еще никогда она не сталкивалась ни с чем подобным.

— Айозоб?

Она возится с ключом.

— Надо ждать.

— А потом?

— Потом ключ сможет повернуться. Но дверь уже запирала нас здесь однажды. Ваш недруг... как там его звали?

— Молох?

— Молох. Он внес изменения в дверь, подстроив эту ситуацию. Она может уже не открыться. Он оказался очень хорошо осведомлен.

Я разглядываю черную вулканическую гряду, то же самое делает Ангарад.

— И что вам известно о Молохе? — спрашиваю я.

— Ничего, — отвечает Айозоб. — Он появился и взял нас в плен, убив нескольких стоителей, чтобы убедить нас в том, что говорит серьезно. Молох действовал очень профессионально.

— Ничего, я тоже далеко не любитель, — отвечаю я.

— Но у вас теперь нет при себе демона.

— Кого?

— Демона. Который спас всех, когда когтистые твари набросились в первый раз. Он заставил их отступить и ударом распахнул дверь. Я думала, это был ваш демон.

— Ты ошибаешься. У меня не было демона, — отвечаю я. — С чего ты взяла?

— Дом все знает, — говорит она. — В прошлый раз вы вошли сюда вместе с демоном. И выпустили неистовую ярость варпа. Только потому вам и удалось выжить.

— Проклятие, о чем она говорит? — спрашивает Нейл.

— Айозоб, что конкретно ты имеешь в виду?

Я чувствую, что девушка совершенно сбита с толку, ее воспоминания о тех кошмарных событиях фрагментарны. Возможно, она приняла мои собственные психические силы за нечто более темное.

Айозоб испуганно переводит взгляд на черную гряду:

— Они возвращаются снова, Гидеон, что зовет себя Рей-венором.

— В прошлый раз ты назвала их Великим Пожирателем, Айозоб. Я слышал. Кто они такие?

— Будущее. Мы уже несколько раз сталкивались с ними, проходя через тринаправленную дверь. Они придут спустя три сотни лет. Бегемот.

— Что еще за Бегемот?

— Бегемот, Кракен, Левиафан.

— Айозоб?

Она всхлипывает и роняет ключ, после чего нагибается и начинает искать его в пыли.

— Империум содрогнется. Страшнее врага человечество еще не знало.

— И как же их называют? — спросил я.

— Пока никак, — отвечает девушка. — Но только пока. Она находит ключ и снова поднимается.

— Так, значит, мы в будущем? — спрашиваю я.

— Во всяком случае так показывает

дверь. Три или четыре сотни лет вперед. Время от времени мы видим их. — Она оглядывается. — Ох, они возвращаются.

— Малышка права! — рычит Ангарад.

— У меня всего восемнадцать зарядов, — произносит Нейл. — Как вы думаете, что произойдет, когда они закончатся?

— Айозоб, пожалуйста, попробуй открыть дверь! — приказываю я, прежде чем оглянуться на Нейла. — Есть у меня такое ощущение, Гарлон, что, выпустив семнадцатый, ты еще успеешь пожалеть, что не остался на борту Ведьминого Дома.

— Очаровательно, — отвечает он. — Я знал, что с вами всегда могу рассчитывать на обнадеживающий ответ.

Айозоб пытается повернуть ключ в замке, но тот не двигается.

— Дверь еще не готова, — говорит мне девушка. — Или же... в общем, она, может быть, никогда не будет готова.

— Прошу тебя, продолжай попытки.

Я жду. Нейл расхаживает вокруг меня.

— Гидеон, — спрашивает охотник, — вот если Ведьмин Дом погибнет, то как долго еще протянет эта проклятая дверь?

— Не знаю. Если ее существование привязано к Дому, то недолго. Очень надеюсь — молюсь даже, — что она не зависит от него.

— Ладно, будем считать, что вы меня успокоили, — усмехается он.

— Рейвенор! — внезапно встревожилась Ангарад.

Я оборачиваюсь и вижу то же, что и она: желтоватое, вытянутое облако пыли, поднимающееся над черной вулканической цепью. Оно медленно приближается к нам.

— В этот раз их еще больше!

— Пожалуйста, Айозоб, попытайся еще раз.

В этот раз, о чудо, ключ поворачивается. Дверь открыта.

Она открывалась еще трижды. Мы побывали в безлюдной, продуваемой всеми ветрами степи; посреди туманной, дюракрастовой долины, раскинувшейся под ночным небом, в котором истекало терзостью Око Ужаса; и, наконец, в лесу

белых гладких деревьев возле зеленовато-черного озера.

Здесь нет никакой прямой угрозы, нет чувства неотвратимой гибели, нет даже признаков жизни, если не считать странных деревьев и маленьких бледных ос.

Мы решили отдохнуть здесь пару часов. Но путь скоро придется продолжить, потому что я не могу точно сказать, как долго нам еще предстоит перемещаться между мирами, прежде чем ты окажется во времени и месте, хотя бы приблизительно соответствующем нашему.

Но отдых нам необходим. Провианта у нас нет, а озерной воде доверять нельзя. Я проверяю ее при помощи своих систем и обнаруживаю, что она непригодна для питья. Это даже не вода.

Ангарад ложится и засыпает. Ее примеру следует и смотрительница, прислонившись к стволу гладкого дерева. Нейл бродит по поляне.

Здесь холодно. Шелковисто-серые небеса над белесыми ветвями деревьев

усыпаны неизвестными мне звездами. Интересно, как далеко нас занесло? Какое количество парсек, лет? Да и наша ли это Галактика?

Я пытаюсь дать отдых своему сознанию, успокоить его ритуалами псайканы, установить полученные повреждения и избавить его от усталости. Размышления позволят мне хотя бы немного восстановить силы.

Но меня беспокоит мое тело, моя физическая жалкая оболочка, замерзшая, беспомощная и скорчившаяся в кресле. Как правило, системы жизнеобеспечения избавляют меня от подобных ощущений.

Я снова и снова возвращаюсь к словам Айозоб. Что за демон ей примерещился? Если ее слова содержат хоть толику правды, то у меня есть одно подозрение, хотя я ничего и не смогу теперь с этим поделать.

Если предполагать худшее: «надев» Бэллака, я обнаружил в его сознании искусственные изменения, которых не находил там, когда осматривал его раньше. «Надевание» позволяет взглянуть

на человека совсем иначе, глубже. В тот момент я был слишком занят — слишком напуган, — чтобы уделить этому положенное внимание, но сейчас, имея возможность относительно спокойно поразмышлять, я вспоминаю...

Это был блок. Искусственно воздвигнутый, практически необнаружимый барьер — невероятно сложный элемент ментальной архитектуры. Его назначение заключалось в том, чтобы некая часть сознания Бэллака оставалась невидимой для меня. Я и прежде в своей жизни встречался с подобными трюками, причем в данном случае велико сходство с техникой, разработанной в Когнитэ и именуемой Черной Дамбой.

Что он скрывал за ней? Связан ли он с этой ноэтиче-ской школой? Сам ли он установил Дамбу, или кто-то возвел ее, не спрашивая его разрешения?

Мог ли Бэллак оставить след, обнаруженный мной в ментальном пространстве Мауд Плайтон? Неужели все это время он прятал демона в своем

сознании?

— Гидеон? — Нейл приблизился к молчаливо стоящему креслу.

Поверхность модуля жизнеобеспечения была исцарапана и помята, и казалось, будто его прогнали через пескоструйную машину. Пробоины были заполнены загустевшей субстанцией.

— Гидеон?

— Гарлон? — прохрипели в ответ воксдинамики Рей-венора.

— Вы спали?

— Думаю, да. Наверное, именно этим я и занимался.

— Тогда прошу прощения. Точно сказать не могу, но... — Нейл огляделся вокруг. Ангарад, точно кошка, свернулась на земле и дремала. Смотрительница казалась ребенком, заблудившимся в каком-то сказочном лесу. — Уже около трех часов. На самом деле это только предположение, поскольку мой внутренний хронограф ведет себя довольно забавно, но что-то подсказывает, что прошло уже три часа. — Он поглядел на небо. — Становится все темнее и начинает

холодать.

— Значит, пора снова воспользоваться дверью, — ответил Рейвенор.

— Как вы думаете, она и в самом деле может отправить нас домой? — спросил он.

— Сомневаюсь, что у нас есть какой-то более надежный способ для возвращения, — сказал Рейвенор. — Очень надеюсь, что очередная точка выхода будет расположена в опознаваемом имперском пространстве, хотя бы в удаленном, или даже на корабле, но в пределах пяти лет от начала нашего путешествия.

— Пять лет? — усомнился Нейл. — Так много?

— Я буду рад, если мы сможем настолько приблизиться, — ответил Рейвенор. — Правда, боюсь, системы управления дверью повреждены. Теперь ею не руководят вопросы о поисках связности. Думаю, сейчас мы путешествуем наобум. Я даже не уверен, что открающиеся перед нами пространства будут пригодны для жизни людей.

Нейл вскинул брови:

— Эта замечательная идея мне в голову как-то не приходила. Значит, в следующий раз, когда мы откроем дверь, она может вывести нас... куда? В мир, лишенный атмосферы? Или с непригодной для дыхания атмосферой?

— Хоть в открытый космос. Барп. Самое сердце звезды. Или снова Ведьмин Дом. Этот аварийный выход вполне может оказаться вовсе и не аварийным, и не выходом. Возможно, что мы просто отсрочили свою смерть. Думаю, ты со мной согласишься, что ввиду этих вероятностей несколько световых лет и уж тем более пять годиков станут настоящим чудом.

Нейл кивнул, задумчиво глядя в пространство.

— Кстати, вы так и не сказали мне, получили ли вы ответ, — произнес он.

— Отчасти. Дверь доставила меня к Молоху... во всяком случае, к тому миру, где он решил скрыться.

— И где же это?

— Понятия не имею. Но там меня дожидался Орфео Куллин.

— Он собирался убить вас?

— Он хотел поговорить.

— Шутите! — засмеялся Нейл.

— У него было предложение. Он хотел заключить со мной сделку. Похоже, что они с Молохом очень заинтересованы в Сдайте.

— В Сдайте?

Нейл потер синяки, оставленные на его горле рукой Уорны.

— Куллин предложил нам с Молохом объединиться, чтобы сразиться со Слайтом. Ему хотелось, чтобы мы положили конец нашей вражде и действовали вместе против общего врага. Я ответил им «нет».

Рейвенор замолчал. Ему не хотелось рассказывать Гар-лону обо всех подробностях того разговора.

— И что было бы, ответь вы «да»? — спросил Нейл.

— Куллин помог бы нам пройти через дверь, а затем Уорна доставил бы нас с Утохра на планету, где состоялась бы встреча с Молохом. Но поскольку я ответил «нет», дверь превратилась в

орудие убийства.

— А мне казалось, что со Слайтом уже все кончено. Я думал, что критический порог мы уже миновали. Неужели Молоху известно что-то такое, чего не знаем мы?

— Возможно, что и нет. Мы ведь тоже можем знать больше, чем он. Вероятно, ему просто неизвестно, что критический порог, как ты изволил выразиться, уже миновал.

— Сомневаюсь я, — ответил Нейл. — С каких это пор ему стало известно меньше, чем нам?

— Буди остальных, — произнес Рейвенор.

В этот раз поворот ключа вывел их на неровное плато, усеянное древним, крошащимся гранитом. Бесконечная череда лет разрушала скалу, заставляя ее терять свою форму. За пределами плато простирался скалистый мир, озаряемый сверканием молний.

Вновь открыв дверь, они вышли на затянутое сырым туманом болото. Воздух, как и стоячая вода, был затхлым.

В жиже копошились тонкие черви, непрерывно хлопая ртами и выстреливая слабыми электрическими разрядами по ногам путников.

Дверь открылась и закрылась снова. Теперь перед ними под лазурно-синим небом простиралась широкая расселина, усеянная желтым щебнем. Воздух был сухим и одуряюще горячим. Еще в нем присутствовал какой-то металлический привкус.

— Отсюда надо убираться побыстрее, — произнес Рейвенор, чьи системы зарегистрировали повышенный уровень солнечной радиации.

На сей раз они оказались на крошечном коралловом атолле — поднимающейся посреди беспокойного океана маленькой фиолетовой медузе. В поле зрения не было ни единого признака иной суши. Небо затянуто розовой дымкой. Откуда-то доносился грохот. Из моря периодически вздымалось нечто огромное, хотя и трудноразличимое в тумане, медленно плывшее куда-то в сторону.

— Дальше, — произнес Нейл.

Они вступили в темный, черный лес, где витал горький влажный аромат. В воздухе ощущались запахи гниения, и белесое небо было едва различимо за густым переплетением черных ветвей. Рейвенор решил слегка отдалиться от двери в надежде увидеть какие-либо признаки жилья или человеческие следы. В темноте раздавались странный гул и постукивание. Вокруг зажужжала мелкая черная мошкара. Ангарад начала стряхивать ее с лица. Размерами насекомые не превосходили блох.

Уже через несколько секунд облака мошкары стали невыносимо плотными, покрывая густым черным слоем открытые участки кожи, норовя забраться в ноздри, уши и глаза.

— Уходим! — приказал Рейвенор.

Айозоб сражалась с ключом, одновременно пытаясь избавиться от мух и мыча что-то сквозь плотно сжатые губы.

Рейвенор призвал на помощь последние остатки своей Воли, чтобы хотя бы на секунду отбросить мошкару.

Дверь открылась.

Поле, усеянное костями животных. Ледяная, иссиня-серая пыльная пустыня. Стремительный ветер, поднимающий облака праха с вершин холмов. Насыпи огромных выветренных костей давно погибших существ, песок и пыль простирались настолько, насколько хватало глаз. Кости принадлежали животным гигантских размеров. Коричневое небо рассекали огненные следы метеоров, падающих под одним и тем же углом в сорок пять градусов и чем-то напоминающих искры, разлетающиеся от точильного колеса. Кости захрустели под ногами спутников Рейвенора, сплевывающих сгустки мокроты, черной от мух, попавших в рот.

— Открывай дверь, — грустно произнесла Ангарад.

Айозоб повиновалась, и они вошли в город. Прохладная тень площади, расположенной среди циклопических строений под желтым небом, где царила звезда-гигант. Сомнений в том, что город воздвигнут не руками людей, не возникало.

— Вы когда-нибудь видели хоть что-то подобное? — спросил Нейл.

Звуки сопровождались странным гулким эхом. Холодный воздух нес в себе сладковатый, почти сахарный привкус.

— Нет, — сказал Рейвенор.

Примерно пять минут они побродили по площади вокруг двери.

— Вам не кажется, что город давно уже мертв? — спросила Ангарад.

— Нет, — ответил инквизитор. — Я чувствую здесь присутствие ксеносов.

Нейл вскинул оружие.

— Далеко отсюда, — произнес Рейвенор, — но я все равно могу почувствовать их. — Он развернул кресло. — Пожалуйста, Айозоб, откройте дверь снова. Не думаю, что здесь для нас безопасно.

Направляясь к порталу, Нейл размышлял над тем, что же такое почувствовал Рейвенор, чтобы быть настолько уверенным в необходимости поскорее отсюда убраться.

Следующее место являло собой равнину, облезлую и неровную, точно

обгоревшая на солнце кожа. Жутковатая растительность, чем-то напоминающая сгустки мозговой ткани, образовывала леса по краям выжженной равнины. В нескольких километрах от двери лежал проржавевший, изломанный каркас некой колоссальной машины. Более всего он напоминал обломки звездолета, но с этого расстояния невозможно было определить, какого именно. И на то, чтобы исследовать его, времени не оставалось. Здесь едва можно было дышать.

Им показалось, что ключ поворачивался в замке целую вечность.

— О Трон! — воскликнул Нейл, когда они снова прошли через дверь,— Осторожнее! Смотрите под ноги!

Портал открылся посреди узкой площадки, сложенной из неровных, нестроганых досок. Это был один из участков, не производящих впечатления надежных строительных лесов, окружавших огромную оуслитовую башню. Путники вышли практически возле самой вершины и теперь стояли - под свежим ветерком на полуденном солнце в тысяче

метров над огромным, теряющимся в смоге городом. От крыш домов поднимались столбы грязноватого дыма.

Платформа задрожала, когда путешественники осторожно прошлись по ней. Айозоб вцепилась в балку и отказалась смотреть вниз. Она даже закрыла глаза.

— Мне здесь не нравится, — сказала девушка.

— Будем спускаться? — Ангарад беспечно встала на краю и, уперев руки в бока, стала разглядывать город внизу. — Все признаки жизни. Я слышу. Суматоха. На улицах заметно движение. Жизнь бьет ключом. Похоже на имперский город.

— Полагаю, будет опрометчиво поступить именно так, — сказал Рейвенор. — Жизнь, конечно, бьет ключом, но я не ощущаю каких бы то ни было признаков людей. Хотя, возможно, когда-то это и был имперский город.

— И кто же населяет его теперь? — спросил Нейл.— Может быть, у них есть хотя бы что-то вроде воды или пищи?

Ближайшие к ним башни и здания, куда более низкие, чем то строение, где

путникам довелось очутиться, также пребывали в плачевном состоянии и были оплетены сетью примитивных лесов. Сложно было сказать, восстанавливают или разбирают город его новые хозяева.

Острые глаза Ангарад сумели разглядеть силуэты, двигающиеся по лесам на соседней башне в четырехстах метрах под ними: строители, занимающиеся своей работой.

— Рейвенор прав. Спускаться нет никакого смысла.

— Что ты увидела? — спросил Нейл.

— Орки, — снисходительно ответила она.

Когда дверь отворилась в следующий раз, за ней была только чернота. Никакого освещения, только холодный, затхлый воздух.

— Гидеон? — позвал Нейл.

Рейвенор включил прожектора, вмонтированные в его кресло. Свет был тревожно-тусклым, лампы не горели привычным белым огнем. Но желтоватые лучи все-таки разогнали темноту, позволив увидеть окружающее

пространство: каменный прямоугольный зал размерами со вспомогательный трюм «Аретузы». Стены, пол и потолок были сложены из одинаковых, идеально подогнанных друг к другу каменных блоков. Помещение, со всей очевидностью обустроенное очень умелыми строителями, не имело никаких признаков разрушения и даже пыли, но явно было очень древним.

— Не вижу двери, — произнесла Ангарад.

— Ну, здесь не настолько темно, — откликнулся Нейл.

— Я говорю, что здесь не видно ни одной другой двери, — сказала она. — Если, конечно, они не спрятаны.

— Не спрятаны, — ответил Рейвенор. — Я просканировал. Зал запечатан, стены сплошные.

— Но зачем ее тогда понадобилось строить? Для чего она нужна, если в нее нельзя войти.

— Возможно, они могут, — произнес Рейвенор. — Например, при помощи телепорта. А может быть, они просто не

хотели сюда заходить. Также существует вероятность, что они старались что-то не выпустить отсюда.

— Но ведь здесь нет никого, кроме нас, — сказал Нейл, а потом резко оглянулся на Рейвенора. — Или есть?

— Не думаю.

— Дверь готова! — объявила Ангарад.

— Мне кажется, мы могли бы передохнуть здесь несколько минут, — произнес Рейвенор. — Это место свободно от тех опасных для жизни явлений, которые мы обнаруживали раньше.

Они присели возле его кресла, уставившись на дверь.

— Айозоб, — произнес через некоторое время инквизитор, — я тут все размышлял о двери. Скажи, она ведь сейчас действует хаотично?

— Не знаю, — пожала плечами девушка. — Это не моя функция. Но предполагаю, что подобное вполне вероятно.

— Без Дома, который служил для нее якорем, дверь действует совершенно свободно, по принципу случайности?

Айозоб снова пожала плечами:

— Это не...

— ...твоя функция. Я знаю. Сколько же тебе лет, Айозоб?

— Четырнадцать.

— Ты выросла в Доме?

— Меня взрастила семья смотрителей, с тем чтобы я, как и все предшествовавшие мне матери, стала смотрительницей.

— И тебе не свойственна псионическая активность?

Не думаю. А как об этом можно узнать?

Но Рейвенор был уже вполне уверен. Он несколько раз мягко проверял ее и не находил никаких следов подобной активности. Ее сознание, в прямом смысле слова, оказалось удивительно одиноким, пустынным местом, свободным от обычного мельтешения мыслей.

— Среди смотрителей никогда не было псайкеров? — спросил он.

Она покачала головой.

— А это так важно? — поинтересовался Нейл.

— И все ж таки дверь работает, — произнес Рейвенор, — и в основу ее деятельности положены мощные псионические процессы. Не знаю, кто их активировал: Дом или кто-то, с кем мы не встречались. Смотрительницы ментально не активны, потому как действующий псайкер вызвал бы конфликт управления дверью. Полагаю, что их взращивают в очень специфических условиях, подвергая ритуалам, основной задачей которых является... полное спокойствие их умов. — Он чуть не сказал «полная пустота», но не стал, вспомнив, что Айозоб тоже слушает. — Когда Дома не стало, — произнес Рейвенор, — меня начал терзать вопрос: а не могу ли я сам управлять дверью? Возможно, что силы моего сознания окажется достаточно для того, чтобы направить нас к дому.

Они снова поднялись.

Рейвенор протянулся сознанием и попытался прощупать дверь так же, как разум живого человека. При этом он чувствовал себя идиотом, поскольку, хотя от портала и исходила фоновая вибрация

энергий, во всем остальном это была обычная деревянная дверь.

— Сейчас для нас важнее всего вода, — сказал Рейвенор. — Открывайте дверь.

Глава седьмая

Когда они прошли через портал, в лица им ударил свежий, холодный ветер. Впереди простирался каменистый известняковый берег, с одной стороны ограниченный волнующимся серым морем, а с другой — невысокими скалами. Тучи, затянувшие низкое небо, мчались с настораживающей стремительностью. Волны разбивались о мокрые камни, насыщая воздух влагой.

— Вот вы и нашли воду, — произнес Нейл, кивая в сторону шумящего моря в пятидесяти метрах от них,— если, конечно, она окажется пресной...

— Не окажется, — сказала Ангарад. — В воздухе чувствуется соль. — Она напряглась. — Нейл, начинай медленно идти ко мне.

— Зачем?

— Делай, как она говорит.

То, что раньше казалось глыбой мокрого камня, зашевелилось, оказавшись огромным мертвенно-бледным созданием,

похожим на крокодила с очень длинной и узкой мордой. Существо грелось на берегу в брызгах прибоя. Огромное тело поднялось на четырех мощных плавниках и лениво заскользило к воде.

Оглядевшись, путешественники обнаружили еще несколько подобных существ, маскировавшихся под серые глыбы известняка, греясь на берегу. Некоторые твари при этом держали пасти широко распахнутыми. Они казались сонными и совсем не заинтересованными посетителями.

— Как вы думаете, их здесь больше восемнадцати? — спросил Нейл.

— А ч-что? — спросила Айозоб, с некоторой опаской разглядывая чудовищ.

Нейл погладил приклад ружья и посмотрел на Рей-венора:

— Что скажете? Случайное совпадение? Или вы действительно заставили дверь доставить нас к воде?

— Скорее всего совпадение,— ответил Рейвенор.— Предлагаю попробовать еще раз.

До них донесся тихий треск молнии,

и начался дождь, вначале выражавшийся лишь в падении нескольких крупных капель, но затем хлынувший сплошным потоком. Спутники инквизитора через секунду уже вымокли до нитки.

— Чистая вода! — закричал Нейл, запрокидывая голову и открывая рот. — Во имя Трона, она свежая!

Ангарад и Айозоб тоже стали пить дождевую воду. Смотрительница сложила ладони чашечкой и лакала из горстей. А запрокинув голову, можно было и вовсе захлебнуться.

Рейвенор открыл окна водосборников, встроенных в кресло, стараясь восстановить внутренние запасы. Благодаря этому он мог хотя бы в некоторой мере восполнить жидкостной баланс систем жизнеобеспечения.

Дождь прекратился столь же внезапно, как и начался. Нейл вытер мокрое лицо ладонью и рассмеялся.

— В конце концов, сюда стоило заскочить, — произнес он.

Я успокаиваю свое сознание, прежде чем предпринять следующую попытку. У

меня почти не осталось сил и скоро наступит полное истощение. С уверенностью можно сказать, что поврежденные системы кресла в ближайшее время окончательно выйдут из строя, а без них моя жизнь окажется под очень большим вопросом. От других я это скрываю, хотя Нейл, похоже, о чем-то догадывается.

Я сосредоточиваюсь на двери и ключе в руке Айозоб. Жаль, что у меня не было возможности получше разобраться в тайных механизмах тринаправленной двери, поскольку копаться в столь мощных артефактах вслепую — не самое мудрое решение.

Но я все равно попытаюсь подключиться к двери, постараюсь ее или же нечто за пределами ее физического существования заставить понять себя. На сей раз я сосредоточиваюсь на воспоминаниях об «Аретузе». Если и существует место, где бы я сейчас мечтал оказаться, так это там.

Я думаю об «Аретузе». Думаю о 404-м годе. Поймет ли меня дверь? Способна ли

она понять меня? Когда я вспомнил про жажду, она доставила нас к воде, хотя и не совсем точно.

— Открывайте дверь.

Ветер был теплым и полным пыли. Резко очерченное солнце сверкало в безоблачном небе. Дверь стояла в чаще странного и перекрученного тернистого кустарника, чьи ветви, поднимавшиеся на высоту двух человеческих ростов, были твердыми и неподатливыми, точно кость. Пепельно-серая кора растений была шишковатой и морщинистой, усеянной длинными острыми шипами.

— Вы этого и добивались? — спросил Нейл.

— Нет, — произнес Рейвенор, выкатываясь из двери следом за ним.— Совсем не этого.

— Может, осмотрим окрестности? — предложил Гар-лон. — Поглядим, где мы очутились?

Они отошли от двери, поднимаясь по холму, густо заросшему кустарником. Ветер едва ощущался, но ветви вокруг них шевелились и трещали.

— Что-то мне не нравятся эти кусты, - пробормотал Нейл.

— Это только растения, — сказала Ангарад. — А растения не могут убить тебя.

— Знаешь, позволь мне рассказать тебе одну байку, — заговорил Нейл. — Побывал я однажды в одном месте...

— Заткнись! — сказал Рейвенор.

Инквизитор вымотался настолько, что даже вежливость казалась непростительной тратой сил. Кроме того, его терзало разочарование.

— Что это такое? — спросила Ангарад, показывая куда-то вперед.

Над зарослями кустарника, на самой вершине холма, возвышалась какая-то конструкция, напоминающая строительный кран или же антенную мачту.

— Предлагаю выяснить, — произнес Нейл. — Видите, там кусты начинают редеть.

Они стали продвигаться дальше, с трудом поднимаясь наверх и уворачиваясь от ветвей. Тернистые заросли

закончились внезапно. Перед путниками на несколько сотен метров простиралась расчищенная площадка. Земля казалась выжженной, словно здесь для избавления от живучей поросли воспользовались огнеметами.

— Смотрите, — сказал Нейл.

Выбравшись из кустарника, они смогли хорошо разглядеть вершину холма, на котором громоздилась серая неприветливая ограда, земля вокруг которой была полностью расчищена от кустарника на три сотни метров. За ограждениемрасполагались комплекс модульных конструкций и несколько высоких башен, в которых без труда угадывались вокс-ретрансляторы. А в модульных зданиях вполне опознавались имперские стандарты.

— Пока что это лучший из виденных нами вариантов, — пробормотал Нейл.

— Подойдем ближе? — спросила Ангарад.

— Да, — ответил Рейвенор. — Я ощущаю присутствие людей, хотя оно странным образом затуманено. Кто это и

сколько их, я не смогу установить.

— Почему? — спросил Нейл.

— У меня... проблемы с концентрацией, — сказал Рейвенор. — Простите.

— Вам больно, Гидеон? — спросил Нейл.

— Это касается только меня, Гарлон. — Кресло покатилось вперед.

Едва остальные попытались двинуться за ним по расчищенному склону, неожиданно раздался голос, искаженный вокс-динамиками и заставивший их замереть на полушаге.

Вслед за ними из кустарника выбрались три человека. Судя по телосложению, это были мужчины. Они были облачены в униформу гвардейского образца, основательно усиленную кольчужными вставками и защитными пластинами. На головах были шлемы с визорами, словно у гладиаторов, полностью закрывающими лица. Как и вся остальная их амуниция, визоры были запачканы и исцарапаны. Все трое сжимали в руках тяжелые грязные

огнеметы.

— Оставаться на месте! — приказал один из новоприбывших. Потом повел огнеметом. — Откуда вы, черт возьми, взялись?

Нейл честно махнул в сторону кустарника за своей спиной.

— Считаешь себя умником? — спросил другой гвардеец.

— Где ваш корабль? — потребовал первый. — Мы не фиксировали приближения какого-либо судна. Где вы совершили посадку?

— Мы прибыли не на корабле, — произнес Рейвенор.

Его смутило то, что ему не удалось почувствовать приближение этих людей, но то, что он не может прочитать их мысли, когда они так близко, настораживало куда больше.

Солдаты уставились на кресло Рейвенора.

— Это еще что такое? — спросил глава отряда.

— Кресло жизнеобеспечения, — сказал Нейл.

— Для калеки?

— Да, — ответил Рейвенор. Троица бойцов обошла их кругом.

— Сдайте ружье! — приказал один из них Нейлу. Гарлон осторожно откинул оружие в пыль.

— И ваш меч, — произнес другой, обращаясь к Ангарад.

Все трое казались просто зачарованными высокой женщиной в изодранном кожаном доспехе.

— Я не собираюсь обнажать его, так же как не испытываю ни малейшего желания причинять вам вред, — холодно ответила Ангарад.— Но меня не разлучат с Эвисорекс.

Айозоб подпрыгнула на месте и взвизгнула, когда глава отряда навел огнемет на землю и выпустил струю ревущего пламени. С обожженной поверхности взметнулась пыль.

— Брось свой чертов меч! — произнес главарь.

— Сделай это! — прошипел Нейл, покосившись на Ангарад. — Я помню про ваш «Кодекс», но мы уже прошли слишком

много — действительно слишком, — чтобы сейчас затевать скандал.

С гримасой на лице, будто отрезала себе руку, Ангарад отстегнула длинные ножны и почтительно положила их в пыль.

— Бригада расчистки два вызывает базу, — произнес в вокс командир отряда.

— Второй бригаде, возвращайтесь, — протрещало в ответ.

— Свяжитесь с охраной, пусть встретят нас у центрального входа. Мы на подходе. Скажите боссу, что она просто не поверит в то, что мы тут обнаружили.

В комнате модульного бомбоубежища было прохладно и тихо, свежий воздух нагнетался через вентиляционные системы, за которыми явно хорошо ухаживали. Из мебели здесь стоял стальной стол и с полудюжины складных стульев. Нейл присел на один из них и устало вздохнул. Айо-зоб опустилась на пол у его ног и свернулась клубочком.

Ангарад же не находила себе места. Она нервничала из-за того, что позволила забрать у себя оружие.

Рейвенор опустил свое кресло на пол,

чтобы сэкономить энергию, и теперь отдыхал. Нейл не спускал с него глаз, серьезно обеспокоенный состоянием своего начальника. Жидкость снова начала сочиться из трещин в корпусе, только теперь она была темноватой и мутной, словно в циркуляционные системы кресла попала грязь или продукты жизнедеятельности.

Трое солдат, один из которых понес ружье и меч, довели их до ворот базы. Навстречу им вышел отряд регулярной Имперской Гвардии, вооруженный громоздкими лазганами и облаченный в стандартную армейскую униформу, без всяких кольчужных вставок или бронированных пластин, какие были у команды огнеметчиков. Однако Нейл так и не смог опознать полковые знаки отличия.

На всех солдатах, стоящих у ворот, были шлемы, но лица оставались открытыми, если не считать очков, защищающих глаза от пыли. Гвардейцы разглядывали своих гостей с явным изумлением. Нейл задумался над тем,

насколько странное зрелище представляет он со своими друзьями: угрюмо озирающаяся долговязая амазонка, чья кожаная броня была изодрана в клочья и открывала взглядам смуглое исцарапанное тело; девушка-подросток, с ног до головы закутанная в балахон; увечный фрик в летающем кресле; лысый здоровяк в комбинезоне, видавшем лучшие дни. Впрочем, у него было подозрение, что этих людей больше удивляло вообще появление каких бы то ни было гостей.

— Я никого из них не могу прочитать, — послал Рейвенор. — Нейл, если ты слышишь меня, покашляй.

Нейл откашлялся.

— Значит, мое сознание еще не совсем ослабло. Должно быть, они просто заблокированы.

Их проводили в бокс и заперли за ними люк. С тех пор прошло уже десять минут.

Нейл поднялся со стула и выглянул в одно из маленьких узких окошек.

— Как вы думаете, это станция слежения? — спросил он.

— Да, — ответил Рейвенор, чей голос сейчас казался хрипом астматика.

— Мне так показалось из-за этих антенн. Подобные места всегда хорошо охраняются. Неудивительно, что они были не рады увидеть, как мы разгуливаем в окрестностях. Между прочим, вы сумели распознать их значки?

— Нет, — сказал Рейвенор.

— Я тоже, — пожал плечами Нейл. — Вы уверены, что выдержите, Гидеон?

— Бывало и лучше. Послушай меня... Возможно, что, заявившись сюда, мы влипли в неприятности. Как ты и говорил, это зона особого внимания. Я постараюсь договориться с ними, поскольку так у нас будет больше шансов на спасение. Во всяком случае другой надежды нам дверь пока не давала. Контакт с Империумом. Пожалуйста, следуйте моим указаниям и не совершайте... провокационных поступков.

— Эй, — вскинув руки ладонями кверху и возмущенно дернув плечами, откликнулся Нейл.

— Особенно это касается Ангарад.

— Я все понимаю, — бросила картайка. — Но Эвисо-рекс нуждается во мне и...

— Эвисорекс может подождать, Ангарад. Во имя Трона... — Голос, доносившийся из вокс-динамиков, словно отрезало, заглушило отрывистыми хрипами и скрежетом.

Нейл поспешил к креслу. Он понял, что его хозяин кашляет или даже задыхается.

— Гидеон?

— Что это с ним? — спросила Ангарад таким тоном, будто ей на самом деле было совсем не важно, что там испытывает Рейвенор.

— Проклятие, не знаю. Мне известно только одно: он тяжело ранен. О Трон!..

Нейл отстранил руку от корпуса кресла. Она оказалась вымазана в крови, капавшей из трещины, которую оставил УДар лапы монстра.

— Мне кажется, он умирает!

— Ты на удивление догадлив.

— Гидеон?

— Думаю, мы знакомы достаточно

долго, чтобы я мог быть с тобой откровенным.

— Очень на это надеюсь.

— Я, конечно, могу продолжать хорохориться и изображать из себя сильного лидера, но на самом деле силы-то я в себе больше и не ощущаю. Системы, поддерживающие во мне жизнь, выходят из строя. Когда они отключатся совсем, мое тело начнет умирать. Кроме того, как мне кажется, я получил еще и физическую рану. А может быть, и не одну. Точно сказать не могу, поскольку системы контроля за состоянием уже не работают. Сломалась и система вокс-трансляции. Сейчас я пытаюсь заставить свои модули заняться его починкой.

— Значит, разговаривать теперь придется мне?

— Пока — да. Эти люди неприступны для моего сознания. Причиной тому, конечно, может служить и мое ослабленное состояние, но мне кажется, что они чем-то защищены. Мне нужно, чтобы ты...

— Тихо! — прошипел Нейл.

Входная дверь открылась. Внутрь вошли двое солдат, сопровождаемые миниатюрной брюнеткой в полковничьей гвардейской униформе. Ее резкие черты были бы более привлекательными, если бы не годы тревог и постоянного пребывания на солнце, оставившие на ее лице глубокие морщины. Женщина кивнула, и один из солдат закрыл дверь.

Полковник прошла мимо них и села за стол, после чего окинула взглядом четверых задержанных.

— И ее мне не прочитать, Гарлон. Она тоже защищена.

Нейл встал рядом со стулом, глядя в глаза женщине.

— Мадам, прошу простить за доставленные вам неудобства, — произнес он. — Мое имя Гарлон Нейл. Я аккредитованный охотник за головами, обладающий лицензией на деятельность в секторах Скарус, Электиф и Бороданс.

— Очень забавная сказочка, — хрипловатым голосом ответила полковник. — Это как минимум мало

вероятно, учитывая, насколько далеко расположены эти сектора.

— Мадам, а могу я спросить, где мы находимся?

Прежде чем ответить, она немного помедлила, а на лице ее возникла смущенная улыбка.

— Вы хотите сказать, что не знаете?

— Как вы думаете, стал бы я задавать столь идиотский вопрос, если бы знал?

— Думаю, что не стали бы. Это Раец.

— Мне это ни о чем не говорит.

— Прошу тебя, Гарлон, поосторожнее выбирай слова.

— Позвольте полюбопытствовать, как вы могли оказаться на планете, — спросила женщина, — не имея ни малейшего представления о том, где она находится?

— Я мог бы рассказать вам историю о том, что меня похитили работорговцы, а мне потом удалось бежать вместе с тремя своими друзьями и приземлиться

на планете, о которой я ничего не знаю.

— Но будет ли эта история правдивой? — мягко произнесла она.

— Вы сами посмотрите на меня. А потом на тех людей, вместе с которыми я путешествую. Скажите, мы хоть сколько-нибудь похожи друг на друга? Разве мы не выглядим как типичные беглецы с корабля работорговцев?

— Да, в этом больше логики, чем в моих собственных предположениях.

— И что же вы предположили?

— То, что вы — шпионы. Хорошие шпионы, если верить моему опыту, порой надевают самые неожиданные маски.

Нейл кивнул на Ангарад, стоящую у противоположной стены:

— Вот, посмотрите на нее. Рождена для борьбы. Поэтому ее и выбрали работорговцы. Отличная племенная скотинка для арены.

— Я не позволю называть себя племенной ско...

— Захлопни. Пасть. Ангарад.

— Впрочем, работорговцы и в самом

деле, наверное, меня такой посчитали.

— Работорговцы? — спросила женщина. — Мы не замечали их активности... сколько?.. Кертер, когда мы в последний раз обнаруживали активность работорговцев в этом субсекторе?

— Никогда, — ответил один из солдат.

Но разве шпионы стали бы спокойно выходить на открытое место и отдаваться вам в руки? — спросил Нейл.

Возможно, что и стали бы, — сказала женщина. — Это зависело бы от того, что им на самом деле надо.

Нейл пожал плечами и рискнул ответить ей улыбкой:

— Значит, дела наши плохи?

— Должна сказать, что так и есть. — Она поднялась. — Я обязана представиться. Меня зовут полковник Аза Ланг, я действующий командир этой станции. И это все, что я обязана вам сказать. Вы военнопленные.

— Разве идет война?

— О, прошу вас! — поморщилась Ланг.

— Скажите, а вы, случайно, не обязаны

предложить нам помощь? — спросил Нейл.

— Какую помощь?

— Неплохо бы получить воды. Мы долгое время обходимся и без нее, и без пищи. Ребенок голодает. Не помешала бы также и медицинская помощь. Мой... приятель Гидеон был ранен.

Ланг посмотрела на кресло:

— Этот калека? В модуле жизнеобеспечения?

— Его ударили.

— Чем?

— Длинная история,— начал Нейл.

— Гарлон. Хватит юлить.

Нейл кивнул Рейвенору.

— Полковник Ланг, вы разрешите вам кое-что показать? — спросил он.

— Разрешаю.

Он приблизился к креслу.

— Только не надо дергаться и начинать радостно жать на спусковые крючки, — добавил Нейл, оглянувшись на двоих солдат. — Дай ее мне, Гидеон.

Одна из крышек на корпусе кресла отошла в сторону, открывая инквизиторскую инсигнию Рейвенора.

Нейл взял ее и передал Ланг:

— Это инквизитор Гидеон Рейвенор, Ордо Геликана.

Все остальные — его преданные слуги. Прежде чем оказаться на вашей планете, мы пережили настоящий кошмар. Поэтому властью Инквизиции мы запрашиваем вашей немедленной помощи.

— Ланг бросила инсигнию одному из охранников. Проверьте ее, — сказала она, и мужчина выбежал из комнаты. — Если вы говорите правду, то я извинюсь за подобное обращение. — Ланг вынула из кармана линк. — Доктор Башесвили должна незамедлительно явиться в лазарет, и пусть кто-нибудь принесет еды и питья.

— Благодарю вас, полковник, — произнес Нейл. — Мы...

— Как вы сюда попали? — спросила Ланг.

— Вошли в дверь.

— Что?

— Дверь.

— Не понимаю.

— Я, если честно, тоже. Путешествие оказалось непростым, и мне

действительно хотелось бы узнать, где ты находится.

— Это Раец, в субсекторе Фантомина.

— Фантомина? Трон, да это же... прямо на краю сегмента Ультима!

— Да, если в ваших рассказах есть что-то, кроме слов, вы оказались далековато от дома, — ответила Ланг. — Это станция слежения «Аретуза» на...

— Что вы сказали? — неожиданно перебил ее Нейл.

— Станция слежения «Аретуза». Нейл повернулся к креслу:

— Вы ведь хотели попасть на «Аретузу», верно?

— Да, Гарлон.

— Дерьмо! — простонал Нейл. — Эта, мать ее, дверь...

— С кем вы разговариваете? — занервничав, спросила Ланг. — С калекой? И он может отвечать?

— Инквизитор Рейвенор - псайкер, — сказал Гарлон. — По какой-то причине он не может прочесть вас.

— Это потому,— кивнула Ланг,— что

при отправке на Раец мы все снабжаемся блокираторами. Ку'куд кричит, когда мы его выжигаем.

— Кто?

— Колючий кустарник. Если бы не бригады огнеметчиков, ежедневно отбрасывающие его назад, он очень быстро охватил бы и задушил станцию. К тому же он психоактивен. По ночам он шепчет. А когда мы убиваем его, он кричит. Совокупный эффект и того и другого может приводить к летальному исходу. Поэтому перед отправкой настоятельно внедряют пси-блокираторы, чтобы сохранить наше душевное здоровье. — Она наклонилась вперед и раздвинула волосы, открывая имплантат, встроенный в основание черепа. — Без этого вы очень скоро начнете страдать.

— Можно задать вам еще один вопрос? — поинтересовался Нейл.

— Думаю, можно, — ответила Ланг.

— Год?

— Что значит «год»?

— Какой сейчас год указывается на календарях? — спросил Нейл, глядя ей

прямо в глаза.

— Конечно же, четыреста четвертый, — ответила она. — Четыреста четвертый, миллениум сороковой.

Глава восьмая

Когда они возвратились с поверхности, «Аретуза» оказалась холодна и негостеприимна. Она никогда не была ни слишком уютным судном, ни особо приветливым, но в этот раз, пройдя воздушный шлюз, они почувствовали особую промозглость и затхлость корабельной атмосферы.

Ануэрт возбужденно семенил впереди них.

— Файфланк что-то нашел! — провозгласил он.

— Надеюсь, это что-то стоящее, — обратился к остальным Тониус. — Я принял решение. И изменить его будет не просто.

— Давай вначале дождемся, что нам покажет Ануэрт, — произнесла Кыс. — Если это окажется корабль Сайскинда...

— Если, если, если... — эхом откликнулся Тониус. — Я хочу, чтобы мы легли на курс к Трациану уже ночью.

Кыс и Кара дождались, пока все

выйдут из шлюза.

— Как ты думаешь, Пэйшенс, отправиться к Трациану — это хорошая идея? — спросила Кара, когда их уже никто не мог услышать. — Стоит ли надеяться на снисхождение лорда Воркена?

— Это решение Карла, — пожала плечами Кыс. — Может быть, он и прав, Кара. После того как не стало *его*, мы обязаны возместить причиненный нами вред.

— Но не стало ли?

— О чем это ты? — Кыс посмотрела на нее.

— Гидеону не привыкать выкручиваться из самых безвыходных ситуаций.

— Спасибо, конечно, Кара Свол, — ответила Кыс. — Вот только боюсь, что не разделяю твоего оптимизма. Я видела, насколько он был изранен, видела, как погиб Дом. Его больше нет.

Кара вздохнула, и Пэйшенс почувствовала, что бывшая акробатка готова разреветься.

— Нам здесь тоже нелегко пришлось, —

— произнесла Кара.

— О чем это ты?

— На корабле происходило что-то странное. Это повторялось снова и снова в то время, пока мы ждали вас. Не хотелось беспокоить Рейвенора, поэтому я ничего раньше не говорила.

— Что значит «странное»? — тихо спросила Кыс.

— Такое ощущение, словно на корабле завелись призраки, — невесело засмеялась Кара. — Вся команда перепугана. Никто не может нормально уснуть с того момента, когда мы стали слышать рыдания.

— Да, я заметила, что ты выглядишь усталой.

— Усталой?

— Выжатой как лимон. Дерганой.

— Да, верно. Как и каждый на борту. Даже если бы мы не услышали... этого.

— Чего? Рыданий?

— Да, и безумного хохота, раздающегося в воксе, даже когда тот выключен.

— Но я ничего не чувствую, — неуверенно произнесла Кыс, пытаясь

протянуться своим сознанием.

— Еще почувствуешь. Спать не сможешь, а если и сможешь, то будешь метаться во сне. Вот поэтому-то я и упомянула о Гидеоне.

— Может, объяснишь?

— Я подумала, — пожала плечами Кара, — что, может быть, это он пытается выбраться откуда-то.

— Хорошо, я постараюсь разобраться, — произнесла Кыс.

У нее складывалось четкое представление о том, что же именно могло пойти «неправильно», но Кару Свол ей пугать пока не хотелось.

— А ты пока лучше обрати внимание, — проницательным тоном произнесла Пэйшенс, — на того, кто любит тебя.

Кара обернулась. На выходе из стыковочного шлюза ее дожидался Белкнап.

Они подошли друг к другу и обнялись.

— Скажи, это правда? — спросил Белкнап у Кыс, когда та проходила мимо.

— О чем ты, Патрик? Он прочистил горло.

— Кыс, Рейвенор погиб?

— Да, боюсь, что так и есть, — ответила она.

Кыс вошла в лазарет. В комнате не было никаких признаков пребывания Фрауки, если не считать тарелки, наполненной окурками лхо-папирос, и брошенного информационного планшета. Заэль все так же лежал на кровати: исхудавший и холодный как ледышка.

— Заэль? Ответа не было.

— Заэль?

Она обернулась, когда в комнату вошел Вистан Фрау-ка, прижимая к носу бумажную салфетку, позаимствованную в операционной.

— О, значит, вы уже вернулись? — спросил он.

— Где ты был?

— Там. — Фраука махнул в сторону операционной. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— А я не знала, что мне требуется приглашение! — отрезала она.

— Тоже верно, — примирительно

произнес он. — Послушай, я уже в курсе. Мне действительно очень жаль.

Она посмотрела на Вистана, осознав, что скорбь делает ее раздражительной и вспыльчивой.

— Он просыпался?

— Заэль? Нет.

— А ты бы сказал мне, если бы он проснулся?

— Нет, сделал бы из этого тайну! — парировал Фраука, усаживаясь на стул. — А в чем дело?

— Кара сказала мне, что, пока нас не было, на корабле происходило всякое.

Фраука надул щеки и понимающе вздохнул:

— Да, я слышал про это.

— А сам ты ничего не чувствовал?

— Крошка, я же ведь неприкасаемый.

— Держи эти уменьшительно-ласкательные прозвища при себе. Значит, ты не стал свидетелем ни одному из феноменов, о которых сообщают остальные.

— Нет, — сказал он, достав из пачки папиросу, но так и не прикурив ее.

Каким бы неприкасаемым он ни являлся, но напряжение, повисшее в комнате, трудно было не почувствовать.

— Мне много чего понарассказывали. Про стенания по воксу, например. Богуин вчера дежурил на камбузе и слышал смех, доносящийся из уборной. Файфланк говорит, что всякий раз, обходя трюмы, он слышит шаги за спиной. И все такое прочее. С другой стороны, Кыс, покажи мне корабль, где не было бы посторонних шумов. Экипаж нервничает, особенно после того, как стало известно, что он уже не вернется. А воображение любит пошутить.

— Но ты сам ничего не слышал?

— Нет.

— И Заэль не просыпался даже на мгновение?

— Я знаю, что поставлено на карту. — Фраука посмотрел ей прямо в глаза. — А тебе прекрасно известно, что поручил мне Рейвенор. Думаешь, мне все это очень нравится? Думаешь, я стал бы тебе лгать?

— Не знаю. Честно, Фраука, ни один

из людей в команде практически ничего не знает о тебе. Ты для нас — закрытая книга.

Это история всей моей жизни. Вы и понятия не имеете, насколько тяжело живется неприкасаемым. Все вокруг ощущают твое отсутствие, из-за чего чувствуют себя неуютно. С тобой обращаются точно с дерьмом. До встречи с Рей-венором у меня никогда не было приличной работы, только рядом с ним я почувствовал, что что-то значу. Но похоже, теперь все кончено, верно? И не стой у меня за спиной. Я достаточно долго прикрывал твою, чтобы заслужить хотя бы какое-то уважение, пусть ты себя и чувствуешь неуютно в моем обществе.

Они уставились друг на друга. В другой день, при других обстоятельствах она, быть может, и проявила бы чуть больше сочувствия. Своеобразным, загадочным образом Вистан спасал их жизни уже слишком много раз. Конечно же, он заслуживал их уважения, но именно сейчас Кыс не могла его проявить. Она была слишком напугана.

— Где ты был? — спросила она.

— Когда?

— Когда я вошла сюда.

— Вон там,— обороняясь, произнес Фраука.— Как я уже и говорил...

— И что ты там делал?

— Искал салфетку. У меня кровь из носа пошла.

— Кровь?

— Да, кровь из носа.

— Только не говори, что в первый раз, — произнесла Кыс, разглядывая окровавленные салфетки, валяющиеся под кроватью Заэля.

Она медленно подняла взгляд, снова уставившись на Фраука:

— Кровотечение из носа — один из вторичных признаков проксимальной психической активности.

— Еще это признак любителя поковыряться в носу, — парировал Фраука. — Я неприкасаемый, помнишь?

— И тем не менее он проснулся? — спросила Кыс, оглядываясь на Заэля.

— Я бы это почувствовал.

— Почувствовал?

— Я хотел сказать: блокировал бы.

— Ты знаешь, кто он такой? Кем он может оказаться?

— Мамзель Кыс, меня лично очень беспокоит вопрос, кем он мог бы стать.

Кыс бросилась к Фрауке и рывком подняла со стула. Тумбочка, стоящая возле кровати, опрокинулась, и блюдце с окурками и информационный планшет рухнули на пол. Вистан вскрикнул от неожиданности и попытался отпихнуть Пэйшенс. Он был сильным, крупным мужчиной, но она являлась обученным полевым агентом Инквизиции. И она была в ярости. Она припечатала Фрауку к стене, вжав локоть ему в горло.

— Зачем? Зачем ты это делаешь? — прохрипел он.

— Это ты мне скажи «зачем»! — прошипела Кыс.

Она протянулась телекинезом, все еще продолжая прижимать его своей физической силой, и вытащила из кармана Фрауки пистолет. Тот повис в воздухе между ними.

— Я знаю, для чего он у тебя. И тебе это известно. Рейвенор доверял тебе.

— Кыс!

— Он ведь проснулся, верно? Он бодрствует. Именно поэтому на корабле и слышны стоны. В чем дело, Фраука? Распустил нюни и не можешь сам сделать это?

— Нет! — закричал Вистан.

Кыс шагнула в сторону и отбросила Фраука на пол. Неприкасаемый неуклюже повалился. Затем она отвернулась от него, сжала парящий перед ней пистолет и ментальным приказом передернула затвор.

Пэйшенс подошла к кровати и, сжимая оружие в обеих руках, прицелилась в голову Заэля.

— Прости, — сказала она.

Фраука врезался в нее всем телом и сбил с ног. Они сцепились в драке. Пистолет выпал из ее рук и пробил дыру в потолке.

В лазарет влетел Белкнап. Без промедления он бросился к ним. Опыт службы в Гвардии взял верх, и ему удалось

растащить дерущихся.

— Отойди! — прокричал Белкнап, отталкивая Фраука.

Вистан ударился о стену и тяжело сполз на пол. Он ошеломленно смотрел, как Белкнап изо всех сил пытается управиться с Кыс. Пэйшенс поймала доктора в ментальный зажим и оторвала его от себя, одновременно возвращая выпавший из рук пистолет. Фраук поднял руку и вырубил свой ограничитель.

Белкнап упал прямо на Кыс и покатился вместе с ней по палубе, ударившись о ножку кровати Заэля. Патрик ударил Пэйшенс лбом в переносицу и сжал ее в надежном захвате.

— Отцепись от меня! — взвыла Кыс, капая кровью из носа. — Отцепись от меня, ублюдок, а лучше помоги...

— Брось оружие! — приказал Белкнап, усиливая захват.

Доктор сумел надавить на точку, расслабляющую запястье, и Кыс выпустила пистолет. Оружие загремело по полу.

— Не в моем лазарете, мать вашу! — прорычал он. — Никогда там, где я

работаю, не делайте этого!

— Это Слайт! — закричала Кыс, пытаясь отбиться от него. — Надо было убить его еще...

— Не здесь, — твердо ответил Белкнап.

Он прижал ее к полу одним коленом, а затем ударил по нервному узлу на спине. Кыс обмякла и отключилась.

— Позови Кару, — сказал доктор Фрауке.

— О чем, мать твою, ты думала, чокнутая нинкерша? — спросила Кара, заходя в небольшое помещение, расположенное в арестантском блоке «Аретузы», где лежала Кыс.

Вистан Фрауке, нервно потягивая лхо-папиросу, вошел следом за ней.

— Я пыталась защитить нас всех, Кара, — ответила Пэй-шенс, перекатываясь на другой бок и садясь. — Выпусти меня.

— Не могу.

— Почему?

— Ты пыталась убить Заэля.

— Это не Заэль, а Слайт.

Кара покачала головой.

— А твой парень оказался крепким засранцем, — произнесла Кыс, потирая шею. — Не стал нежничать.

— Он не мой парень, — ответила Кара.

— А кто же?

— Он мой... любовник. Парень — глуповато звучит.

— Как бы то ни было, но он управился со мной. Настоящий мужчина. Я, может, даже была бы впечатлена, если бы не искры перед глазами. Забавно, насколько легко может понравиться мужчина, способный ударить женщину. С тобой он никогда ничего подобного не проделывал?

— Прекрати.

— Все дело в том, — тихо произнесла Кыс, — что ему не стоило мне мешать.

— Не мешать убить Заэля? Беззащитного ребенка?

— Не такого уж и беззащитного. Он демон, который начинает просыпаться.

— Почему ты так говоришь, Пэйшенс?

— Ты знаешь почему, Кара. Гидеон сам сказал нам, что в теле этого

мальчишки может дремать Слайт.

— Ключевое слово «может». Ты сошла с ума.

— Перестань. Зачем бы тогда Рейвенор приказал Фрауке приглядывать за парнем и пристрелить того, если проснется?

— Что? — подскочив от неожиданности, спросила Кара.

— Я говорю правду, можешь сама спросить у этого отшибленного тупильщика!

— Эй! А ничего, что я тоже здесь? В пределах слышимости? — встрял Фраука.

— Так это правда? — спросила у него Кара.

— О, конечно же нет! — сказал Вистан.

— Лжец! — произнесла Кыс. — Гидеон сам...

— Пэйшенс... — успокаивающе проговорила Кара.

— Я не вру, — сказал Фраука.

— Кара, он заражен! Ему больше нельзя верить! — в отчаянии закричала Кыс. — У Фрауки начались кровотечения

из носа.

— У меня это с рождения, — ответил Вистан.

— Пусть другим рассказывает эти сказки, — сказала Кыс. — Он поврежден. Ментальные силы Заэля пробили его. Кара, очнись! Охранник-тупилыцик скомпрометирован, мальчик активен, а чертово судно наводнено видениями! Гидеон приказал мне проследить за этим!

— И казнить подростка? — Кара отвернулась. — Шол-то засек сигнал, который, с его точки зрения, соответствует «Милашке». Мы пытаемся уговорить Карла заняться преследованием. Мне жаль, что тебя не будет с нами, Пэйшенс, но ты... запуталась. Прости.

Она вышла из камеры. Дверь захлопнулась на замок.

— Кара! — закричала Кыс.

— Да, нехорошо получилось, — произнес Фраука, выходя вместе с Карой из тюремного блока.

Она приостановилась и повернулась к нему:

— Если в том, что она сказала, была

хотя бы крупица истины, я, Вистан, самолично выбью из тебя дух. Обещаю тебе.

— Что ж, это будет справедливо, — ответил он, — но я не вру.

Кара кивнула.

— Я должна подняться наверх.

— Так, значит, мы отправляемся за «Милашкой»? — спросил Фраука.

— Надеюсь.

Последовало продолжительное неловкое молчание, во время которого они разглядывали друг друга.

— Ладно, рад был с тобой поговорить, — произнес наконец Фраука, отворачиваясь.

Кара проводила его взглядом и направилась на мостик.

На мостике собралась почти вся команда, но, когда Кара вошла, практически никто не оглянулся.

Шолто Ануэрт сидел в капитанском кресле, изучая информацию, выведенную на нескольких мониторах.

Белкнап стоял возле главного люка. Доктор остановил Кару и на мгновение

прижал к себе.

— Я совсем не рад этому,— тихо проговорил он.— Кыс — твоя подруга, да и моя тоже, но мне показалось, что она сошла с ума. Я должен был ее остановить. Никогда еще не видел...

— Все хорошо, — ответила Кара. — Просто Кыс пришлось слишком многое вынести. Ты сделал только то, что должен был.

— Что случилось?

— Со мной? Ничего. Все никак не могу избавиться от того ощущения.

— До сих пор?

— Я справлюсь.

Кара отстранилась от него и спустилась на главную палубу мостика «Аретузы».

— Шолто?

Ануэрт оторвался от разглядывания мониторов.

— Как там Пэйшенс? — спросил он.

— С ней все в порядке. Что ты нашел?

— Сильненький след, — ответил Ануэрт. — Мы способны фиксировать признаки судна вон там. Сейчас я

подщипну его для вас.

На главном экране высветилась графическая информация: перед ними отобразилась цифровая модель одного из звездолетов, стоящих на высоком якоре над Утохром.

— Это «Милашка»? — спросила Кара.

— Чтобы установить ее местонахождение, потребовались треволнения, — ответил Ануэрт.

— Но это «Милашка»?

— Готов подписать это своей жизнью, — сказал Ануэрт. — Сейчас на их корабле используются дублирующие коды и сигналы, но неизменяемые узоры выдают в нем «Милашку».

— Текущее состояние?

— Служебные модули доставляют им припасы. Значит, скоро отчалят, — сказала Плайтон.

— Сколько у нас осталось времени до того, как они снимутся с якоря?

— Часов шесть-восемь, — сказала Плайтон.

Кара кивнула и повернулась к бледному мужчине, стоящему перед

главным дисплеем. Свет экрана словно уплотнялся вокруг его согбенной фигуры, образуя ореол.

— Карл?

Тониус повернулся к ним:

— А что ты хочешь, чтобы я сказал, Кара? У нас нет ни людей, ни огневой мощи, достаточной для абордажа или уничтожения их судна. Они превосходят нас силами раза в три.

— И что, мы просто возьмем и отпустим их? — спросила она.

— Мне хотелось бы уничтожить их, — пожал плечами Тониус. — Только не представляю, как это сделать.

— Бесшумный штурм, — предложил Бэллак. — Потребуется две или три гички с тихими двигателями.

Заманчивая мысль, — сказал Ануэрт, — учитывая, конечно, истинную фактизацию того, что на «Аретузе» нет двух или трех гичек. Нет даже одной. Есть только пара грузовых спускаемых модулей, и это суматация. Ни один них не оборудован глушителями.

Файфланк кивнул.

— Вот видите? — сказал Тониус. — Мы ничего не можем поделать.

— Только сидеть и смотреть, как они уходят? — произнес Бэллак.

— Во имя Трона, Карл, этот корабль — наша единственная ниточка к Молоху.

— Я устал от охоты за Молохом, — вздохнул Тониус. — Говорю вам, надо проложить курс к Трациану Примарис и побыстрее покончить со всеми неприятными делами.

— Мы, при всем благословении, можем проследовать за ними, — тихо произнес Ануэрт.

— Проследить за кораблем в варпе? — усмехнулся Тониус. — Я понимаю, что вы невелики ростом, но не знал, Ануэрт, что это отражается и на умственных способностях. Да, мы могли бы прыгнуть следом за ними. Но после этого в Имматериуме...

— Смысл был не в этом, — сказал Шолто. — Мы смогли бы проследовать за ними, если бы знали, куда они направляются.

— Все гениальное просто, — сказала

Кара.

— О да, давайте поблагодарим капитана громкими аплодисментами, — произнес Тониус.

— Карл, не издевайся, — сказала Свол.

— Пожалуйста. — парировал Тониус. — Неужели мне действительно требуется напоминать вам о том, что нам неизвестно, куда они направляются? И это делает бессмысленной всю гениальную простоту замысла Ануэрта.

— Зато о н и знают, куда направляются, — сказала Плай-тон, кивая в сторону экрана.

— Ну конечно они знают, — ответил Тониус.

— И прямо сейчас, — спокойно продолжала гнуть свою линию Мауд, — они прокладывают маршрут, производят вычисления точки перехода, начинают ритуалы снятия с якоря. Навигатор должен уже погружаться в транс и готовиться к испытаниям Эмпиреев...

— Так что, если бы кто-нибудь проник к ним на борт,— сказала Кара, — скажем, при помощи сервисной лодки...

— Только не это, — сказал Тониус. — Нет, нет и еще раз нет.

— Карл, — произнесла Кара.

— Пожалуйста, Карл, — сказал Бэллак. — Я думаю, попытаться стоило бы.

— Это стало бы самоубийством, — сказал Тониус. — Даже если кто-нибудь и сможет пробраться на борт, сумеет спрятаться и остаться невредимым, а потом еще и разузнает их маршрут и каким-то образом сообщит нам, обратно он все равно уже не выберется.

— Если пойду я, — сказала Кара, — то выберусь.

— Если, конечно, это будешь ты, — сказал Бэллак. — Во всяком случае я выдвигаю свою кандидатуру.

— Постойте минутку,— возмутилась Плайтон.— Но ведь это я предложила...

— Никто пока ничего еще не предложил! — отрубил Тониус. — Никто никуда не идет!

— Последняя попытка, Карл, — сказала Свол. — Ради памяти Гидеона. Последняя

попытка покончить с Молохом.

Тониус какое-то время молча сверлил палубу взглядом, а потом пожал плечами.

— Вы спятили, — произнес он.

— Я не сумасшедшая, — сказала Кара, — но я пойду. — Она посмотрела на Плайтон и Бэллака. — Простите, но спорить бессмысленно. Только один из нас бывал раньше на том судне. Кто-нибудь, подготовьте для меня посадочную шлюпку.

Кара направилась к люку, где стоял Белкнап.

— А мне все это не нравится, — произнес он. — Тониус прав: это самоубийство. Слишком рискованно, слишком уж много спорных вопросов.

— Прости, — сказала она. — Понимаю, что тебе бы этого не хотелось, но я должна.

— Кара, риск...

Она улыбнулась ему и сложила руки в знамение аквилы.

— Сохраняй веру, — сказала она.

Фраука вернулся в лазарет, поднял стул и опустился на него.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что защитил меня.

— Сам не понимаю зачем. Я вообще больше ничего не понимаю.

— Но ты способен меня слышать?

— Да. И до сих пор к этому не привык. Я не должен бы слышать.

— Действительно не должен. Думаю, недалек тот час, когда ты перестанешь быть неприкасаемым. Я выжигаю тебя. Я превращаю тебя в «прикасаемого». Прости.

— Я понимаю, что все это неправильно. Понимаю, что ты покопался в моей голове. Ты заставил меня врать.

— Не совсем так.

— Я должен кому-нибудь рассказать.

— Нет.

Фраука сморгнул и почти секунду не мог сосредоточить взгляд. Страх отразился на его лице.

— Трон, я знаю, что ты со мной делаешь! Прекрати! Во имя Трона! Ты заставил меня соврать, заставил! И Кыс, и Свол, и...

— Тише, Вистан.

— Я не стану молчать! — Он вскочил

на ноги и потянулся к вмонтированному в стену линку. — Я должен...

— Сядь. Ты должен сесть и вести себя тихо. Мы еще не дочитали.

Фраука опустил руку и покорно опустился на стул. Взгляд его был пуст.

— Эм-м... да, — сказал он. — Сесть. Хорошая мысль. Фраука подобрал информационный планшет:

— Так, где мы остановились?

— Она задохнулась в сияющем восторге, когда он овладел ею... И... Вистан?

— Да?

— У тебя кровь из носа идет.

Фраука посмотрел на пятнышки крови, расплывавшиеся на его рубашке:

— Проклятие, кровь из носа пошла.

— Возьми салфетку.

— Схожу за салфеткой, — произнес Фраука, поднимаясь со стула.

Кыс сидела у двери камеры, приложив ухо к замку. Снова и снова пыталась она при помощи телекинеза поменять положение отпирающих рычажков и

открыть дверь. В тот же день, когда они перебрались на «Аретузу», Рей-венор лично нанес на них охранительные печати, чтобы псайкеру непросто было выбраться.

Раздался лязг. Но дверь осталась непоколебима. Пэй-шенс громко выругалась и снова приложила ухо к щелке замка.

— Кыс.

Пэйшенс подалась назад:

— Да?

Тишина. Только воображение.

Она снова наклонилась, решив попытаться еще раз.

— Кысссс.

Трон! Она отстранилась и стала на карачках пятиться от двери.

— Кто? Кто там?

— Это я, Кыс. Это я. Она сглотнула:

— Гидеон?

— Это я, Кыс. Я здесь, с другой стороны двери.

— Дверь? — Кыс вернулась к замку и уставилась на него. — Гидеон?

— Я еще здесь, Кыс, но пока что слишком далеко. Прошла словно тысяча лет. Я заточен, потерян. Я хочу быть с

вами.

— Гидеон, вы живы, славься великий Трон! Неожиданно наступила тишина.

— Гидеон?

— Кыс? Прости, я потерял тебя. Я ослаб. Очень ослаб. Я на мгновение потерял тебя. Ты еще здесь?

— Да, я здесь!

Она еще плотнее прижалась щекой к холодному металлу двери, прислушиваясь к замочной скважине.

— Гидеон? Гидеон?

— Я здесь, но пока еще очень далеко. Я хочу быть с вами.. Мне больно. Я заперт. Дверь не хочет открываться.

— Я пытаюсь открыть ее! — Кыс снова отстранилась, задыхаясь от напряжения.

— Я хочу быть с вами, Кыс. Я чувствую ее приближение. Я слаб. Я не знаю, что мне делать.

— Чье приближение?

— Смерти. Я чувствую это. Она приближается. Я чувствую ее запах. Она ищет меня. Хочет забрать меня. Пока что мне удавалось отбиваться от нее, но

долго так продолжаться не сможет.

— Чем я могу вам помочь? — в отчаянии послала она.

— Открой дверь. Открой дверь. Открой дверь.

— Я стараюсь! Стараюсь, Гидеон! — послала она в ответ, снова завозившись при помощи телекинеза со сложными механизмами замка. — Думаю, у меня получится!

Замок проскрежетал чуть громче. Задыхаясь от усталости, Пэйшенс повалилась на спину.

— Кыс, можно спросить?

— Конечно!

— Кто такой Гидеон?

Кыс отскочила от двери и забилась в дальний угол камеры.

— О чем это ты? Что значит, «кто такой Гидеон»? С кем я разговариваю?

— Не надо так нервничать, Кыс.

— С кем я говорю?

Дверная ручка зашевелилась сама собой, слабо подергиваясь вверх и вниз. По поверхности металла стала распространяться корка льда. Из замочной

скважины раздался дикий, безумный хохот.

— Тебе известно, кто я, — произнес
голос.

Глава девятая

Доктор Людмила Башесвили оказалась высокой, худощавой женщиной лет шестидесяти. Большую часть службы она потратила на лечение тупоголовых гвардейцев от синяков, растяжений связок и ушных воспалений. Войдя в палату и увидев разбитое кресло, она прихватила пальцами карман блузы.

— Это еще что за чертовщина? — спросила она. — Я врач, а не техноадепт.

— Это модуль жизнеобеспечения, — сказал Нейл, стоящий рядом под бдительным надзором двоих вооруженных солдат.

Ангарад и Айозоб солдаты уже отвели в камеру. Ланг позволила остаться с Рейвенором только Нейлу.

— А ты еще кто такой? — спросила Башесвили.

— Меня зовут Гарлон Нейл.

— Очень интересно, — произнесла доктор. — Надо думать, крепкий парень?

— Вы обо мне или о кресле? — спросил

Нейл.

Башесвили наклонилась и стала рассматривать модуль.

Она пробегала пальцами по поверхности, касаясь вмятин и пробоин. Обмакнув указательный палец в сочившуюся из них жидкость, она поднесла его к носу и скривилась.

— Он может говорить?

— Как правило, но сейчас его вокс-система повреждена. Он может общаться через меня.

— Псайкер?

Нейл кивнул.

Башесвили с силой выдохнула и распрямилась, опуская ладони на бедра.

— Он умирает. Это очевидно. Критическая поломка систем жизнеобеспечения и повреждение наружного покрова модуля.

Она осторожно завела кресло в диагностический зал, отпихнув в сторону койку-каталку, на которой, как правило, размещались ее пациенты. Нейл наблюдал за ее действиями. Башесвили активировала целый ряд всевозможных

устройств, в которые в том числе входили медицинские сканеры, установленные на хромированных опорах. Доктор настроила их размещение, чтобы иметь возможность лучше проанализировать кресло. Когда зажглись мониторы, она принялась изучать полученную информацию. Затем достала ручной сканер и провела им над каркасом модуля жизнеобеспечения.

— Толстая броня, — произнесла Вашесвили. — Боюсь даже представить, что могло проделать дыры в столь прочной стали. Но главная проблема в том, что из-за нее мне

не удается получить сколько-нибудь полезную информацию.

— И что вы предлагаете? — спросил Нейл.

— Я могла бы попытаться подключить внешнюю систему жизнеобеспечения, чтобы стабилизировать его состояние, но... — Она склонилась над корпусом кресла и принялась разглядывать встроенные в него входы и сочленения.

— Но?

— Но похоже, что соединительные входы не соответствуют стандартам. Это кресло изготовлено на заказ. Так что эта затея бессмысленна. Впрочем, все равно это было бы только временным решением. Чтобы спасти его, я должна забраться внутрь.

— Нет, — решительно отказался Нейл, — он не позволит этого.

Вооруженные охранники, стоявшие рядом с ним, напряглись, готовясь скрутить его.

— Значит, он позволит себе умереть? — спросила Ба-шесвили у Нейла.

— Что?

— Я в принципе не смогу ему помочь, если не заберусь внутрь. Может быть, он все-таки согласится, учитывая то, что на карту поставлена его жизнь?

— Он имперский инквизитор, — пожал плечами Нейл. — Его зовут Гидеон Рейвенор. Насколько мне известно, он не покидал своего кресла с тех самых пор, как его поместили туда.

— Давно?

— Уже несколько десятилетий. Его

жизнь подчинена определенным правилам.

— Я медик, — ответила Башесвили. — У нас свои правила.

Она снова пробежала руками по поверхности кресла Рейвенора.

Распахнулся люк, и в помещение вошли Ланг и еще двое солдат.

— Полковник! — произнесла Башесвили, вытягиваясь и отдавая честь.

— Доктор, — кивнула Ланг, прежде чем перевести взгляд на Нейла. — Мы связались с местными ордосами. Они сейчас проверяют свои архивы. И до сих пор им не удалось найти каких бы то ни было сведений о вас. Хорошая попытка. Ваш значок почти одурачил меня.

— Полковник... — начал Нейл.

— Они все еще продолжают проверки, — произнесла Ланг, — кроме того, при помощи астротелепатов запрос передан ближайшим конклавам сектора. Со мной обещали связаться в самое кратчайшее время, но анализ может занять несколько дней, а то и недель. На этот срок, сэр, я должна приготовиться к наихудшему варианту и ограничить вашу свободу.

— Пожалуйста, — сказал Нейл.

— Сейчас военное время, — сказала Ланг, — поэтому действуют законы военного времени. Я не могу относиться к вопросам безопасности менее строго. Мятежники нападали на станцию прежде и могут сделать это снова в любой момент. — Она прожгла Нейла взглядом. — А могут быть уже здесь. Доставьте его в тюремный корпус! — приказала охранникам Ланг.

Нейла вывели из комнаты.

— Этот нуждается в уходе, полковник, — произнесла Башесвили. — Он в очень плохом состоянии.

— Сделайте все возможное для того, чтобы он смог присутствовать на допросе, — сказала Ланг.

Полковник вместе со своим сопровождением удалилась, захлопнув за собой люк. Оставшись в одиночестве, Башесвили посмотрела на измятое кресло.

— По возможности, — сказала она, — я стараюсь налаживать диалог со своими пациентами.

В ответ из машины донесся только

тихий хрип.

— Скажите, — произнесла Башесвили, — где у вас болит? Или нигде? Ну, или хотя бы скажите «аааа».

Снова раздался хрип.

— Мне не стоило бы делать этого, — сказала Башесвили, — но я баба своенравная, у меня менопауза, и долгое, утомительное пребывание на Раеце скоро плохо закончится для меня.

Она откинула волосы и медленно отвинтила блокирующий имплантат, который положила на отполированную столешницу.

— Так лучше? Привет?

— Лучше. Вы можете меня слышать?

— Изумительно! Могу. Вы сильны. В моей голове словно зазвучала песня. У вас хороший голос. Мягкий. Должно быть, раньше вы были дьявольски красивы, верно?

— Не знаю.

— Да, наверняка так и было. Я уверена. Так как вас зовут?

— Гидеон.

— Привет, а я — Людмила. Только предупреждаю, не надо копошиться в моей

голове, ясно? На мне лежит большая ответственность.

— Не буду. Обещаю. Поверьте мне, Людмила. Сейчас я мечтаю только о том, чтобы прекратилась боль.

— Да, если честно, вы в заднице. Это можно сказать хотя бы по исходящему от вас запашку. Вы гниете в своей коробке. Мне придется извлечь вас. Но ваш друг, похоже, полагает это недопустимым. А что скажете вы?

— Что скажу... Мне не протянуть долго, Людмила.

— Тогда приступим, — сказала она, выпрямляясь и поворачиваясь к стойке со стерильными инструментами. — Как поступим? Вы сами откроетесь или мне придется взламывать корпус при помощи резака?

— Подождите.

— Зачем? — спросила она, а потом неожиданно стала вытирать лицо, на котором, по ее ощущениям, словно налипла паутина.— Что вы делаете? Я чувствую это! Что вы делаете?

— Прошу меня простить. Я изучал

ваше сознание.

— Ого! Любезно прошу больше так не делать. — Она помедлила, а затем спросила: — И что вы увидели?

— Я видел достаточно, чтобы довериться вам. Мне придется довериться. Сейчас я открою кожух. Только не слишком нервничайте, когда увидите то, что внутри.

— Проклятие, Гидеон! — фыркнула она. — Вряд ли вы обладаете чем-то, чего я еще не видела. Так как открыть кожух?

Рейвенор не ответил. С тихим шипением отстегнулись крепления, и верхняя крышка кресла медленно поднялась. Изнутри вырвалось облачко пара. В открывшейся нише горел тусклый синий свет.

— Ох, Гидеон,— произнесла доктор, заглядывая внутрь. — Не повезло тебе, бедолага. — Она надела хирургические перчатки и снова вернулась к нише. — Думаю, мне понадобятся помощники, чтобы...

— Никаких помощников. Больше

никто не должен видеть. Только вы.

— Ой! — сказала она.— Полегче с посылкой, пожалуйста.

— Простите. Но, пожалуйста...

— Ладно. Если вы настаиваете. — Она наклонилась и погрузила руки в теплую жидкость, обнимая Рейвенора. — Я держу вас? Надежно?

— Да.

Башесвили вынула его из кресла. Следом потянулись тысячи крошечных проводков от датчиков и трубок капельниц, облепивших инквизитора, точно водоросли — днище корабля.

— Нхххг!

— Все в порядке, Гидеон, — успокаивающим тоном произнесла она. — Тише, тише. Все хорошо. Я держу вас. Гидеон?

Мокрый, вымазанный в крови бледный мешок дышащей плоти, который она держала в руках, был очень тих.

— Гидеон?

— Они нам не верят? — зарычала Ангарад.

— Нет.

— Они не верят нам? — повторила она.

— Нет! — сказал Нейл. — А теперь тише. Я думаю.

— Мы в тысяче лет, — произнесла Айозоб из угла камеры. — Это очень много.

— Я знаю, — сказал Нейл. — А это означает, что подтверждение нашего статуса никогда не придет, потому что нас еще не существует. Я рассчитывал только на отсрочку. Какая ирония! Инсигния подлинная, но для них она — фальшивка. А теперь умолкните и дайте мне подумать. — Ой! — воскликнул он, когда его голову пронзила острая боль.

— Я тоже это почувствовала, — произнесла Ангарад, массируя виски.

— Это Гидеон! — Нейл вскочил. — Гидеон. Ему больно.

— Возможно, — произнесла Ангарад, — но разве нас не предупреждали? Нам ведь рассказывали, что делают кусты с наступлением темноты?

Снаружи уже была ночь. Они слышали, как за узким решетчатым окном шепчется и шелестит колючий кустарник

ку'куд.

— Ну, здорово! — прорычал Нейл. — Что ж, у нас остается только один выход.

— Какой?

— Мы должны выбраться отсюда.

Ангарад посмотрела на него из-под полуопущенных век:

— Мне, конечно, не свойственно использовать такое слово, как «если», но...

— Но?

— Если мы сможем открыть этот люк, если сумеем не угодить под пули охранников, если найдем выход с базы и если Рейвенор будет способен пойти с нами...

— Прошу тебя, женщина, переходи к сути, — сказал

Нейл.

— Если твой разлюбезный друг Гидеон тяжело ранен и его нельзя трогать, ты оставишь его здесь?

— Нет, — сказал Нейл.

— Тогда нет никакого смысла устраивать побег. Тем самым мы бы сами подписали себе смертный приговор. Убежать, чтобы потом остаться?

Нейл вздохнул и прислонился спиной к стене камеры. Он сполз по ней, пока не сел на пол. Ангарад уже было решила, что он сломлен.

— И все картайки такие пессимистки? — спросил он. — Мне казалось, что ты была воительницей.

— Хороший воин знает, когда есть смысл сражаться, — сказала Ангарад.

— А лучший воин знает, когда приходит время для импровизации! — парировал Нейл, начиная стаскивать ботинок.

— Что он делает? — спросила Айозоб, наблюдая за ним.

Ангарад пожала плечами.

Охранники Ланг обыскали их и отобрали не только оружие, но и вообще все железяки. Они нашли нож в сапоге Нейла, моток многофункциональной проволоки на его поясе и даже небольшой камешек-окатыш, лежавший в карманчике на запястье.

Гарлон отвернул задник ботинка и осторожно извлек что-то из-под дутой стельки. Это оказалась тонкая фотка,

сделанная из инертного пластека!

— Вот ответ на твое первое «если», — сказал он. — При помощи этого я открою люк. Остальные твои возражения тоже бесспорно хороши, но действовать все равно надо.

— И что будем делать, когда люк откроется? — спросила мечница.

— Импровизировать, как я уже и говорил, — усмехнулся он. — К этому у меня талант.

— Да, — кивнула Ангарад, — это как раз одно из немногочисленных свойств, которые мне в тебе нравятся.

Если именно так мне и предстоит умереть, то я даже рад. Оказаться на свободе в последний раз. Вне кресла. Чувствовать прикосновение воздуха к коже...

Уж не знаю, какой бы смерти я желал, но всегда был убежден, что меня настигнет какой-то титанический рок и я погибну на службе ордосам.

В принципе примерно так все и вышло, но в то же самое время я умру в спокойной обстановке, на свободе. Сейчас

мысли о тяжести нашего положения отошли в сторону. Тревоги о невозможности возвращения в собственное пространство-время кажутся незначительными и угасают.

И я угасаю вместе с ними.

Держись, держись. Последнее, что еще сохраняет свою значимость, этот голос. Я чувствую, как мое бесполезное, умирающее тело дергается и дрожит под руками Людмилы Башесвили.

Она тяжело дышит. Я чувствую ее напряжение. Как, впрочем, и ее самоотдачу. Доктор подключила к моим системам и органам различные трубки. Я слышу, как попискивают и гудят ее машины. Чувствую разливающееся внутри тепло, происхождением которого, как подозреваю, я обязан введенным мне анестетикам или переливанию крови.

Кроме того, я ощущаю странный шорох на грани своего сознания. Людмила также чувствует его и начинает беспокоиться. Ку'куд. Наступила ночь, и кустарник просыпается. Это даже не чувство — только сухое, скрежещущее

шипение фоновой ментальной активности. Оно не слишком неприятно, просто назойливо, точно жужжание насекомых. Кустарник представляет собой огромную психоотзывчивую массу.

— Гидеон? — спрашивает доктор, бросая окровавленные инструменты в миску. — Вы еще здесь?

— Да.

— Отлично, — произносит Людмила.

Она лжет. На несколько мгновений я покидаю свое тело и взираю на мир через ее глаза. Передо мной на операционном столе лежит уродливая, отвратительная груда. Из нее выходят катетеры, трубки капельниц и отсосов. Я уже довольно давно не видел себя самого во плоти.

В изувеченной, бессильной плоти. От человеческого лица остались только неопознаваемые останки, увенчивающие опухолью морщинистый мешок, содержащий в себе органы и бесполезные кости. Боже-Император, как же мне удалось пережить взрыв на Трациане Примарис? И, Боже-Император, почему ты позволил мне выжить?

Я вижу бледную плоть и атрофированные культи ампутированных конечностей. Вижу тертвенные пятна застарелых ожогов и рубцы шрамов там, где мое тело зашивали хирурги. Кроме того, я обращаю внимание на черные пятна гематом и некроза, как тень листвы под деревом, усеивающие мою кожу. Я вижу раны, похожие на распахнутые рты, оставленные кривыми когтями тварей. Повреждения оказались серьезнее, чем я предполагал. Из того, что я когда-то считал своим животом, Людмила только что удалила десятисантиметровый обломок костяного крюка. С гримасой отвращения на лице она бросает его в миску. Великий Пожиратель.

Мое сознание начинает уплывать. Боль остается, но за болью я уже ощущаю покой... думаю, это смерть. Людмила вставляет нить в иголку.

Я должен оставаться в сознании. Я знаю. Знаю.

Я заглядываю внутрь доктора. Скольжу мимо рифов печали и обхожу их

легко, поскольку сейчас она сосредоточена на другом. Как я вскоре понимаю, жизнь полевого медика трудно назвать жизнью. Ее путь тернист и неблагодарен. Вспыхивают и раскрываются энграммы памяти. Я вижу ее вместе с братьями, еще тогда — дома. Детский смех — лелеемый золотой слиток ее памяти. Голубое платьице. Письма отца. Смерть отца. Передо мной возникают картины неудачного замужества и несколько кошмарных любовных интрижек. Вижу ребенка, которого она потеряла.

Я подглядываю. Мне стоило бы отвернуться и устыдиться, но не получается. Основная часть хранилищ ее памяти заперта на замок от самой себя. Тайные течения в теплом, забытом море.

Я вижу войну, продолжающуюся уже тридцать лет. Восстание на Веде, причиной которому стала эмансипация. Имперские сепаратисты. Оцепленные Гвардией системы. Продолжительный конфликт, вспыхнувший сразу на трех мирах. Слухи о массовых казнях, санкционированных Гвардией.

Грязная война. Империум сражается сам с собой. Неудивительно, что Аза Ланг настолько изтотана. Извечный Враг, зеленокожие, эльдары — все они страшные противники. Но в конечном итоге, когда дело доходит до войны людей с себе подобными, я не знаю более страшного и жестокого врага, чем представители нашего собственного вида. Людмиле все это кажется отвратительным. Ага, понимаю: ее семья происходит с Веды.

Еще более ненавистно для нее это назначение. Раец. Прямо на передовой, на станции слежения. Постоянные тревоги, напряжение, оборона. Она устала от всего этого.

И основную ненависть вызывает в ней ку'куд. Шепчущий терновник. Люди, запертые здесь, и без того страдали бы от паранойи. Кусты только усугубляют ее.

Жаль, что я не могу ее утешить. Я...

— Гнххх!

— Гидеон? Вы все еще со мной? Я вас не потеряла?

— Я здесь.

Мой голос трудно назвать даже

шепотом. Людмила только что извлекла еще один осколок костяного крюка. Он со звоном падает в миску.

— Меня тревожат ваши жизненные показатели, Гидеон. Прошу вас, постарайтесь оставаться здесь, со мной.

Попытаюсь.

Ку'куд скребется в мое сознание. И хотелось бы заглушить его, но не выходит. Словно где-то поет хор... неодушевленный хор. Я...

Кустарник резонирует. Когда я пытаюсь откинуть его, он только сильнее напирает. Разумен он или нет, но усиливает мои мысли, возвращая их в виде эха. О Трон, я могу...

— Аргхххх!

— Гидеон? Гид...

Похоже, что я терял сознание. Да, действительно хрон, установленный на столе, убежал уже на восемь минут. Восемь ли?

— Людмила?

— Гидеон? О, ради Трона! А я-то, мать вашу, уже думала, что угробила вас!

— Ну что за слова.

Она смеется. У Людмилы приятный смех. Мужчины, ухаживавшие за ней, обожали его. Почему же она так и не смогла найти себе хорошего партнера, с которым можно было бы связать свою судьбу? Теперь все кажется таким далеким. Похоже...

— Гидеон! Вернитесь, ублюдок!

— Я все еще здесь.

— Мне придется залезть еще глубже в эту рану. Вы должны собраться с силами. Сможете выдержать?

— Да.

— Попытайтесь подумать о чем-нибудь. Сосредоточьтесь на этом.

— Хорошо.

Я пытаюсь сосредоточиться на... Меня уносит. Я пытаюсь вспомнить, как фокусировать свои мысли. Все кажется пустым и незначительным. Я думаю о Нейле, Кыс, Каре, Уилле...

Он мертв. Я знаю, что он мертв. Его убил Молох.

Когда я вспоминаю о Молохе, ко мне отчасти возвращается связность мыслей. Зигмунд Молох. Если бы не он, я бы не

оказался здесь. Без него моя жизнь сложилась бы совсем иначе.

Я испытываю жгучую ненависть. Во мне вскипает энергия.

Так-то лучше. Отличные жизненные показатели. А теперь будет действительно больно.

Молох. Молох. Я хочу... хочу прикончить его. Пусть он от меня в тысяче лет и на расстоянии в половину Галактики, но я не забыл о нем и мечтаю уничтожить его. За все, что он сделал со мной. За то, что загнал меня сюда.

— Гидеон, ваш пульс слабеет. Гидеон?

Ку'куд. Дверь. Теперь я все вижу. Теперь я все могу видеть и...

— Гидеон?

Я все вижу. Трон, я понимаю, что очень быстро угасаю. Каждый из инструментов Людмилы, погружаясь в меня, обладает собственным привкусом. Соленый запах скальпеля, металлический оттенок пинцета, хлорный аромат рано-расширителей.

О Трон. О Трон, я и в самом деле умираю.

Но теперь я все вижу. Ох, как отчетливо я все вижу. Дверь. Ключ. Ку'куд. Я посылаю этот образ в сознание Людмилы. Если бы только я мог... если бы только получилось.

— Ой! — Она вскрикнула и затряслась. — Прекратите!

Если бы я только мог. Если бы я только мог. Если бы я только...

Если бы я только мог. Если...

Башесвили отскочила от хирургического стола.

— Гидеон? — спросила она.

Все мониторы вокруг нее перестали попискивать и показывали только прямую линию.

— Нет! — закричала Людмила.

Глава десятая

С толчком и скрежетом металла о металл служебный модуль пристыковался к «Милашке». Засуетились серви-торы и корабельные грузчики, с шумом и криками перегружая в межпалубные лифты ящики с провиантом. Шипя гидравликой и выпуская клубы пара, открывались массивные люки.

В грузовом отсеке, освещаемом только тусклыми лампочками под потолком, было практически темно. Кара спрыгнула с массивной трубы воздушного циркулятора, на которой пряталась во время полета от орбитальной станции. Низко пригибаясь, она пробежала вдоль платформы и запрыгнула на один из загруженных подъемников, уже уходивший наверх.

Подъемник вплыл в огромный трюм «Милашки». Здесь пахло специями и гнилыми фруктами. Члены экипажа и сервиторы были слишком заняты разборкой другой башни из контейнеров,

поэтому Кара незамеченной соскользнула с подъемника и растворилась в тени. На ней был черный комбинезон с капюшоном, скрывающим ее рыжие волосы. Мимо нее, переговариваясь, прошли матросы. Она почувствовала запах пота и застарелый перегар лхо, исходящий от их одежды. Когда они удалились, Кара нашла более удобное место, где и спряталась. Со своей позиции она могла наблюдать за происходящим в основном трюме. Сам Сайскинд присутствовал здесь — рыжеволосый мужчина с красивым суровым лицом, облаченный в стеклотканевую куртку. Сейчас он разговаривал с капитаном служебного модуля и подписывал грузовую декларацию.

Однажды Кара уже побывала на борту «Милашки». В тот день «Потаенный свет» захватил капера и достотрел по пути на Ленк. Казалось, будто это произошло целую вечность назад, но Кара прекрасно помнила расположение помещений. Она дождалась некоторого затишья и пробежала по боковому проходу к люку.

В коридоре, открывавшемся за ним, было тихо и безлюдно. Она устремилась вперед.

На то, чтобы миновать три палубы, у нее ушло десять минут. Пять раз за это время ей приходилось искать укрытие, когда мимо проходил кто-нибудь из экипажа. По ее оценке, мостик был уже недалеко.

Она торопливо шагала вперед, когда услышала приближающиеся голоса и шаги. Кара огляделась.

Прятаться было негде.

Люциус Уорна, возвышаясь над идущим рядом с ним капитаном Сайскиндом, с громким лязгом вышагивал по коридору. Уродливые раны, полученные им в Ведьмином Доме, до сих пор не были обработаны и начинали покрываться черной неровной коркой.

— Долго еще? — спросил он.

— Через тридцать минут мы отстрелим последнего поставщика, — ответил Сайскинд. — Еще час уйдет на то, чтобы прогреть двигатели, отключить якоря и завершить расчеты

массовых соответствий для перехода. Лично я сейчас собираюсь поужинать. Не желаете ли присоединиться?

Уорна одобрительно хмыкнул.

Когда они уже подошли к выходу из коридора и Сайскинд открыл люк, Уорна остановился и оглянулся назад.

— Что случилось? — спросил капитан.

Уорна, продолжавший всматриваться в пустой проход, пожал плечами:

— Мне показалось... будто я что-то унюхал.

— И что бы это могло быть? — спросил Сайскинд.

— Не имеет значения, — произнес Уорна, покачав головой.

Они прошли через люк и скрылись из виду.

Кара выдохнула и спрыгнула с балки, приземлившись на ноги. Слишком близко.

Она слышала, как Сайскинд говорил про тридцать минут. Если она хочет оказаться на служебном модуле, когда тот отчалит, именно столько времени у нее и оставалось.

Мостик — широкое помещение с

низким потолком — был практически пуст, системы переключены в автоматический режим ожидания. Она пряталась в тени, пока первый помощник капитана «Милашки» — Кара припомнила, что его звали Орналесом, — проверял показания нескольких мониторов вместе с еще двумя своими людьми. Затем все трое удалились, направившись в навигационный зал.

Необходимая Каре информация была выведена на основной пульт, подвешенный под потолком над капитанским креслом. На экране ретранслятора сверкали колонки Данных. Внимательно вчитываясь в них, Кара прокрутила информацию вниз.

Голоса. Она спряталась за капитанским креслом. Орна-лес вместе со своими людьми вышел на мостик, а затем удалился снова, скрывшись за люком, через который она сама попала сюда.

Кара поднялась и подползла к пульту связи. Ей удалось разобраться в управлении высокомощного вокса незнакомой конструкции. Выбрав канал связи и

аккуратно поднастроив направление передачи, она выбрала неречевой сигнал, после чего очень осторожно вбила свое сообщение: «Балерина вызывает Гнездо. Гудрун».

Кара нажала на кнопку передачи. Машина тихо пропела что-то сама себе, и слова сообщения заменило слово «отправлено».

Кара метнулась к выходу. По ее собственным расчетам, в запасе оставалось не более десяти минут. На то, чтобы добраться до мостика, времени ушло значительно больше.

Она промчалась по коридору, отходящему от мостика, пробежав мимо четырех ответвлений, и свернула налево. Где-то позади раздались голоса, но они были достаточно далеки. Спустившись по лестнице, она повернула еще раз. Где-то поблизости располагалась столовая. В воздухе носились ароматы тушеных овощей.

Кара поспешила к ближайшему люку.

Она была уже всего в нескольких метрах от него, когда на свет, перекрывая

проход, вышел Люциус Уорна. В его глазах читались самые недобрые намерения.

Она попятилась, обернулась...

Там, в десяти метрах от нее, стоял Сайскинд. На лице рыжего капитана расплывалась довольная улыбка. Он держал Кару в прицеле лазерного пистолета, сжимая его в вытянутых руках.

— Привет, — сказал он. — Или, что вернее, до свидания.

— Тебе не кажется, что она никогда не откроется? — спросила Ангарад, наблюдая за работой Нейла.

Гарлон присел возле двери камеры и покачал головой. Он так старался, что его выбритая макушка покрылась бисеринками пота. Пластековая фомка погнулась и стялась.

— Позволь мне попытаться еще раз...

— Ты говоришь так уже целый час, — произнесла Ангарад.

— Он никогда ее не откроет, — сказала Айозоб. — Ключи — это такие забавные штуковины, и это явно не ключ.

— Сиди тихо, ребенок! — сплюнула Ангарад.

— Она права, — сказал Нейл, поднимаясь.

Он повернулся к двери спиной и с раздраженным рыком отшвырнул бесполезную фомку. Та ударилась о стену и упала на пол.

В темноте снаружи шипел и трещал ку'куд. Раздался тихий хлопок — щелчок отпирающихся запоров, и дверь камеры распахнулась.

— Здорово! — закричала Айозоб, захлопав в ладоши.

— Это был не я. — Нейл медленно обернулся назад.

На них глядела Людмила Башесвили.

— У нас очень мало времени, — прошептала она. — Пойдем.

Все трое уставились на нее.

— Вы... что вы собираетесь делать? Выпустить нас? — спросил Нейл.

— Да, — нетерпеливо прошептала Башесвили. — Пойдем же!

— А что с Рейвенором? — требовательно спросил Гарлон.

— Мне очень жаль, — посмотрела на него доктор. — Как я только что доложила

полковнику Лангу, ваш друг Гидеон скончался пятнадцать минут назад на операционном столе.

— Может быть, ты все-таки сядешь? — предложил То-ниус.

— Нет, спасибо, — ответил Белкнап, продолжая мерить мостик шагами.

— Если честно, то я не о тебе забочусь,— сказал Карл.— Твои метания уже действуют мне на нервы.

Белкнап прожег его взглядом.

— Мы уже должны были услышать от нее хоть что-нибудь, — произнесла Плайтон. — Почему она так долго?

— Просто... надо сохранять терпение, — сказал Бэллак. — С ней все будет в порядке. Она...

Ануэрт, сгорбившийся за капитанской консолью, тихо пискнул.

— Что там? — спросил Белкнап, метнувшись к нему. —Что?

Шолто с мрачным видом показывал на монитор своей изуродованной рукой.

— «Милашка» только что активировала двигатели, — сказала Плайтон, не сводя глаз с дисплея.

— О нет! — произнес Белкнап. — Давай же, Кара, давай. Милостью Трона и славой Бога-Императора...

— Отключились гравитационные якоря, — прошептала Плайтон, вскакивая на ноги и всматриваясь в дисплей. — О нет!

— «Милашка» уходит, — произнес Бэллак, — ложится на курс к краю системы.

— Кара! — беспомощно взвыл Белкнап.

«Милашка» уходила. И они ничего не могли с этим поделать.

За спиной Тониуса пропищал вокс.

Часть четвертая
Конец песенке

Глава первая

Пэйшенс Кыс оставалась в камере на борту «Аретузы» уже тринадцать дней. С одной стороны, ее заточение было вынужденным, с другой — добровольным. В первый день, спустя полчаса после того, как с ней через замочную скважину общался пугающий голос, она почувствовала, что палуба задрожала. Вибрация и скрежет говорили о том, что «Аретуза» покидает орбиту. Заработали двигатели, наполняя воздух непрерывным фоновым гулом. Еще через час Кыс ощутила непродолжительную тряску перехода.

А потом, когда прошло уже несколько часов, дверь камеры открылась и вошел Тониус с подносом еды и фляжкой. Поставив все это на откидную койку, он посмотрел на Пэйшенс.

Может быть, тебе еще чего-нибудь нужно? — холодно спросил он. — Например, книгу?

Мне нужно, чтобы меня выпустили отсюда, — сказала она.

Кыс, я не могу, — вздохнул он. — Ты же знаешь.

Послушай меня, Карл, прошу тебя, — быстро заговорила Пэйшенс, вскакивая. — Заэль представляет для нас предельную опасность. С каждой секундой, потраченной впустую, мы оказываемся все ближе к катастрофе. Ты же сам знаешь, что думал о мальчике Гидеон.

А еще я знаю, что он сам не стал сразу же убивать его, — произнес Карл. — Я знаю, что он оставил мальчика в живых, воспользовавшись презумпцией невиновности.

Сомнений больше нет.

— Для этого Рейвенор приставил к нему Фрауку...

— Фрауке больше нельзя верить. Заэль проснулся. Демон разгуливает среди нас.

Тониус печально улыбнулся:

— Пэйшенс, голубушка, я тебе действительно сочувствую и понимаю, что ты искренне веришь в свою правоту, но позволь объяснить, как на самом деле обстоят дела. Гидеон погиб. Ты же по

этому случаю скорбишь и мучаешь себя ложным чувством вины. Твои мысли затуманены. Реакции — чрезмерны. Все это легко понять. Ты полагаешь, что подставила Рейвенора, а теперь пытаешься искупить свой грех перед усопшим.

— За помощь психоаналитика мне выставят отдельный счет? — спросила она.

Карл обижено нахохлился:

— Это тяжелые времена для всех нас. Незачем делать все еще хуже, сражаясь с призраками.

— Ты не собираешься меня выпускать?

— А можешь ли ты убедить меня, что не попытаешься снова убить Заэля?

Она не ответила.

— Что ж, во всяком случае, ты не стала мне лгать, — произнес он. — Тебе придется посидеть пока здесь, причем не только ради Заэля, но и ради собственного же блага. Может быть, денек-другой, и ты...

— Что? Успокоюсь? Увижу правду?

— Тебе нужен отдых.

— Всего несколько часов назад, — Кыс смотрела ему прямо в глаза, — он разговаривал со мной. Говорил через заточную скважину.

— Кто?

— Слайт. — Прежде чем произнести это слово, Пэйшенс тяжело сглотнула.

Тониус покачал головой.

— Я ощутила мощный ментальный всплеск, — настаивала она.

— Который больше никто не заметил? Который не был зарегистрирован ни одним из корабельных детекторов?

Прошу тебя, Карл! Пожалуйста! Умоляю! Сам сходи к Заэлю. И на Фрауку тоже посмотри. Он лжет, защищая мальчишку. Прошу тебя, скажи мне, что сам все проверишь. Мы все в опасности и...

— Поешь и успокойся. Тебе нужен отдых, — произнес он, направляясь к выходу.

Пэйшенс тяжело опустилась на койку.

— Куда мы отправляемся? — спросила она.

— Гудрун.

— Зачем?

— Там, как мы полагаем, прячется Молох.

— Зачем? — повторила она.

— Я сказал что мог. Послушай, у меня еще много дел.

— Тогда дай мне поговорить с Карой.

На его лице возникло странное выражение.

— Я загляну к тебе попозже, — сказал он.

Она немного поспала. Как и предупреждала Кара, сны оказались не слишком хороши. В грезах ее постоянно преследовал шепот, напоминающий зловещие голоса Ведьми-ного Дома.

Тониус вернулся спустя шесть часов с новым подносом и забрал первый. Пэйшенс села за еду.

— Ты меня выпустишь? — спросила она.

— А ты не убьешь Заэля? Она пожала плечами.

— Тогда увидимся утром.

— Где Кара?

С большой неохотой он рассказал ей о том, как Кара проникла на «Милашку»,

чтобы добыть для них необходимую информацию, и так и не вернулась. Эти новости повергли Пэйшенс в шок. Вслед за оглушившей ее гибелью Рейвенора беда с Карой Свол выглядела просто подлостью со стороны судьбы. Кыс зашлась в безутешных рыданиях, подхлестываемых чувством полной беспомощности. Тониус выжал из себя несколько фальшивых слов утешения, а затем оставил ее одну.

Кыс проплакала несколько часов кряду. Ее сотрясали такие рыдания, что казалось, будто она изливает из себя скорбь не только собственную, но и ту, которую испытал бы Рейвенор, потеряв Кару.

Следующие десять дней были похожи один на другой. Карл Тониус два раза в сутки появлялся в ее камере, приносил еду и питье, а иногда и книгу или информационный планшет, которые она даже не пыталась читать. Она просила, чтобы ее выпустили, а он интересовался, не причинит ли она зла Заэлю. Она отказывалась воспринять ее слова всерьез, а он говорил, что ей необходимо отдохнуть и

расслабиться.

Всегда приходил только Тониус. Он ни разу не допустил ошибки, прислав вместо себя Белкнапа или Фрауку, которых она без всяких раздумий попыталась бы убедить силой. Карл был очень проницателен. Он явно понимал ее намерения, как понимал и то, что ему самому она ничего не сможет сделать. В этом-то он разбирался.

Не посылал он вместо себя ни Плайтон, ни Ануэрта. Кыс догадывалась, что Карл не доверяет им и опасается, что они не одобрят его решение.

Пока его не было, в камере воцарялась полная тишина, если, конечно, не считать гула двигателей. Время от времени Пэйшенс задумывалась над тем, не попытаться ли снова открыть дверь, чувствуя, что ее силы достаточно восстановились, чтобы управиться с замком. Но память о шепчущем голосе всякий раз останавливала ее.

Сам голос, к счастью, больше не возвращался, хотя на краю ее сновидений всегда присутствовали посторонние

шорохи, а пробуждаясь, она неоднократно слышала смех, доносящийся откуда-то издалека.

На двенадцатый день по судну прошла дрожь, а рев двигателей сменил тональность. Кыс поняла, что они перешли в нормальное пространство. Карл появился спустя два часа, но выглядел очень озабоченным и пробыл недолго. Задержался он только для того, чтобы сказать ей, что она очень мало ест. Забрав предыдущий поднос, он вышел из камеры и закрыл дверь.

После этого к ней больше никто не приходил.

Гул двигателей прекратился, и «Аретуза» погрузилась в безмолвие. Кыс ходила из угла в угол. Ждала. Тишина угнетала ее. Абсолютная тишина, нарушаемая только редкими поскрипываниями и постаныванями корпуса.

Когда время следующего посещения прошло, но никто не появился, Кыс допила воду и доела остатки пищи, принесенной в прошлый раз. Страх лишал ее аппетита

все предыдущие одиннадцать дней. Сейчас же ожидание вызывало неутолимый голод.

С наступлением тринадцатого дня ее заточения она набросилась на дверь, заколотила по ней кулаком и стала орать. Она занималась этим несколько минут.

Никто не отзывался.

Напуганная, она скорчилась в самом дальнем от двери углу камеры и стала ждать. Медленно потянулись часы.

Кыс проснулась внезапно, по-прежнему сидя в углу. Ее что-то разбудило... какой-то шум.

Кыс прислушалась и осторожно протянулась сознанием.

Из ниоткуда донесся вой. Он продолжался около десяти секунд и явно обладал псионической природой. Казалось, что это завывает от боли какой-то огромный зверь, могучий хищник. Первое его прикосновение к ее сознанию оказалось настолько оглушительным, настолько неистовым, что она в испуге снова закрылась в своем теле.

Отзвуки этих завываний еще какое-

то время звенели в стенах корабля.

Испуганно озираясь, Пэйшенс попыталась съежиться и стать как можно меньше, обхватив руками прижатые к подбородку колени. По спине заструился холодный пот ужаса. Даже то легкое касание оставило шрам на ее сознании. Кыс слышала барабанный стук своего сердца.

Воздух рассек второй вопль. Палуба задрожала. Пэйшенс, сжатая в тисках неведомого ей прежде кошмара, непроизвольно застонала.

Ледяная корка проступила по краям двери, засверкала в замочной скважине.

В третий раз пронесся вой, еще более долгий и яростный. Кыс услышала хлопанье люков и топот ног в коридоре за дверью. Кто-то кричал, но она не смогла разобрать, что именно. В ответ тоже что-то крикнули.

Тишина.

Снова крики. Звуки шагов вдалеке, топот на верхней палубе. Странный, приглушенный звук, в котором Пэйшенс лишь через некоторое время с ужасом

опознала сдавленный крик. Она не могла набраться смелости, чтобы протянуться сознанием.

На мучительно медленно прошедшие тридцать или даже сорок минут установилась тишина. Лед, покрывавший дверь, растаял, оставив в напоминание о себе только сверкающие капельки конденсата. И когда Кыс уже решила, что все закончилось, раздался четвертый ужасающий вопль... а за ним и пятый — самый долгий из всех. Последовали продолжительные рыдания, словно кто-то испытывал сильную боль. Где-то заплакал мужчина — заплакал своим сознанием. Поморщившись, Пэйшенс попыталась закрыться от этих звуков. Всхлипывания продолжали биться о края ее разума, пока не стали стихать.

Рыдания прекратились. Снова раздались крики — крики живых голосов. Кыс подскочила на месте, когда услышала неожиданно прозвучавшие выстрелы. Стреляли либо из дробовика, либо из автоматической винтовки. Кто-то высадил четыре залпа подряд. Снова

донесся крик, а затем разгневанные голоса. Еще выстрел, на этот раз лазган.

И снова опустилась тишина.

Больше Кыс не могла этого выносить. Она поднялась и медленно направилась к двери, пытаясь загнать свой страх как можно глубже. Казалось, будто он встал комком не-пережеванной пищи в горле и грозил ей удушьем.

Когда Пэйшенс была уже в трех метрах от двери, произошло такое, чего она не видела даже в кошмарных снах.

В центре стальной двери, примерно на уровне пояса, начала надуваться опухоль. Металл словно ожил. Опухоль потянулась к Кыс, и женщина попятилась.

Стал проступать образ. Вначале появились оскаленные зубы. Выступили нижняя и верхняя челюсти мужского лица с подбородком и элементами носовой кости. Ни глазниц, ни лба видно не было. Казалось, будто дверь превратилась в туго натянутую эластичную ткань, к которой с противоположной стороны кто-то прижимал кусок черепа.

Что-то ударило Пэйшенс сзади.

Стена камеры. Пятиться дальше было некуда. Отпечаток ухмыляющегося черепа продолжал пробиваться внутрь комнаты и уже выступил на ширину ладони от поверхности двери, проступив еще явственнее. По поверхности металла вокруг него пролегли растяжки.

— Император храни! — забормотала Кыс. — Император храни!

Череп медленно открыл челюсти, а затем резко дернулся назад и исчез.

Дверь снова стала гладкой, но Пэйшенс по-прежнему не сводила с нее глаз.

Спустя пару секунд «улыбка» снова появилась, набухнув в этот раз несколько выше. Челюсти дважды открывались и закрывались.

Как и в прошлый раз, отпечаток стремительно исчез, с тем чтобы снова проступить ниже. В этот раз череп крутился в разные стороны, клацая челюстями и пытаясь укусить воздух. Кыс слышала близкий громкий плач.

Оскал снова исчез. По двери, потрескивая и сверкая, побежала изморозь. Словно на внутренней стенке

холодильника, образовалась корка наледи, которая через некоторое время рухнула под собственным весом, ударилась о палубу и разлетелась морозными брызгами.

Прижимаясь спиной к стене камеры, Кыс сползла на пол. Ее трясло.

После этого «Аретуза» на долгое время погрузилась в молчание. Ни рыданий, ни криков, ни стрельбы, ни завываний. И не скалилась больше дверь.

Кыс поднялась, подошла к ней и прислушалась.

Ничего.

Она набрала воздуха в легкие, выдохнула и решительно протянулась сознанием к замку. Страх и ярость смешались в ней в равных пропорциях, помогая ей действовать с хирургической точностью. Она взяла замок штурмом, обжигая щупальца своего разума о печати, препятствующие психическому воздействию, и со щелчком установила все механизмы в нужное положение.

Замок громко лязгнул, открываясь, и Кыс ментальным рывком дернула в сторону задвижку.

Она толкнула дверь мыском одной ноги, и та медленно отворилась.

Тринадцатый день заточения в тюремном отсеке «Аре-тузы» подошел к концу.

Она брела вдоль мрачного, почти ничем не освещаемого коридора складского отсека. Ничто не завывало, ничто не рыдало, ничто не скалилось. Воздух был спертым и теплым, и казалось, корабельные рециркуляторы отключены.

Кыс оглядывалась в поисках оружия, но лучшее, что удалось найти, была связка тяжелых ключей. Она сняла их с кольца и рассовала по карманам. В случае необходимости ими можно было воспользоваться как кинжалами.

Она осторожно выглянула в полуоткрытый внешний люк отсека, выходящий на основную магистраль третьей палубы. Куда бы она ни посмотрела, не было никаких признаков опасности. Магистраль освещалась вмонтированными в стены сферами, одна или две из которых сейчас мерцали, словно свечи на сквозняке.

Острые каблуки застревали в решетке палубного покрытия, поэтому ей пришлось снять туфли и нести их в руке.

На негнущихся ногах она двинулась дальше, дойдя до перекрестка. Впереди она видела небольшой тяжелый люк воздушного шлюза кормы. Слева — залитый мерцающим светом коридор, поворачивающий обратно к энжинариуму.

Проход справа вел к носовой части судна.

Туда она и повернула. Пройдя десять метров, Пэйшенс обнаружила пустую коробку из-под боеприпасов для ружья, брошенный башмак и мокрое полотенце.

Воздух по-прежнему был очень затхлым. Все чаще ей встречались мигающие светосферы и люминесцентные панели.

Кыс присела и прижала ладонь к чугунной переборке. Вибрации не было вовсе, даже гула энергоустановок или двигателей, поставленных на холостой ход. Несмотря на духоту, становилось все холоднее.

«Аретуза» походила на остывающий

труп.

На следующем перекрестке Кыс увидела вмонтированный в стену аппарат внутренней связи: конический динамик и бронзовая рукоять переключателя. Опустив свою обувь на пол, она протянула руку к рычажку.

Ей пришлось долго набираться смелости, чтобы наконец потянуть его.

Щелк. Из динамика донесся пустой шелест статических разрядов, чем-то напомнивший ей шорох сухих, мертвых листьев.

Она сняла палец с переключателя, и звуки смолкли. Через некоторое время Пэйшенс снова нажала на него:

— Алло?

На нее зашикала статика.

— Алло? Есть кто живой?

Где-то вдалеке, за шуршанием мертвой листвы, зарыдал человек.

Кыс отдернула руку от рычажка и отключила звук.

Возле следующего поворота она нашла пожарный стенд, прикрученный болтами к корпусу судна. Пэйшенс

вооружилась тяжелым зазубренным пожарным топором, висевшим над ящиком для песка. Держа топор в одной руке, а обувь в другой, Кыс продолжила свой путь.

В небольшом стартовом отсеке «Аретузы» никого не было. Стыковочные шлюзы оказались пустыми. Ни одного из двух потрепанных жизнью посадочных модулей не осталось на корабле. Какое-то время Кыс постояла на обзорной палубе, разглядывая ангар. На нее в ответ смотрели только мощные стыковочные захваты, покрытые толстым слоем черной жирной грязи и смазки. Заправочные шланги, выходившие из правой стены отсека, отключали явно второпях. На поверхности палубы расплескались лужи топлива.

— Куда они все ушли? — спросила она вслух.

Но вопрос, который на самом деле был важен, она не осмелилась задать.

Почему они все ушли?

Пройдя до половины коридор, ведущий к носовому разветвлению, Пэйшенс увидела участок стены, опаленный и пробитый

пулями. Отметины были свежими, гарь еще не осыпалась. В паре метров от этого места стена была испачкана кровью. Цепочка капель уходила в туннель.

Лампы здесь неистово мерцали, то включаясь, то угасая. Кыс присела и прикоснулась к крови. Она была холодной.

Пэйшенс вошла в лазарет. Прежде чем направиться сюда, она надела туфли, поскольку пол на верхних палубах был сплошным.

Она медленно перешагнула через порог, подняв перед собой топор.

Во внешней приемной никого не было. Вода капала в неглубокую раковину из не закрученного до конца крана. Кыс завернула вентиль. Дверцы шкафчиков с лекарствами были открыты, а их содержимое разграблено. На полу валялось несколько коробочек с таблетками. Под ногами скрипели, превращаясь в прах, рассыпавшиеся пилюли.

Пэйшенс слышала тихое свистящее урчание.

Она открыла дверь, ведущую в соседнее помещение, толкнув ее обухом

топора. Урчание стало громче. Кыс потянулась туда сознанием, но нашла только пустоту.

В воздухе по-прежнему чувствовался дым лхо-папирос Фрауки — холодный, остаточный запах.

Войдя в комнату, она обнаружила, что койка Заэля пуста. Трубочки капельниц, поддерживавших в нем жизнь, валялись на смятой простыне, пропитывая ее своими составами. Модуль жизнеобеспечения, к которому он был подключен, все еще работал, издавая то нарастающий, то затихающий свист. Кардиосистемы и регистраторы мозговой деятельности беспомощно урчали.

Кыс подошла к койке. Она знала, что там никого нет, но откинула простыни, подцепив их топором. Затем повернулась к неутомимому модулю жизнеобеспечения и отключила его.

Кислородная помпа остановилась, прекратив свистеть. Вместо этого загудели мониторы. Из капельниц на кровать хлынула клейкая субстанция. Запищала тревога, оповещающая об

остановке сердца.

Чтобы заставить аппарат умолкнуть, Пэйшенс оторвала его от стены и уронила. Кислородная помпа хлопнула и зашипела.

Установилась тишина.

Кыс обошла койку и опустилась на стул Фрауки. Блюдце с окурками стояло на тумбочке возле кровати. Последняя его папироса так и сгорела в нем целиком, оставив длинную, идеально ровную полоску белого пепла. Его информационный планшет валялся на полу перед стулом. Устройство все еще было включено, и на экране мигал сигнал, оповещающий о разрядке аккумулятора.

Наклонившись, Пэйшенс подобрала планшет.

— «Он медленно, жадно слизал сок с ее пышн...» — прочитала она вслух.

Выключив устройство, Кыс швырнула его в стену. Ударившись, планшет разлетелся на куски.

Она поднялась и тут же села обратно. Под тумбочкой валялся еще какой-то предмет. Кыс протянулась

сознанием и подняла его. Предмет повис в воздухе перед ее лицом.

Автоматический пистолет Фрауки.

Кыс взяла его в руки и проверила обойму.

Полная.

Она снова посмотрела на пол. Повсюду валялись пропитанные кровью салфетки.

— Ах ты, тупой ублюдок! — произнесла она.

Как и весь остальной корабль, мостик оказался пуст. Она вошла туда, сжимая в одной руке пистолет Фрауки, а в другой — пожарный топор.

Мониторы и ретрансляторы бесцельно мерцали и даже отображали какую-то информацию. Включались и выключались автоматические системы, разражавшиеся треском, похожим на звук отдаленной перестрелки.

— Есть тут кто-нибудь? — позвала Кыс, одновременно и желая услышать ответ, и не желая.

Пэйшенс опустилась в капитанское кресло, положила топор и пистолет, а затем застучала по кнопкам главного

корабельного терминала.

Гудрун, — ответил ей экран. Они стояли на высоком якоре над Гудрун, в Геликанском субсекторе. Корабль переведен в режим ожидания. Она нажала еще несколько клавиш и исправила эту ситуацию. Очистные системы зашипели, подавая свежий воздух. Кыс услышала, как включаются энергетические установки.

Кроме того, она услышала и рыдания где-то вдалеке, но не стала переживать по этому поводу.

«Вывести: журнал событий», — напечатала она.

Экран мигнул и ответил: «Нет данных».

Она повторила команду.

«Нет данных».

Кыс собралась набить команду в третий раз, но вдруг услышала тихий шорох. Он раздавался из коридора, ведущего к мостику. Схватив пистолет и укрывшись на полу за капитанским креслом, она нацелила оружие на люк. Про топор Пэйшенс тоже не забыла, подняв его под потолочные перекрытия при помощи

телекинеза. Он повис там, смертоносным пропеллером вращаясь вокруг своей оси.

Снова раздался шорох. Звуки шагов. Кто-то вошел на мостик.

Ее указательный палец надавил на курок.

На нее уставился Шолто Ануэрт.

— Привет, — произнес он.

Кыс резко опустила пистолет, и пуля ударила в пол.

— Прости, прости меня! — запричитала она.

Он ошеломленно заморгал, вздрогнув от неожиданного выстрела. Пэйшенс отбросила пистолет и устремилась к нему, сжав капитана в крепких объятиях и поцеловав его.

— Как я рада тебя видеть! — воскликнула она.

Шолто посмотрел на нее, приоткрыв от изумления рот.

Она отпустила его, смущенно закашлявшись, и стала разглаживать его куртку, словно извиняясь за то, что измяла ее.

— Здравствуйте, капитан Ануэрт.

— Здравствуй, Пэйшенс.

— Я действительно очень рада видеть вас снова. Мне уже было показалось, что я тут совсем одна.

— Ты поцеловала меня, — нахмурился он.

— Да, действительно. Поцеловала. Извини.

— Не будь апоплексичной. Это... было очень неожида-ностно.

— Что ж, прошу прощения. Просто это так здорово — увидеть лицо друга.

— Тоже рад, — произнес он, улыбнувшись.

Ануэрт вздрогнул, когда пожарный топор упал из-под потолка и рухнул на палубу. Она совсем про него забыла.

— Что могло бы это такое быть?

— Это так, на всякий случай, — улыбнулась она. — Ты один?

— Несомненно нет, — сказал Ануэрт, сделав знак людям, стоявшим позади.

На свет вышел Файфланк, сопровождаемый главным поваром Онофрио и Сайнтаутом, третьим рулевым.

— Нас осталось только четверо, — сказал Ануэрт. — Всему виной начавшийся мятеж.

Файфланк сердито зарычал.

— Мятеж? — спросила Кыс.

— Мятеж, несомненно, — сказал Шолто. — Мой экипаж настигла мутационная одержимость. Прям сразу как мы сюда прибыли, а господин Тониус забрал их вниз.

— Кого?

— Мадам Плайтон и господ Бэллака с Белкнапом. Ну и самого себя.

— Вниз?

— В посадочном модуле номер один, на поверхность.

— И что здесь произошло, Шолто? — спросила Кыс.

— Крики и стенания, — пожал он плечами.

— И завывания, — добавил стоящий позади него Сайн-маут.

— Да, еще и это. Мой бедный корабль совсем обезумел. Ох, эти кричания и завывания! Ох, вся эта беспокойственность! Богуин начал мятеж...

— Он мне никогда не нравился, — встрял Онофрио.

— Мне тоже, — поддержал Сайнтаут.

— Это все Богуин, — сказал Ануэрт. — Он был распуган. Когда начали выть, подмял под себя экипаж со всей сильнейшестью. Они вооружены. Высадились на втором модуле.

— Потому что Тониус уже улетел на первом? — кивнула Кыс. — Шолто, а откуда раздавались эти завывания?

Ануэрт пожал плечами.

— А где Фраука? Где Заэль?

— Понятия не имею, — робко и встревоженно ответил капитан.

— Шолто, у нас проблемы, — произнесла Кыс.

Файфланк толкнул Ануэрта. Маленький капитан подбежал к командной консоли и покрутил ручки настройки. Замерцали сигнальные огни.

— Что там? — спросила Кыс, вставая у него за плечом.

— Что-то выдвигается, — сказал Шолто.

— Выдвигается?

— Корабль, — сказал Ануэрт. — Несется на нас.

Кыс взглянула на мерцающий экран. Он оказался полон сложных графиков, в которых трудно было что-то разобрать.

— Уверен? — спросила Пэйшенс— Это может быть просто зрительный эффект.

Ануэрт покрутил ручки настройки, и экран немного расчистился. Теперь все стало очевидным. На графике траекторий отображались сравнительная скорость, пространственное положение и размеры. Приближающееся судно сбрасывало скорость, выйдя из Ультатериума в девяти астрономических единицах от них. Судя по полученным сведениям, оно в два раза превосходило размерами «Аретузу».

— Пикт-поток? — спросила Кыс. — Может мы получить видеоряд с кормовых датчиков?

Капитан пробежался пальцами по пульту управления. На вторичном смотровом экране возник призрачный образ, скрытый зеленоватым и янтарным туманом. Пока приборы настраивались и фокусировались, картинка прыгала и

дрожала.

Наконец они увидели. Корабль был еще далеко и казался маленьким, но Пэйшенс Кыс знала, что не может ошибаться.

— О Трон! — на выдохе произнесла она. — Это же «Потаенный свет».

На вокс-системе, стоящей позади Ануэрта, зажглись лампы.

— Сигнал вызова, — произнес он. — Пикт и звук моделируются.

— Принимай, — сказала Кыс.

Ануэрт кивнул Сайнтауту, тут же устремившемуся к пульту коммуникатора, чтобы включить вокс. Главный экран пару раз моргнул и заработал.

Проступил размытый образ женского лица.

— Прием! «Аретуза»! Прием! — сквозь треск помех донесся до них голос.

Кыс взяла в руки микрофон вокса, подключенный к системе тяжелым кабелем:

— Прием, «Потаенный свет». Здравствуйте, госпожа Цинния, это вы?

Нечеткое лицо вроде как нахмурилось.

— Связь подтверждаю. С кем я говорю? Это ты, Кара?

Снова раздалось шипение помех.

— Нет, это я! — прокричала в микрофон Кыс. — Пэйшенс!

— Это Пэйшенс. — Размытый образ обернулся к кому-то стоящему рядом. Снова треск и шипение. — Халстром, во имя Трона, налади наконец связь!

Изображение стало четче. Кыс увидела неулыбчивое, озабоченное лицо Циннии Прист, капитана «Потаенного света».

— Вы доставили нам неожиданную радость своим появлением, — произнесла Кыс, надеясь, что слезы, проступившие в уголках ее глаз, не слишком заметны.

— Думаю, вы не ожидали увидеть меня здесь, — прозвучал в динамиках голос Прист. — Но поверьте, ваше удивление в подметки не годится тому, что я испытала неделю назад.

— Что? — спросила Кыс.

Изображение лица Прист дернулось и

поплыло. Она обернулась к кому-то, кого не было видно на экране, а затем отошла в сторону. Ее место занял другой человек, с ухмылкой уставившийся в пиктер.

Гарлон Нейл.

Глава вторая

Приближалась гроза.

Лейла Слейд слышала усиливавшиеся раскаты грома, доносившиеся с горбатых спин темных скал над Эльмин-гардом. Молнии постоянно рассекали небо, воздух наэлектризовался, и от этого Лейла становилась капризной и раздражительной.

День близился к вечеру. Она стояла на вымощенной камнем верхней террасе и смотрела на утесы внизу. Эль-мингард устроился на вершине черной скалы, в тысяче метров над долиной, раскинувшейся внизу. Там, в каком-то километре отсюда, лежали солнечные и плодородные земли, невысокие холмы, поросшие лесом, свежескошен-ные поля, устланные сухой соломой, деревушки Южного Сарра, истоки бурных вод Пеллитора — пасторальная картина, свойственная любому старому аграрному миру Империума.

Впрочем, чем ближе к подножию

отвесных скал Келла вы подходили, тем более дикими и суровыми становились места. Угрюмые западные родственницы Атенатового хребта, господствовавшего над континентом, они были не такими высокими, и то, что они выпирали из прекрасных обжитых холмов Сарра, казалось ошибкой природы. Над ними круглый год гремели грозы, словно все проходившие мимо тучи цеплялись за их острые пики и подолгу не могли высвободиться. Бездонные пропасти и крутые ущелья постоянно были наполнены густыми, точно овечья шерсть, туманами. Часто случалось так, что какое-нибудь облако спускалось слишком низко, и тогда вся скальная гряда скрывалась из виду. Можно было стоять на поле в каких-нибудь десяти километрах отсюда и даже не подозревать о существовании этих гор.

Лейла Слейд не могла бы назвать эти места самыми любимыми в Галактике. Эльтингард был возведен семнадцать веков назад в качестве убежища для монахов. Это было время

чумы и раскольнических войн, оставивших глубокий шрам в истории Гудрун. Впоследствии монастырь оказался заброшен и послужил пристанищем для нелюдимого астронома. Еще много лет спустя он превратился в неуютное загородное обиталище саррских виноградарей, чьи владения простирались в мирной долине внизу.

Люди умирали или уходили, побежденные одинокой вершиной, и Эльмингард снова приходил в запустение и постепенно разрушался под действием стихии.

Орфео Куллин приобрел его через цепочку безликих посредников двадцать лет тому назад. Он вложил много труда в реставрацию и приведение в порядок огромного здания, но Лейла до сих пор не испытывала к этому месту особой любви. Слишком часто менялось предназначение Эльмингарда за время его безрадостного существования, в результате чего здание стало казаться шизофреническим нагромождением объемов. Оно было слишком большим, слишком запутанным,

слишком непонятным. Узкие, аскетичные кельи, оставшиеся в наследство от монахов, были сырыми и промозглыми, серая черепица их крыш напоминала змеиную кожу. Вклад виноградарей заключался в создании конструкций из грязно-белого камня, встроенных между крыльями монастыря. Их коридоры переплетались и имели слишком много дверей и прилегающих хранилищ. Астроном, в приступе характерного для него чудачества, возвел над северным уступом неказистую башню из черного камня, служившую ему, наверное, обсерваторией. Несмотря на то что никакой архитектурной ценности башня собой не представляла и к тому же давно уже превратилась в руины, сносить ее не стали. Куллин полагал, что она добавляет Эльтингарду «алхимический шарм».

Слейд прошла по террасе, лежащей в тени этой самой башни. Трели и карканье гнездящихся там птиц наводили на мысли о потерянных душах. Серые стены облепили густые бороды плюща и астеролии.

В гостиной наверху спорили Куллин и Молох. Она слышала их голоса, несмотря на постоянный грохот грозы. Препирались они уже несколько недель. Орфео обычно характеризовал эти перебранки как «дебаты», но она видела, что в глазах обоих мужчин зреет обида друг на друга. Основу для этих «дебатов» представляли подробности операции, которую они должны были осуществить вместе.

В их разговорах постоянно всплывала проблема Слай-та. С тех пор как Куллин впервые упомянул о связи Молоха с этим демоном — и Рейвенором, — Зигмунд становился все более одержимым их затеей и словно обезумел. С точки зрения Лейлы, его поведение объяснялось самой обыкновенной паранойей, не более того. Он был крайне разочарован, когда узнал про отказ Рейвенора, будто и в самом деле рассчитывал на положительный ответ. Он допоздна засиживался в своей комнате, обложившись книгами и манускриптами, позаимствованными из библиотеки Куллина, и что-то быстро, почти лихорадочно записывал в блокноты.

Эльмингард был битком набит древними текстами, трудами по магии и изотерическими предметами, многие из которых до сих пор хранились в ящиках, ожидая, пока кто-нибудь удосужится их распаковать. Куллин отправил за ними, когда решился наконец обустроиться в этом месте, и теперь посылки поступали со складов, из банковских хранилищ и от частных тайников, раскиданных по всему сектору. Орфео обладал коллекциями всевозможных предметов, но был вынужден до поры до времени прятать накопленные им загадочные штуковины в тысяче отдельных тайников.

В путешествие с собой он всегда брал только самые ценные вещи: обладающие подлинной силой устройства, которые Куллин называл сверкающими орудиями судьбы; отдельные тексты; некоторые карты и гримуары. Так, например, он всегда держал при себе небольшую, но бесценную библиотечку с книгами в антроподермических переплетах — жизнеописания великих святых, мудрецов, убийц и еретиков, хранящиеся под

обложками из их собственной кожи. Также Орфео не расставался со своей коллекцией диодандов. Впрочем, в отчаянном бегстве с Юстиса Майорис он был вынужден бросить диоданды в Петрополисе, что до сих пор служило ему поводом для жалоб на жизнь. Он уже организовал операцию по их возвращению, в которой вновь фигурировала длинная цепочка безликих посредников, но, учитывая необходимость соблюдать предельную осторожность, коллекция воссоединится со своим владельцем не раньше чем через несколько лет.

Слейд подошла к гостиной и заглянула в приоткрытую дверь. Молох и Куллин разговаривали, постепенно распаляясь. Уже третий день их спор вертелся вокруг возможности постройки новых гнозис-машин и возвращения на Слиф. Услышав это название в первый раз, Лейла спросила о нем у Орфео, когда они остались вдвоем.

— Лея, Слиф — это один из внешних миров, — сказал он тогда. — Небольшой шарик грязи, расположенный за тридевять

земель отсюда, на самом краю сектора Калликсес.

— Ты там бывал?

— Нет, — отвечал он, — но я читал о нем в отчетах. А вот Молох видел его собственными глазами. Там Рей-венор убил его в первый раз.

Лейла Слейд озадаченно посмотрела на Куллина. Тот прыснул со смеху, будто только что выдал превосходную шутку.

— Не понимаю. Что такого замечательного в этом месте?

— Там расположены кратеры, Лейла, вулканические кратеры. И они обладают особым свойством. Ткань реальности тонка на этой планете. Можно встать на самом краю Итта-териума и прислушаться к его вибрациям. Кратеры разговаривают.

— Прямо-таки и разговаривают?

— Да. Голоса варпа, обрывки бормотания демонов. Если запастись правильным оборудованием — в данном случае очень занятными и дорогостоящими устройствами,

называемыми гнозис-машинами, — эти голоса можно поймать и сохранить.

— Для анализа?

— Да, а также в качестве источника инфернального могущества.

Потом Куллин еще много чего ей рассказывал, но используемые им термины становились все более специфичными и загадочными, поэтому вскоре Лейла утратила нить разговора. Лейла знала, что он прекрасно понимал: у нее нет ни малейшей надежды разобраться в том, как работают гнозис-машины, и все-таки настоял на этих объяснениях. Он даже нарисовал для нее небольшой набросок.

Затем он рассказал ей о Рейвеноре. Когда Молох находился на Слифе с несколькими гнозис-машинами, созданными Когнитэ, туда с целью уничтожить проект заявилась Инквизиция. Молох и Рейвенор вступили в сражение — тогда они еще даже не знали друг друга, — и Зигмунду едва удалось унести ноги.

Он то ли прыгнул, то ли свалился в кратер. Его спасли при помощи

телепорта, но не раньше, чем Молох оказался охвачен пламенем, ударившим вверх. Демонические энергии обожгли его, и он долго не мог оправиться от ран.

Куллин рассказал ей, что именно тот случай он полагает временем, когда судьбы Молоха и Рейвенора соединились и оказались в руках Губительных Сил. При помощи кратеров варп уловил их запахи, попробовал их на вкус и овладел ими. Неисповедимы пути Императориума — пути слишком долгие, слишком тернистые и слишком загадочные, чтобы в них смог что-либо понять человеческий разум. Но Губительные Силы увидели, что еще до конца своих коротеньких жизней Молох и Рейвенор окажут им великую услугу.

Говоря об услуге, ты имеешь в виду Слайта? — спросила она тогда.

Да, услугой станет именно Слайт, — отвечал он.

Лейла попятилась от двери гостиной. Из того, что ей удалось подслушать, она поняла, что между Молохом и ее господином возникло несогласие касательно каких-то деталей

конструкции гнозис-машин и того, какой сплав лучше использовать для внутренних механизмов. Также они обсуждали и привлечение к делу частных производителей, скорее всего с Кэкстона или Сарума, и стоимость их услуг, и то, каким образом можно будет доставить машины на место.

Согласия они достигли только в том, что кратеры Сли-фа могут послужить источником ценной и необходимой им информации об этом загадочном Слайте.

В ухе Лейлы запищало устройство, она поспешила прочь от гостиной, на улицу и, пройдя по небольшому, обнесенному стеной дворику, взбежала по лестнице к центральному входу в здание.

За спиной Слейд прокотал гром. Ветер усиливался, заставляя гнуться сухие кусты роз, росшие во дворе. Небо разделилось на две половины — ярко-желтую на востоке и черную, точно гематома, на западе, откуда надвигалась гроза. Казалось, будто день и ночь решили в этот раз прийти вместе.

Лейла зашла в центр управления

системами безопасности. Как и во многих других комнатах Эльтингарда, здесь расслаивающийся пластик и ветхая каменная кладка соседствовали с куда более современной отделкой. Стены были обшиты стальными панелями, а под решетчатым полом тянулись энергетические и информационные кабели.

По краям помещения стояло шесть когитаторов, расставленных звездой и повернутых к центру комнаты. Машины пощелкивали и гудели, мерцали лампы, а по графическим пластинам бежали волны зеленых синусоид. В самом центре «звезды» помещался массивный гололитический дисплей, дающий изображение на триста шестьдесят градусов. В стол возле каждого из когитаторов был вмонтирован вокс-терминал, подключенный проложенными под решеткой кабелями к громоздкому, высокомощному вокс-передатчику, стоящему в углу комнаты. Вытяжная вентиляция под потолком позволяла поддерживать приемлемую температуру, несмотря на жар, исходящий от машин.

На посту находились Друэт и Цабо — члены команды, которую в результате тщательного отбора создал Куллин. Одеты они были в незамысловатую униформу, скроенную из голубой шерсти и застегивающуюся на изящные серебряные пуговицы.

В чем дело? — спросила Лейла.

Мадам, к нам приближается транспорт, — произнес Друэт.

Откуда?

Посадочное поле Дорсая. Передают верные коды.

Далеко они? — спросила Слейд.

Будут через шесть минут, мадам, — ответил Цабо.

Запросите конечный пароль и направьте к посадочной площадке. Я их встречу.

Мужчины кивнули и вернулись к своим когитаторам.

Лейла Слейд выбежала из центра контроля за безопасностью, снова пересекла двор и стала спускаться по запутанному лабиринту эльмингардских террас, каменных лестниц и петляющих

коридоров. На ходу она включила линк:

Говорит Слейд. Троих стрелков на посадочную площадку, срочно!

Есть, мадам.

Она переключила настройку линка и сделала еще один вызов.

Да, Лейла?

Простите, что беспокою вас, сэр. Приближается транспорт.

— Какие-нибудь сюрпризы?

— Я прослежу, чтобы все обошлось без них.

Слейд достигла южного крыла горной цитадели. Довольно большой участок скальной вершины, располагавшийся за линией монастырских стен, был расчищен под посадочную площадку. Лейла выбежала наружу и теперь вглядывалась в даль, стоя в лучах закатного солнца, опускающегося за Сарр. За ее спиной пролегли глубокие тени — монастырской стены и Эльтингарда, а чуть дальше — неровные тени гор. Упали первые капли дождя. Прокатал гром.

Из ворот выбежали трое мужчин в легких бронежилетах. Они были вооружены

лазганами.

— Простая предосторожность, — повернулась она к ним, а затем снова активировала линк: — Служба безопасности? Активируйте сторожевые орудия на стенах. Голосовое управление переключите на меня.

— Есть, мадам! — протрещал в ответ линк.

Несмотря на завывающий ветер, Слейд услышала, как оживают орудия и щелкают автоподатчики боеприпасов.

Транспорт уже был виден: легкий посадочный модуль, гичка, чьи проблесковые огни казались звездами в темнеющем небе.

Слейд расчехлила автоматический пистолет, вынула из него стандартную обойму и вставила ту, которая была заряжена особыми куллиновскими патронами и которую она носила в мешочке на поясе. Но досылать заряд в ствол она не спешила. Лишний раз с такими вещами не шутят.

Посадочный модуль приблизился, нависнув над ними огромной черной тучей

в грозовом небе. Его винглеты загнулись, будто кончики крыльев пикирующего ястреба. Мигнули носовые огни. С лязгом, слышимым даже за ревом дюз, выдвинулись когти опор.

Извергаемое кораблем пламя закрутило спиралями взметнувшийся вверх песок.

Наконец, в последний раз взревев турбинами, посадочный модуль опустился на опоры, чуть просевшие под его весом. Потоки пламени тут же погасли, хотя огоньки на брюхе гички продолжали помигивать, окрашивая каменную площадку янтарными сполохами. Сквозь лобовое стекло рубки

Слейд увидела, как пилот-сервитор, окутанный зеленым отсветом приборных панелей, выключает системы.

Подобно лепесткам распускающегося бутона отогнулись створки бокового люка. Рыжеволосый мужчина сошел по опустившемуся скату и бодрым шагом направился к Лейле. Следом за ним, но более сдержанно двинулся Люциус Уор-на в своем перламутровом доспехе.

— Отбой! Отключить системы! — скомандовала Слейд в линк.

— Есть, мадам.

— Здравствуйте, капитан Сайскинд, — произнесла она.

— Моя драгоценная Лейла, — ответил с улыбкой рыжеволосый, прежде чем шагнуть ближе и расцеловать ее в обе щеки. — Вы, как всегда, выглядите восхитительно.

Слейд раздражала фамильярность Сайскинда, но она терпела. Нельзя же так просто взять и пристрелить капитана, которого нанял твой работодатель.

— Как добрались? — спросила она.

— Нас немного потрясло в пути, — ответил он. — Пришлось поскандалить на Утохре. Но теперь все в порядке. Этим утром мы встали на высокий якорь.

К ним присоединился Уорна.

— Слейд! — прорычал он.

— Люциус!

Лейла выбила из пистолета особую обойму, заменила ее обычной и убрала пистолет.

— Думаю, что слово «поскандалить»

не самое подходящее для отчета перед Орфео, — сказала она Сайскин-ду, — во всяком случае, если вы собираетесь оправдаться перед ним.

— Не знаю, не знаю, — произнес голос у нее из-за спины. — Иногда меня могут даже позабавить хорошие скандалы.

Куллин присоединился к ним на посадочной площадке. На нем была украшенная богатой вышивкой мантия из гес-перусского шелка, накинутая поверх простого черного комбинезона. В таком наряде он казался наследным правителем какой-нибудь древней сатрапии.

— Здравствуйте, сэр, — произнес Сайскинд, с улыбкой пожимая ему руку.

Уорна уважительно кивнул.

— Так что там у вас? — с коварной усмешкой спросил Куллин. — Кажется, вы говорили про какой-то скандал?

— Все полетело к чертям, — пробасил Уорна так, словно оглашал некролог. — Я потерял нескольких парней. Ведь-мин Дом накрылся.

— Да и ты, как я погляжу, не смог выбраться невредимым, — произнес

Куллин, кивая на свежие, начинающие заживать порезы на бугристом лице Уорны.

— Это пройдет, — ответил охотник за головами.

— Но ловушка-то сработала? — спросил Куллин. — Надеюсь, после всего, что нам пришлось пройти, вы не скажете, что ничего не получилось?

— Сработала, — сказал Сайскинд. — Рейвенор мертв-мертвешенек.

— Тут и песенке конец, — произнес Уорна.

Лицо Куллина расплылось в широкой улыбке. Он уже и сам все проверил.

— Так, значит, мы можем быть спокойны?

— О да, — сказал Сайскинд, махнув рукой в сторону посадочного модуля. — Мы получили подтверждение от очень надежного источника.

Орналес, первый помощник Сайскинда, спустился на площадку, ведя кого-то под прицелом.

Руки идущей перед ним женщины были связаны, и ей явно крепко доставалось

в последнее время. Она прихрамывала, а лицо было сплошным кровоподтеком.

— Ее имя Кара Свол, — сказал Сайскинд. — До того как оказаться у нас, была одним из важнейших агентов Рейвенора.

— Неужели? — спросил Куллин. Его глаза засветились. — Ну конечно же. Молох упоминал ее имя. Так как вам удалось ее взять?

— Она проникла на «Милашку», пока мы еще стояли на якоре над Утохром, — произнес Сайскинд. — Она пыталась установить, куда мы направляемся, чтобы остатки команды Рейвенора смогли направиться за нами в жалкой попытке отомстить. Но мы с Люциусом успели взять ее раньше, чем она успела получить доступ к сколько-нибудь ценной информации.

— Это она вам так сказала?

— Этому можно верить, — ответил Сайскинд. — Я... как бы это помягче выразиться? Я допрашивал ее в течение нескольких дней. И мои методы

эффективны. Она говорит правду. Рейвенор погиб в Ведьмином Доме, а остатки его команды лишены предводителя, разобщены и потеряны. Думал вначале прикончить ее, но потом решил, что вы с Молохом разгневаетесь, если я лишу этого удовольствия вас самих.

— Мудрое решение, капитан Сайскинд, — произнес Куллин. — Позвольте вас отблагодарить. Лея, пусть повар приготовит этой ночью что-нибудь особенное. Ужин в честь новоприбывших, праздничное застолье. А очаровательную тадам Свол отведи в Альков.

Слейд кивнула.

— Сюда, — сказала она.

Пленница посмотрела на нее пустым взглядом и послушно поплелась в указанном направлении.

Слейд даже слегка сочувствовала ей. Лейла никому бы не пожелала участи оказаться на попечении Сайскинда перед смертью.

Глава третья

— Пойдем прогуляемся, — произнес Гарлон Нейл, как только Пэйшенс перешагнула через порог воздушного шлюза «Потаенного света» и они обнялись. — Пойдем.

— Еще надо много...

— Просто иди за мной.

Нейл кивнул Ануэрту и еще троим членам экипажа, перешедшим с «Аретузы» на «Потаенный свет». По настоянию Кыс никто не был оставлен на борту населенного призраками древнего судна. Элман Халстром — бессменный, заслуженный первый помощник Прист, ветеран военно-космического флота — вышел им навстречу вместе с Нейлом.

— Джентльмены, — произнес он, — позвольте мне поприветствовать вас на борту «Потаенного света». Возможно, вы не откажетесь от прохладительных напитков?

А Нейл повел Кыс по длинным корабельным туннелям. Запахи, витавшие

в воздухе, качество светильников, освещавших помещения, стилистические детали облицовки — все это казалось Пэйшенс до боли родным.

— Я думала, что ты погиб, — прошептала она.

— Я и сам так думал, — согласился Гарлон.

— Так почему же ты еще жив? Где ты был?

— Пэйшенс, на эти два вопроса я и себе не могу ответить, — сказал он, подгоняя ее вперед. — Мы прошли через дверь. Это был единственный способ спастись.

— И где вы оказались?

— В таких местах, что ты даже и не поверишь.

— Почему же?

— Потому что мне и самому непросто в это поверить,— ответил он.

— Но... — начала она.

— Ко всем «но», «как» и «почему» мы вернемся позднее, — произнес Нейл, открывая перед ней дверь прекрасно оборудованного медицинского отсека «Потаенного света».

Ей кивнул корабельный врач Зарджаран. Кыс застыла на месте.

В стазисном контейнере, в ярком голубом свете парила аморфная груда. Контейнер был подключен к огромному количеству гудящих, попискивающих и бурлящих медицинских модулей. Казалось, будто для нужд его содержимого были задействованы все многочисленные аппараты медицинского отсека.

— О Трон! — прошептала она.

— Он отдыхает, — сказал Нейл. — Его выздоровление будет долгим и медленным.

— Он был в очень плохом состоянии, когда попал ко мне, — вклинился в их разговор мягкий голос медика, всматривающегося в показания нескольких датчиков. — Многочисленные колотые раны, разрывы внутренних органов, некроз, истощение, неоднократное инфицирование. Прежде чем попасть к хирургу, он слишком долго оставался без должной помощи. Да и потом полученная им помощь была только самой базовой.

— Она сделала что смогла, — произнес Нейл.

— Его сердце, — пожал плечами Зарджаран, — трижды останавливалось под ее скальпелем. Но она действительно сделала что смогла.

Кыс подошла ближе. Она чувствовала себя оглушенной. Разглядеть содержимое контейнера было практически невозможно. Оно казалось только темной размытой тенью, но Пэйшенс чувствовала его.

Она приложила ладонь к стеклу:

— Гидеон?

— Привет, Пэйшенс.

Посланные им слова долетали словно издалека, казались шепотом. Из глаз Кыс потекли слезы.

— Мне так стыдно, Гидеон, очень стыдно! Я не должна была оставлять тебя. Я ни при каких...

— Тише, тише, — прошептал он в ответ.

Зарджаран настоял на том, чтобы они оставили Рей-венора в покое. Нейл повел Кыс в кают-компанию «Потаенного света». Это была роскошная уединенная гостиная, обстановкой вполне соответствовавшая характеру капитана.

Цинния Прист уже была там, как и Халстром, развлекавший Ануэрта и троих членов его экипажа. На этот момент Цинии исполнилось уже двести восемьдесят лет, впрочем, сама она всегда называла куда меньшую цифру, хотя и не могла в этом никого убедить. Она обладала женственной фигурой, коротко подстриженными светлыми волосами. Прист сильно красила глаза и носила нарочито яркие серьги. Ее великолепно скроенный костюм был пошит из сатина, а накидка — из красного вельвета.

Вспыльчивая и своенравная, Прист тем не менее оказалась очень преданным человеком, несмотря на то что ее отношения с Рейвенором — и вообще с ордосами — были весьма натянутыми после происшествия возле Маджеску-са. Когда же после событий у Предела Боннэ «Потаенный свет» медленно плелся на ремонт, командам корабля и инквизитора пришлось расстаться. Рейвенору потребовалось срочно вернуться на Юстис Майорис, для чего он и нанял «Аретузу». И Кыс втайне была уверена, что Прист

радовалась, видя их удаляющиеся спины.

Но сейчас капитан не показывала признаков недовольства. Когда Нейл завел Пэйшенс в комнату, Цинния поднялась и по-матерински обняла ее.

— Как ты, дорогуша? — спросила она так, словно ее и в самом деле это интересовало.

— Куда лучше, чем раньше. Надеюсь, вы простите меня. Я уже много дней не принимала душ и не меняла белья.

— Для этого у тебя еще будет время, — сказала Прист. — Выпей пока амасека и приди в себя. Халстром, нальешь нам?

Пока первый помощник ходил к бару, Кыс огляделась. Все окружающее казалось ей каким-то нелогичным. Кроме Прист, Халстрома и команды Ануэрта она увидела сидящую в углу Ангарад. Картайка была одета в простое коричневое платье. Украшенный сложными узорами доспех лежал у нее на коленях, как сброшенная кожа, а хозяйка чинила его при помощи крепкой нити, стальной иголки и пары резцов. Ангарад только один раз кинула на Кыс быстрый взгляд.

Возле нее сидела молоденькая девушка, еще не вышедшая из подросткового возраста, с огромными глазами и какая-то странная. Она играла с ключом и посмеивалась себе под нос.

Халстром принес Пэйшенс амасек.

— Рад тебя видеть,— произнес он, целуя ее в щеку и вручая бокал.

Кыс улыбнулась. Она всегда тепло относилась к первому помощнику. Он вселял в нее чувство уверенности и порой казался ей отцом, которого у нее никогда не было.

— Может, расскажете, что с вами произошло? — произнесла она, присаживаясь возле Нейла.

Взгляды всех присутствующих устремились на него.

Нейл постарался рассказать все, что знал. Его объяснения получились долгими и нередко изобиловали деталями, которые он мог объяснить, лишь вернувшись к тому, о чем недоговорил до того. Принципы работы двери показались Кыс совершенно бредовыми, поэтому она постоянно задавала вопросы. Ангарад, не

поднимая взгляда от своей работы, время от времени вставала в разговор, внося исправления в повествование Нейла.

— Наконец мы очутились в местечке под названием Раец, — произнес Гарлон, когда Прист протянула ему очередную порцию амасека. — К тому моменту мы проделали уже долгий путь. Так вот, расположено это место было в сегменте Ультима, в тысяче лет от нас.

— В тысяче? — выдохнула Кыс. — До или...

— До, — произнес Нейл.

— Тысяча долгих лет, долгих лет, — пропела девочка Айозоб, продолжая играть с ключом.

Все посмотрели на нее, но она этого даже не заметила.

— Тут Гидеону стало совсем плохо, — продолжил Нейл, — он был при смерти. Он, конечно, пытался это скрывать, но я все понял. Рейвенор пытался провести нас через дверь, управляя ею силой своего сознания. Но ее уже не хватало для этого. Так что дверь начала играть с нами шутки, при этом, как я понимаю, очень

стараясь ему угодить. Он захотел оказаться на «Аретузе» в четыреста четвертом, и именно туда мы и попали. Станция слежения «Аретуза», год четыреста четвертый. Но миллениум сороковой.

— Продолжай, — покачала головой Кыс.

— Нас заперли в камере, заподозрив в шпионаже. Ин-сигния Рейвенора нас не выручила. Подтвердить наш статус никто не мог, но мне удалось уговорить их оказать помощь Гидеону. Мы очень обязаны их врачу — Башесвили.

— И?

— Думаю, Рейвенору удалось каким-то образом добиться ее доверия, пока она оперировала его. Он проник в ее сознание и показал ей правду. Показал, насколько важно для нас добраться до дома. Видишь ли, он умирал на ее столе. Наверное, не один раз. Как только ей удалось стабилизировать его состояние, она продемонстрировала частичную запись одной из его «смертей» командиру станции. Полагая, что главный ее пленник

скончался, командир занялась более важными вещами. Они ожидали набега.

— Набега?

Там шла война. Как бы то ни было, но в результате У Башесвили оказалась возможность починить и прочистить кресло, усадить в него Рейвенора и освободить нас. К тому времени как командир станции обнаружила, что все ее пленники бежали, Башесвили уже вывела нас с базы и мы углубились в тёрны.

— Притормози, — вскинула руку Кыс. — Какие еще тёрны?

— Ой, прости, — сказал Нейл. — Кое-что пропустил. Станцию на Раеце окружала психоактивная колючая поросль. Они называли ее ки-кид.

— Ку'куд, — раздался голос Ангарад с другого конца комнаты. — Произноси правильно, парень.

— Да, ку'куд. В общем, понимаешь, это и был ключ. И Рейвенор им воспользовался.

— Я не понимаю, — произнесла Кыс.

— Его сознание слишком ослабло, чтобы должным образом настроить дверь,

— сказал Нейл, — но психоактивные заросли помогли ему, послужили усилителем. Он пожелал оказаться дома, и колючие кусты направили его мысль. Он хотел снова оказаться на своем корабле.

— А что с этой Башесвили?

— Ей, — вздохнул Нейл, — не захотелось улетать на тысячу лет вперед из своего времени. Она осталась. — Он помолчал. — Короче, мы открыли дверь.

— Я открыла дверь, — со смехом произнесла Айозоб, поднимая ключ. — Это моя функция.

— Да, верно, — сказал Гарлон. — Айозоб очень осторожно открыла дверь, и вот — прости-прощай, «Аретуза».

— Вот что я тебе скажу: они меня до смерти напугали, — произнесла Прист.

— Вы оказались на «Потаенном свете»? — спросила Кыс.

— Мы стояли в сухих доках верфей военно-космического флота Ленка, — сказала Прист. — Эта проклятая дверь вновь поняла вашего господина и повелителя буквально. Да, она доставила его на его корабль. На мой, мать его,

корабль.

— Давно?

— Две недели назад, — ответил Нейл.

Об этом лучше я расскажу, — перебила его Цинния. — Я как раз совершала послеобеденный обход. Мы только месяц как подписались под проведенными ремонтными работами. Я продумывала разные варианты, планировала открыть торговый маршрут, проходящий мимо Кэкстона, собираясь возить небольшие партии различного скоропортящегося высококачественного товара, ну да вы знаете. Поверь мне, Пэйшенс, последнее, чего я ожидала, так это того, что снова спутаюсь с Инквизицией.

— Ее представители уже успели нас подергать, — произнес Халстром, глядя на Кыс. — Нас трижды обыскивали и допрашивали агенты ордосов. Искали любую связь с вашим начальником.

— А в последний раз заявилась какая-то напыщенная сука... как же ее звали, Халстром?

— Инквизитор Лилит, — произнес первый помощник.

— Да, та самая сука, — сказала Прист, сжав кулаки.

— Та самая сука, та самая сука! — пропела Айозоб, не глядя на них.

— Продолжай играть со своим ключиком, дорогуша, — сказала ей Прист. — Эта Лилит появилась всего за несколько дней до происшествия с дверью. Меня ошарашило то, что Гидеон объявлен в розыск. Я все думала, какую проклятую глупость он совершил. Как бы то ни было, но я ответила ей, что мы не виделись уже несколько месяцев. Она обшарила мой драгоценный корабль и свалила. И вот хожу я, провожу осмотр и как раз шагаю мимо энжинариу-та. Экипажу я в тот день дала отпуск на землю. Последнее «ура», перед тем как отчалить. Так что не ожидала, что кто-нибудь появится рядом. И тут из ниоткуда раздается этот чертов голос...

— Привет, Цинния, — сказал Нейл.

— Я чуть штаны не намочила, — произнесла Прист. — Оборачиваюсь, а тут стоит этот ваш Гарлон в сопровождении

девчонки, здоровенной бабищи с мечом и Гидеона, испускающего дух в своем кресле. И что еще интереснее, в левом моторном блоке открывается новехонькая деревянная дверь.

— Он привел вас домой, — сказала Кыс Нейлу и вздохнула. — Знаете, Кара никогда в этом не сомневалась. Она говорила мне, что Рейвенор способен выбраться откуда угодно, даже из могилы. Я ей не поверила. А стоило бы.

— На твоем месте, — покачал головой Нейл, — и я бы не поверил. Мы сделали самую рискованную ставку, какую только можно было. Расклад явно был не на нашей стороне. Путь оказался неблизким. Мне все еще трудно поверить, что мы выбрались.

— А дверь еще здесь? — спросила Кыс.

— Да, — кивнул Халстром, — мы регулярно ее проверяем. Само ее наличие в машинном отсеке беспокоит экипаж. Если она не исчезнет сама, я даже и не знаю, что нам придется предпринять.

Кыс поднялась. Ее слегка пошатывало.

— Простите, — сказала она. —

Кажется, атасек ударил в голову. В последнее время я плохо питалась. Но задам последний вопрос: как, во имя Трона, вы узнали, куда лететь?

— Птицы в живой изгороди, зернышки и созвездия.

— Гидеон? — спросила она.

Его голос услышали все. Айозов оторвалась от игры, а Ангарад устало посмотрела вокруг.

— Простите, что подслушивал. Я знаю, что должен бы спать, но мы слишком близки, чтобы я мог остановиться.

— Так что там с птицами? — спросила Кыс.

— Тогда за дверью я встретился с Орфео Куллином. Помнишь его? Мы с ним побеседовали.

— О чем же? — спросила Кыс.

— Это не важно. Но мы были посреди поля. Я и понятия не имел о том, где мы оказались, а он не хотел об этом рассказывать. Впрочем, мне стало известно, что именно там они с Молохом и укрываются. Какая-то планета недалеко

от Утохра. Во всяком случае не далее чем в субсекторе или двух. Я видел птиц, местную флору, вечерние звезды. Как только мы оказались здесь, а замечательный доктор Зарджаран помог мне уютно разместиться, я стал просматривать сделанные мной записи, сравнивая их с богатой цифровой библиотекой «Потаенного света». В этом и состоит преимущество обладания креслом, напичканным мощным записывающим оборудованием: можно сохранять происходящее во всех, даже самых незначительных мелочах, чего не позволяет обычное человеческое сознание. Я сравнивал расположение звезд, клеточное строение шелухи злаков, окраску оперения малых птиц. На это ушло какое-то время, но в конце концов всякие сомнения отпали.

— Гудрун, — сказала Кыс.

— Мы тут же снялись с якоря, — произнесла Прист. — Прямо скажу, Гидеон явно не собирался медлить.

— О Трон, вы с точностью опознали

Гудрун по каким-то птичкам и шелухе? — спросила Кыс.

— У каждой планеты особая и очень характерная микрокультура. И если быть точным, я опознал не Гудрун.

— А что же?

— Я опознал провинцию на Гудрун, носящую название Верхний Сарр и расположенную в двадцати километрах от горного массива Келла.

Кыс засмеялась.

— Я знал, что тебе понравится, — сказал Нейл, ухмыляясь. — А теперь твоя очередь. Что произошло с вами?

Кыс посмотрела на пустой бокал, и Халстром наполнил его снова.

Затем она рассказала им обо всем, что случилось с того момента, как они вырвались из умирающего Ведьминого Дома.

— Карл или Бэллак на связь не выходили?

— Нет, — мрачно откликнулся Нейл.

— И нет никаких следов?

У отремонтированного вокс-передатчика Рейвенора был более низкий,

дребезжащий голос, и команде еще только предстояло привыкнуть к нему.

— Если они там, то отвечать не торопятся, — сказал Нейл.

— С Бэллаком надо проявлять особую осторожность, — сказал Рейвенор. — Я пока не уверен в том, кем он на самом деле является, но этот дознаватель что-то скрывает.

— Дознаватель Бэллак безупречен! — рявкнула Ангарад из другого конца пассажирского отсека спускаемого модуля.

— Далеко нет, — сказал Рейвенор. — Когда я «надевал» его, обнаружил там блок, поставленный по методу Черной Дамбы.

— О да, вам ведь нравится «надевать» людей, верно? — презрительно усмехнулась Ангарад. — Против их воли.

— Заткнись! — сказала Кыс.

Пэйшенс наконец впервые за долгое время помылась и переоделась в чистую рабочую одежду из запасов «Потаенного света», которая не очень-то подходила ей по размеру. Она чувствовала себя в ней неловкой и неженственной. С ее точки

зрения, примерно так и должна была себя ощущать большую часть времени Мауд. Воспоминания о Плайтон заставили ее собраться.

— А вы точно уверены, что выдержите? — спросила она.

— Ему вообще не стоило бы за это браться, — сказал Нейл.

— Да, я уверен, — ответил Рейвенор. — Учитывая то, что ты рассказала, у меня нет времени разлеживаться и заниматься своими болячками. Мистер Халстром?

— Две минуты до стыковки! — прокричал первый помощник из рубки пилота.

Перед вылетом Халстром настоял на том, чтобы самому вести машину.

— Благодарю.

Нейл, Кыс и нервничающий Ануэрт разместились в пассажирском отсеке сразу за спиной Халстрома. Кресло Рейвенора, хоть и отремонтированное, но все еще со следами повреждений, стояло на площадке для багажа. Ангарад, уже облачившаяся в свою подлатанную броню, развалилась на одном из задних сидений, и Айозов

терпеливо расчесывала ее волосы. Ни у кого не было ни малейшего представления, что теперь делать с девочкой-смотрительницей.

Эвисорекс лежала в своих ножнах на длинных ногах Ангарад.

— Черная Дамба? — спросила Кыс. — Это же техника Когнитэ.

— Так и есть, — произнес Рейвенор. — Наш друг Бэллак что-то скрывает... что-то важное. Возможно, что он прячет Слайта.

— Чушь! — сплюнула Ангарад.

— Вот здесь я склонна согласиться с этой отвратительной меч-бабой, — произнесла Кыс. — Это Заэль. Не сомневаюсь. Он как-то смог подобраться к Фрауке и подчинить его. Я-то знаю, что произошло на борту «Аретузы».

— Я тоже видел во всех честных подробностях, — сказал Ануэрт. — Ментальный хаос, дыхание ниспадающего варпа. Если это был не демон, то я даже и не знаю, что это тогда было.

— Разберемся, — сказал Рейвенор.

Халстром изящно завел шлюпку в

стыковочный отсек «Аретузы». Автоматические системы закрепили их на месте и, закрыв люки, выровняли давление.

— Порядок,— произнес первый помощник, оглянувшись на них, прежде чем стащить с головы летный шлем и отстегнуть ремни.

— Мистер Халстром, прошу вас остаться здесь. Будьте готовы взлететь по сигналу.

— Понял, сэр, — ответил их пилот.

Все остальные отстегнулись и поднялись со своих мест, чтобы спуститься по выдвинувшемуся из кормы скату в гулкий стыковочный отсек. Нейл сжимал ружье, а Шолто вертел в руках лазерный пистолет, который ему одолжила Прист.

— Капитан Ануэрт, если хотите, вы можете остаться возле шлюпки, — произнес Рейвенор, слетая вниз.

— Спасибо. Но я нагружу вас, впрочем, — сказал Ануэрт. — Я хочу получить свой корабль обратно.

Они направились к внутреннему люку.

В удивительно свежем воздухе почему-то пахло корицей и свежескошенной травой.

— Вы что-нибудь чувствуете? — спросила Кыс. — Я не смогла его найти, хотя, если честно, была слишком напугана, чтобы пытаться всерьез. Вы куда сильнее меня.

— Не сегодня, — сказал Рейвенор. — Мне придется полагаться на ваши силы. И, Пэйшенс, отвечая на твой вопрос, — пока еще нет. Хотя кое-что ощущаю, кое-что слышу...

— Что? — спросила Кыс.

— Рыдания. Вы их слышите?

Они повернулись к одному из пустых продольных коридоров «Аретузы». Лампы по-прежнему мерцали. Ангарад выхватила меч одним плавным движением.

— Эвисорекс жаждет, — произнесла она.

— В этом я уверен, — сказал Рейвенор. — Да, я чувствую что-то. Очень отчетливо. Это похоже... Вистан.

— Как вы можете его почувствовать? — спросил Нейл.— Он же тупильщик.

— Ему больше нельзя доверять, —

сказала Кыс. — Я же вам говорила.

— Это Вистан, — ответил Рейвенор, — или, во всяком случае, некто, желающий, чтобы мы почувствовали, что это Вистан.

Кыс поежилась. Ануэрт посмотрел на нее снизу вверх и успокаивающе протянул ей руку. Она опустила взгляд на него, нервозно улыбнулась и сжала его ладонь.

— Близко? — спросил Нейл.

— Очень близко, — ответил Рейвенор. — Трюм перед нами.

Они подошли к люку. Ануэрт отпустил руку Пэйшенс и поспешил ввести код. Зашипела гидравлика. Выругавшись, Ангарад подскочила к люку, прижалась к нему плечом и, зарычав, стала медленно отодвигать в сторону.

— Кажется, я влюбился, — сказал Нейл.

Кыс фыркнула.

Они вошли в темный заброшенный трюм. Пол покрывали разорванные, полусгнившие упаковочные коробки.

— Я слышу плач, — сказала Кыс.

Они посмотрели наверх.

Вистан Фраука стоял на одной из стальных балок под самым сводом трюма. Как он туда смог подняться, было непонятно. Рыдал он. Казалось, будто каждый вдох дается ему с большим трудом, он задыхается. Его губы и подбородок были покрыты от крови, капавшей из его носа.

— Я пытался, — пробормотал он. — Пытался. Вы сказали приглядывать за ним, и я старался.

Фраука закашлялся, отхаркивая кровь. Заэль повис в его руках марионеткой, которой перерезали ниточки.

— Вистан?

— Да, Гидеон?

— Слава Императору, ты меня слышишь?

— Да, Гидеон. Это... это охренительно странно, да? В смысле, я ведь вроде как неприкасаемый?

— Уже нет, — сказал Рейвенор.

Фраука снова заплакал. Капли крови падали на палубу под ним.

— Он проснулся?

— Что? — спросил Вистан.

— Заэль проснулся?

— Нет. Да. Он заперт в своем теле. Но очнулся он уже давно.

— Я же говорила! Говорила! — воскликнула Кыс.

— Прости, Пэйшенс, но если бы он узнал, то убил бы его.

— Кто?

— Слайт, конечно же.

— Вистан...

— Мне так долго приходилось прятаться, Кресло, — произнес фраука, обеими руками прижимая безвольное тело мальчика к своей груди. — Так долго. Он все время был рядом, и я боялся выглянуть наружу. Он увидел бы меня. Он убил бы меня, потому что я ничего для него не значу.

— Все в порядке.

— Все не в порядке! — пролаял фраука. — Мне было страшно. Я устал прятаться, но он все время был рядом. Прямо здесь. А вы, Кресло, не могли или не хотели меня слышать.

— Я очень хотел.

— Ха! — сказал Вистан. — Как только он покинул корабль, я решил проснуться. Это было безопасно. Похоже, я немного напугал экипаж. Извините, что я их напугал.

— Не понимаю, что за бредятину несет Фраука? — спросил Нейл.

— Это не Вистан, — сказал Рейвенор. — Это Заэль. Он использует тело Фрауки.

Нейл посмотрел на фигуры, вырисовывающиеся над балкой:

— Заэль?

Пэйшенс шагнула вперед:

— Заэль? Ты меня слышишь? Мне надо кое-что спросить.

— Привет, Пэйшенс. Ты красивая, — беззаботно откликнулся Фраука.

— Спасибо. Заэль, если ты не Слайт, то где же он тогда?

— Бэллак, — выразительно произнес Рейвенор.

— Бэллак — ничто, — произнесли губы Вистана. — Слайт был с нами с самого начала.

— Заэль?

— Тониус Слайт. Тониус Слайт. Тониус Слайт, — закудахтал Фраука.

Нейла, Кыс и Рейвенора одновременно захлестнул усилившийся страх. Недоверие. Ужас.

— Смотрите! — закричал Ануэрт.

Фраука валился вперед, выпуская из рук тело Заэля. Они оба рухнули с балки и камнем устремились к палубе трюма.

— Кыс!

— Держу, — откликнулась она.

Глава четвертая

Карл Тониус выпрыгнул из восьмиколесного грузовика, арендованного ими в Дорсае. Его сапоги выбили пыль из сельской дороги. Следом за ним выбрались Плайтон, Бэллак и Белкнап.

Они припарковались под деревьями на пустынной загородной дороге. На поля опускался вечер. Впереди, в двух километрах, угрожающе вздымались огромные, грачные пики Келла, практически полностью укрытые пеленой из туманов и грозовых туч.

Вокруг господствовали тишина и покой. Дул легкий ветерок, а птицы заводили свои вечерние песни, устроившись в кронах деревьев. Но в голове Тониуса назойливо гудел и другой звук, чем-то родственный звону в ушах. Карл глубоко задышал и стал пересчитывать кольца на пальцах. Раз, два, три...

— Наверху? Это то самое место? — спросил Белкнап, положив на плечи потертый гвардейский лазган.

— Я уверена, — кивнула Плайтон. — Когда «Милашка» вышла на орбиту, от нее отделился спускаемый модуль, который вначале слетал к полям Дорсая, а затем направился сюда.

— Значит, ты уверена? — с сомнением в голосе спросил Белкнап.

— Навыки офицера Магистратума, Белкнап, поверь мне, — сказала она. — Я знаю, как выудить из людей информацию и как проследить за подозрительным транспортом. Он ушел сюда. Маршрут его полета был вычислен и записан местным подразделением.

— Не думаю, что им известно о нас,— сказал Тониус— Если бы они заподозрили, что мы уже дышим им в спины, мы бы это поняли.

Он смотрел на почти невидимую за тучами вершину, вздымавшуюся перед ними.

— Я прикончу Зигмунда Молоха, — прошептал он так, что никто больше не услышал.

Белкнап перешел на другую сторону дороги и завозился со своими

электробинокулярами, наведя их на скалы. Линзы гудели и щелкали. Его не хотели брать в команду, поскольку опасались, что он не обладает необходимыми боевыми навыками. Но он настоял, заявив, что должен делать все возможное ради спасения Кары, пока остается хоть какая-то надежда. С этим доводом никто не мог поспорить.

— Там, наверху, огромное здание, — произнес Белкнап, щурясь в бинокль, — похоже на дворец. Чтобы сказать точнее, надо подойти ближе.

— Значит, подойдем, — сказал Тониус.

— Я по-прежнему не могу связаться с «Аретузой». — Бэллак потряс вокс-линком. — Что случилось с этой штуковиной?

— Атмосферные помехи, — ответил Тониус. — Горы накрыло грозой.

— Но я даже до Дорсая не могу дозвониться, — сказал Бэллак.

— Атмосферные помехи, — повторил Карл. — С «Аретузой» все в порядке, они комфортно устроились. Нас должно волновать только то, что происходит здесь. Надо рассредоточиться и осмотреть

окрестности.

Они разделились. Плайтон с Белкнапом направились по дороге, уходящей к полям. Бэллак и Тониус свернули на две параллельные тропинки, уходящие в лес. С гор опускалась гроза. Деревья скрипели и стонали под ударами ветра. Шумели кроны. Сухие остовы поваленных деревьев свидетельствовали о том, какой силы достигают местные бури.

Тониус остановился посреди поляны. Остальные на этот момент уже скрылись из виду. Почему-то отсюда, сквозь раскачивающиеся ветви, разглядеть горы было легче, чем с дороги: черный остов, облепленный тучами. За ними небо казалось чистым и усыпанным звездами.

Гул в голове стал громче, и Тониус заметил, что его правая рука затряслась. Он силой заставил ее успокоиться. В последние дни своей человеческой жизни он успел неоднократно пожалеть о многих поступках, и самым странным из сожалений было то, что он не бросил свою правую руку валяться в загоне для скота на

флинте.

Он очень старался справиться с ней, но понимал, что она постепенно одерживает верх. Это был только вопрос времени. Темные энергии бурлили в нем под невыносимым давлением. Он ощущал себя перекипевшим котлом, забытым над огнем. В любой момент он мог взорваться.

Он уже несколько раз был близок к этому. На Беринте, когда убил человека. Затем снова, но уже вынужденно, когда их заперли за дверью и оставили на растерзание когтистым чудищам. Ему ничего не оставалось, кроме как выпустить таящееся в нем могущество, чтобы спасти всем жизнь. И сейчас лишь ничтожные остатки воли не позволяли высвободиться всему остальному. Его охватило пугающее чувство эйфории и... О Трон, какой же великий соблазн! Просто сдаться, позволить себе погрузиться в Хаос, наполняющий душу.

Как здорово было бы все это прекратить. Уступить, сдаться, отказаться от боя. Избавиться от гула, нашептываний, боли...

На плаву его держали только две мысли. Во-первых, он был имперским дознавателем. Он долго шел к этому званию, прилагая массу усилий. И некоторая часть Карла Тониуса все еще желала, чтобы он продолжал служение и доказал свою чистоту. «Как странно, — подумал он, — что человек, одержимый демоном, может оставаться настолько преданным, если, конечно, не обращать внимания на пару отступлений от правил». У Тониуса были мечты, амбиции. Он верил, что заключенные в нем силы могут принести пользу всему Империуму. Но если бы он просто открылся перед своими наставниками, они казнили бы его. Уничтожили бы без промедления. Каждый раз, когда ему приходила в голову эта мысль, гул в его голове превращался в смех.

Вот и снова. Ха-ха-ха.

Вторая мысль сводилась к тому, что он не торопился умирать. Не снова и не так, как на Юстисе Майорис. Этого действительно не хотелось. Какие бы выгоды это ни принесло человечеству, он не собирался умирать.

У него оставался только один выход. Там, высоко в горах, прятался разыскиваемый Троном преступник — Молох. Если Рейвенор не способен помочь ему спеленать и взять под свой контроль укрывшееся внутри существо, то архиеретик мог придумать способ. Молох обладал необходимыми знаниями и навыками и не был связан моральными запретами и эдиктами ордосов.

Тониус должен был встретиться с Молохом и вытрясти из него все тайны. А затем еретика можно и убить, чтобы отомстить за своего наставника.

А затем... затем...

Тониуса сотрясли конвульсии. Он упал на колени. Психическая ударная волна, вызванная его судорогами, заставила согнуться деревья вокруг поляны. В воздухе закружила палая листва.

— Что за черт? — раздался в линке голос Белкнапа. —

Кто-нибудь еще это почувствовал? Карл? — позвал Белкнап из глубины леса.

Тониус с трудом поднимался, глядя на свой обед, расплескавшийся по земле. Но

слабость снова захлестнула его, и дознаватель повалился на бок. Зрение изменило ему. Он мог только слышать голоса друзей и гул в голове.

— Карл? Ты в порядке? — откуда-то издалека донесся зов Плайтон.

Съешь ее, съешь сейчас, целиком. Она ведь такая пухлая и сочная. Давай же, отпусти меня, Карл. Я хочу на свободу. Я хочу...

— Нет, — промычал Тониус.

Он еще никогда не чувствовал себя настолько потерянно. Вместо сердца была пустота. В душе до самых краев плескался черный яд. Все тело горело. Дергалась правая рука. Кольца ломались и слетали с пальцев. Борись, борись...

— Карл?

Зрение постепенно возвращалось. Тониус сумел сесть. Его тошнило, голова кружилась.

— Все хорошо, Мауд, — хрипло произнес он в линк. —

Просто сильно лихорадит. Это пройдет.

Оставь меня в покое, Слайт. Оставь

теня. Я не стану выпускать тебя снова. Нет. Я справлюсь с тобой.

Карл услышал издевательский смех, писклявый и тонкий, прозвучавший в глубине его сознания.

Я разделаюсь с тобой. Молох мне все расскажет.

Раздался звук приближающихся шагов. Казалось, будто это уже топочет освободившийся демон.

— Во имя Трона, Карл, ты что, заболел? Ты как?

Бэллак.

— Все хорошо, — сказал Тониус, поднимаясь и вытирая губы. — Лихорадка. Я ее частенько подхватываю.

Бэллак успокаивающе положил руку ему на плечо и очистил губы и подбородок Карла своим носовым платком.

— Ничего, ты поправишься, приятель. Горячая еда и питье — вот лучшее лекарство против любой болезни.

— Да, в этом ты разбираешься, — произнес Тониус.

Они устало побрели мимо полей, направляясь к Келлу. Вокруг

стремительно темнело, а в скалах над ними грохотала гроза. Бэллак в последний раз попытался воспользоваться линком.

— От «Аретузы» до сих пор никакого отклика, — проворчал он.

Теперь, когда они оказались значительно ближе, Белк-нап изучил нужную скалу при помощи своего электроби-нокуляра.

— Утес находится на высоте тысяча метров. Можно с уверенностью утверждать, что на самой его вершине расположено массивное здание.

— Как же они туда попадают? — спросила Плайтон.

— На флаере, — сказал Белкнап, после того как его линзы прожужжали в очередной раз. — Вижу один, припаркованный на краю обрыва. Его приковали цепью, чтобы не унесло грозой. Ах да, лебедку я тоже вижу. Установлена на восточном уступе. Мощная. Клеть, подвешенная на толстой цепи, явно предназначена для того, чтобы поднимать людей, приходящих с полей. Вон, видишь, слева на скале?

Он передал бинокль Плайтон.

— Это что-то вроде лифта? — спросила она.

— Ага.

— Я настотрелась лифтов на всю оставшуюся жизнь, — ответила Мауд.

— Будем карабкаться, — произнес Тониус.

— По этому? — рассмеялась Плайтон.

— Да, — сказал Тониус.

— Мы слишком торопимся, — ответила она. — Нам ведь ничего не известно о том, что ждет нас наверху. Вначале необходимо все разведать. Возможно, стоит вначале подняться на один из утесов к западу отсюда. — Мауд махнула рукой. — Не стоит просто вламываться туда. Надо найти место для ночлега и присмотреться, чтобы понять, с чем нам предстоит иметь дело.

— Я согласен, — произнес Бэллак. — Через несколько дней, когда мы уже будем уверены...

— У меня нет нескольких дней, — сказал Тониус.

— Что? — спросил Бэллак, откидывая с лица растрепанные ветром белые пряди волос.

Карл неожиданно понял, что сам сейчас сказал.

— У нас нет нескольких дней, — поправился он.

— Действительно нет, — добавил Белкнап, убирая бинокль в потертый чехол. — Если Кара еще жива...

— К черту Кару! — рявкнул белобрысый дознаватель. — Все это слишком важно, чтобы...

Белкнап протянул свою винтовку Плайтон:

— Подержи ее, Мауд.

— Зачем?

— Чтобы я его не пристрелил ненароком.

Она приняла оружие. Белкнап с ошеломительной скоростью метнулся к Бэллаку и ударил его кулаком в зубы.

— Сейчас я тебе, ублюдок, расскажу, что важно! — произнес врач, глядя сверху вниз на упавшего дознавателя. — Кара, Кара и еще раз Кара. Можешь оставаться,

если хочешь. А я отправляюсь туда.

— Псих! — Бэллак сплюнул кровь.

— Хватит уже! — рявкнул Тониус.

Реакция Белкнапа его изумила. Удивительны были даже не его скорость и сила — легко забыть, что в первую очередь он был ветераном Гвардии и лишь во вторую — врачом. Но, помимо этого, доктор следовал зову верности, любви и дружбы, а только это сейчас сохраняло для них какую-либо ценность. Белкнап оказался на стороне Тонниса.

— Не думаю, что нам стоит драться друг с другом, — сказал Карл.

Вначале он протянул было правую руку, чтобы помочь Бэллаку подняться, но в последнее мгновение воспользовался левой.

— Держи.

— Простите, доктор, — произнес Бэллак, поднимаясь. — Я сказал не подумав. Конечно же, судьба Кары важнее всего.

Белкнап что-то прорычал и забрал свое ружье из рук Плайтон.

— Надо готовиться к восхождению, —

сказал Тониус. — Я понимаю, что несколько дней наблюдений позволят нам лучше подготовиться, Мауд, но у нас не осталось времени. И тем более его не осталось у Кары. Если, конечно, она еще жива.

— Она жива, — угрюмо произнес Белкнап, и Плайтон утешающе сжала его руку.

— Мы не можем в этот раз действовать по учебнику, — сказал Тониус. — И помощи нам тоже ждать неоткуда. Так что начинаем ночью.

Белкнап кивнул. Плайтон вздохнула.

— Лучше скажи — как? — спросил Бэллак, с унылым видом показывая на вершину. — Это же тысяча метров.

— Будем карабкаться, — сказал Тониус.

— По этой скале? — фыркнула Плайтон.

— Есть несколько возможностей, — ответил Карл. — Горные тропы. Я могу...

— Что ты можешь? — спросил Бэллак.

— Могу видеть их, — произнес Тониус,

указывая. — Там, там и там.

Белкнап снова расчехлил бинокль и навел его в указанном направлении:

— Да, он прав. Метко подмечено, Карл. Как ты, черт возьми, смог их разглядеть?

Тониус пожал плечами.

— Значит, тропы? — спросила Плайтон.

— Я вижу как минимум три тропинки к вершине, огибающие ее с востока и с запада, — ответил Белкнап. — Они довольно опасны, но ведут куда надо. Если мы, конечно, переживем грозу в горах.

— Вечно это «если», — поежилась Плайтон.

— Так какие будут предложения? — Белкнап посмотрел на Тониуса.

— Поднимаемся наверх и заходим внутрь. Потом мы... даже не знаю. Начнем убивать? — произнес Карл. — Предлагаю разобраться на месте.

— А я думаю, что мы должны... — начал Белкнап.

Но остальные уже зашагали по полю в опустившихся сумерках.

— Ладно, я все понял. Мы идем. Подождите меня.

Глава пятая

Орфео Куллин открыл дверь, ведущую в Альков. С террасы над ним доносились звуки праздника.

— Развлекаются, — произнесла Кара Свол.

— Конечно, почему бы и нет, — согласился с ней Куллин.

— А теперь ты явился ко мне, — сказала она. — Собираешься продолжить развлечение?

Он закрыл за собой тяжелую черную дверь, заглушившую звуки.

— Ох, ну не надо все так воспринимать. Все совсем не так.

— Ты собираешься подвергнуть меня пытке, — сказала Кара.

Она была прикована к деревянному стулу чрезмерно туго застегнутыми кандалами. Это был тот самый стул, на котором Куллин восседал во время разговора с Рейвенором в поле.

— Пытка — слишком грубый термин, — сказал Орфео.

Темный и сырой Альков располагался в подвалах Эльмингарда. Куллин полагал, что в былые времена это помещение использовалось монахами, когда те уединялись для медитации. Проверка аутосеансами также позволила установить, что именно здесь слуги астронома заперли своего хозяина, когда его безумие достигло апогея. Орфео же обустроил здесь собственную уединенную келью. Сюда не допускался даже Молох.

Вдоль стен свисали закованные в цепи, потемневшие от времени скелеты, чьи истлевшие соединительные ткани были заменены узорными бронзовыми скобками и заклепками. На каждой их косточке был написан чернилами порядковый номер. Все скелеты ранее принадлежали «шуткам природы»: гиганту, двум энцефалитным карликам, сросшимся близнецам, волкообразному существу с человечьим черепом и прочим созданиям, иногда слишком бесформенным, чтобы их можно было идентифицировать. Некоторые являли собой просто груды костей, облепленных соляными наростами.

Полки переполняли пузатые, залитые консервирующими составами стеклянные горшки с различными органами, пораженными болезнями, вырезанными опухолями, внутренностями ксеносов, различными зверьками и уродцами.

Куллин подошел к секретеру и стал копаться в одном из его ящиков.

Кара смотрела на своего пленителя.

— Позволь мне кое-что сказать, Орфео... ты ведь Орфео Куллин, верно?

— Да, это я.

— Угу, — кивнула она, поджимая распухшие губы. — Послушай, Орфео, я прекрасно понимаю, кто ты такой. И я знаю, что тебе нужно. До тебя меня целую неделю пытало это животное... Сайскинд. А Уорна ему помогал. Он-то в деле разбирается. Мне нечего больше скрывать.

— Дело в том, — произнес Куллин, — что на самом деле я тебе верю. Сайскинд — представитель третьего поколения Когнитэ. Его способности воздействовать на человеческую психику невероятны, ну а Уорна — это Уорна. Мне действительно жаль, что тебе пришлось вынести всю эту

боль, но дело в том... дело в том, что ты на самом-то деле можешь знать куда больше, чем думаешь сама.

— Я ничего больше не знаю. Лучше просто убей меня,— застонала Кара. — Пожалуйста, хватит боли. Во имя...

— Кара, я и не собираюсь причинять тебе боль, — произнес Куллин, вынимая что-то из ящика. — Ты знаешь, что это такое?

— Понятия не имею.

— Это окулос кинебрахов. Видишь?

Он поднес предмет к ее лицу. Это оказался обруч, снабженный подвижными цветными линзами, способными меняться местами.

— Кинебрахи были удивительно застенчивы и очень осторожны. Гуманоиды примерно вот такого роста. — Он показал рукой. — Они всегда хотели знать, что их ждет впереди. Конечно, надо помнить, что они давно уже вымерли, а значит, это устройство обладает определенными ограничениями. Хотя мне нравится мысль о том, что при помощи подобных инструментов эти существа видели свою

неотвратимую судьбу. Впрочем, на чем я остановился? Ах да. Ты заглянешь в него и... — Он помедлил. — Калейдоскоп. Когда я был еще мальчиком, мне подарили калейдоскоп, — сказал он. — А как насчет тебя?

— Мне тоже, когда я была девочкой.

— Как здорово, Кара. Неужели ты была девочкой? И калейдоскоп?

— Да.

— Они ведь восхитительны, верно? Все это шуршание и пощелкивание. Я обожал их. В своем я видел отражение Галактики. А что видела ты, Кара?

— Забавные узоры.

— Окулос кинебрахов очень похож на калейдоскоп. Это совсем не больно. Он просто покажет тебе правду. Забавные узоры Истины.

Кара тихо простонала.

Они оба вздрогнули, когда загудел линк Куллина. Вынув его из кармана, Орфео посмотрел на Кару и рассмеялся:

— Ого! Я и не думал, что ты настолько напряжены. Должно быть, все дело в грозе. — Он поднес линк к уху. — Да,

Лейла?

— Мы обнаружили чьи-то следы. Теплые отпечатки на скальной тропе под нами.

— Скорее всего, какой-нибудь пастух.

— Нет, Орфео, — протрещал линк. — Я еще жду подтверждения, но похоже, мы точно можем сказать, кто это, по биоотпечатку.

— И кто же это, Лея? Кто решился постучаться к нам в столь поздний час?

— Похоже, что Карл Тониус.

— Выследи его, — заморгал Куллин. — Задействуй сторожевые орудия и выследи его, Лейла. Перезвони мне, как только получишь подтверждение.

— Да, сэр.

Куллин выключил линк и снова посмотрел на Кару Свол:

— Так, значит, ты успела сообщить своим друзьям? Ах ты, хитрая девчонка! Очень хитрая и красивая... да еще и сумевшая скрыть все это от Сайскинда и Уорны. Что еще ты прячешь, Кара? Может быть, истинную судьбу Рейвенора?

— Нет, — сказала она. — В этом я не

врала.

— Я кое-что чувствую, — мягко произнес Куллин, наклоняясь и заглядывая ей в глаза. Он приблизился настолько, что она уловила запах его пота, свежее дыхание и аромат лосьона для волос. Глаза Орфео казались доброжелательными, обеспокоенными ее состоянием. — Я вижу это в тебе... что-то...

— Ничего там нет.

Он наклонился еще ближе, так, что кончики их носов практически соприкоснулись.

— Я долгие годы учился понимать языки тела, лица и глаз. И преуспел в этом куда больше, чем Сайскинд. Он не заметил — заметил я. Что-то таится в твоей голове.

— Прошу... Я клянусь, что больше ничего не скрываю.

Распрямившись, он уверенным жестом закрепил на ее голове прибор кинебрахов, опустив цветные линзы на ее глаза и осторожно поднастроив их. Железный обруч казался короной варваров, возложенной на ее рыжие волосы. Орфео

застегнул удерживающие ремешки под ее подбородком. Завершив эти приготовления, он отошел назад и посмотрел на нее.

— Расслабься, — сказал Куллин. — Он сделает все сам.

Какое-то время ничего не происходило. Кара неподвижно сидела на стуле, приготовившись к худшему. Затем ее голова начала слегка подергиваться раз в несколько секунд, а лицо морщиться, словно Каре досаждало какое-то насекомое, кружащее вокруг.

— Кара?

Она что-то пробормотала. Подергивания стали более отчетливыми. Тело женщины непроизвольно вздрагивало, словно у слепца, измученного незнакомыми звуками.

— Пусть... пусть это прекратится, — дрожащим голосом произнесла она.

— Только когда мы закончим, — сказал Куллин, опуская ладонь на ее левое плечо, чтобы заставить сидеть спокойно. — Смотри прямо перед собой. Хватит метаться.

— Нет...

— Прошу тебя.

По ее телу пробежала судорога, настолько мощная, что казалось, будто у Кары начинается тяжелый эпилептический припадок.

— Ой! — закричала она. — Ой! Трон! Император!

— Что ты видишь? — спросил Куллин.

Натянув цепи, она захрипела, практически задыхаясь, словно ее душила рвота.

— Скажи мне! — настаивал он.

— Я помню! Помню! — взвизгнула Кара. — Карл!

И тут она зашлась в крике.

Сайскинд праздновал на южной террасе Эльмингар-да. Здесь собрались все люди Куллина, которые не находились на дежурстве этой ночью. Всего присутствовало примерно двадцать пять человек: наемники, ученые и инженеры, а также несколько человек из числа прислуги. Ужинали они в комнате, выходившей на террасу, куда выбредали, держа в руках бокалы, чтобы насладиться

видом медленно надвигающейся грозы, уже рокочущей над ночными скалами.

Очень скоро станет слишком сыро и неуютно, чтобы оставаться снаружи, но пока упало всего несколько крупных капель дождя, доброшенных усиливающимся ветром. Собутыльники собирались группками возле трепещущих факелов, восхищаясь световым шоу, устроенным грозой. Яркие бело-синие молнии вспыхивали над горным хребтом, оставляя росчерки в тяжелом ночном небе. Сплошная простыня электрических разрядов, туманным сиянием подсвечивающая клубящуюся стену туч.

Сайскинд уже успел набраться и теперь громогласно потчевал кого-то из прислуги повестью о гибели Рейвено-ра. Уорна, сжав бутылку атасека в руке, уединился на краю террасы, устремив взгляд в непроглядную тьму, опустившуюся на поля.

Рядом нарисовался Молох, вырядившийся в черное с головы до ног так, что только лицо и ладони оставались открытыми. Во мраке очертания его

тела становились неявными и расплывались, делая Зигмунда похожим на призрака.

— Выдающаяся ночь, — пророкотал Уорна, словно его устами заговорил гром.

Молох чуть заметно кивнул.

— За достижения, — добавил Люциус, отхлебывая из бутылки.

Он протянул выпивку Молоху, но тот покачал головой. Уорна пожал плечами и произнес:

— Я знаю, вы ждали этого много лет. Ваш враг уничтожен.

— Да, — сказал Зигмунд.

— Разве вы не должны радоваться, сэр? — спросил Уорна.

— Я пытаюсь насладиться триумфом, — тихо произнес Молох. — И конечно же, я благодарен и тебе, и капитану за безукоризненную службу. Рейвенор, как ты уже заметил, преследовал меня столько лет, что я уже сбился со счету. Я желал ему смерти, я мечтал об этом. А теперь, когда все осуществилось, мои ощущения может передать разве что понятие «пусто». Так

часто бывает, когда происходит что-то, чего очень долго ждешь. Когда вспоминаешь про затраченные усилия и принесенные жертвы...

— Да знаю! — прорычал Уорна. — Когда преследуешь мишень несколько месяцев, а то и лет и когда наконец наносишь последний удар, вдруг ощущаешь пустоту в душе. Но позвольте предположить, что сейчас дело не только в этом?

Молох посмотрел на охотника за головами, и губы его изогнула кривая улыбка.

— Люциус, ты меня удивляешь. При всей брутальности своего поведения ты, оказывается, обладаешь чуткой душой. Да, дело не только в этом.

Зигмунд отвел взгляд в сторону, когда над пиками прошипела особо яростная молния. Казалось, что больше он ничего не скажет. Но потом Молох снова повернулся к Уорне.

— Понимаешь, Люциус, нас ожидают черные дни. Черные даже по твоим меркам. Через Орфео я предлагал Рей-

венору сделку. Я не испытывал к инквизитору особой любви, но пойми: он был очень талантливым человеком. Рейвенор решил отвергнуть мое предложение. Теперь он мертв и передумать уже не сможет. Наверное, потому я и скорблю о его гибели в той же мере, что и радуюсь ей.

— Не знаю, — пожал плечами Уорна. — Что бы там ни говорилось, но увечный выродок оставался врагом.

— Есть и другой враг, — сказал Молох, оглядываясь. — Где же Куллин? Обычно он не пропускает подобное веселье. Я не видел его с ужина.

Уорна покачал головой, почувствовав себя неловко. От Орфео поступил строгий приказ ничего не рассказывать Молоху о пленнике, но, когда пытаешься что-то скрывать от Зигмунда, чувствуешь себя довольно неуютно. Люциуса не могло испугать практически ничто в этой Галактике, но Молох являлся исключением из правил.

— Уверен, он скоро вернется, — произнес Уорна. — Должно быть, просто

решил что-нибудь проверить.

Лейла Слейд смотрела через плечо Друэта на его коги-татор, вглядываясь в образы, плывущие и дергающиеся на гололитическом дисплее.

— Это определенно Тониус, — сказала она.

— Биоотпечатки совпадают, — произнес Друэт.

— Дай мне, пожалуйста, его текущие координаты.

Друэт подкрутил настройки когитатора.

— Западный склон, между отметками тридцать шесть и тридцать семь, — ответил дежурный. — Примерно в шестидесяти метрах от вершины. Я веду его при помощи трех датчиков движения и пикт-камеры. Личность установлена. Если ему ничто не помешает, будет на западной нижней террасе через десять минут. Мадам, мне казалось, что он был одним из передовых агентов Инквизиции?

— А почему ты спрашиваешь?

— Такое ощущение, — пожал плечами Друэт, — что он растерял все свои навыки

и чутье. Похоже, он все силы тратит только на то, чтобы просто взобраться по скале. Неужели он не понимает, что мы давно его ведем?

— Мы можем нацелить на него орудие? — спросила Лейла, наклоняясь ближе.

— Он окажется в зоне действия восемнадцатой сторожевой турели примерно через три минуты. Но ведь должен же он понимать, что мы его видим? Что вокруг Эль-мингарда повсюду понатыканы датчики и регистраторы?

— Похоже что нет, — ответила Слейд. — Мне кажется, наш друг Тониус недооценивает наши возможности. Зарядить восемнадцатую турель. Взять его в прицел и вести. Стрелять по моей команде.

— Слушаюсь, мадам, — произнес Друэт.

— Мадам? — окликнул ее Цабо из-за своей машины, и она повернулась к нему. — Вижу еще одного. Подтверждено касание сенсора. Восточный склон, чуть ближе первой цели.

— Покажи.

— Сейчас он движется в глубокой тени, поэтому виден не полностью. Сейчас дам увеличение и фокус.

На гололите замерцало изображение — небольшой фрагмент лица, приобретавший резкость только при включении приборов ночного видения.

— Он вам знаком? — спросил Цабо.

— Нет, я... — Слейд помедлила. — Вот дерьмо, это же Бэллак! Проклятие, он должен быть уже мертв! Молох прикончил его еще на Танкреде!

— Судя по тому, что мы видим, его смерть продлилась недолго, — сказал Цабо.

— Он уже в зоне поражения? — спросила Лейла.

— При сохранении той же скорости войдет в нее через двадцать пять секунд.

— Дай мне...— проговорила она, когда запищал линк. — Слейд слушает, — ответила она на вызов, выхватив устройство из кармана.

— Лея, это я, — донесся до нее голос Куллина.

Где-то на заднем плане раздавалось

странное, приглушенное повизгивание.

— Что там у вас происходит? — спросила Слейд. — Я слышу...

— Не обращай внимания на фоновый шум, — ответил Куллин. — Просто на нашу драгоценную Кару внезапно снизошло прозрение и она все никак не может прийти в себя. А теперь, Лея, ответь-ка мне быстренько: ты получила подтверждение касательно Тониуса?

— Биослед и зрительный контакт, — сказала она. — Полное соответствие. Все точно. Но послушай, кроме него нам решил нанести визит еще и Бэллак.

— Бэллак? Неужели?

— Готова поклясться своей репутацией, сэр.

— Послушай меня, Лейла, послушай очень внимательно. Мне нужно, чтобы все они добрались живыми, в особенности Тониус.

— Что?

— Я предельно серьезен, Лея. Сделай это ради меня, выполни все в точности. Сейчас же переведи все системы в

пассивный режим, пока наши гости не сообразили, что оказались в прицеле.

— Орфео, это же безумие! Они через считаные секунды будут в прицеле сторожевых орудий. Я просто размажу их по скалам!

— Нет! Тониус должен быть доставлен ко мне живым, поняла? Живым. Проследи лично, если придется. Его необходимо быстро и бесшумно взять под охрану. Убедись, что Зигмунду ничего неизвестно.

— У меня плохое предчувствие, — предупредила она.

— Лейла, я тебя люблю и дорожу твоим мнением, но сейчас один из тех случаев, когда ты должна поступить как хорошая девочка и делать в точности то, что я, мать твою, приказываю. Переведи все системы в режим ожидания, отключи их, доставь Тониуса живым. Да и этого дурачка Бэллака тоже можешь, хотя меня не слишком обеспокоит, если этого тебе придется прихлопнуть. Все ясно?

Слейд тяжело вздохнула.

— Полностью, сэр, — произнесла она.

Отключив линк, Лейла убрала его в карман.

— Перевести системы в пассивный режим! — приказала она Друэту и Цабо. — Отключить орудия!

Они посмотрели на нее.

— Мадам, вы уверены? — спросил Цабо.

— К нам по скале поднимаются агенты Трона, — добавил Друэт.

— Я знаю, что говорю!-. рявкнула Слейд, выхватывая пистолет и передергивая затвор. — Выполнять!

Удивленно переглянувшись, оба эксперта по безопасности подчинились и принялись вбивать наборы команд, переводящие оборонительные системы Эльмингарда в пассивный режим. Мощные сторожевые орудийные сервито-ры погрузились в сон.

— Что дальше? — спросил Цабо.

— Пришлите мне двоих стрелков наверх. Я должна встретить господина Тониуса. Друэт, скажи, ты управишься с Бэллаком, когда он покажется?

Охранник поднял и проверил боезаряд своего лазерного пистолета.

— Конечно, — сказал Друэт. — Взять живым?

— Как получится, — ответила она.

Глава шестая

Вокруг царил непроглядный мрак, дождь хлестал прямо в лицо. Дрожа от холода и напряжения, Карл Тониус поднялся еще на несколько метров по крутой горной тропе. Дорожка часто обрывалась, и тогда приходилось карабкаться по отвесу. Все оказалось совсем не так просто, как он предрекал вначале. Стеющаяся, гудящая тварь в его душе соврала ему.

На одних руках, повиснув над пропастью, он подтянулся на уступ. Внизу была только чернота. Стоило разжаться онемевшим пальцам, и он отправился бы в долгий, последний полет. Над головой гремела гроза. Камни были мокрыми.

Ха-ха-ха.

Забравшись на уступ, он какое-то время полежал на нем, пытаясь отдышаться. Дождь заливал лицо.

Связи с остальными не было. Они разделились у самого подножия скалы, решив, что так у них появится больше

шансов. Тониус отправился по замеченному им западному пути. Бэллак ушел по восточному склону. Плайтон и Белк-нап выбрали поднимающееся наверх ущелье, которое обходило гору. Они хотели проверить, нет ли способа взобраться с северной стороны.

Карл продолжил восхождение. Условия, как внешние, так и внутренние, не только были ужасными, но и становились все хуже. Ливень хлестал все сильнее, и в душе Тониуса тоже собиралась гроза. Пламя и гудящий смех пожирали его сознание. Он пытался откинуть их, но они по-прежнему шипели в его мыслях и обжигали воспоминаниями. Боль пульсировала во всем теле, доводя его до исступления и заставляя пальцы разжиматься. Подкатывала тошнота. Он слышал, как глубинный голос посмеивается над его жалкими, недолговечными потугами выжить и остаться человеком. Гул... гул... ха-ха-ха.

Запищал сканер, и Тониус поднес его к глазам. На экране устройства высветилась информация по обнаруженным

устройствам слежения, которые были врезаны в скалу над ним. Все находились в пассивном режиме. Это было хорошо. По факту, просто везение. Карл ожидал, что против них будут приняты серьезные контрмеры, что электронные системы будут старательно выискивать нарушителей границ. Но пока датчики пребывали в пассивном режиме, с ними было легко справиться.

Возможно, с возрастом Молох утратил былую осторожность. Появления чужаков здесь никто не ждал.

Тониус подтянулся и забрался выше.

Вскоре начавшийся дождь загнал празднующую компанию в дом. На северной нижней террасе зашипели факелы, угасающие под ливнем. Как только все оказались внутри, первый помощник Сайскинда, Орналес, закрыл и запер на засов двойные двери.

Рыжий капитан приказал принести еще выпивки, и помещение снова наполнил смех. В одном из углов комнаты Молох погрузился в глубокомысленную беседу с двумя из наиболее просвещенных научных

советников Куллина — древними, закутанными в балахоны личностями, чьи лысые головы казались шарами, вырезанными из слоновой кости.

Уорна сторонился веселья и только наблюдал за ним. Он не любил попоек и шумных компаний, если это не компании таких же людей, как он сам. Но все парни, которым удалось пережить переполох на Утохре, до сих пор оставались на борту судна Сайскинда. А эта компания Лю-циусу совершенно не подходила: интеллектуалы, мудрецы — сорт людей, который так нравится Куллину. Даже крепкие мужики в костюмах из синей шерсти, игравшие роль охраны, были совсем не похожи на Уорну. Он признавал, что они хороши в своем деле, но все были слишком молоды. Основу охраны составляли ветераны Гвардии, также было несколько уроженцев высокотехнологичных миров — все крепко сложенные и прочно сшитые. Но ни один из них еще не дожил до седин и не обладал опытом, который предоставляла жизнь охотника за головами. Несмотря на их осторожное обращение с ним, он знал, что

на самом деле они считают его просто кем-то из отбросов общества. Впрочем, «отбросы» было самым мягким из того, что Люциус Уорна думал о них.

Из всех находившихся в здании людей он ощущал некоторое родство только со Слейд, телохранительницей Кул-лина. Она ему нравилась. Может быть, она и не сделала такой же карьеры, как он сам, но обладала знаниями и профессионализмом. Ему приходилось видеть ее в деле. Родственная душа, или, во всяком случае, наиболее близкий к этому понятию человек, какого можно было найти в этом отвратительном доме на самом краю света.

Люциус тихо покинул устроенную Куллином вечеринку и выскользнул в продуваемый сквозняками коридор. Последние несколько минут он втайне сканировал вокс-сеть и услышал много всего интересного. Что-то затевалось.

Гэлл Бэллак подтянулся на край стены одной из восточных террас. Ливень опустил на мир сплошной белесый занавес. Познаватель вымок и промерз до костей.

Его белые волосы повисли мокрыми прядями, по лицу струилась вода.

Терраса оказалась пустой и неосвещенной. Он чувствовал запах сырого камня и мокрой земли. Из звуков Бэллак слышал только шелест дождя.

Он поднялся и огляделся по сторонам. Карманный сканер не регистрировал признаков активных сенсоров. Пожухлые розовые кусты рядом с ним дрожали и шевелились под ночным ветром. Гэлл запрокинул голову. В одном из помещений древнего дома, несколькими этажами выше, за закрытыми ставнями горел свет. Познаватель зашагал по плитам террасы, которые были настолько изношенными и неровными, что вода собиралась в них глубокими, угловатыми лужицами.

Шаг, затем еще один. Показалось, что впереди маячит лестница — ряд ступеней, высеченных в камне сбоку от террасы. По ним можно было подняться на следующий этаж этого безумного замка.

— Думаю, что здесь тебе придется остановиться, — произнес Друэт, появляясь из дождя и теней с лазерным пистолетом

в руках.

Бэллак замер и медленно, послушно поднял руки.

— Трон, а ты хорош. Я даже не услышал шагов, — сказал он.

— На землю! — резким тоном приказал Друэт, подойдя ближе. — На землю, лицом вниз! И руки держи так, чтобы я видел!

— Руки? — печально переспросил Бэллак.

— На землю!

Познаватель лег, прикоснувшись лицом к мокрым камням. По телу хлестал ливень.

— Мне нужно увидеть Молоха, — сказал Бэллак.

— Заткнись!

— Это вопрос восхитительного чувства братского взаимодоверия, — попытался познаватель в надежде, что Молох мог нанять кого-нибудь из Когнитэ.

— Как скажешь, — произнес Друэт.

Братских чувств он явно не испытывал.

— Передай ему то, что я сказал. В

точности повтори эти слова, и он...

— Заткнись! — сплюнул Друэт, становясь прямо над ним.

Охранник присел и стал обыскивать Бэллака. При этом дознаватель почувствовал, как ему в затылок уперся ствол лазерного пистолета.

— Сделаешь хоть одно движение, которое мне не понравится, — сказал ему Друэт, — и будешь думать, как собрать свои мозги в ведерко.

— Ты рисуешь просто кошмарную картину, — проворчал Бэллак.

Не отвлекаясь от своего занятия, Друэт толкнул пистолетом голову дознавателя. Бэллак ударился лицом о камень и выщербил один зуб. Разбитая белкнапом губа снова начала кровоточить.

Найдя пистолет Бэллака, охранник вынул его и бросил во тьму за стеной.

— Перевернись! — приказал Друэт.

Бэллак подчинился. Лежа на спине, он смотрел сквозь завесу дождя на стоящего над собой человека. Когда вода попала ему в глаза, дознаватель заморгал.

— Веди меня внутрь, — сказал он. — Я должен поговорить с кем-нибудь из начальства.

— Заткнись, мать твою! — произнес Друэт, нацеливая пистолет и вынимая линк.

Однозарядный лазган представлял собой весьма небольшое устройство, похожее на тонкую трубочку. Бэллак закрепил его на своей культе прямо под рукавом. Оружие было таким маленьким, что беглая проверка не могла обнаружить его. Познаватель вскинул руку, выдвигая вперед трубку особым напряжением мышц предплечья. Звук выстрела заглушил очередной раскат грома.

Друэт отшатнулся. Заряд вошел ему в подбородок и прошил череп насквозь. Входное отверстие — аккуратная, едва заметная черная дырочка — практически тут же закрылось, когда по горлу охранника прошел спазм. А вот затылок его разлетелся осколками.

Друэт повалился навзничь, ударившись об ограждение террасы, и чуть не улетел вниз. Затем грузно осел на

землю. Густой, едкий дым поднимался из раны в затылке. Остатки мозга все еще кипели и полыхали. Ноги охранника дергались в агонии.

Бэллак встал, подхватил убитого, поднял и сбросил со стены.

Труп свинцово рухнул вниз и исчез в темноте.

Дознаватель подобрал пистолет охранника и спрятал однозарядник. «Перезаряжу потом», — подумал он, разворачиваясь.

Удар стального кулака швырнул его на землю. Апперкот был нанесен непонятно откуда появившимся противником и оставил Бэллака практически без зубов. Дознаватель стремительно взметнулся с каменных плит. Он двигался так быстро, что на какой-то момент словно повис в воздухе, а приземлившись на корточки, потянулся к оброненному пистолету.

В тот момент, когда он, задыхаясь и плюясь кровью, уже почти сжал пальцы на оружии, на ствол, а затем и на руку Бэллака наступил сапог, раздробивший лазган на несколько кусков.

Энергетическая ячейка, выпавшая из обломков, яростно зашипела под дождем. Все кости здоровой руки дознавателя были раздроблены.

Он закричал от нестерпимой боли, окрашивая кровью лужи в багровый цвет.

— Привет, Гэлл, — произнес Уорна. — Мы снова встретились.

— Ньяаааа! — взвыл Бэллак, когда Люциус сделал ударение на последнем слове, еще сильнее надавив сапогом.

— И знаешь что? — спросил Уорна, расчехляя болтер.

— Нхххх?

— Конец песенке.

Карл Тониус перебрался через западную стену и, пролетев два метра, приземлился на каменной площадке. Под неистовым ливнем видимость была практически нулевой. Над головой сверкнула молния — более яркая, чем положено молниям. За ней тут же ударила вторая. Раскат грома прокатился рокотом демонического барабана.

Стучи для меня, стучи...

Тониус достал оружие. Пусть это и

окажется непростой задачей, но он уже здесь. Именно в этом дворце должно все разрешиться. Либо Молох поможет ему, либо Молох...

Карл моргнул. Пистолета в его руке уже не было. Его выбили. Из завесы дождя появилась женщина. Познаватель шагнул в сторону, и они закружили друг вокруг Друга.

— Приветствую, — весело произнесла она. — Ты ведь Карл? Карл Тониус?

— А с кем я имею честь говорить? — спросил он, пытаясь до конца оставаться вежливым.

— Меня зовут Лейла Слейд. Мне бы хотелось, чтобы ты проследовал за мной, Карл. И тихо.

— Вот как? — произнес он. — Боюсь, что на это я пойти не могу.

Она пожала плечами и нанесла ему с разворота удар ногой, способный оторвать голову. Неудивительно, что ему не удалось удержать пистолет.

Тониус увернулся и снова прокружил мимо нее. Слейд нанесла еще два стремительных удара, последовавших

практически без перерыва. Ее мускулистые ноги били с силой пневматических молотов, но оба раза дознавателю удалось уйти в сторону.

— Давай же, Карл, — усмехнулась Лейла. — Мне казалось, что ты хороший боец?

— Так и есть, — ответил он.

Он провел ложный боковой выпад, за которым последовал резкий удар по корпусу. От первого она просто отступила в сторону, легко разгадав его направление, а затем заблокировала основной удар. Но Карл воспользовался набранной инерцией и продолжил наступление стремительной серией убийственных выпадов. Лейла отбивала их один за другим и наконец вынудила его сбиться с ритма. Взмыв в воздух, она нанесла удар с разворота ногой, угодив ему в солнечное сплетение.

Этот удар выбил воздух из его легких и заставил отступить. Карл занял оборонительную позицию, чтобы восстановить дыхание. В груди саднило. Он решил рискнуть и, низко пригнувшись, стремительно метнулся вперед, целясь

противнице в грудину.

Слейд отразила его удар и ответила рубящим взмахом ладони, от которого Карл едва успел отскочить в сторону. Он вновь попытался провести обманный финт и вонзить два пальца в ее горло, но женщина двигалась слишком быстро.

— Знаешь, Лейла Слейд, кажется, я влюбился, — задыхаясь, произнес он.

— Все так говорят, — парировала она. Они снова закружились.

— Думаю, тебе стоит кое-что знать, — сказал Тониус.

— И что бы это могло быть?

— Потеря мной сознания — последнее, чего бы тебе хотелось.

— Почему?

— Потому что, потеряв сознание, я утрачу и контроль над собой.

— Ничего, я рискну, — сказала она.

Они одновременно бросились друг на друга, атакуя и контратакуя. Когда очередной выпад настиг своей цели, раздался треск костей. Слейд приземлилась на ноги. Безвольное тело Тониуса покатилось по мокрым плитам

террасы.

Тяжело отдуваясь, Слейд задействовала линк.

— Я его взяла,— сказала она, перекрикивая шорох дождя.

Над ее головой, будто в подтверждение, прогрохотал гром.

Глава седьмая

Куллин выбежал из Алькова и бросился в холодный сумрак коридора.

— Сюда, сюда! — прошипел он, увидев приближающихся Слейд и Уорну.

Люциус нес, перекинув через плечо, тело Бэллака. Лейла волочила за собой Тониуса.

— Отличная работа, друзья мои! — сказал Куллин. — Вас кто-нибудь видел?

Слейд покачала головой.

— Этот ваш Друэт погиб, — пророкотал Уорна. — Бэл-лак пристрелил его. К счастью для вас, я оказался поблизости.

— Куда их? — спросила Слейд.

— Бэллака можно пока запереть в нижней кладовой, — сказал Куллин. — Но вначале нужно надежно запереть Тониуса. Тащите его за мной.

— А что в нем такого особенного, в этом Тониусе? — спросила Лейла.

— Не важно.

— И почему мы скрываем все это от Молоха? — прорычал Уорна.

— И это тоже не важно. Пойдем.

Они зашагали по каменному коридору и скрылись из виду. Струи дождя неслись сплошным потоком, собираясь в лужи и просачиваясь вниз, к подвальным помещениям Эльтингарда. Мауд Плайтон, сжимая в руках ружье, выкатилась из укрытия, как только все стихло.

Она подбежала к двери Алькова и подергала ручку. Заперто. Бурча под нос проклятия, Мауд опустилась на колени и достала связку отмычек. По спине побежал пот, когда она, вздрагивая при каждом звуке и раскате грома, завозилась с замком.

— Давай же! — сплюнула она. — Давай, мать твою!

Дверь распахнулась. Держа оружие наготове, Плайтон прокралась внутрь, где тут же была встречена обступившими ее во мраке жутковатыми скелетами и заточенными в колбах чудищами. К стоящему посреди комнаты деревянному стулу была прикована женщина со

странным обручем на опущенной голове.

— Кара?

Свол пьяно помотала головой, услышав голос Плайтон. Глаза пленницы блеснули за цветными линзами устройства.

— Ты кто? — выдохнула она.

Плайтон подошла к ней и стала расстегивать кандалы:

— Все хорошо, Кара. Это я, Мауд. Я тебя вытащу.

— Мауд? Мауд, я видела, — пробормотала Кара.

— Все будет хорошо, — уверила ее Плайтон, сражаясь с наручниками.

— О Трон! — более отчетливо произнесла Кара, распрямившись на стуле.

— Что такое, Кара? Все ведь хорошо, дай мне только...

— Я видела. Вспомнила. Он здесь. Он здесь. Здесь.

— Кара, что ты хочешь сказать?

Свол затряслась и неожиданно метнулась вперед. Ее скрутил резкий приступ рвоты.

— Кара!

Плайтон освободила ее и отбросила в сторону цепи, с лязгом упавшие на пол. После этого стащила с головы Свол странное устройство с линзами.

— Он здесь, Мауд. Слайт здесь, — пробулькала Кара.

Помогая ей подняться, Плайтон почувствовала, как волосы становятся дыбом.

— Нет, его здесь нет, Кара. Все хорошо. Прекрати.

— Он здесь.

В огромной эльмингардской кухне пахло перцем, а также гусиным и свиным жиром. Завершив свои ночные труды, повара удалились, оставив только нескольких мальчиков-уборщиков начищать мраморные столешницы и мыть полы. Горшки было необходимо вымыть, а духовки — проветрить. Двое детишек, приставленных к мытью посуды, развеселились за своими эмалированными раковинами и стали кидаться друг в друга пеной и щетками для чистки-бутылок.

Один из старших служителей, облаченный в доходящий до пола передник,

вышел из кладовой и принялся отчитывать расшалившуюся парочку. Схватив за уши, он поволок шалунов из кухни, не обращая внимания на их протестующий писк. Остальные мальчишки оторвались от своих дел, чтобы подкрасться к двери, где можно было подслушать и подсмотреть, какое наказание получат мойщики посуды.

Белкнап воспользовался этой возможностью. Он заскользил по старой кухне, держась как можно ближе к тени возле стен и прижимая к груди винтовку. Старые трюки не так просто забыть. Всегда держись в укрытии. Пригибай голову.

Сердце бешено забилось. Стоило хотя бы одному из мальчишек оглянуться, и его бы заметили, подняли тревогу. Но дальше прятаться стало невозможно. Надо было найти Кару. И не существовало в этот момент ничего более важного во всей Галактике.

Часть его сознания словно отошла в сторонку и посмеивалась над ним. Всю свою взрослую жизнь он подвергал себя

риску: шесть лет в Гвардии, девять — в качестве окружного медика, а все остальное время отработал подпольным врачом. Каждый раз, идя на риск, он делал это ради общего блага, исходя из профессионального долга. И всегда его поступки были просчитанными и рациональными. Но сейчас... Он лез прямо в осиное гнездо, кишащее еретиками и социопатами, ради любви женщины, которую узнал так недавно, ради женщины, которая скорее всего уже неделю как мертва.

Это было совсем на него не похоже. Не его уровень. Он никогда не работал полевым агентом Инквизиции, как, например, Тониус, Бэллак, Кыс или, Трон упокой его душу, Гарлон Нейл. Не такую жизнь он избирал для себя, и никто не призывал его на эту службу. Белкнап был всего-то демобилизовавшимся солдатом, умеющим неплохо обращаться с лазганом, но плохо знакомым с техниками бесшумного передвижения и использования укрытий.

Все, что у него было, так это вера и

страсть. И он очень надеялся, что этого окажется достаточно.

Мальчишки-уборщики отхлынули от двери, бросаясь по своим местам, — видимо, возвращался их начальник. Белкнап едва успел выскочить через дверь в противоположном конце кухни. Он затаился в тени, восстановил дыхание и направился к грязной лестнице, ведущей на верхние этажи странного дома.

Когда он уже стоял на ступенях, снаружи раздался грохот, прорвавшийся сквозь непрерывный ропот грозы. Что это было?

Турбины флаера?

— Мне бы очень хотелось знать, что здесь происходит? — произнес Зигмунд Молох, заходя в холодную и сырую кладовую.

Он появился словно из ниоткуда. Куллин оглянулся, увидел своего компаньона и бесшумно выругался. Нацепив на лицо усталую улыбку, он пошел навстречу:

— Зиг, Зиг, дружище, тебе незачем беспокоиться по таким пустякам.

Он взял Молоха под локоть и попытался вместе с ним спокойно выйти за дверь, но тот стряхнул его руку:

— Мне не нравится, что ты от меня что-то скрываешь, Орфео. Кто это?

Молох отпихнул Куллина в сторону и направился к дальней стене нижней кладовой. Уорна и Слейд неохотно отошли от своего пленника.

Орфео понял, что теперь придется проявить куда больше обходительности, чтобы успокоить компаньона, поэтому решил изменить подход:

— Признаюсь, Зиг, ты меня поймал. Это Бэллак. Я хотел сделать тебе сюрприз.

— Бэллак? — спросил Молох, вглядываясь в лицо человека, которого Слейд и Уорна приковали цепями к каменной стене кладовой. — Бэллак? Познаватель?

— Мне хотелось сделать тебе подарок, — произнес Куллин.

Молох уже не обращал внимания на фасилитатора. Он опустился на колени возле Бэллака, вглядываясь в его лицо.

— А я-то полагал, что прикончил тебя, — произнес Зигмунд.

Стоящий позади него Куллин бросил резкий взгляд на Уорну и Слейд. Лейла опустила ладонь на рукоять пистолета в кобуре. Люциус бесшумно вытащил болтер. Казалось, что Молох ничего не замечает. Он протянул руку к шее дознавателя и принялся массировать точку пульса.

Бэллак забормотал и открыл глаза. Голова его закачалась, глаза пытались сфокусироваться. Кровь сочилась сквозь тесно сжатые зубы.

— М-молох?..

— Угадал, — ответил Зигмунд. — Ты что здесь делаешь, Бэллак? Какая причина могла привести тебя ко мне?

— Я хотел... — слова, срывающиеся с разбитых губ дознавателя, были неразборчивы, — хотел...

— Чего ты хотел? — спросил Молох.

— Отомстить тебе, ублюдок! Хотел отомстить. Ты бросил меня подыхать. Мы же братья, Когнитэ. Я помогал тебе ради братского взаимодоверия, а ты предал меня.

Молох встал и посмотрел сверху вниз на Бэллака:

— Ты лишь жалкое подобие истинного Когнитэ. Жиденькое пятое или шестое поколение, оскорбляющее наши традиции. Ты только инструмент, которым я пользовался без всяких угрызений совести. Я ничего тебе не должен.

Бэллак простонал и попытался броситься к Молоху, но цепи оказались слишком короткими.

— Значит, ты проделал весь этот путь только для того, чтобы убить меня? — спросил Зигмунд, прежде чем повернуться к Куллину. — Впрочем, меня куда больше волнует другой вопрос. Как, черт возьми, он сумел выйти на меня?

— Зигмунд, мы уже работаем над тем, чтобы узнать ответ, — осторожно произнес Орфео. — А пока...

— Нет! — отрезал Молох. — Я хочу знать, что происходит, Куллин! Сейчас же!

Уорна стремительно бросился к нему. Зигмунд прищелкнул пальцами правой руки, и болтерный пистолет вылетел из

рук Люциуса. Молох подхватил его, развернулся и нацелил в голову Бэллака.

— Молох! Это ведь вопрос восхитительного чувства братского взаимодоверия! — пробубнил дознаватель.- Молох!

— Заткнись! — сказал Зигмунд, нажимая на спусковой крючок.

Голова Бэллака взорвалась. Забрызганная кровью Слейд отскочила назад. Вздрогнул даже Уорна.

— Зигмунд... — проворчал Куллин.

Молох грязно выругался, прежде чем повернуться к ним, и спокойно возвратил болтер Люциусу.

— Что еще ты скрываешь от меня, Орфео?

— Ничего, — уверенно произнес Куллин.

— Я задам вопрос иначе, - произнес Молох. - Как Бэллак сумел меня найти? И почему я слышу рев турбин?

— Я не... — забормотал Куллин.

Слейд и Уорна одновременно протянули руки к загудевшим линкам.

— К нам приближается транспорт, —

сказала Слейд, посмотрев на Куллина.

— Видишь? — произнес Молох. — Думаю, Орфео, пора тебе прекратить вранье и доходчиво объяснить мне, что, во имя Бессмертной Восьмерки, здесь происходит.

Глава восьмая

Катер вырвался из ночной темноты и помчался на малой высоте к взгромоздившемуся на своем насесте Эльтингарду. Сенсорная сеть твердыни Куллина, конечно, была переведена в пассивный режим последним приказом хозяина, но это все равно не объясняло того, как корабль сумел так близко подойти к ним и остаться незамеченным.

Удивляли и еще три фактора. Во-первых, то, как именно шел катер: на предельной скорости, чуть ли не прижимаясь к земле. У боевых пилотов такая манера полета называлась «целоваться с травой». Путь, проделанный судном, можно было проследить вплоть до границы Сарра по оставленному следу. Кое-где пламя турбин причесало вершины деревьев, разметало стога, сложенные на скошенных полях. Корабль летел, чуть опустив нос, что тоже требовало немалого опыта и безупречной реакции пилота.

Во-вторых, стущал способ маскировки небольшого судна. Модель и принципы действия установленных на нем щитов не знал ни Цабо, ни любой другой из профессионалов, находившихся в центре управления безопасностью Эль-мингарда. Катер просто неожиданно возник из ниоткуда. Только рев его дюз стал слышен раньше, чем сам корабль появился на скопах.

И в-третьих, сама ночь. Тучи казались грязным завывающим чудовищем, страшнее любого ведомого людям зверя. Гроза шагала по горам пьяным огром, сотрясающим небеса своим рычанием. Вокруг все сверкало, мерцало и раскачивалось от непрерывных ударов молний, создающих блики, ложные сигналы и фантомы на радарных экранах. Два когитатора заглючило. Из динамиков грянули причудливые завывания и визги, заставившие Эльдрика, сидевшего за терминалом рядом с Цабо, сорвать с головы наушники.

— Она не настоящая, — пожаловался Эльдрик.

Цабо ответил не сразу. Он был слишком занят разглядыванием собственного экрана, на котором медленно тускнел след, оставленный последней молнией и необъяснимо точно изображающий человеческий череп.

— Что? — наконец отрешенно спросил Цабо.

— Говорю, что она не настоящая. Я о грозе, — сказал Эльдрик.

— Да, действительно, — произнес Цабо, прежде чем встряхнуться. — Сосредоточься на этом проклятом корабле. Дай мне четкую картинку.

— Уже, — ответил его помощник.

Цабо взял линк и вызвал основной канал. Ему ответил Куллин.

— Сэр, — произнес охранник, — летательный аппарат в двух километрах от нас. Расстояние стремительно сокращается. Ни опознавательных знаков, ни информации о приписке, ни соответствующих кодов допуска.

— Да, я его уже слышу, — откликнулся голос Кулли-на. — Должно быть, он действительно мчит во весь опор.

— Как я и сказал, сэр. Если прикажете, готов активировать защитные системы дома.

В сыром сумраке нижней кладовой, где, после того как взорвался череп Бэллака, повисла жуткая вонь, Куллин перевел взгляд на Молоха и кивнул:

— Включайте, мистер Цабо. Активируйте периметр и подготовьте противовоздушные системы. Будьте готовы открыть огонь и уничтожить катер.

— Вначале вызовите их на связь, — произнес Молох.

— Что? — спросил Куллин.

— Вызовите на связь. Вызовите их! — потребовал Молох.

— Зигмунд, они не представляются, не передают коды доступа. Они не из наших.

— Но очень хотят попасть сюда.

— Зиг, Зиг, Зиг, а что, если это налет Инквизиции?

Молох расхохотался. Это всех смутило, поскольку его редко видели смеющимся.

— Орфео, если бы нас вычислила Инквизиция, то военно-космический флот Скаруса уже стер бы это местечко с карты. Поприветствуй их.

— Нет, Зигмунд, это...

Молох снова продемонстрировал свой любимый фокус, и линк вылетел из наманикюренных пальцев Куллина. Орфео чертыхнулся.

Ловко подхватив устройство, Зигмунд поднес его к уху:

— Цабо, вызови объект на связь. Последовало продолжительное молчание.

— Цабо?

— Простите, сэр. Но я подчиняюсь только приказам господина Куллина, — ответил голос охранника.

Молох вздохнул и оглянулся на своего компаньона, бросив обратно линк:

— Знаешь, Орфео, меня всегда восхищало твое умение подбирать себе людей.

Куллин поймал линк:

— Цабо, вызовите их на связь.

— Слушаюсь, сэр.

Опустив линк, Орфео посмотрел на

Слейд и Уорну:

— Лея, мне бы хотелось, чтобы ты поднялась в центр управления и сама за всем проследила.

— Да, сэр. — Слейд бросилась к двери.

— Люциус, — продолжил Куллин, — твоя помощь пригодится на посадочной площадке, если все полетит в задницу.

Уорна кивнул и выбежал в коридор. Куллин обернулся к Молоху:

— Надо подняться наверх и посмотреть, что там происходит.

— Да, надо, — кивнул Зигмунд. — Но чтобы сразу было ясно, Орфео, мы с тобой еще не закончили.

— Знаю.

— Запомни, не закончили.

— Знаю.

Молох опустил ладонь на плечо Куллина и мягко придержал его, не давая выйти из кладовой.

— Я вот что хочу сказать, Орфео. То, что наши пути разойдутся, стало очень и очень вероятным, но тебе, уж поверь мне, вряд ли это понравится.

Куллин опустил взгляд на его руку и

ленивым движением стряхнул ее со своего рукава.

— Зиг, не угрожай мне. Поверь, я последний человек, которому тебе стоило бы угрожать.

Молох улыбнулся. Улыбка сделала его похожим на гиену, у которой уже закапали слюнки при виде падали.

— Орфео, я никогда и нигде еще не встречал человека, которому побоялся бы угрожать. Пойми это, и наша дружба, может быть, продлится чуть дольше.

Лейла Слейд поднялась в центр управления, как раз чтобы услышать голос Цабо:

— Приближающееся судно, вызываю приближающееся судно, ответьте и идентифицируйте себя. Вы находитесь в частной зоне. Идентифицируйте себя, или мы будем вынуждены принять меры.

Ответом ему стало только шипение статики.

— Приближающееся судно, вызываю приближающееся... — заговорил снова Цабо.

Слейд отобрала у него вокс-микрофон.

— Приближающееся судно, —

решительным тоном произнесла она, — говорит Эльмингард. Отвечайте, или мы сорвем вас с неба, обрушив на вас всю мощь праведного гнева Императора. Отвечайте.

Статика.

— Системы переведены в режим боеготовности? — спросила Слейд у дежурного.

— Стражи бодрствуют. Ракеты подготовлены и нацелены, — отчеканил Эльдрик, щелкая бронзовыми переключателями своего пульта.

— Приближающееся судно... — вновь произнесла Слейд.

Ее перебил ответ с катера.

Это был не треск вокса и не пикт-передача. Телепатическая речь.

— Эльмингард. Не стрелять. Вам нельзя уничтожать меня. Я вам не враг. Не в этот раз.

Проходя по лабиринту лестниц и коридоров Эльмин-гарда, Куллин с Молохом неожиданно застыли на полушаге.

— Ой! — произнес Орфео. — Ты это почувствовал?

— Да, — ответил Молох. — Это он.

— Кто?

— А, черт возьми, как думаешь? Кто еще знает нас настолько хорошо? Чей еще телепатический ответ может быть настолько мощным?

— Рейвенор?

— Гидеон, — произнес Молох.

— Он жив?

Зигмунд бросил на Куллина разочарованный взгляд:

— Конечно же он жив. Ты разве в этом сомневался? Ох, когда же ты повзрослеешь, Орфео?

В тени башни астронома было темно и холодно. Среди обрушившихся камней завывал ветер, и негде было укрыться от дождя.

Карл Тониус застонал, натягивая цепи, в которые его заковала Лейла Слейд. Они уходили к самому массивному каменному блоку, лежащему посредине руин.

Он услышал голос. Услышал его в своей голове, невзирая на гул и смех.

Это был голос Рейвенора. Значит, Гидеон жив.

Неожиданное обжигающее чувство надежды посетило Тониуса. Да, помимо этого его переполняли муки совести, стыд и боль, но надежда оказалась сильнее. Он заставил себя подняться и посмотреть сквозь сплошную завесу дождя на приближающиеся огни. Все-таки у него еще оставались силы, оставалась воля. Он не ощущал себя более сильным с того дня, когда оказался достаточно глуп, чтобы попробовать флект в Доме Грусти, расположенном в Общем блоке Е Петрополиса, и впервые допустил демона в свою душу. Он почувствовал, что может справиться. Он был готов сражаться. Он...

Он ослеп. Нет, не ослеп. Оглох. Нет, не оглох...

Падение. Он падал. В яму, наполненную чернейшим дымом Старой Ночи... И вспыхивали забытые светила, проваливаясь в забвение, и охающее стенание потрескивало, точно ненастроенный вокс.

И что-то кружило рядом в темноте,

сопровождая его в бесконечном падении... Рот Тониуса раскрылся в крике, но не издал и звука. Все это было уже знакомо. Происходило и раньше.

Нечто приблизилось и помчалось рядом. Нечто бледное, холодное и в то же время пылающее. Страдающее от боли и изувеченное. Нечто древнее и ужасное. Оно зарычало зверем в голове Карла.

Ужасная сила вдавила его глаза внутрь черепа. Когти вспороли ноздри и стали вытаскивать язык, пока он не натянулся и не стал рваться. Расплавленный свинец полился в его уши, отсекая все звуки. Тониус повалился на спину, дергая цепи и завывая от боли. Из его рта, ноздрей и ушей вдруг хлынула черная, вонючая кровь. Спазмы стали перекручивать и раздирать внутренности. Ноги свело судорогой. Одно за другим лопались кольца, слетая с распухших пальцев правой руки.

Карл Тониус закричал. В конце концов он решил, что хочет умереть, и как можно скорее.

Он выпустил гудящий голос. Боль

была уже невыносима. Тварь жила в нем слишком долго, постепенно изнашивая его, протирая насквозь. Казалось, будто прошла целая жизнь. Жужжание, жужжание, жужжание.

Зрение возвратилось. На мгновение он встретился со Слайтом лицом к лицу. Затем глаза Тониуса взорвались и склизкой массой потекли по щекам.

Казалось, будто дождь сдирает с него кожу. Близился конец человеческого существования Карла. Хуже и болезненнее этих последних шестнадцати минут его жизни не познал еще ни один человек.

Глава девятая

Они вышли под дождь, чтобы встретить нас. Наемная вооруженная охрана держала нас под прицелом. Их двадцать человек. Пробуя древнюю стену за их спинами на вкус, я обнаруживаю, что она напичкана автоматизированными пушками. Боюсь, что я слишком слаб и слишком медлителен, чтобы справиться с этим. Другой «я», более молодой, мог бы. Но те времена для меня прошли. Теперь у меня остались только слова.

Надеюсь, что их окажется достаточно.

Я вижу, как из ворот вываливает группа вооруженных людей, среди которых Куллин и Молох, прикрывающие ладонями лица, защищаясь от урагана, поднятого дюзами моего катера.

Дурная ночь. Мне редко когда приходилось видеть настолько яростную грозу.

— Сажайте, капитан Ануэрт, — произнес я.

Шолто продемонстрировал нам сегодня высочайший класс пилотирования.

— С непосредственностью, — ответил капитан.

Мы устремились вниз, ревя дюзами. Катер опустился возле флаера, уже припаркованного на каменной площадке.

— Благодарю, Шолто, — сказал я, направляясь к выходу.

Когда люк распахивается, внутрь летят брызги дождя.

Ночь и в самом деле выдалась отвратительная. Я выплываю на посадочную площадку, поворачиваясь к Куллину и ждущим его приказаний стрелкам. Молох же подается назад, прожигая меня взглядом. Какой странный момент. — Привет, Зигмунд.

— Гидеон.

— У нас, Зигмунд, нет сейчас времени на войну друг с другом. И тебя, Куллин, это тоже касается. Слайт уже здесь.

— Здесь? — эхом откликнулся Молох. — Откуда ему взяться?

— Все, хватит! — выкрикивает Куллин, выходя вперед, чтобы взять

контроль над ситуацией в свои руки.

Рядом с ним стоит невысокая женщина в балахоне. Она из неприкасаемых. Не из самых сильных, но это лучшее, что мог себе позволить Куллин, к тому же ее сил вполне достаточно, чтобы помешать мне.

— Гидеон! — Орфео приветствует меня, словно своего старого друга.

Он идет ко мне по мокрым камням, широко раскинув руки, в сопровождении своих охранников и тупильщицы.

— Гидеон! Как я рад тебя видеть! А я-то думал, что убил тебя!

— У тебя это почти получилось, — трещат в ответ мои вокс-динамики, — почти.

— Но, похоже, особого вреда я тебе не причинил, — смеется он. — Так что привело тебя к нам?

— Мои слова были ясны. Слайт, — отвечаю я.

Я вижу, как Молох подходит ближе. Мне никогда еще не доводилось видеть, чтобы он боялся. Но сейчас он напуган.

— Слайт? — усмехается Куллин. —

Здесь его нет, Гидеон.

— Он абсолютно точно находится рядом, — отвечаю я. — Я чувствую его. Отключи свою неприкасаемую и осознай правду.

— Отключить неприкасаемую? Будь серьезен, Гидеон, ты же ведь псайкер альфа-плюс уровня. Что заставляет тебя думать, будто я совершу столь самоубийственный поступок?

— Инстинкт самосохранения, — говорю я. — Мой дознаватель, Карл Тониус, вещает в себя Слайта. Если он еще удерживает его, то это ненадолго. И тебя, Куллин, и всех остальных ожидает только смерть. Варп не слишком разборчив, когда утоляет голод.

— Тониус? — спрашивает Молох, протискиваясь между бригадой охранников. — Твой человек? Тониус?

— Да, Зигмунд. Карл Тониус. Не знаю, как это произошло и по какой причине, но именно он был инфицирован.

Молох приближается к моему креслу. Опускается на колени под неистовым дождем и обнимает его. Более странного

поступка мой смертельный враг совершить не мог, но сейчас он искренен. Он одинок и напуган.

— Гидеон, — шепчет Молох, — Куллину нельзя доверять.

— Ох, а тебе, значит, можно, да, Зигмунд?

Он отстраняется и тусклым взглядом смотрит на мое кресло:

— Конечно же нет, Гидеон, но в данном случае дело касается совсем другого типа доверия. Я понимаю, что означает Слайт. Куллин — нет. Мы должны... должны действовать заодно ради общей цели.

— Согласен.

— Ох, это очень хорошо.

— Орфео, — отваживаюсь я, — можем ли мы заключить сделку? Против общего, смертельного врага?

Куллин пожимает плечами. На площадку выходит суровая женщина, которая приближается к нему и протягивает жезл управления.

— Вы просили принести это? — спрашивает она.

— Да, спасибо, Лея.

— Последняя возможность, Куллин, — говорю я. — Мы решили принять сделанное тобой предложение.

— Слишком поздно, — произносит он. — Примерно полчаса тому назад я получил все, о чем только мог мечтать.

Он щелкает жезлом и тут же окутывается полупрозрачным пустотным щитом, шипящим под дождем.

— Убить их,— говорит он.— Убить всех. Молоха — тоже. Клацают сторожевые орудия. Стрелки вскидывают ружья. Они открывают огонь.

Укрытый щитом, Куллин спокойно разворачивается и направляется к громаде Эльмингарда.

Глава десятая

Волна орудийного огня покатилась по посадочной площадке. Канонада оглушала, вспышки, рвущиеся из стволов, ослепляли. На борту катера Рейвенора попадания оставили несколько пробоин.

— Взлетай! Взлетай, Шолто! — заорал инквизитор.

Катер сорвался с места и скрылся за краем пропасти, оставляя за собой дымный след. Как только началась стрельба, Рейвенор в отчаянии бросил свои последние силы на возведение ментальной стены. Снаряды и лазерный огонь потонули в ней. Гидеон раскинул психобарьер достаточно широко, чтобы прикрыть кроме себя еще и Молоха. Казалось странным прилагать столь немыслимые усилия для того, чтобы защитить человека, которого пытался убить большую часть своей жизни.

Болты и лазерные импульсы молотили по стене Рейвенора, образуя в воздухе рябь и недолговечные «воронки».

— Ты не сможешь удерживать ее вечно! — прокричал Молох.

— Если я еще не израсходовал всю удачу, отпущенную мне этой Галактикой, — ответил Рейвенор, — мне и не придется.

— Сейчас самое время! — отправил он, собравшись с остатками Воли.

Из-за монастырской стены, выполняя приказ Слейд по защите посадочной полосы, выскакивали все новые и новые наемники. Они выбегали с нескольких направлений, вскидывая оружие и переговариваясь по воксу. За стеной эти звуки сливались в сплошной кашляющий глухой треск.

— Развернуть позиции! — приказал Эльдрик, которого оставили командовать орудиями поддержки. — Несколько человек на стены! Тяжелую артиллерию к воротам!

Неожиданно он остановился. Несколько солдат пробежали мимо.

— Это еще откуда взялось, черт возьми? — спросил он.

В стене нижней террасы он увидел дверь. Самая обычная старая дверь в самой

обыкновенной раме. Казалось, будто она всегда находилась там, но Эльдрик был абсолютно уверен, что никогда прежде ее не замечал.

Дверь открылась. Под дождь вышла юная девушка, почти подросток, озиравшаяся вокруг с самым невинным выражением лица. В руке она сжимала ключ, украшенный витиеватыми узорами.

— Привет! — сказала она Эльдрику, весело улыбаясь.

— Ты еще, черт возьми, кто такая? — спросил охранник.

— Она со мной, — ответила Ангарад Эсв Свейдер.

Картайская мечница выскочила из двери с такой молниеносной быстротой, что у Эльдрика не осталось времени даже вскинуть оружие. На мгновение его глаза изумленно распахнулись при виде затянутой в кожаную броню богини.

Эвисорекс разделила его на две половины.

— Посторонись, детка! — прошипела Ангарад, и Айозоб быстро укрылась в тени за дверью.

Внезапно картайка стала просто призрачной тенью, мчащейся сквозь дождь и всполохи молний. Накидка и расчесанные девочкой волосы струились за ней, как хвост кометы, сверкала сабля. Мечница врезалась в отряд, который собирал Эльдрик. Мало кто из сбитых с толку охранников успел сообразить, что происходит, ясно было только то, что их вырезают. Несколько солдат торопливо вскинули оружие. Эхо разнесло их крики, когда в воздухе закрутились отсеченные конечности. Хлынула, мешаясь с дождем, артериальная кровь.

Следом за Ангарад из двери вышли Нейл и Кыс. Гарлон переоделся в облегающую броню и сжимал в руках автоматический гранатомет модели «Босса» — тяжелый и мощный, с огромным барабанным магазином. Пэйшенс для операции выбрала темно-зеленый комбинезон и высокие черные сапоги, дополнительно надев просторную юбку, в складках которой таились десятки каинов. Четыре узких клинка уже кружили над ней.

Они побежали за Ангарад, чей путь так легко было отследить. Каменные плиты были скользкими от дождя и пенящейся крови. От рассеченных тел и вывалившихся внутренностей в холодный воздух поднимался пар. Нейл дважды выстрелил из гранатомета, забрасывая снаряды в проход. Результатом стал яркий огненный столб и полетевшие во все стороны осколки камня. Он послал еще одну гранату прямо в ворота, заодно отправив в полет тела двоих людей Куллина, а затем побежал дальше, время от времени стреляя одиночными по замаскированным в старой стене орудийным турелям.

Гранаты были снабжены магнитным механизмом, поэтому прилипали к металлическим корпусам сторожевых орудий. Вот взорвалось первое, взметнув над стеной пламя и осколки кирпича. Потом на воздух взлетело второе, а следом и третье. Каждая пушка стреляла очередями, пока не обращалась в прах.

Нейл снял четвертое орудие и остановился перезарядить магазин. После

его трудов монастырская стена выглядела так, словно ее край кто-то откусил. В воздухе повис запах фуселена. Кыс срубила своими каинами спускавшегося по лестнице стрелка, а затем протянулась сознанием к рассыпающемуся кирпичу и камню стены. Там она нащупала горячие тяжелые энергетические кабели и переплетения информационных потоков, питавшие остальные автоматические защитные системы. Заскрежетав зубами, она дернула за них.

В брызгах пластека и керамики из стены вырвалась длинная толстая змея из переплетенных армированных проводов. Кабель вышел чисто, словно хребет из вареной рыбины, а затем разорвался, заискрившись электрическими разрядами на мокрых камнях.

Все остававшиеся системы защиты вышли из строя.

— Гидеон?

— Мне уже лете, спасибо.

Под хлесткими ударами штормового ветра Рейвенор стал продвигаться вперед по посадочной площадке в сопровождении

Молоха. Не прекращавшийся до последних секунд обстрел изжевал камни перед ними в дымящуюся труху. Наконец Рейвенор смог ослабить выставленные щиты и сделал это с большим облегчением. Поскольку теперь по ним били только ружья выставленных Куллином «синих мундиров», он смог выдвинуть из углублений кресла свои пушки и сразу же срезать двоих противников. Остальные стали отступать к воротам Эльмингарда, отстреливаясь на ходу.

Там их уже ждали Кыс, Нейл и Ангарад. К тому времени как Рейвенор и Молох добрались до ворот, из охранников в живых оставались только те, кому хватило ума ретироваться к укрепленным террасам на вершине замка.

— Надо двигаться дальше. Начинает искать.

— Вы уверены, что он здесь? — спросил Нейл.

— "Уверен. Его трудно прочесть, трудно указать точное направление, поскольку это уже не Карл, но он здесь. Я слышу его крики.

— И что нам делать, если мы его найдем? — поинтересовалась Кыс.

— Звать меня.

Все трое устремились к лестницам, ведущим к террасам. Уже через минуту Рейвенор и Молох снова услышали звуки стрельбы и зловещий рокот гранатомета Нейла.

— Айозоб, оставайся здесь. Не отходи от двери, — сказал Рейвенор девочке, и та кивнула. — Пойдем к остальным, — послал Рейвенор Молоху.

— У тебя есть план? — спросил Зигмунд.

— Нет. Остается только импровизировать. Я только очень надеюсь, что мы сможем найти Тониуса, пока еще не слишком поздно.

— Почему ты не стал рассказывать всего своим людям? — продолжил Молох.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Зигмунд.

— Перестань, Гидеон, не пытайся обмануть обманщика. Какие секреты ты от них прячешь?

Они поднялись по разрушенной

лестнице к одной из ближайших террас. Перед ними на фоне грозового неба возвышался Эльмингард.

— На самом деле уже слишком поздно. Все это здание лучится невероятной психической мощью. Я даже не рискую выяснять какие бы то ни было подробности, поскольку это только спалит мое сознание. То, что Слайт здесь, не вызывает никаких сомнений.

— Посему я и возвращаюсь к первому своему вопросу. Каков план?

— Я надеялся, что у тебя будут какие-нибудь предложения. Все-таки, Зигмунд, демонология — это одна из твоих специализаций. Кроме того, я рассчитывал, что Куллин сможет помочь нам какими-нибудь инструментами или ресурсами.

— Куллин ведет собственную игру, — отмахнулся Молох, — но при этом весь его дом напичкан магическими побрякушками и талисманами. Вполне возможно, что-нибудь из этого и сможет нам помочь. Но я потратил уже несколько недель на изучение коллекций Куллина и ничего

подходящего до сих пор не обнаружил. Поверь мне, я искал очень усердно. — Он задумался и продолжил не сразу: — Что же касается моих собственных талантов... незнаю. Я долго бился над этой проблемой. Много читал. За свою жизнь мне удалось пленить парочку тварей и даже создать демонхоста. Я разбираюсь в принципах действия врат и в портальных ритуалах, но Слайт относится к демонам Старших Арканов. Даже зная необходимые заклинания и знаки, я бы никогда не смог его призвать. Он слишком могущественен, чтобы его можно было пленить.

И так уж вышло, что он уже здесь. Время профилактических ритуалов давно вышло.

Молния рассекла небо.

— Власть человека над демоном всегда происходила только из одного источника, — произнес Молох. — Человек дает демону возможность проникнуть в нашу реальность, а тот в свою очередь связывает себя определенными обязательствами в обмен на эту услугу. Все это очень опасно и сложно, да еще к

тому же требует многих лет на приготовления. Но если демон уже здесь, в нашей Вселенной, не существует никакой силы, способной удержать его. Ни при каких условиях, Гидеон. Мы не сможем ни заставить его, ни приказать ему, поскольку этот демон нам ничем не обязан и ничего уже от нас не хочет. Это просто свершившийся факт, неподвластный силам смертных.

— А что насчет изгнания?

— Как и в случае с подчинением, — рассмеялся Молох, — это очень сложный процесс. На приготовления может уйти несколько месяцев, а то и лет. Кроме того, необходимо определить подходящее время и место.

— И это, конечно же, не подходящее?

— А разве тебе кажется иначе?

— Я не собираюсь сдаваться. Нельзя отступать, пока наши тела еще живы. Надо что-то придумать. Зигмунд, ты же знаешь расположение комнат. Проведи меня к запасникам Орфео и помоги мне что-нибудь найти.

Наемники Куллина продолжали

сопротивление вплоть до своего печального конца. Нейл взбежал по осыпающимся каменным ступеням к мощеной террасе и тут же попал под возобновившийся огонь. Шипение лазерных всполохов, вырвавшихся из-за широкой двери на другом конце террасы, заставило Гарлона укрыться за каменной урной, тут же превратившейся в бесформенную груду обломков.

Каждый метр внутрь Эльмингарда ему, Кыс и Ангарад приходилось брать с боем, так что гранат оставалось уже немного. Нейл достал из кобуры тяжелый лазерный пистолет, решив приберечь более мощное оружие на потом.

Помощи ждать было неоткуда. Кыс отделилась от него еще несколько минут назад, направившись к пристройке, показавшейся им квартирами прислуги. Связь с Ангарад они потеряли еще раньше. В своей воинственной ярости она просто неслась вперед, ожидая, что они пойдут следом. Судя по воплям, доносящимся из соседнего крыла, она нашла себе достойное занятие.

Ливень усиливался. Как минимум дважды за последние пять минут в крышу Эльтингарда била молния. Туча, что казалась чернее самой ночи, облепила верхние укрепления крепости. Нейлу не слишком хотелось задумываться над причинами, вызвавшими подобный эффект. Кроме того, ему не хотелось бы чувствовать сладковатый, тошнотворный запах, приносимый ветром. Разложение, терзкая вонь варпа.

Один из стрелков, стоящих в двери, чуть не задел его.

— Ну, раз так! — прорычал Нейл, все-таки сдергивая с плеча гранатомет и посылая снаряд.

Тот упал точно в дверном проеме и разлетелся осколками в огненном фонтане.

В тот же миг Гарлон вскочил и бросился вперед. Два стрелка уже лежали мертвыми, разорванными на куски взрывом. Еще один, контуженный, дергался среди обломков. Часть фасада осела, в проходе клубился дым.

Закинув гранатомет на плечо, Нейл

побежал вперед, снова выхватывая лазерный пистолет и на ходу добивая контуженного. Из-за дыма в коридоре нечем было дышать. Еще один выживший полз на карачках по усыпанному осколками полу. Гарлон положил конец его страданиям и продолжил путь. Дым постепенно рассеивался. Неожиданно перед Нейлом возникла арка, за которой раскинулась просторная комната с высоким потолком. Широкие витражные окна подсвечивались вспышками молний. Похоже на столовую. Вдоль всего зала тянулся тяжелый обеденный стол, вырезанный из древней крепкой древесины, как минимум на тридцать персон. Впрочем, именно об этом числе говорило и количество стульев.

Нейл шагнул внутрь, и тут же в стену рядом с ним ударили два мощных заряда, выбивая из нее осколки пла-стека и камня. Гарлон прыгнул вперед и покатился по полу, воспользовавшись массивным столом как укрытием. Мимо прогудел еще один заряд. Нейл узнал этот особенный звук: стреляли из болтерного пистолета.

В игру вступил Люциус Уорна. Всполохи молний мерцали на поверхности его перламутрового доспеха. Он стрелял на ходу, оставляя в столешнице ощетинившиеся щепками дыры.

— Это ты, Нейл? Ты? — проревел он.

— Ну да, судя по всему, — ответил Нейл, низко пригибаясь и отчаянно озираясь в поисках выхода.

— Я из тебя душу вытрясу, Гарлон! — ухмыльнулся Уорна. — Хватит прятаться. Будь мужиком: встань и получи что причитается.

Их сопровождали шесть человек. Услышав последние слова, они встревоженно переглянулись.

— Все хорошо, — произнес Куллин, — все хорошо, джентльмены. Обещаю, что за работу в эту ночь вы получите тройную оплату.

— Мы получили сообщение, сэр, — сказал Цабо, возглавляющий отряд. — Войска Инквизиции захватили ворота и проникли в Эльмингард. Мы потеряли людей. Многих.

— Ничего, наш отчаянный враг уже

скоро перестанет нам досаждать, — уверенно ответил Куллин. — Поторопимся.

Они пробежали по двору под непрестанным ливнем и перешли в другое крыло здания.

— Значит, Тсжиус и в самом деле Слайт? — на бегу спросила Лейла, стараясь говорить как можно тише.

— Я узнал этоо от Свол, когда она была не в том состоянии, чтобы обманывать. Это было очень мило... она, похоже, пыталась его покрывать.

— Орфео, Слайт...

— Слайт восхитителен. Именно этого я ждал и искал всю свою жизнь, Лейла. И вот наконец он чуть ли не чудом попадает в мои руки. Какая ирония!

— Мне непонятно, чего ты пытаешься добиться. Молох...

— Зигмунд бъзш интересным собеседником, но наши отношения не имелти будущего. Какое-то время я ошибочно полагал, что он моожет стать полезным компаньоном в моем деле, но не учитывал при этом свойств его

характера. Он очень сложный человек. Трудно такому доверять.

— Он слишком умен, — мрачно произнесла Слейд.

— Да, и это тоже. Как ты могла заметить, последние несколько недель. мы постоянно ссорились. Это было лишь вопросом времени, когда мы вцепимся друг в друга.

Слейд поежились.

— По-моему, вы уже сцепились, — заметила она.

— фи, Лея. Ты ведь сама понимаешь, о чем я говорю. Он ведь был таквдм параноиком.

— Был ли? — спросила она. — Или, может, он оказался единственным, кто действительно понимал, какую угрозу являет собой Слаайт?

Куллин остановился и повернулся к Слейд. Отряд замер позади.

— Лея, послушай меня. Я тебя хотя бы раз подводил? Ты скажи? Ты же видела, сколько восхитительного оружия я держу в запасниках. На то, чтобы собрать эту коллекцию, у меня ушли годы работы и

изучения. Молох же, каким бы умником он ни был, остается дилетантом. А я в этих вопросах профессионал. Я опытен, осведомлен, бесстрастен. Слайт для меня всего лишь очередной предмет, требующий изучения. Новое, сверкающее оружие в моей руке... хотя я еще никогда не встречал оружия, которое бы сияло и сверкало столь ослепительно.

— Ты думаешь, что можешь подчинить себе демона Старшего Аркана?

— Ох, я не думаю — знаю, — рассмеялся Куллин. — Подчинить, связать обязательствами. Поработить его. Наши мудрецы отправились туда еще до того, как состоялся блистательный выход Рейвенора. Пока мы говорим, они завершают необходимые ритуалы и передают власть над Слайтом в мои руки.

Слейд помедлила, прежде чем ответить.

— Сэр, я очень советую вам проявить осторожность, — сказала она, извлекая из кобуры пистолет и загоняя в него специальную обойму. — Я всегда очень уважала ваши амбиции...

— Благодарю, Лея.

— Могу я спросить: что вы намереваетесь делать потом?

— Все дело в том, — победоносно улыбаясь, ответил Куллин, — что я могу сделать все, что пожелаю. Вообще все, что угодно. Имея в союзниках Молоха, я мог бы свергнуть где-нибудь правительство и даже прийти к власти на какой-нибудь планете. Но вместе со Слайтом... ох, Лейла. Весь Империум лежит у моих ног. Начинай мечтать. Вскоре я смогу подарить тебе все, что пожелает твоя душа.

— Прямо сейчас, — ответила она, — я мечтаю только о том, чтобы оказаться где-нибудь подальше отсюда. Что насчет Рейвенора и его людей?

Слайт расправится с ними по моему приказу. Мне бы хотелось, чтобы ты чуть позднее вызвала Божью Братию. У меня еще сохранился канал связи с братом Стефоем. Они будут рады услышать о рождении Слайта. Возможно, им захочется прийти к нам и поклониться ему. Поощрить его. Поскольку Братия уже

давно занимается изучением Слайта, их будет полезно держать под рукой для пущей уверенности. Так что, пойдем?

Они покинули северное крыло здания и вновь вышли под дождь. Люди Цабо зажгли фонари. Когда они направились по дороге к башне астронома, струи воды полетели им прямо в лица. Ослепительная молния разрезала мрак и наполнила воздух зловещим треском.

Из завесы дождя проступили очертания руин. Вымокшие насквозь, прикрывая лица руками, люди направились к ним. Куллин задействовал пустотный щит, чтобы укрыться от ярости стихии, и вода зашипела, отражаясь от поля.

Неожиданно дождь прекратился, и казалось, будто стихли все звуки окружающего мира.

Люди остановились возле подножия башни. От их промокшей одежды заструился пар. Здесь царили удивительная тишина и покой.

— Глаз бури? — нервозно усмехнувшись, предположил Куллин.

Слейд оглянулась назад. В десяти

ярдах от них все еще шел дождь. Весь Эльмингард был погружен в пучину ливня. Молнии расчерчивали небо. Но сюда не долетало ни капли, ни звука.

— Это... это... — забормотал один из людей Цабо, скидывая с плеча оружие.

— О Трон! — произнес сам Цабо, поднимая взгляд.

Небо над башней было чистым. Черные, тяжелые грозовые тучи нависали над скалами, но в центре их кружащейся громады образовалась просторная отдушина, возвышающаяся трубой над руинами бывшего пристанища астронома. В небе сверкали чужие звезды, которые двигались и кружились подобно светлячкам, собираясь в новые созвездия и образуя спирали неведомых галактик.

— Пойдем лучше отсюда, — произнесла Слейд. Ее голос прозвучал глухо в неподвижном воздухе. — Орфео, прошу тебя.

Это только последствия связывания, — сказал ей Куллин. — Наши ученые завершили свою работу. Здесь стало спокойно благодаря выполненным

ритуалам. Слайт подчинен.

— Что это за вонь? — спросил Цабо.

Из черной башни доносился отвратительный, трупный запах.

Слейд прошла вперед, подняв оружие. Куллин последовал за ней. Они вошли через дверь у подножия башни. С более высоких уровней капала дождевая вода. Пол усеивали промокшие и разбухшие клочки пергамента.

Лейла увидела каменный блок, к которому часом раньше приковала Тониуса. С блока свисали остатки разорванных цепей.

— Орфео?

— Что?

— Орфео, гляди.

По стенам сползало что-то темное и липкое. Лишь через несколько секунд Куллин понял, на что смотрит. Все его ученые были мертвы. Их раздавленные, перемолотые внутренности и кости были размазаны тонким подсыхающим слоем по камням башни. Кровь стекала вниз, собираясь в лужи возле фундамента.

— Лейла? — прошептал Куллин.

Она схватила его за руку и потащила из руин. Снаружи их ждал Цабо со своими людьми.

— Уходим! — приказал Орфео.

— Сэр?

— Она права, — пробормотал Куллин, пытаясь собраться с мыслями. — Она права, Цабо. Надо уходить.

— Так скоро?

Они обернулись.

В дверях башни стояло то, что некогда было Карлом Тоннусом. Он был обнажен, поскольку вся одежда на нем сгорела. Из самой глубины его тела лучилось жуткое красное сияние. Кожа его стала прозрачной, и под ней, словно на медицинском снимке, виднелся скелет. Правая рука демона до середины предплечья была лишена плоти. Это была только обгоревшая кость, увенчанная длинными черными когтями.

— Куллин, — произнес он.

Когда демон открывал рот, люди видели пляшущие там языки огня.

— Слайт? — заикаясь, произнес Орфео. — Слайт, я повелеваю тебе...

— Не будь идиотом! — прокричала Слейд.

Рот твари стал раскрываться все шире. Он. растягивался подобно змеиной пасти, с невозможной для человеческих челюстей гибкостью. Затем демон издал глухой рев. Из его рта вырвалось облако отвратительных испарений, окутавшее людей. Люди Цабо отступили назад, задыхаясь и пытаясь справиться с тошнотой. Серебряные пуговицы их синих камзолов потускнели и стали черными. Двоих солдат скрутили приступы рвоты.

Прикрывая рот, Слейд вскинула оружие.

— Беги! — прохрипела она. — Беги, Орфею!

Лейла открыла огонь. Ее поддержали некоторые из солдат. Лазерные импульсы таяли возле демона, но Слейд целилась ниже — в землю под его ногами. Заряды из особой обоймы взрывались, высвобождая свое содержимое.

Из земли вырастали создания варпа, чьи тела разворачивались подобно бутонам каких-то отвратительных цветов,

Хукторы, клобрилы и прочие отвратительные малые демоны, кропотливо собираемые и связываемые Куллином, теперь освобождались и тут же в слепой ярости накидывались на тело, некогда принадлежавшее Тониусу.

Слайт засмеялся, уничтожая их, разрывая их тела, словно мешки с ихором и гноем. Черные когти вспарывали животы, превращая малых демонов в лужи густой эктоплазмы.

Слайт двинулся вперед, раздирая последнюю из тварей варпа. Он издал странный, лающий звук, напоминающий тявканье лисы, и землю рассекла трещина. Оттуда бурной шелестящей волной хлынули насекомые, некоторые достигали размеров омаров или небольших кошек..

— Беги! — закричала Слейд.

Куллин бросился наутек. Насекомые облепили его, сгорая и осыпаясь с пустотного щита.

Цабо и его людей захлестнуло шуршащей лавиной с головой, сдирая одежду и мясо. Вскоре под массой черных тварей на землю упали и рассыпались

голые скелеты. Цабо пал последним. Он приставил к голове ствол и застрелился.

В воздухе гудели рои мух.

Куллин бежал. Слейд, завывая, следовала за ним. Твари облепляли ей руки и ноги.

— Орфео!

— Лейла! Прикрой меня!

Храня верность до последней секунды, она вогнала свежую обойму в пистолет и развернулась к пылающему демону, открыв огонь.

Не тратя времени на благодарности, Куллин продолжил бегство. Он услышал вопль Лейлы Слейд и поморщился, когда тот резко оборвался.

Он бежал.

Находясь в самом сердце Эльмингарда, Сайскинд и остальные услышали жуткий рев и завывания, доносящиеся снаружи.

— Вот оно как, — произнес Сайскинд, поворачиваясь к Орналесу. — Уходим.

Последние слуги и наемники Куллина уже разбегались. Бросаясь к выходам, они переворачивали стулья и столы. Со всех

сторон раздавались крики и вопли. В коридорах началась давка.

— Флаер заперт? — спросил Сайскинд у своего первого помощника, когда они и сами бросились бежать.

— Откроется, только если приказ будет отдан моим или вашим голосом,— заверил его Орналес— А что, черт возьми, здесь происходит?

Сайскинд достал лазерный пистолет.

— Не знаю и знать не хочу, — ответил он.

В этот момент в него врезался человек. Серебряные пуговицы его синего камзола были тусклыми, почерневшими. Сайскинд увидел, как все металлические предметы в помещении лишаются своего блеска и зеленеют. Воздух стал затхлым и вонючим.

— Возьмите меня с собой! Заберите меня, капитан! — принялся умолять его мужчина.

Сайскинд застрелил его.

— Как с ума посходили! — прорычал капер.

Орналес ему не ответил, но оружие

тоже достал. Они добрались до лестницы, спускающейся к южным террасам. Мимо бежали мальчишки-уборщики и слуги, ищущие хоть какое-нибудь укрытие. Сайскинд и Орналес припустили по лестнице.

В этот момент внизу появилась Плайтон, несущая на плечах Кару Свол. Увидев капера, она вскрикнула.

Сайскинд выстрелил. Мауд скинула с себя Кару и ответила из своего ружья. Заряд ударил Орналеса в грудь, отбросив на несколько метров назад. Тело упало и сползло по ступеням.

Капер продолжал стрелять. Ему удалось ранить Плайтон в правое бедро и левое плечо, откидывая с лестницы на площадку. Она упала со стоном ничком. Перепрыгивая через ступеньку, Сайскинд сбежал вниз и остановился над телом Свол.

Он увидел ее пустой взгляд.

— Кара! — пересиливая боль, закричала Плайтон, пытаясь ползти по ступеням.

Сайскинд нацелил оружие на Свол.

Первый из лазерных импульсов расплавил ему позвоночник. Второй срезал затылок ровно, как скальпелем. Капер дернулся, пытаясь вдохнуть, — из открытого рта вырвался дымок. По спине куртки из дорогого витрианского стекла расплылось алое пятно.

Он перегнулся через перила и сорвался в пропасть.

Белкнап рванул по лестнице к Каре, перебрасывая лаз-ган за плечо. Он сгреб любимую в охапку и покрыл ее лицо поцелуями.

— Я думал, что потерял тебя, — прошептал он.

— Пат... Патрик, — промычала Кара, — помоги Мауд.

Он оглянулся и увидел Плайтон, скорчившуюся от боли на площадке внизу.

— Понял, — сказал он. — Сейчас.

Высунувшись из разбитого окна, Люциус Уорна выстрелил из болтерного пистолета в Нейла, лежащего на разбитой крыше внизу. Ничего не произошло.

Он посмотрел на свое оружие. Оно было проверенным и никогда прежде его не

подводило. Гигант попытался снова и понял, что ему что-то мешает нажать на курок.

Он обернулся, чтобы словить первый кайн, пронзивший его глаз. Следующие два ударили его в грудь.

Пэйшенс Кыс шла к нему по разгромленной столовой, и ее юбка развевалась.

— У меня есть еще, — обнадежила она.

Уорна снова попытался выстрелить. Она обрушила на него всю мощь своего телекинеза, сжав за шею.

Люциус захрипел.

Кыс вскинула руки, охотника приподняло над полом. А затем она вышвырнула его в окно. Кыс подвесила Уорну в воздухе и держала так, пока молния не ударила в его металлические доспехи. Потом вторая, а там и еще два мощных разряда.

— Конец песенке? — с сарказмом спросила она, не опуская рук.

— Ты... хочешь... — прошипел Уорна, роняя кровавую пену с губ.

Кыс хладнокровно подняла его выше.

Еще восемь молний одна за другой вонзились в Люциуса. Бронированный корпус загорелся.

Когда он уже полыхал факелом, Пэйшенс отшвырнула его в сторону. Тело кометой промчалось над крышами Эльтингарда, оставляя за собой огненный след.

Кыс высунулась из окна.

— Гарлон? — прокричала она.— Ты там еще жив? Гарлон?

Глава двенадцатая

Они торопливо вбежали в хранилище. Рейвенор двигался впереди.

— Конечно же, мне с самого начала стоило догадаться, что это Тониус, — произнес Молох.

— Что?

— Ох, тогда я не понял, но сейчас все обрело смысл.

— Как так?

— Петрополис, Гидеон. Вспомни резницу. Я так близко подошел к воплощению своих мечтаний.

— Это мне известно.

— Гидеон, тебе тоже понравилось бы. Энунция столь великолепна, столь чиста...

— Зигмунд...

— Когда я уже начинал творение, — пожал плечами Молох, — меня прервали твои люди. Кара Свол и Карл Тониус. Конечно же, с ними я разобрался очень быстро. И тут появился Слайт.

— Слайт был там?

— Да, Гидеон. Неужели ты так и не

понял, что на самом деле погубило мои замыслы на Юстисе Майорис? Меня остановил Слайт. Слайт ранил меня. Но если бы не он, я бы преуспел.

— Трон Святый.

— Когда появился демон, я был слишком напуган, чтобы сохранить способность рассуждать здраво. Только Куллин и эта его баба помогли мне сбежать. Но теперь все очевидно. Слайт появился там, потому что там был Тониус. Тониус и был Слайтом. Он разрушил мои планы по овладению энунцией.

Кресло Рейвенора застыло посреди гостиной. Брызги дождя влетали в распахнутые двери за их спинами.

— А я-то думал, что это был я, Зигмунд. Мне казалось, будто это я разбил тебя. Что ж, что-то хорошее Слайт все же сделал, верно?

— Скорее, это сделал все-таки Карл Тониус, — ответил Молох. — А теперь помоги мне с этим. — Он принялся копаться в ящиках, оставленных в комнате Куллином. — Давай же, Гидеон. —

Молох остановился и оглянулся на кресло инквизитора. - В чем дело?

— Ни в чем.

— Ты мне не рассказал, как вам удалось меня найти, — произнес Молох.

— Помог зарождающийся псайкер по имени Заэль. Ему все было известно. И у меня такое чувство, что рассказал он мне все слишком поздно.

— Так в чем дело?

— Ты повторяешься, Зигмунд.

— И буду повторяться, пока ты не ответишь.

— Ну что же. Все изменилось. Я чувствую. Гроза смещается. Напряжение нарастает. Демон пришел в движение и приближается к нам. Я ощущаю его приближение. Он во шел в дом. У нас осталось только несколько минут. Неуже ли ты не чувствуешь запах?

— Значит, мы зря тратим время, — произнес Молох.

Противоположная дверь хранилища с грохотом распахнулась, и в помещение ввалился Куллин, вокруг которого все еще потрескивал уже почти разряженный

пустотный щит. Орфео бросился к ящикам в конце комнаты и принялся выдергивать их. Его щит побледнел и угас.

Тут Куллин обернулся, неожиданно сообразив, что находится в комнате не один. Он выхватил автоматический короткоствольный пистолет и навел его на Рейвенора и Молоха.

— Не будь дураком, — произнес инквизитор.

— Он идет! Идет! — закричал Куллин. — Он идет за мной! Он убил мою бедную Лейлу!

Молох щелкнул пальцами правой руки. Пистолет вырвался из рук Орфео и промчался по воздуху. Зигмунд подхватил оружие и выстрелил в живот своему бывшему компаньону. Куллин рухнул на комод и сполз вниз, пытаясь удержать внутренности. Его лицо стало белым, на нем застыло выражение безмерного изумления.

— Неужели это было необходимо?

— Ты даже не представляешь насколько, — произнес Молох.

Куллин истекал кровью. Его агония

стала болезненно давить на границы сознания Рейвенора, который не сомневался, что Зигмунд специально выстрелил в живот, желая своему подельнику болезненной и долгой смерти.

— Куллин, что ты можешь сделать?

— Помогите... врача... — Орфео простонал и откашлялся кровью.

— Я говорю о демоне.

Дверь снова распахнулась. Ангарад, как кошка, приземлилась перед Молохом, разрубая пистолет в его руках. Она уже собиралась вспороть еретику живот, но Рейвенор откинул ее к стене своей ментальной силой.

— Нет, Ангарад, оставь его.

— Но он же дьявол! — оскалилась она.

— Сегодня нам предстоит столкнуться с куда худшими дьяволами.

Ангарад вперила тяжелый взгляд в Молоха.

— Он нам понадобится, если мы хотим выжить.

Зигмунд склонился над Куллином:

— Орфео? Орфео, послушай. Что ты искал, когда прибежал сюда?

— Что-нибудь. Хоть что-нибудь... — с трудом выдавил из себя Куллин. — Я мог что-то не углядеть, что-то забыть.

— Здесь? Что у тебя еще осталось? Какое оружие? Может быть, есть талисманы или эффективные заклинания?

Куллин покачал головой:

— Ничего. Совсем ничего. Есть несколько ритуалов изгнания, но я уверен, что ни один из них не подействует.

— Потому что не то место и не то время? — спросил Рейвенор. — Все равно покажи.

Куллин слабо повел рукой в сторону ближайшего книжного шкафа:

— Третья полка, в зеленой коробке.

Молох поднялся, достал коробочку и открыл ее. Внутри лежала стопка листов пергамента, туго перетянутых шнурком.

— Ритуалы изгнания, — пробормотал Куллин, и боль исказила его лицо. — Все они очень древние, почерпнутые из нескольких источников. Надежнее и полнее всего Депортация Сэч'элла. Я и раньше пользовался ею. Она работает.

— Но?

— Здесь она не поможет. Да и ничто из этого не поможет. — Молох быстро пролистал крошащиеся листы. — Да, он прав. Как я тебе и говорил. Чтобы отправить демона обратно, нужно выбрать подходящее время и место. Нужно выбрать место, где стены между измерениями тонки, словно лист бумаги. Разлом, надрыв. Таких мест на всю

Галактику всего несколько, и Эльмингард в их список не входит. Какой бы из ритуалов изгнания мы ни опробовали, это станет только пустой тратой сил.

Он собирался сказать что-то еще, но неожиданно осекся. Что-то замерцало и зашевелилось в углу гостиной. Рябь на воде, туман, испаряющийся в лучах солнца.

Карл Тониус.

Глава тринадцатая

Тониус то проявлялся, то исчезал из реальности. Его движения казались дерганым, как на ускоренной пикт-записи.

Я говорил тебе говорил тебе говорил тебе...

Рейвенор, Молох и Ангарад медленно попятились к дверям, выходящим на террасу. Освещение в комнате то тускнело, то загоралось ярче, в зависимости от ударов молний. Растянувшийся на полу возле призрака Куллин захныкал и попытался отползти.

— Слайт... — прошептал Молох.

— Нет. Слайт еще не добрался до нас. Он только приближается. Это только морок. Случайный психонический эффект, эхо.

Гидеон Гидеон Гид Гидеон...

— Карл?

Помоги мне помоги мне помоги мнеее...

— Трон! Карл?

Призрак присел в одно из кресел,

стоящих в гостиной. Его очертания продолжали дрожать и мерцать, словно изображение прокручивали на разных скоростях, словно оно повторялось и наслаивалось само на себя.

Гидеон, пожалуйста. Мне мне больно больно. Мне больно. Помоги мне.

— Карл, уже слишком поздно.

Ой, больно. Я могу я могу справиться я могу.

— Нет, Карл, не можешь.

Гидеон, я могу. Если ты ты ты поможешь мне. Ты должен мне мне должен мне должен мне. Я работаю с тобой с самого начала. Я остановил Молоха в Петрополисе. Я сделал это. Сделал это. Сделал это. Я, Гидеон. Я помог Каре снова Каре Каре снова поправиться. Я спас вас от тварей за дверью. За дверью.

— Карл, я понимаю, что все это ты. Понимаю, чего ты пытался достичь, но уже слишком поздно. Тебя не спасти. Демон поглотил тебя.

Призрак мерцал. На стеклах стали появляться раздавленные мухи.

Не говори говори так, Гидеон. Помоги

мне справиться с ним. Помоги мне мне. Когда Слайт забрал меня, я подумал я подумал, что это конец это конец. Но потом я понял. Я могу им управлять. Я могу я могу я могу управлять им. Я могу повелевать им. Дай дай мне шанс. Представь представь, что мы сможем тогда, ты и я. Во имя ордосов. Во имя Империум-та. Во имя Империума. Во имя Империума. Я могу показать тебе, как работает все в варпе. В варпе варпе в варпе.

— Это только фантом! Ложь! — простонал Куллин.

Я нет нет нет.

— Мы наблюдаем проявление последних усилий Карла, движимых его волей, — произнес Рейвенор через вокс-динамики. — Наблюдаем случай великой решимости.

Гидеон.

Рейвенор подплыл к дергающемуся, расплывающемуся образу:

— Карл? Будь такая возможность, я бы помог тебе. Такая отвага не должна оставаться без вознаграждения, но я не

могу спасти тебя. Ты погиб. Погиб еще в тот день, когда в тебя проник Слайт. Сама мысль о возможности повелевать подобным созданием есть пагубное заблуждение радикализма, над которым ты с тобой в свое время посмеивались.

Твоими помыслами движет гниль, поселившаяся в твоей душе. Слайт кормит тебя оправданиями и лживыми надеждами, чтобы раздавить твою волю. То, что ты предлагаешь, неприемлемо для Инквизиции. И не может быть приемлемо ни для одного разумного человека. Не может быть приемлемо для меня.

Нееет! Нет нет...

— Прости, Карл.

Нееееееет!

Призрак утрачивает контроль над своими очертаниями. Он дрожит и колеблется, будто захваченный землетрясением. Я ощущаю его жгучую ярость. Окна гостиной трясутся, рамы трещат. Раздавленные мухи взмывают клубами сажи в воздух. Все вокруг наполняет гудение. Куллин кричит в ужасе, когда книги и всевозможные

предметы начинают слетать с полок, а свитки пергаментов взлетают, точно серпантин, разбрасываемый во время парада.

Они напоминают мне о триумфальном шествии на Тра-циане Примарис, во время которого я был изувечен. На мгновение я снова оказываюсь там, в процессии, над которой струятся бумажные ленты и парят лепестки цветов. Сквозь серпантинные вихри я различаю возвышающуюся передо мной Арку Спатиана.

С проклятием, постигшим меня в тот день, я так никогда и не смирился, и даже не пытался. Но сегодня нас всех ожидает куда более страшное проклятие.

Я зову Карла, извиняясь и утешая его.

— Прости, — говорю я. — Прости.

Снова и снова повторяю эти слова. Разозленный призрак Карла заходится мучительной дрожью, дымка расслаивается, и последние остатки того, что было Карлом То-ниусом, загораются и опадают, превращаясь в мелкую лужицу, подернутую едким туманом.

Как только он пропадает, в гостиной становится тихо, если не считать жужжания мух. Снаружи бушует гроза, но сквозь ее рев прорезаются и другие звуки. Во-первых, урчание, уже отличимое от беспрестанных раскатов грома. Во-вторых, мы слышим отчетливый скрежет — кажется, будто скалы трутся друг о друга.

— Нам остается только бежать, — произносит Молох.

— Сомневаюсь, что Слайт нас отпустит. Но даже если мы сможем сбежать с этой горы, где нам спрятаться? Демон способен дотянуться куда угодно.

Молох смотрит на меня. Я понимаю, что его разум по-прежнему ищет способы выхода из создавшегося положения. Но понимаю я и то, что варианты становятся все более бесперспективными.

Ангарад оборачивается, поднимая перед собой меч. Занавес над дверью, выводящей к террасе, хлопает, пропуская внутрь Белкнапа и Кару, поддерживающих раненую Мауд Плайтон.

— Рейвенор?! — удивленно восклицает

медик.

— О боги! — хрипит Плайтон.

Хотя ее сознание и наполняет жгучая боль, я чувствую ее облегчение. Увидев меня, она на мгновение обрела надежду.

— Я тоже рад вас видеть, — говорю я.

Распрямившейся тетивой по мне бьет невыносимая волна эмоций. Кара бросается вперед, оставляя Белкнапа поддерживать Мауд, и падает перед моим креслом, крепко обнимая его. Она плачет.

— Кара.

— Ты жив!

— Кара.

Ее боль и горе безудержны. Я пытаюсь успокоить ее, но понимаю, что кто-то тяжело ранил ее. Кто-то держал ее в плену и истязал. Моя бедная Кара. В ее сознании мешается столь много разных вещей: скорбь, радость, удивление, любовь, стыд. Она настолько уверилась в моей смерти, что едва может теперь поверить в обратное.

— Кара, все хорошо. Кто посмел так с тобой поступить?

Она еще сильнее вцепляется в мое

кресло, и слезы ее стекают по металлическому каркасу.

— Прости меня! — завывает она. — Прости!

— Тише, Кара. Все будет хорошо. Кто с тобой так поступил?

Я протягиваюсь сознанием в ее незащищенные, хрупкие мысли, чтобы понять, утешить. Куллин приложил руку к ее страданиям. Но позади него я вижу воспоминания о Сайскинде и Уорне, о бесчеловечных надругательствах.

— Я найду Сайскинда, обещаю, Кара. Найду и...

Замолкаю. За отравленными мыслями о капитане-капере и мерзавце Уорне маячат и другие силуэты: Карл и сама Свод.

Я вижу ее глубочайшую тайну, раскаляющую добела ее муку.

— Ох, Кара...

— Прости меня, Гидеон!

— О чем это она? — требовательно вопрошает Белкнап.

Любовь и тревога о ней полыхают в его сознании расплавленным золотом. Он

опускает Плайтон на пол и нависает над нами.

— Кара? Рейвенор? Что происходит?

— Я знала, что это Карл! Знала, но защищала его!

— Карл заблокировал твои воспоминания, — говорю я. — Мне видны оставленные им шрамы.

— Еще раньше, — произносит она. — Я знала тогда. Знала, но скрывала. Он заставил меня пообещать, что я ничего не скажу тебе. Что не стану говорить этого никому. Ему было нужно только время...

Она снова заходится в рыданиях и становится невменяема.

— О чем она говорит? — смотрит на меня Белкнап.

— Когда ты узнала? — спрашиваю я. — Кара, когда ты узнала?

— Юстис Майорис. Фризница.

— Она была там, — говорит Молох. — Наверняка она все видела.

— Почему ты скрывала? Почему не сказала мне? — спрашиваю я.

— Я слишком многим ему обязана, — шепчет она. — Он излечил меня от... я

умирала. Он вылечил меня. Спас жизнь. Он умолял меня не раскрывать его тайну хотя бы несколько месяцев, чтобы у него было время провести исследования, чтобы он смог найти способ справиться. Я не могла ему отказать. Он спас меня. Разве мог демон так поступить?

— Добрый, но хитрый поступок, — отвечаю я, — но этим его добро и исчерпывается.

— Но... — начинает она.

— Ты знала? — спрашивает Белкнап.

— Что?

— Ты знала? Знала, что Тониус — демон, и продолжала покрывать его?!

Белкнап отходит от нас. Его эмоции всегда сильны и однозначны. Сейчас я ощущаю исходящие от него отвращение и чувство того, что его предали. Он оскорблен. Все его помыслы и чувства всегда направляла только верность Богу-Императору. Более искренней и сильной гадливости я никогда не считывал.

— Он спас меня! — запинаясь, произносит Кара, глядя на Белкнапа красными от слез глазами.

— Тебя спас демон, — говорит он.

Мне кажется, что он сейчас ее ударит. Я предпочитаю не рисковать и отбрасываю его сознанием, заставляя усесться на кушетке рядом с Мауд.

— Сядь! — приказываю я. — Сам разберусь.

— Но она...

— Сядь, Белкнап, и заткнись!

— На твоем месте я бы последовал совету, — произносит Молох.

Губы еретика искривляет улыбка. Даже сейчас, в этом отчаянном положении, он не может не насладиться тем, как рушатся все старания моих людей.

— Может, скажешь, Молох, с чего бы это кому-нибудь слушать, что ты там лепечешь?

Не более чем в пальце от побледневшего лица Зигмунда повисают восемь каинов. Он сглатывает слюну. Внутренняя дверь гостиной открыта, и в ней стоит Нейл, целясь в Молоха из автоматического пистолета. Гарлон потрепан и изранен. Один его глаз затек и

практически не открывается. Рядом с ним стоит Пэйшенс с голодным выражением на лице. Она очень хочет убить Молоха.

— Вы только посмотрите, — с фальшивой бодростью в голосе говорит Молох, — теперь все в сборе.

— Пусть живет.

— Гидеон? — удивленно произносит Кыс.

— Пусть живет! Гарлон, опусти оружие!

— Что он здесь делает? — спрашивает Пэйшенс.

Я отодвигаю ее каины от лица Молоха и роняю их на пол.

— То же самое, что и мы: пытается дожить до утра. Мы решили объединить наши возможности.

— Надеюсь, мать твою, ты понимаешь, что делаешь, — произносит Кыс.

Она подбегает к Каре и поднимает ее, отдирая от моего кресла. Нейл приближается к Ангарад, обнимает ее и целует.

— Скажите, — произносит Плайтон с кушетки, пытаясь не выказывать свою боль, — у нас есть какой-нибудь план?

— Нет, — хором отвечаем мы с Молохом.

Горы трясутся. Эльмингард дрожит. Ночь доносит демонический рев, который оставляет шрамы в наших душах. Отчасти это крик, отчасти — плач, отчасти — зов, отчасти — просто звук такой силы, что способен заглушить яростные раскаты грома.

Это рев хищника, голос пробудившегося от спячки и осознавшего свой голод хищника, чей возраст исчисляется миллиардами и миллиардами лет.

Глава четырнадцатая

Кара поднялась, отстраняя от себя Кыс и вытирая щеки. Она старалась не смотреть на Белкнапа.

— Вам надо уходить отсюда, — произнесла она. — Уводи всех отсюда, Гидеон.

— Кара...

— Убирайтесь, пока еще можете. А я...

— Что ты собираешься делать? — спросил Рейвенор.

— Буду удерживать его сколько смогу.

— Как? — спросила Кыс.

— Поговорю с ним. Стану обращаться к Карлу. Он мне доверяет. Я смогу заставить его задержаться.

— Нет, — сказал Рейвенор, — я уже говорил с ним. Карл старается изо всех сил, но для нас он уже потерян. Последние остатки его личности растворились. Он погиб, и власть приобрел Слайт. Демон приобрел всю полноту власти.

— Гидеон прав,— пробубнил Куллин, прижимаясь к комоду. Вокруг него оседали

дымящиеся лоскутки драгоценных бумаг, собранных им за всю жизнь. — Я видел Слайта. Это только насмешка над Тониусом, он пользуется его телом и искажает его. Такой могучий, такой лучистый.

Он отмахнул от лица мух. Его кожа приобрела трупный оттенок. Орфео сидел в луже собственной крови.

— Это был не Слайт, — усмехнулся Молох. — Это был только его предвестник, открывающий ему путь, словно рука, отворяющая дверь. Тониус, упокой Силы его душу, послужил проводником. То, что мы видели с тобой в тризнице, Орфео, и то, что ты ощутил на себе сегодня, лишь вершина айсберга. Ты ведь знаешь, что такое айсберг, Орфео?

— Конечно.

— Тониус — это только ворота. Все остальное проходит сквозь него.

Пугающий, первобытный рев снова сотряс комнату, и мухи взметнулись в воздух.

— Слышите? — произнес Молох, восхищенный звуками варпа. — Вот он

идет.

— Позволь мне попытаться, Гидеон, — сказала Свол. — Пожалуйста, дай мне попытаться поговорить с ним.

— Нет, Кара, — ответил Рейвенор.

— Пожалуйста! Позволь мне...

Неожиданно ее настиг какой-то странный припадок. Она рухнула на пол возле кресла инквизитора, дергаясь всем телом. Кыс опустилась рядом, пытаясь успокоить ее. Против своего желания, Белкнап тоже поднялся, чтобы помочь.

— Держу, — сказала ему Пэйшенс.

— Гидеон, — произнесли губы Кары.

Кыс испуганно отдернула руки. Свол поднялась, не открывая глаз. Рейвенор сразу же осознал, что кто-то «надел» ее.

— Гидеон. Пожалуйста. Это моя последняя возможность.

— Не осталось у тебя последней возможности, Карл, — сказал Рейвенор. — Я уже объяснял. Отпусти Кару.

— Прошу, выслушай, ты просто не понимаешь. — Губы Свол кривились, будто проговаривая неизвестные слова на непонятном для нее языке. На ее лице

оседало все больше мух, они залетали ей в рот и выползали обратно. Они струпьями облепили ее глаза. — У меня осталось всего несколько минут. Я держусь на кончиках пальцев. Он пожирает меня, Гидеон. Пожирает меня!

— Я не в силах тебе помочь, Карл.

— Ублюдок! Ублюдок! — закричал рот Кары Свол. — Я столько лет служил тебе, и вот как ты мне платишь? Спаси меня! Спаси!

— Ради спасения Трона! — закричал Нейл. — Сделайте же что-нибудь!

— Неужели ты не можешь помочь ему, Гидеон? — требовательно спросила Пэйшенс Кыс. — Пожалуйста!

— Не могу, — спокойно ответил Рейвенор. — Не могу, не должен и не желаю.

На него уставились все находящиеся в комнате, даже Молох.

— Тогда убей его! Убей меня! Изгони его! Изгони! Даруй мне покой!

Кара Свол закачалась. Мухи облепили ее с головы до пят.

— Мы не сможет изгнать его. У нас

нет возможностей, и это место не подходит для...

— Не будь таким болваном! Все у вас есть! Вы принесли с собой дыру в варп! Вы можете сделать так, чтобы и место и время стали подходящими!

Рейвенор молчал. До него дошло. Он посмотрел на невольную аватару Тониуса с сожалением и благодарностью.

— Ох, Карл. В этом-то ты разбираешься.

Маниакальный смех наполнил комнату. Точно по команде, мухи взмыли с тела Кары, и женщина повалилась на пол гостиной.

— Помоги ей, Пэйшенс, — через вокс-динамики произнес Рейвенор, прежде чем обернуться к Молоху.

— Дверь. Он говорил о двери, Зигмунд. Мы может создать свой собственный разлом.

На лице еретика отразилось изумление.

— Ну конечно же, — произнес он и нахмурился. — Так ты притащил эту штуку с собой?

— Да.

— Нам потребуются кое-какие приготовления, как ты понимаешь... — начал Молох.

— Бери все, что требуется.

Зигмунд бросился к ящикам, погрузившись в отчаянные поиски чего-то среди коллекции Куллина. Наконец он нашел небольшой кожаный кейс, который принялся заполнять пергаментами и другими предметами.

Рейвенор повернулся к Кыс.

— Твой линк еще работает? — спросил он.

— Думаю, да.

— Вызови Шолто и запроси его помощи. Если он откажется, скажи, что я все понимаю. Мы в любом случае должны сделать это.

Она кивнула.

— Спускайся вместе со всеми к посадочной площадке и скажи Ануэрту, что если он согласен, то пусть ждет нас там.

— Уходим! — закричала Пэйшенс, подхватывая Кару и направляясь к

террасе.

Белкнап взял на себя Плайтон и, несмотря на ее протестующие стоны, вышел под дождь.

Нейл, сжимающий в руках оружие, остался стоять возле Рейвенора.

— Тебя это тоже касается, Гарлон.

— Мне и здесь неплохо, — ответил он.

— А я? — простонал Куллин.

— Ангарад... — произнес Рейвенор.

— А надо? — печально спросила картайка.

— Пожалуйста.

Ангарад убрала Эвисорекс в заплечные ножны и подошла к Куллину. Тот вскрикнул, когда она подняла его.

— Заткнись!

Он, конечно, не заткнулся... Он истекал кровью. Меч-ница потащила его, точно грязный мешок, на террасу.

— Молох? — позвал Рейвенор.

— Уже почти все готово, почти. — Зигмунд перестал копошиться в раскиданных вещах и обернулся к инквизитору. — Понимаю, что это не доставит вам большой радости, но нам

потребуется кровь. Человеческая.

Рейвенор подхватил телекинезом тарелку и подставил под Куллина. Посудина быстро наполнилась.

— Использование доступных источников, — улыбнулся Молох. — Очень практичный подход.

Вдруг он застыл на месте и посмотрел на стену позади себя.

— Вот дерьмо!.. — попытался он выругаться.

Окно разлетелось осколками, словно от взрыва гранаты. В комнату ворвались дождь и ветер. Светильники погасли. Древний хищник завыл вновь, и акустический удар заставил все вокруг заходить ходуном. Они услышали вдалеке громкий скрежет, словно с гор сходил ледник.

Молох попятился, прижимая к груди кожаный кейс.

Ведущая в коридор дверь гостиной распахнулась, и внутрь хлынул красный свет. Через порог перешагнула обнаженная тварь, занимающая тело, некогда принадлежавшее Тонусу. Из ее рта

вырывался огонь. Голые черные кости правой руки покачивались под весом тяжелых когтей. Вместе с ним в гостиную влился ковер из тараканов и каких-то блестящих черных жучков. Торопливо пятясь от демона, Молох поскользнулся на снующих под ногами насекомых и упал.

Слайт уже приближался к нему, ухмыляясь и топорща когти.

— Бежим! — прокричал Нейл, бросаясь к террасе. — Оставь его!

— Нельзя оставлять Молоха! У него все то, что нам нужно!

Ангарад бросила Куллина на пол. Фасилитатор закричал. Взмахнув своей саблей, она одним прыжком оказалась между демоном и упавшим еретиком. Нейл прокричал ее имя, открывая огонь по пылающему существу. Нейла поддержали орудия Рейвенора. Но мощные заряды не причинили вреда огненной твари.

Меч Ангарад преуспел больше. Первым же ударом она снесла демону голову. Черный ихор вырвался из разрубленной шеи под таким давлением,

что испачкал потолок. Тварь попыталась вцепиться в печницу своими черными когтями, но картайка спокойно отсекла жуткую руку, а затем аккуратно разделила противника надвое.

— Эвисорекс жаждет! — прокричала она, когда демон повалился, превращаясь в прах и тускнея. — Вот видите? — произнесла Ангарад, наслаждаясь своим триумфом. — Иногда достаточно просто хорошего меча.

Молох за ее спиной поднялся на ноги:

— Тупая сука! Неужели ты не слушала? Это был не Слайт. Вот это — Слайт.

Внутренняя стена гостиной обрушилась под натиском мертвенной, влажной плоти. Из общей массы сформировались испещренные пятнами бугристые щупальца. Они хлестали и змеились по полу. Некоторые из них заканчивались челюстями, жвалами, хрящевыми клювами. Другие были утыканы чем-то, что больше всего напоминало сведенные подагрой человеческие пальцы. У оснований

дергающихся щупалец открывались и закрывались огромные, сочащиеся слизью отверстия, усеянные полупрозрачными зубами. Из этих пульсирующих дыр вырывалась фекальная вонь. От туши демона несло разлагающимся мясом и лихорадкой.

Гостиная постепенно разрушалась, ее стены не выдерживали напора давящей на них массы.

Ангарад обрушила меч на стену гноящейся плоти, оставив длинные разрезы в синюшном, влажно поблескивающем мясе, и несколько щупалец бешено задергались на полу, отсеченные от туши. Отвратительный коричневый ихор заструился из ран.

Нейл снова прокричал имя любимой, открывая огонь. Молох уже выбежал наружу, а Рейвенор стремительно отступал к дверям на террасу. Куллин, лежавший на пути чудовища, беспомощно заскреб руками.

Он завизжал, когда его нащупала первая из склизких конечностей. Щупальце моментально обвилось вокруг

него, присасываясь и вгрызаясь челюстями и клювами. Тело фасилитатора начинало стремительно разлагаться. Орфео Куллин гнил заживо. Весь процесс занял всего несколько секунд, и вскоре фасилитатор растекся по полу массой, в которой копошились черви и личинки.

Извивающееся щупальце обвилось вокруг шеи Анга-рад, оно было толщиной с человеческую руку и белое, точно плоть придонного моллюска. Оно оторвало картайку от пола. Одно из огромных ротовых отверстий втянуло воздух — и течницу вместе с ним. Окружавшие дыру белесые сосочки тут же приобрели ярко-красный цвет. Эвисорекс со звоном упала на пол. Нейл завопил и бросился к тому месту, где еще секунду назад стояла его возлюбленная. Подхватив ее меч, он обрушил сталь на трясущуюся тушу, словно надеялся каким-либо образом заставить ее открыться и выпустить Ан-гарад.

Рейвенор выбрался из разрушающегося здания на террасу. Там его ждал Молох, по-прежнему прижимавший к груди

кожаный кейс.

— Иди, Зигмунд. Займись приготовлениями, — произнес Рейвенор.

Молох кивнул и побежал к лестнице. Инквизитор оглянулся:

— " Гарлон!

Но Нейл только выл, обрушивая удар за ударом на тушу. Он не мог видеть того, что сейчас наблюдал Рейвенор.

Стена демонической плоти, пробивавшаяся через гостиную, была лишь малой частью всей той громады, что облепила вершину Эльмингарда. Гора зараженного мяса непрестанно росла. Башни и крыши рушились под ее тяжестью. Под проливным дождем трудно было разглядеть какие-либо детали поблескивающей черной туши. Сверху ее, подобно сторожевым башням, усеивали острые костяные шипы. Огромные дрожащие ложноножки, по десятку метров в обхвате, выдвигались из общей массы и тянулись в небо. Грозовой фронт, простершийся на многие километры, выглядел сейчас как мантия демона.

Рейвенор не мог отвести взгляда от

отвратительного порождения варпа, разрушавшего Эльмингард.

— О Трон, помоги нам, — произнес он.

Глава пятнадцатая

— Прекратите, — умоляла Айозоб. — Прекратите. Прекратите. У меня голова болит.

— Заткнись! — произнес Молох.

— Прекратите. Пусть он прекратит. Кыс, пусть он прекратит. — Девушка посмотрела на Пэйшенс. — Пожалуйста.

— Ш-ш-ш... — ответила Кыс. — Все будет хорошо.

— Но он ломает мою дверь. Ломает!

— Ему нужно это сделать, — мягко сказала Кыс.

Молох расписывал рунами дверь и стены вокруг нее. Он даже заставил Пэйшенс взять в руки один из концов измерительной веревки, чтобы точно рассчитать расстояния и правильно разместить знаки на стене и мокрых плитах.

Он напряженно трудился, перенося изображения с листов пергамента, размокающих под дождем. Руны были уродливыми. Кыс старалась не смотреть

на них, потому что от этих рисунков у нее мурашки по коже бежали. Впрочем, у нее это плохо получалось, поскольку альтернативным зрелищем был гигантский ужас, оседлавший Эльмингард. А это пугало куда сильнее.

— Ну, ты закончил? — спросила она.

— Я делаю все настолько быстро, насколько могу, — ответил Молох.— Здесь ведь требуется определенная точность. Спешка недопустима. Ты же хочешь, чтобы все сработало?

— Я уже не слишком уверена в том, чего хочу, — произнесла Кыс.

Зигмунд терпеливо продолжал скрипеть мелком:

Это искусство. Допусти хоть одну неточность в изображении руны или размещении печати — и все, конец.

Кыс ему не ответила. Молох посмотрел на нее:

— Знаешь, я часто вспоминаю Линту.

— Не надо.

— Я очень гордился ею. Она была со мной почти целый год. Да, я действительно очень ею гордился, пока не

узнал, что Линта внедрилась в мою команду только затем, чтобы уничтожить меня, и что на самом деле ее зовут Пэйшенс Кыс.

— Я не собираюсь повторять дважды. Возвращайся к своей работе, Молох.

— Это случилось на Зенте Малхайд, в триста девятьсот седьмом, миллениум сорок первый. Ты действительно была хороша. Очень, очень хороша. Особенно если вспомнить, что тебе приходилось делать, чтобы убедить меня в своей верности.

— Заткнись! — рявкнула Кыс. — Захлопни свою чертову пасть!

— Но все твои старания и жертвы оказались бессмысленны, — улыбнулся Молох. — Потому что, хотя вы с Тониусом, Карой и Нейлом и разорвали в клочья мою команду и бросили меня подыхать, я выжил так же, как выживал всегда. Думаю, жизнь тебе после этого показалась не слишком радостной, верно, Линта?

Неожиданно на расстоянии в полпальца от его левого глаза повис чуть подрагивающий каин.

— Зачем? — прошипела через стиснутые зубы Кыс. — Зачем ты пытаешься меня разозлить?

— Дорогая моя, если все полетит к чертям, мне бы хотелось, чтобы ты прикончила меня как можно быстрее.

— Заканчивай свою работу! — закричала она.

Молох пожал плечами и снова заскрипел мелком. Горы содрогнулись от очередного первобытного вопля. Из легких выбило воздух. Айозоб вскрикнула. Со стены и по ближайшей лестнице волной потекли черные жуки. Кыс прижала к себе девочку и стала давить насекомых ногами. Наконец появился Рейвенор, торопливо слетевший к ним. За ним тяжело топал Нейл. Увидев их, Пэйшенс поняла, что инквизитор «надел» Гарлона. На шее охотника, сжимавшего Эвисорекс, сверкал амулет из «косточки духа».

— Все готово? — спросил Рейвенор.

— Почти, — ответил Молох.

— Где остальные?

Кыс махнула рукой за монастырскую стену. Там, на посадочной площадке,

ревели дюзы катера.

— Уже грузятся на борт. Шолто прилетел.

— Хорошо, — произнес инквизитор.

Они обернулись, когда Слайт вновь заревел. Глубокий, атональный гул, словно какой-то древний варварский бог подул в боевой горн. Массивные щупальца мерзостной твари зазмеились по склонам утесов Эльмингарда. Покрытая опухолями черная плоть нависла над разрушенным дворцом. Вонь становилась нестерпимой. Стены рушились под гнойными телесами Слайта.

— Гарлон, мне придется тебя отпустить. Прошу, не глупи.

Нейл затрясся и слегка покачнулся, когда разум Рей-венора освободил его тело. Он стиснул рукоять Эвисорекс так, что побелели костяшки пальцев, и издал жуткий, рвущий сердце стон.

— Ее больше нет. Прости, Гарлон, — произнес Рейвенор. Нейл не отвечал. Его трясло.

— Мы ничего не могли сделать.

Охотник мотнул головой, словно в

знак понимания, но Кыс едва могла поверить, что перед ней знакомый ей, сильный и полный жизни Гарлон Нейл.

— Готово, — сказал Молох, поворачиваясь к ним и стряхивая таракана с рукава. — За исключением крови, конечно.

Чашка с кровью Куллина была давно потеряна во время их поспешного бегства.

Гарлон Нейл, не мешкая ни секунды, поднял Эвисорекс и провел ею вдоль левой ладони. Заструилась кровь.

— Используйте мою, — сказал он Молоху.

Они подождали, пока еретик помажет дверь кровью Нейл-ла, которая тут же начала стываться дождем.

— Ключ, юная леди. — Зигмунд повернулся к Айозоб.

Неохотно, поджав губы, она протянула ему свое сокровище, и Молох вставил ключ в замок.

— А теперь, если мы собираемся выбраться отсюда, нам пора бежать, — сказал Зигмунд.

Через арку в стене они вышли на

посадочную площадку. Катер Шолто стоял там, нетерпеливо завывая турбинами. Сквозь лобовое стекло кабины Кыс увидела сосредоточенное лицо Ануэрта, подсвеченное мерцанием приборной панели.

Кыс, Айозоб и Нейл забрались внутрь.

— Разве не требуется какое-нибудь заклинание? — спросил Рейвенор, когда только он да Молох остались на площадке возле ожидающего корабля.

— Заклинание? — засмеялся Молох.

— Должен признаться, что я, к счастью, мало знаком с подобными вещами. Мне казалось, что требуется какой-нибудь ритуал, какие-нибудь слова...

— Гидеон, все-таки странное у вас сложилось представление о нас, — усмехнулся Зигмунд. — Вы вечно изображаете нас на шабаше, совершающими всякие непотребства и пресмыкающимися перед своими повелителями.

— Прости, — произнес Рейвенор. — Я предполагал...

— Впрочем, в этот раз ты прав, —

сказал Молох, протягивая ему обрывок пергамента. — Только мне хотелось бы, чтобы это прочел ты.

Глава шестнадцатая

Рейвенор выдавил из себя слова, читая их с листка, который держал перед визором Молох. Богохульные изречения повергли инквизитора в шок, запятнав его душу. Каждое слово сочилось ядом. Но инквизитор позволил еретику насладиться этим мгновением триумфа.

— Ну что, теперь это не кажется таким уж сложным? — спросил Молох.

— Ничего сложнее мне не доводилось совершать, — искренне ответил Рейвенор. — Ты неисправимый выродок, Зигмунд. И я уже подумываю, не стоит ли бросить тебя здесь.

— Это было бы неспортивно, — сказал Молох.

— В противном случае ты просто отсрочим неизбежное.

— Вот и давай отсрочим. Кто знает, может, неизбежности и не существует.

Они поднялись внутрь и закрыли за собой люк.

— Капитан Ануэрт! — крикнул

Рейвенор. — Взлетаем,если не возражаете.

Катер взлетел, разгоняя ночь пламенем дюз. Тут же на него обрушился ветер, угрожая размазать о скалы. Ануэрт выругался, сражаясь со штурвалом. Кыс вошла в кабину и при помощи своих телекинетических способностей помогла ему справиться с управлением.

Обессиленные и израненные, они взмыли в грозовое небо. Оставшийся внизу Эльмингард полностью скрылся под складками огромной твари, усевшейся на скальной вершине, будто в гнезде.

— Пора! — заорал Молох, силясь перекричать натужный рев двигателей и свист ветра за бортом. — Надо действовать!

— Мы еще слишком близко, — ответил Рейвенор.

— Лучше слишком близко, чем слишком поздно! — крикнул Молох.

Инквизитор устремил свой разум вовне, нырнув в грязную адскую яму, простершуюся внизу. Его сознание вспухало нарывами и загустевало, погружаясь в

порожденный варпом водоворот. Примерно то же самое должна почувствовать рука, если сунуть ее в кипящий котел и попытаться нащупать что-то на дне. Рейвенор закричал от боли.

Он увидел дверь. Гнойные складки раздувающегося Слайта грозили раздавить ее. Монастырская стена завалилась, уступая натиску стердящей плоти демона. Рейвенор устремился к двери, вцепившись в ключ, торчащий из замочной скважины.

Тот был раскален добела. Инквизитор снова закричал. Он не мог повернуть ключ.

Катер затрясся, когда его задело одно из хлещущих в воздухе щупалец. Судно клюнуло носом и чуть не ушло в неуправляемое пике. На приборной панели завизжали десятки сигналов тревоги. Пытаясь выровнять корабль, Ануэрт не смог сдержать яростного крика.

Наконец капитану удалось справиться со штурвалом и снова выжать максимум из моторов. По лобовому стеклу побежала изморозь. Из ниоткуда появились тысячи

жирных, назойливых мух. Каждый металлический предмет и поверхность во флаере стали чернеть и покрываться ржавчиной. Вновь закровоточили раны, полученные Нейлом и Плайтон. Белкнап уже пытался перебинтовать их. Из носа Кыс неожиданно хлынула кровь, и женщина рухнула в кресло.

— Проклятие! Еще бы чуть-чуть и... — произнес Молох, отгоняя от лица мух.

— Храни нас Император! — сказал Рейвенор.

Он сжал ключ и повернул его. Дверь открылась.

И открылась она в сверкающую ледяную бездну, которая казалась отвратительнее и страшнее даже демона и грозы. Из открывшегося проема излился свет, чуждый и бесплодный. Знаки, которыми Молох исписал площадку вокруг двери, вспыхнули, точно сигнальные огни, прожигая камень. От одной печати к другой лазерными лучами протянулись нити белой энергии, окружив проход геометрической сетью холодного света.

Деревянная дверь загорелась. Пламя

пожрало ее, но не проем, откуда изливался поток отвратительного белого света. Сначала луч сохранял форму проема, потом выполз за пределы начертанной сети. Неровный белесый разлом расколол землю и побежал по стене. Он все стремительнее расширялся, ветвился, удлинялся.

Из черных камней Эльмингарда забили потоки холодного белого света.

Наступила тишина, которую через секунду разорвал грохот ядерного взрыва. Мир озарил ложный рассвет, более яркий, чем могло бы дать солнце.

Горы Келла прекратили свое существование. Варп опалил их огнем и пожрал. Гигантские грозовые тучи постигла та же участь. Прежде чем раствориться, они расплылись в белизне чернильным пятном. На ночной стороне Гудрун стало светло как днем.

Ударная волна сохраняла разрушительную мощь, пока не откатилась на два километра вглубь Сарра.

Ее гнев настиг пытающийся удрать

крошечный кораблик, закружив его и сбросив с неба.

После
Трациан Примарис, 405. М41

Я сижу в тенистой галерее у дверей зала, где слушается дело. Скоро меня вызовут снова и опять примутся допрашивать. Я уже потерял счет дням. Сколько их прошло: тридцать один или тридцать два? Это должно быть известно моему защитнику, которого мне назначил суд.

Его имя Кулитч. Он готовится стать дознавателем, и его слова оказались вполне эффективными. Когда во время наших бесед я рассказываю ему о происшедшем, он изумленно округляет глаза, словно я потчую его какой-нибудь небывальщиной. Но он старательно записывает мои слова на информационный планшет, попутно пытаясь сообразить, как бы преподнести их суду, чтобы его не подняли на смех.

Я желаю ему удачи.

Лорд Роркен до сих пор отказывается со мной разговаривать. Его гнев понятен, хотя мне хочется надеяться, что он втайне одобряет мой поступок. Присланные им консультанты, оказавшись со мной с глазу на глаз, заверили меня, что его злоба на меня показная и что на самом деле лорд Роркен потребовал предельно корректного разбирательства. Но я не слишком уверен.

Итак, я день за днем просиживаю в холодных коридорах Дворца Инквизиции. Я даже успел привыкнуть к его неприветливым темным стенам и холодному черному мрамору полов. Время от времени проходят стражники в алых доспехах, прижимая к себе вертикально поднятые энергетические двуручные мечи. Обычно они сопровождают суровых людей в мрачных одеяниях. Они стараются не смотреть на меня. Им известно, кто я.

Отступник и радикал, спасший Юстис Майорис тем, что разрушил его, и защитивший Гудрун уничтожением целой

провинции. Отступник, отступник и еще раз отступник.

Я жду, когда начнется следующее заседание. Более высокопоставленные, более праведные собратья определят мою судьбу. Надеюсь, что они примут правильное решение.

Я слышу приближающиеся шаги. Вначале мне кажется, что это пришел Кулитч, но потом я распознаю пошаркивание и щелчки трости.

— Привет, — говорит Мауд, присаживаясь на каменную скамью возле меня.

Плайтон прислоняет трость к подлокотнику. Она молода и сильна, но до сих пор еще не до конца оправилась. Одна ее рука покоится на перевязи. На лице девушки улыбка.

— Как наши дела сегодня? — беззаботным тоном спрашивает она.

— Хороши. Ты нашла?

Она кивает и достает бумаги:

— Наконец-то. Я чуть не состарилась, пока искала. Архивы просто необъятны, и мне пришлось закопаться в них очень

глубоко. Префекты думали, что я сошла с ума, раз мне вздумалось искать что-то столь давнее и пустяковое.

— Но ты нашла?

— Конечно нашла. Можете говорить все, что хотите о Мунитору́ме, но они бережно хранят свои записи. Очень подробные записи. К тому же я детектив. Это что такое? Смех?

— Да.

— Ну ладно. Порой твоя речевая коробка выдает очень странные звуки.

— Я просто смеялся, Мауд.

Как хорошо, что она осталась со мной. Я дорожу ее верностью. Многие друзья покинули меня, и некоторые даже навсегда. Нейл попрощался со мной две недели назад. Он отправился на Картай, намереваясь вернуть Эвисорекс клану. Сомневаюсь, что когда-нибудь увижу его снова.

Заэля и Фрауку неделю назад забрала под свою опеку инквизитор Лилит. Айозоб тоже отправилась с ней. Их всех подвергнут проверкам и испытаниям. Думаю, Лилит отнесется к ним с

сочувствием, но я все равно не питаю особых надежд увидеть их снова.

Кара, моя дорогая Кара все еще находится под арестом. Они держат ее где-то здесь. Слушание по ее делу пройдет вскоре после моего, и надеюсь, Император будет милостив и я смогу свидетельствовать в ее защиту. Она не заслужила такого обращения.

Белкнап оставил нас и улетел на Юстис Майорис, еще когда мы были на Гудрун, за день до моего столкновения с Лилит. Тут и говорить не о чем. Он благородный человек, но не способен любить кого бы то ни было без помощи Императора.

Что же касается Ануэрта и Прист, то я ничего о них не слышал в последнее время. Но где бы они ни были, я желаю им удачных рейсов.

И Кыс. Кыс шатается по кабакам улья, слоняясь без дела и дожидаясь, пока меня оправдают. Даже не знаю, что она будет делать, если Инквизиция потребует моего заточения или казни. Мне бы хотелось с ней повидаться.

— Так ты слушаешь или нет? — спрашивает Плайтон. — Я столько сил потратила на это!

— Расскажи мне все, пожалуйста.

Она зашуршала бумагами:

— Раец, субсектор Фантомина. Четыреста четвертый, миллениум сороковой.

— Продолжай.

— Станция слежения «Аретуза». Обслуживающий персонал. Досье на Башесвили Людмилу. Здесь... кхм... здесь говорится, что она скончалась в тот год.

— В результате налета?

— Нет. Вплоть до четыреста пятого нападений не было. Если верить этим записям, то она...

— Казнена, — заканчиваю я.

— Думаю, за предательство.

— ...Ку'куд шевелится и шепчет. Айозоб открывает дверь.

— Пойдешь с нами? — спрашиваю я.

Башесвили вздрагивает:

— Нет, Гидеон. Не стоит. Меня пугает мысль о столь далеком будущем. Думаю, здесь мне будет безопаснее.

— Я очень тебе обязан. Если все сработает, то далекое будущее, которого ты так страшишься, тоже будет перед тобой в неоплатном долгу.

— Иди и делай то, что должен, Гидеон. Думаю, это очень важно.

— Прощай, Людмила...

Я снова слышу шаги. Это Кулитч.

— Сэр, слушания сейчас возобновятся. Вы готовы?

— Да, молодой человек.

Он подходит к тяжелым дверям и ждет, пока я присоединюсь к нему. Звонит колокольчик, оповещающий о начале заседания.

— Сейчас иду, — говорю я. — Мауд, спасибо тебе за проделанную работу. Мне надо было знать.

Плайтон поднимается, вновь опираясь на свою трость.

— Я подожду тебя, — произносит Мауд.

Раньше
Гудрун, провинция Сарр, 404. М41

Посадочный модуль разбился, пропахав шестнадцатиметровую полосу в земле, и теперь лежал грудой обломков посреди поля в восемнадцати километрах от эпицентра взрыва.

От разбитого судна поднимались дым и пар. Ануэрт до последней секунды пытался посадить их как можно мягче. Благодаря его мастерству им удалось все-таки не врезаться просто в землю. Но в любом случае мягкой их посадка не была.

Большинство пассажиров потеряли сознание. Из разорванных шлангов со свистом вырывался пар и текла смазка.

Молох выбрался наружу, на землю, усеянную сухой соломой. При крушении он сломал несколько ребер, и теперь они терлись друг о друга, когда он двигался.

— Ой, — произнес он. — Вот дерьмо!

Больно.

Пошатываясь, он побрел по скошенным полям. Небо затянула серая дымка приближающегося рассвета. На севере, там, где когда-то возвышались горы Келла, теперь вздымался столб черного дыма.

Рейвенор нагнал его возле небольшой рощи. Ударная волна сорвала с деревьев все листья. Молох остановился здесь, привалившись к разрушенным воротам фермы. Он тяжело дышал, прижимая рукой сломанные ребра. Лицо было изможденным и бескровным.

Зигмунд посмотрел на подплывающего к нему Рейве-нора и невесело рассмеялся. Но сразу же сморщился от боли.

— Я больше не могу бежать, — печально произнес он.

— Это хорошо. А то я уже устал за тобой гоняться.

— Это та самая неизбежность, — кивнул Молох, — о которой мы с тобой говорили?

— Она, — сказал Рейвенор,

протянувшись сознанием к голове Зигмунда.

Тот не стал сопротивляться.

Когда остальные подошли к ним, тело Молоха лежало на земле возле ворот. Сначала инквизитор почувствовал Кыс и Кару. За ними, чуть в отдалении, по полю хромал Нейл.

Они приблизились и уставились на тело возле ворот. В своей смерти Зигмунд Молох казался жалким и незначительным человеком, совсем непохожим на того, кого надо было преследовать в течение нескольких десятилетий. Непохожим на человека, поимка которого требовала всех этих стараний, самоотверженности и жертв.

— Как я и говорил вам, мы всегда переоцениваем радость грядущей победы.

Кара кивнула. - И все-таки мы победили! — сказала она.

notes

Примечания

Потрошащая (иск. лат.).

Допельгангер — мифическое существо, способное принимать облик какого-либо человека и подменять его.

Фактор — торговый агент, отличающийся от прочих агентов и брокеров тем, что получает право владения товарами и право продажи их вне зависимости от того, давал или нет истинный собственник разрешение на продажу.